Архаты в Китае и Японии

М.В. де Фиссер

Маринус Виллем де Фиссер

Архаты в Китае и Японии

ГЛАВА I. ИМЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ АРХАТА

§ 1. Имя архат

Значение слова архат, или архант (причастие настоящего времени, именительный падеж — архан) — достойный[1], заслуживающий (почитания). Китайские буддисты переводили его, как 應, ин, «соответствующий чему–либо», «достойный чего–либо», «заслуживающий что–либо» и добавляли иероглиф 供, «подношения», чтобы зафиксировать ту почтительность, которая подобала этим святым. Таким образом, термин 應供, ин–гун, располагается ближе всего к значению санскритского слова.

Существуют, однако, два других термина, более распространенные, нежели ин–гун, но основанные на неверных производных от слова архан. Следующие три объяснения мы находим в хорошо известной работе *Фань–и мин–и цзи*[2], или «Собрании значений (санскритских) имен, переведенных (на китайский язык)», которую в 1151 году издал монах Фа–юнь, 法雲. Первое приводимое там объяснение состоит в том, что два первых иероглифа слова 阿羅漢, А–ра–хан, означают разбойники, 賊, а последний — разрушать, уничтожать, побеждать,破, или убивать, 殺, как мы читаем немного ниже в том же отрывке. Термин 殺賊, ша–цзе, «убивать разбойников», действительно используется в основном для перевода слова Архан, однако, безусловно, самая распространенная форма — сокращенная транскрипция 羅漢, *лохань*, яп. *ракан*. От профессора Грюнведеля[3] мы узнаем, что тибетцы образовали это слово от ари и хань, переведя его в *dgra–bčom–pa*, «Победитель врагов». Два слова, ари и хань, означавшие враг и убивать, разрушать, объясняют, отчего китайские буддисты, неверно выводя из них термин Архан, воспользовались иероглифом 賊 в значении враги, а не тем, что означал грабители, или воры, как это понимают Эйтель[4] и Эдкинс[5]. Этими «врагами» были, как мы узнаем из китайского словаря, цитированного выше, «все чувственные страсти»,

---

1 См. EITEL, Sanskrit–Chinese Dictionary, s .v. Arhan, second ed., p. 16. GRÜNWEDEL, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, Index, p. 218 ("der würdige", ἀρχων).

2 翻訳名義集(*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1640). (Здесь и далее ссылки даются на: *A Catalogue of the Chinese translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhists in China and Japan*, compiled by order of the Secretary of State for India. Oxford, Clarendon Press, 1883.)

3 L. c., p. 218.

4 L. c., p. 16.

5 EDKINS, *Chinese Buddhism*, sec. ed., p. 184.

一切煩恼, т. е. все воспринимаемое и чувствуемое, являющееся врагом сознания[6]. Этот вывод весьма изобретателен, однако совершенно неверен, поскольку корень арх означает «заслуживать», «быть достойным чего–либо», а архант, архат означает «заслуживающий», «достойный», так что термин ин, 應 указанный выше, является верным переводом[7]. Что касается слова ари–хан, «убийство врагов», то такой термин существует, однако он относится совершенно к иной сфере[8].

Второе объяснение, приводимое в китайском словаре, верное. «Архаты из–за полного 'прекращения просачивания' (一切漏盡, китайский перевод санскритского термина *асравакшая*, 'уничтожение ошибок'[9]), заслуживают (應) получение подношений (供養) ото всех дэва и людей во всех мирах». (復次阿羅漢一切漏盡故應得一切世間諸天人供養)

Третье объяснение основывается на ложной этимологии, где а из слова архан считается *alpha privans* (не), а остаток слова переводится, как «быть рожденным», «рождение». Таким образом, термин записывался 不生, *бу–шэн*, и воспринимался в смысле «не перерождаться», т. е. быть исключенным из цепи перерождений (又阿名不、羅漢名生、彼世中更不生、是名阿羅漢).

Комментарий к *Фа–хуа–цзин* (法華經疏, т. е. «Комментарий к Саддхарма Пундарика сутра), цитируемый в том же месте китайского словаря, а также Эдкинсом[10], приводит те же три значения: «Не перерождаться» (不生), поскольку они больше не обретают плодов жизни и смерти; «убивать врегов» (殺賊), поскольку в их среде искоренены 98 страстей, и «заслуживать подношения» (應供), поскольку они обладают знаниями и суждениями, добродетелями и способностью к достойным поступкам, а также способны (堪, также значение корня арх) приносить счастье человечеству. Здесь мы находим еще одно объяснение, а именно: 應眞, или «соответствующий истине», т. е. 眞人, «истинный человек».

По Эйтелю[11], состояние Архата объясняется佛果, т. е. буддха–пхалам, «плодом Будды», а один из его атрибутов — 不覺, «свободный от учений» (ачаикша, в противоположность 覺考, *чаикша*, ученик)[12]. Мы обнаруживаем термин 無覺, «без учения», приписываемый Архатам в *Фа–шу*[13] со следующим объяснением: «тот, кто без Закона, должен учиться», 無法可覺(а тот, кто знает Закон, не имеет такой необходимости).

---

6 阿羅名賊、漢名破、一切煩恼賊破。

7 См. CAPELLER, *Sanskrit Wörterbuch*, s .v. arh and arhant.

8 Там же, c. 27, s .v. arihan.

9 См. EITEL, 1.1., s .v., p. 21 a.

10 *Chinese Buddhism*, p. 184.

11 L. 1., s .v. Arhân (что должно быть Arhan) и Buddhaphalam.

12 См. GRÜNWEDEL, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, Index, p. 8: Asekha, er hat "ausgelernt".

13 Китайский словарь, озаглавленный *Да–Мин Сань–цзан Фа–шу*, упоминающийся ниже; Гл. XXVI, c. 180, s .v. 六種阿羅漢, шесть разновидностей архатов. В том же словаре дается три значения, приписываемых слову Архат, указанные выше (殺賊、不生、應供), Гл. XI, c. 77.

§ 2. Ранг, добродетели и силы Архата

Чтобы дать лучшее описание природы архатов, нам следует процитировать пространный отрывок из «Учебника индийского буддизма» профессора Керна[14].

«Догматически архатами являются те, кто находится на четвертой, высшей стадии пути, ведущего к Нирване. Они отличаются качествами, намного превосходящими те, что присущи обычным смертным. Прежде всего, они обладают четырьмя разновидностями патисамбхида — в непальских текстах пратисамвид — а именно: 1. Артха, 2. Дхарма, 3. Нирукти, 4. Пратибхана. Суть этих терминов заключается в: сверхъестественной способности воспринимать значение текста, или любого предмета; в понимании Закона всех вещей, как его излагал Будда; в способности к толкованию; в готовности к комментированию и обсуждению».

«Помимо указанных четырех отличительных черт, архаты обладают пятью видами сверхъестественного знания, *Абхиджня* (Абхиння); а именно: *Риддхи* (Иддхи), силой творить чудеса (с четырьмя разновидностями, пада). Далее, Божественным ухом, с помощью которого они могут слышать и понимать все звуки во вселенной; Знание мыслей других; Память о прежних жизнях; Божественный глаз, которым видят все происходящее на свете и знают, отчего существа в различных мирах умирают и возрождаются. Есть еще шестое *Абхиджня* — трансцендентное знание, вызывающее разрушение загрязняющих страстей».

«Архаты имеют также восемь Вьдья, отраслями знания, которые, однако, есть не что иное, как шесть *Абхиджня* с добавлением *випассананьяна* и *маномайиддхи*. Правильнее сказать, что последнее есть лишь одна из 10–ти *Риддхи*».

«Випассана, санскр. Випашьяна, а более правильно — Видаршана, есть созерцание и связанное с ним истинное внутреннее видение. Оно часто упоминается вместе с Саматха, санскр. Шаматха, успокоением, и является атрибутом архатов. Соответственно, говорится, что существует два вида архатов, Суккхавипасака, чисто созерцательные философы, и Саматхаяника, те, кто занимается успокоением».

«Сила творить чудеса требует помощи четырехчленной Падхана, или Самма–падхана (форма Падхана в непальских текстах есть намеренно грубый перевод пракритского термина на санскрит), правильного проявления, или применения, состоящего из: 1. Ограничения чувств, Самвара–падхана, 2. Устранения греховных мыслей, 3. Бхавана; 4. Последовательной настойчивости. Некоторые духовные качества, которые архаты разделяют с бодхисаттвами, будут упомянуты в свое время».

«Выдающаяся особенность архата — Мудрость, Праджня. Именно с ее помощью он пересекает океан существования; поэтому его называют Праджнявимукта. Стоящий ниже его Анагамин не в состоянии достичь конечной цели, но становится обитателем Брахмалока при помощи *Самадхи*, тогда как Сакридагамин и Сротаапанна при помощи морали, Шила, занимают места между Брахмалока и Апая (стадии наказаний)».

14 KERN, *Manual of Indian Buddhism*, III, 5, p. 60.

«Архат есть Арья *par excellence*, хотя все, кто движется к Освобождению, именуются именно так. Во многих случаях Арья, Архат и Шравака являются взаимозаменяемыми терминами. Шравака есть прежде всего слушатель, ученик Будды, однако это наименование довольно часто употребляется синонимично Архату, или Арья, а составное слово Ариясавака в целом обозначает ревностного верующего (Савака–бодхи — знание, которым обладает архат, в противоположность высшему знанию Будды и Пратьекабуддхи)».

«В позднейший период мы видим, как махаянисты используют термин Шравака для указания на первоначальных буддистов, однако они же употребляли его для своих оппонентов, хинаянистов, которых мы можем назвать Старыми Буддистами».

«Махаянисты разделяют всех сынов Будды на три класса, в соответствии с яна, используемой ими колесницей: 1. Яна Шраваков, нижайшая; 2. Пратьекабудд; 3. Бодхисаттв. В связи со всем тоном раздела из Саддхарма Пундарика, в котором говорится о трех Яна, может показаться, что под последователями Шравакаяна подразумеваются Стхавира, или буддисты старой ортодоксии; под вторым — одинокие созерцательные философы; под третьим — состоявшиеся учителя и пророки».

«Хотя и проводится такое различие, следует знать, что в сущности есть лишь одна Яна, Буддхаяна, поскольку все существа в то, или иное время достигнут одной цели. Поэтому Татхагата объявляет, что поведет все существа к конечной нирване, добавляя: 'все существа — мои дети'».

«И у махаянистов, и у приверженцев старого направления архаты считаются ниже пратьекабудд, или индивидуальных будд. Догматически, Пратьекабудда, пал. Праччекабуддха, есть сушество, достигшее, подобно Будде, собственными силами знания, необходимого для нирваны, но не проповедующее его. Он не всеведущ и во всех отношениях стоит ниже будды. По закону природы он не может жить в одно время с Буддой».

«Бодхисаттвы обладают многими выдающимися моральными и интеллектуальными качествами. Основной их характеристикой является состарадательность. В целом, они представляют активную добродетель и заботу в противоположность архатам, которые не активны. Разницу между двумя этими классами можно объяснить, сказав, что бодхисаттвы сострадательны, а архаты — не–сотрадательны, или бесстрастны» [15].

«Помимо этих высоких моральных добродетелей (10–ти Парамита) бодхисаттвы обладают интеллектуальными качествами, ведущими к просветлению и поэтому называемыми Бодхипакшика–дхарма, Бодхипакшадхарма, всего 37–ю. В отличие от Парамита, эти качества не являются присущими исключительно бодхисаттвам, но также относятся и к архатам. Они составляют семь категорий.

I. Четыре разновидности Смритьюпастхана, присутствие памяти, продуманно-

15 L. 1., p. 66.

сти: 1. в отношении к телу; 2. к чувствам; 3. к возникающим мыслям; 4. к Дхарме[16].

II. Четыре разновидности применения, правильного использования, Самма–падхана, неп. Самъяк–прахана, уже перечисленные.

III. Четыре части магической силы, *Риддхи*пада, Иддхипада, и как выше [не перечислены; по Эйтелю, «шаги (*пада*) желаний (*чанда*), энергия (*вирья*), память (*читта*), медитация (*мимамса*)].

IV. Пять Индрия, ментальных энергий, качеств: вера, энергия, память, или продуманность, концентрация сознания и мудрость.

V. Пять Бала, ментальных сил, не отличающихся от Индрия ничем, кроме интенсивности.

VI. Семь форм Бодхи, Бодхьянга, Самбодхьянга, а именно: память, исследование (*дхармавичая*), энергия, удовлетворенность (*прити*), спокойствия, концентрация сознания (созерцание) (*самадхи*) и безразличие, или самообладание.

VII. Восьмеричный Путь, Аштангика–марга Арьев (правильные взгляды, мысли, речь, действия, жизнь, применения, воспоминания, медитация)».

Относительно рангов и достоинств архатов мы можем процитировать следующий отрывок из той же работы[17].

«В соответствии с достигнутым на пути к Освобождению, Нирване уровнем, есть подразделение на четыре стадии. Идущие по этому пути Святости из четырех стадий называются, соответственно, Сротаапанна, Сакридагамин, Анагамин, Архат, а при общем назначении — Шравака, ученик. Каждая из этих стадий, или разделений на пути, подразделяются еще на высший и низший уровень, *марга*, и его *пхала*, результат, продукт».

«Сротаапанна — тот, кто вступил на первую стадию (*сротаапатти*) неофита. Он освободился от первых трех связей человеческих страстей самъ*йоджана* (ереси, скептицизма и наблюдения за суеверными ритуалами); двери состояний наказания, *апая*, для них закрыты».

«Сакридагамин называется так, поскольку он переродится один раз в мире людей. Он не только свободен от первых трех связей, но вдобавок снизил до минимума *рага*, привязанность, *двеша*, ненависть и моха, увлечение».

«Анагамин — тот, кто освободил себя от пяти или низших (*авара–вхагия*) связей (а именно: трех, указанных выше, а также *камарага*, привязанности и *патигха*, антипатии) и не переродится ни на земле, ни в Камалока, но лишь в Брахмалока».

«Архат — тот, у кого причины моральных инфицирований [*асрава*, три по количеству: *кама* — (желание), *бхава* — (устремления) и *авидьясрава* (невежество); или четыре: вышеуказанные с добавлением ереси] отсутствуют[18], вся нечистота смыта прочь, *клеша* [т. е. преследующие злые наклонности ума, 10 числом; по Эйтелю, есть пять клеша, а именно: скаредность, злоба, глупость, непочтительность и усом-

16 Ниже мы увидим, что это — не Закон Будды, но дхармы, т. е. элементы существования.

17 III, 2, с. 52.

18 Это *асравакшая*, переводимое, как 漏盡, или «истощение просачивания», упоминавшееся выше.

няемость[19]] отвергнуты; кто исполнил свое предзнаменование, кто сложил с себя бремя, устранил все связи (не только низшие, но и высшие), обрел четыре вида трансцендентных качеств. Он более неподвержен перерождениям».

«Те, кто ходит по четырем путям, продвигаясь к последнему восхитительному уровню, как истинный архат, противопоставляются profanum vulgus, Притхагджана. Их сила намного превосходит возможности простых смертных, что и неудивительно, поскольку идея того, что трансцендентная сила может быть получена человеком, превалирует среди индуистских сект; в вульгарном восприятии йогин есть прежде всего чудотворец».

«Цель Ария — достичь Нирваны... Нам следует отделять вторичную Нирвану от окончательной, абсолютной. Первая, обретаемая архатами при этой жизни, есть в сущности то же, что Дживанмукти ведантиков. Она характеризуется добавлением упадисеса (упадхишеша у сев. Буддистов), т. е. остатком субстратного пребывания».

«Вторая, или окончательная, абсолютная *Нирвана* может быть достигнута лишь после смерти. В этом состоянии прекращаются все страдания, полностью и навсегда... Практически, *Нирвана* означает счастливую смерть без опасения переродиться».

Далее мы узнаем от проф. Керна, что сознание архата легко поднимается и движется в места пребывания всех верующих, однако для него трудно поднять свое сознание до уровня Пратьекабудд. После 20000 *кальпа* а он наверняка достигнет Нирваны[20]. Стремление к Нирване есть его отличительная характеристика. Из двух классов архатов, упомянутых выше, Саматхаяника, склонные к успокоению, предпочтительнее Суккхавипассака, созерцательных философов, ищущих мудрости. Неизвестно, все ли святые должны проходить эти две стадии, или первая — всего лишь выше второй. В любом случае, титул архата в полном смысле слова относится лишь к тому, кто достиг совершенного знания[21].

Таким образом, один из величайших исследователей буддизма прекрасно информирует нас о природе архата. Однако, возникает вопрос, как архат, лишенный необходимости перерождаться, должен проходить 20000 *кальпа* а перед тем, как достичь Нирваны? В своей жизни он уже достиг вторичной нирваны, а после смерти он не возрождается, т. е. входит в абсолютную нирвану. Очевидно, лишь архаты низшего ранга, которые еще не вырвались из пут перерождения, должны ждать 20000 *кальпа* а перед тем, как достичь финальной цели. Те же, кто принадлежит к высшему рангу, при жизни обретают частичную нирвану, а после смерти входят в Пари*нирвана*.

Это совпадает с описание проф. Грюнведеля, упоминающего даже три стадии архатов, очевидно совпадающих с ищущими и квиетистами, которые мы рассмотрели выше. «На четвертой ступени он (человек) освобождается от потребности в материальном существовании, от гордыни, самоуверенности и от

19 S .v. pancakleça, sec. Ed., 113 b.

20 KERN, *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, vol. I, pp. 409 sq.

21 P. 415.

всех форм невежества; он познает подлинное значение всех грехов и вещей; у него просыпается нежная любовь ко всем существам: он архат. Продвигаясь дальше, он становится асекха, то есть закончившим обучение, разрывает все узы, его Камма стерта, и он больше никогда не переродится. Высшая ступень — *самадхи*: освобождение от всего, что так или иначе связано со страстями, глубокий душевный покой. На этой ступени он достигает нирваны, а с уходом из жизни — Паринирваны[22]».

Таким образом, по Грюнведелю, архаты низшей ступени, которые еще не асекха, т. е. еще учатся, а именно — созерцательные философы, ищущие, упоминаемые Керном, очевидно еще не избавлены от перерождений. Лишь по достижении высшей степени, квиетизма (сравнимой с *у–вэй* Лао–цзы, «пребыванием вне деяний»), его Карма заканчивается, и он свободен от перерождения. Затем, наконец, он поднимается на самую высокую ступень и входит в *самадхи*, доставляющее ему вторичную Нирвану на протяжении жизни и абсолютную Нирвану после смерти.

Что касается бодхисаттв, то они, напротив, являлись активными и состарадательными, проходя через неисчислимые рождения, чтобы наконец достичь состояния Будды. По убеждениям махаянистов, они пользовались высшей из трех колесниц, Махаяной, тогда как бесстрастные, неактивные архаты использовали Шравакаяну, низшую из трех — средней являлась Пратьекабуддаяна — не рождались вновь и входили в Нирвану после смерти. «Не архат, отрясший с себя все человеческие чувства, но щедрый, жертвующий собой, активный бодхисаттва является идеалом махаянистов[23]». «На картине Верховного Будды линии архата и бодхисаттвы сливаются в гармоническое единое целое[24]».

Как мы видели выше, проф. Керн предполагает, что Саддхарма Пундарика последователей Шравакаяны (т. е. всех четырех классов, среди которых архаты — высший) указывает на Стхавира, или буддистов старой ортодоксии; что пратьекабудды есть одинокие созерцательные философы; что бодхисаттвы есть состоявшиеся учителя и проповедники.

Исследуя китайские эквиваленты различных санскритских слов, определяющих достоинства и силы архатов, мы обнаруживаем следующие детали.

Четыре разновидности *патисамбхида*, в сев. Текстах — *пратисамвид*, называются 四無礙智, «четырьмя безграничными (формами) мудрости», а именно:

Артха, 無礙智, «безграничное знание значений», т. е. трансцендентное свойство постигать значение текста, или предмета.

Дхарма, 法無礙智, «безграничное знание Закона».

Нирукти 詞, или 辯無礙智, «безграничное знание изложения» (得解).

Пратибхана, 楽説無礙智, «безграничное знание радостных изложений», т. е. готовность изложить и обсудить[25].

---

22 GRÜNWEDEL, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, *p*. 8.

23 KERN, *Manual of Indian Buddhism*, *c*. 69.

24 Там же, прим. 5.

25 См. EITEL, s .v. *pratisaṃvid*, p. 122 b.

Мы находим разъяснения в *Да–Мин Сань–цзан Фа–шу*, 大明三藏法数, «Нумерологические термины Закона Трипитаки, (собранные) во времена Великой династии Мин» (*Nanjo*, Nr. 1621)[26], где мы читаем, что их называли также 四無礙辯. Там «Четыре (вида) знаний», 四智 указаны, как отличные от пратисамвид. Есть, однако, третий тип «Четырех (видов) знаний», а именно — 羅漢四智 «Четыре (вида) знаний архатов», пронумерованные и объясненные в том же китайском словаре[27], который ссылается на 涅槃經 (*Нирвана*–сутра, *Nanjo*, Nr. 113sqq.). Это: 1 我生已盡 2 梵行已立 3 所作已辨 4 不受彼有, т. е. «истощение своей собственной жизни, отправление брахманических (т. е. чистых) действий, хорошая подготовка (или укрепление) своих поступков, освобождение от перерождений».

Эти четыре вида знания также приводит Омура Сэйгай, 大村西崖, в своем трактате о картинах и образах архатов, *Ракан дзудзо ко*,[28] 羅漢圖像考, приложенного к изданию Тадзима картинок 16–ти *Ракан*, находящихся в собственности барона Такахаси и приписываемых знаменитому Шэнь–Юэ, 禪月, династии Тан[29]. Тот же ученый цитирует 彰所知論(«Шастра, объясняющая известное», 13–й век, называемая *Nanjo* (Nr. 1320) «полезным и интересным учебником буддийской терминологии»), где эти четыре вида знания (Аньясатьяни) приводятся так: 苦已知、集已断、滅已證、道已修, т. е. «Полное знание страданий (существования) (*дуккха*), отрубающее причины существования (*самудая*), подтверждая исключение (подавление) существования (*ниродха*) и следуя (Восьмеричному) Пути (*марга*)».

Шесть видов трансцендентного знания (*абхиджня*) переводятся следующим образом: 六通, или六神通. Эйтель[30] замечает, что это — «шесть сверхъестественных способностей, которые Шакьямуни обрел в ночь перед тем, как стал Буддой, и которые получает каждый архат с помощью четырех уровней Дхьяна. Большинство китайских текстов упоминают шесть таких способностей, тогда как сингалезские знают лишь пять. Однако, иногда упоминаются лишь пять таковых».

天眼, «Небесный Глаз», т. е. Дивьячакшус, «Божественный Глаз», с помощью которого архаты видят все, происходящее на свете, и узнают, как существа в различных мирах умирают и возрождаются.

天耳, «Небесное Ухо», т. е. Дивьяшротра, «Божественное Ухо», с помощью которого они слушают и понимают все звуки во вселенной.

知他心, «Знание сердец (т. е. мыслей) других», Парачитта–жняна.

宿命, «Судьба поселений», т. е. Пурванивасанусмрити–жняна, «Знание прежних существований (как своих, так и чужих)».

身如意, «Управление своим телом по желанию», т. е. *Риддхи*, «сила творить чудеса», по Керну подразделяемая на четыре части, пада.

26 Последнее японское издание, опубликованное в Киото, свиток 36 B, гл. XIV, с. 99.

27 Гл. XVI, с. 111, b, s .v.

28 Разд 1, с. 1.

29 禪月大師十六羅漢, *Дзэнгэцу дайси дзюроку Ракан*, «16 архатов Шэнь–Юэ Да–ши». (Токио, *Симби сёин*, 1909.)

30 S .v. abbij*ñā*, с. 3 a. См. *Да–мин Сань–цзан фа–шу*, гл. XXVI, s .v.六神通.

Он не перечисляет эти «четыре части волшебной силы», названной *риддхи*пада. Однако, мы находим их в словаре Эйтеля, так же, как и их китайские эквиваленты 四如意足, «Четыре шага (действий) по своей воле». Эти «шаги» относятся к желанию (欲, *чанда*), энергии (精進, *вирья*), памяти (念, *читта*) и медитации (思惟, мимамса). Они объясняются также в Сань–цзан *Фа–шу*, старом китайском словаре, цитированном выше[31]. Эйтель, который (с. 131) упоминает 神足力, «Силу сверхъестественных шагов», которые объясняет, как способность принимать любую форму, как третью из шести *Абхиджня*, похоже, ошибается, считая четыре *риддхипада* «четырьмя способами обретения *риддхи*», состоящих из «уничтожения желаний, энергии, памяти и медитации». Напротив, это — части *риддхи*. Энергия, память и концентрация сознания также относятся к пяти Индрия, ментальным энергиям, которыми обладают бодхисаттвы и архаты[32].

漏盡, «Истощение протекания», т. е. Асравакшая, по Керну — «(трансцендентальное знание, вызывающее) уничтожение загрязняющих страстей» (*асрава*, пали *асава*, означает накипь на варящемся рисе; отсюда – загрязняющие страсти).

Эйтель замечает, что «китайское объяснение выводит термин из корня *шру* (должно быть *сру*) (洛, ронять) и предполагает, что слово асрава относится к ‘потоку’ метемпсихоза. Соответственно, асравакшая обозначает ‘сверхъестественное знание конечности потока жизни’». Это ошибка. Во–первых, иероглиф 漏, просачивание, капание, никогда не используется в значении поток, но вполне может служить для обозначения «постоянно падающий», как просачивается вода через трещину в кувшине. И, во–вторых, мы находим, что он объясняется как «заблуждения во взглядах и мыслях в трех мирах (желаний, форм и отсутствия форм)», 三界見思惑, каковые «отрубаются», 断, архатами, которые, таким образом, свободны от рождений и смертей в трех мирах и обретают сверхъестественные силы. Таково объяснение китайского словаря (*Фа–шу*)[33], отсылающее к 瓔珞經 («Сутре ожерелья»).

Восемь Видья, областей знания, есть, как мы узнали от Керна, шесть *Абхиджня* плюс випассананьяна и маномайиддхи, где первое — созерцание и истинное внутреннее видение, с ним связанное, а второе относится к *риддхи*. Слово видья переводится на китайский иероглифом 明, Свет. В китайских текстах «Три Видья» (Тривидья, 三明) относятся к архатам, а именно: 宿命明、天眼明 и 漏盡明 т. е. знание прошлых существований, своего и других, «Божественный Глаз» (видящий все) и уничтожение загрязняющих страстей, называемое «истощением просачивания». Таким образом, мы видим, что Три Видья — это не что иное, как четвертая, первая и шестая *Абхиджня*. Что же до Эйтеля, то он объясняет Тривидья по–другому. «Они, — пишет он, — есть предметы знания, содержащие элементарные истины буддизма: 1. 無常, непостоянство (всего сущего); 2. 苦, стра-

31 Гл. XIV, с. 101 b, s .v.

32 Архаты в состоянии даже подниматься на небо Тушита и брать с собой других, чтобы показать им Будду Майтрейя, см. Фа–сянь, *Nanjo*, Nr. 1496, с. 4 b; перевод Легге, сс. 24 sq.

33 Гл. XXVI, с. 178 a, s .v.

дание, *дуккха*, как судьба всего живого; 3. 身如泡沫, «уподобление тела пузырьку воды, анатма, указывающему на нереальность всех материальных феноменов». Мы не знаем, где Эйтель нашел такое объяснение. Однако, Восемь Видья называются 八識, восемью формами знания, которые Эйтель определяет, как Восемь Виджняна.

Самъякпрахана (пали: Самма–падхана), требующиеся для того, чтобы эта сила позволяла творить чудеса, называются 四正勤, «Четырьмя правильными усилиями». Керн объясняет их так: 1. укрощение чувств; 2. оставление греховных мыслей; 3. Бхавана (доброжелательность, сострадательность, радостная симпатия и безразличие в отношении мирских дел)[34]; 4. твердая сдержанность. Эйтель, однако, объявляет Самъякпрахана одной из 37 категорий Бодхипакшика–дхарма, постижения четырехсложного усилия, а именно: 1. после рождения зла навсегда прекращать его рождение; 2. предотвращать рождение зла до его рождения; 3. до рождения кармы вызывать ее рождение; 4. после рождения кармы вызывать ее непрестанное развитие. де Харлец[35] приводит сходное объяснение (только вместо кармы поставлены «добрые учения»), которое мы находим в *Хань–Фань цзы–яо*, 漢梵集要, Китайско–Санскритском словаре, составленном по приказу императора в период Кан–си (1662–1723). Сопоставление китайского текста с объяснением Керна показывает, что первое усилие состоит в остановке злых мыслей, которые еще не родились (сдерживание чувств); второе — подавить злые мысли, уже родившиеся (отбрасывание греховных мыслей); третье — решительное, неистовое желание произвести добродетельные мысли, которые еще не родились; четвертое — «не разрушать» уже родившиеся добродетельные мысли (твердая сдержанность). Эйтель, очевидно, ошибается, говоря о «рождении кармы» вместо того, чтобы перевести это, как «рождение добродетельных мыслей», а «плохие учения» и «добрые учения» де Харлеца следует воспринимать в значении «злые и добрые мысли».

В *Фа–шу*[36] они указаны просто как «зло» и «добро», причем первое должно быть отсечено и лишено возможности возродиться, а первое следует развивать, или производить, что изменяет общий порядок (2, 1, 4, 3).

Четыре Смритьюпастхана переводятся, как 四念處, «Четыре местопребывания памяти». Это:

I. 觀身不淨, «созерцание нечистоты тела» (*кая*).

II. 觀受是苦, «созерцание страдания от воспринимаемого» (*ведана*).

III. 觀心無常, «созерцание непостоянства сердца» (*читта*).

IV. 觀法無我, «созерцание неличностности дхарм» (элементов существования).

Так мы находим их пронумерованными в *Фа–шу*[37], и это совпадает с утверждением Керна об их принадлежности телу, чувствам, возникающим мыслям и дхарме. Эйтель приводит их китайские эквиваленты следующим образом: 念身不淨念受

34 См. KERN, *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, vol. I, pp. 392 sq.

35 DE HARLEZ, Vocabulaire Bouddhique Sanscrit–Chinois, T'oung–pao, vol. VII, p. 387.

36 Гл. XIV, с. 101, s .v. 四正動. Их также называют 四断.

37 Гл. XIV, с. 101. См. также De Harlez, *T'oung Pao* VII, p. 382, Nr. 23; VIII, p. 134, Nr. 70.

苦處、念心生滅無常、念諸法從因緣生本無有我, т. е. «помнить, что тело нечисто, что чувства вызывают страдания, что продукты сердца (мысли) уничтожимы и не являются постоянными (перевод Эйтеля: «постоянно помнить, что рождение и смерть продолжаются непрерывно») и что все дхармы (элементы существования) возникают в соответствии с *нидана* и исходно неличностны». Ясно, что слово дхарма должно восприниматься в смысле «элементы существования», а не как Закон Будды. Четыре *риддхипада*, 四如意足, описаны выше.

Пять Индрия, ментальных энергий, особенностей, именуются 五根, «Пятью Корнями» и объясняются, как 發生, «порождающие жизнь». Это: 1. 信, вера (шраддха); 2. 精進, энергия (*вирья*); 3. 念, память, или продуманность (смрити); 4. 定, концентрация сознания (*самадхи*); 5. 慧, мудрость (праджня)[38]. В китайском словаре, переведенном де Харлецем[39], *панча индрияни* спутаны с «Шестью Корнями», 六根, также называемыми «Шестью Входами», 六入, т. е. Шадаятана, органами чувств, а именно — глазами, ушами, носом, языком, телом и сознанием.

Пять Бала, ментальных сил, отличающихся от Индрия лишь интенсивностью (по Эйтелю первые «рассматриваются, как негативные моральные агенты, предотвращающие рост зла»), называются 五力, «Пятью Силами».

Семь Бодхьянга, или Самбодхьянга, т. е. семь составляющих Бодхи (菩提, объясняется, как 道, «Путь» [или Разум] либо 定覺, «Правильное понимание, ум»), описываются, как 七菩提分, или 七覺分, «Семь подразделений Бодхи», или 七覺支, «Семь сфер понимания»». Они таковы:

1. 念 память (*смрити*).
2. 擇法, ограничение дхарм (дхармаправичая, по Керну — дхармавичая, исследование).
3. 精進, энергия (*вирья*).
4. 善, радость (прити, удовлетворенность).
5. 除, устранение (несчастья), объяснено, как «отсечение и устранение беспокойства и горя» (по *Фа–шу*[40] и Эйтелю[41], но — по де Харлецу[42], которые дает санскритское слова прачанти, тогда как Эйтель — *прашрабдхи*, уверенность). Что касается спокойствия, то иероглифы словаря де Харлеца приводят верный перевод.
6. 定, созерцание, концентрация ума (*самадхи*).
7. 捨, «отбрасывание прочь», отвержение, т. е. безразличие (упекша).

Восьмеричный Путь, Аштангика–марга Арьев определяется, как 八聖道, или 八正道, «Восемь Священных (или Правильных) Путей»; по Эйтелю[43] – 八正

38 Фа–шу, Гл. XXI, с. 145; EITEL, s .v. *Indriya*.
39 L. 1., VII, p. 377, Nr. 11; правильные *панча индрияни* приведены на с. 378.
40 *Фа–шу*, гл. XXIX, с. 197, s .v. 七覺分.
41 *Sanscrit–Chinese Dictionary*, sec. ed., p. 122, s .v. *Praçrabdhi*.
42 L. 1., p. 390, Nr. 37.
43 L. 1., s .v. *mārga*.

門, «Восемь Правильных Врат (в Нирвану)». Это: 正見、正思惟、正語、正業、正命、正精進、正念、正定, правильные взгляды, мысли, речь, поступки, жизнь, усилия, воспоминания, медитация[44].

Омура в своем вышеупомянутом трактате об архатах следующим образом перечисляет их характеристики и добродетели: 四智、入解説、三明、六通 т. е. Четыре вида знаний, Восемь *Вимокша*, Три Видья и Шесть *Абхиджня*. Восемь *Вимокша*, не упоминаемые Керном в списке способностей и действий, приписываемых архатам, мы не находим ни в *Фа–шу* (где что–то подобное представляют 八勝處[45]), ни в списке Де Харлеца. *Фа–шу*, однако, приводит «Трое Врат Спасения», 三解説門, а именно: 空、無相 и 無作, или «Пустота» (бесстрастность), «не привязанность» и «не деятельность», а Де Харлец также дает три, из которых два первых соответствуют указанным в *Фа–шу*, а последнее указывается, как 無願, «отсутствие желаний». Эйтель, однако, объясняет Восемь *Вимокша*, или действий по освобождению себя, следующим образом.

1. Освобождение от уверенности в том, что идеи имеют соответствующие им субъективные и объективные реалии.

2. Освобождение от уверенности в том, что идеи в действительности не имеют субъективных, но располагают объективными реалиями, им соответствующими.

3. Освобождение от представления о каких бы то ни было реалиях — субъективных и объективных.

4. Освобождение путем осознания того, что не–реальность неограничена.

5. Освобождение путем осознания неограниченности знания.

6. Освобождение признанием абсолютного не–существования.

7. Освобождение посредством состояния ума, при котором нет ни сознательного, ни бессознательного.

8. Освобождение посредством состояния, при котором достигается окончательное уничтожение (*нирвана*) чувств и сознания.

Далее Эйтель замечает, что три первые *Вимокша* побуждают сознание пребывать в трех первых областях Дхьяна (в различных небесах), четыре последующих поднимают сознание до чатур арупа Брахмалока, 四空天, «Четырех небес пустоты», а последняя *Вимокша* побуждает его войти в нирвану. Он добавляет, что это китайское описание отличается от того, что дается южным направлением буддизма, которое зафиксировал Бурноф.

Относительно *Вимокша* Керн приводит следующие положения. «*Вимокша* означает освобождение сознания, и является тройственным, как в йоге соответствующее ему Вимукти. Итак, эти три *Вимокша* имеют буквально те же имена, что и три *Самадхи* совершенного отвлечения (рассеяности), названные выше (*Самадхи* с сомнением и размышлением; без сомнения, но с размышлением; без сомнения и без размышления). Иногда говорят о 8

44 Фа–шу, гл. XXXI, с. 214.

45 Гл. XXXI, с. 213.

Вимокша. Так же, как *Самадхи* состоит именно из усилия, (направленного на) рассеяние (отвлечение), отклонения сознания от вещей этого мира, само собой разумеется, что *Вимокша* и *Самадхи* приходят фактически к тому же. Если бы нам нужно было различать Дхьяну, Вимокшу, *Самадхи* и Самапатти как уровни интенсивности внимания, мы могли бы их назвать: медитация, абстракция (абстрагирование), внимание, сосредоточение.[46]»

Омура[47], цитируя 三法度論 (*Тридхармака–шастра*, *Nanjo*'s *Catalogue*, № 1271; переведена в 391 г.) и 四阿含暮抄解 (Комментарий к четырем Агама, т. е. четырем классам хинаянистских сутр), перечисляет три вида архатов, а именно: 利根、鈍根 и 中根, т. е. «острый корень», «тупой корень» и «средний корень», что, похоже, указывает на три степени святости. Он также упоминает 法華玄義, или «Темные (спрятанные) значения Саддхарма пундарика сутра» (см. *Nanjo*, № 1534), где рассматриваются шесть классов архатов, именно: 退法、思法、護法、住法、進法、不動法, т. е. «те, кто отходят от Закона, думают о Законе, защищают его, пребывают в нем, продвигаются в нем и не двигаются в нем». Эти шесть классов объяснены в *Фа–шу*[48] следующим образом. Первая категория архатов переходит от «четвертого плода» (果) (т. е. состояния архата) к первому (т. е. Сротаапанна), так как впадая в ошибочность они теряют найденный Закон. Вторая разновидность архатов думает о Законе, так как боится потерять то, что обрела. Третий класс архатов защищает Закон, так как им нравится его постижение. Четвертый класс остается в Законе, поскольку не отступает и не продвигается. Пятый продвигается в нем, поскольку они могут увеличить свои заслуги и подниматься к последней и высшей ступени. Находящиеся на этой шестой ступени не производят в Законе никаких движений, поскольку свободны от любых беспокоящих раздражений.

Сравнив эти шесть классов с двумя в южном буддизме, упоминаемыми проф. Керном (созерцательные искатели и квиетисты), мы видим, что шестая, или высшая ступень принадлежит квиетистам, а пять других занимают место созерцательных философов, разделенное на разные стадии. Омура отмечает, что, хотя все архаты являлись учениками Будды, между ними существовала большая разница в «независимости понимания» (心得自在), т. е. были низшие и высшие, как, например, весьма просветленные Ананда и Шарипутра и глупый Чудапантхака.

Японский автор, написавший статью об архатах в *Тэцугаку дайдзисё*, или «Большой Философский Словарь»[49], после рассмотрения различных китайских переводов слова Архат (помимо 應供, а также 應眞, «соответствующий истине»), указывает на радикальное отличие между буддами (и бодхисаттвами) и архатами. Первые являются активными учителями Мудрости, ими обретенной, спасителями живых существ, тогда как последние неактивны и обладают мудростью лишь

46 *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, vol. I, pp. 406 (381). Омура, цитируя (*Тридхармака–шастра*, № 1271; переведена в 391 г.) и (Комментарий к четырем Агама, т. е. четырем классам.

47 L. 1., Sect. I, p. 1.

48 Гл. XXVI, с. 180, s .v. "шесть видов архатов."

49 哲学大辞典, т. 1, с. 44. См. также *Нихон хякка дзитэн*, 日本百科大辞典т. 1, с. 242.

для себя самих, т. е. для вхождения в Нирвану. Хотя старое учение знало это различие, именно школа Махаяна с ее самопожертвенными, активными бодхисаттвами, делала на этом ударение, как мы видели выше.

О том, как почитались архаты после смерти, мы узнаем из описания кремации архата на Цейлоне (410 г.), данного Фа–сянем. «Царь похоронил его, как архата, как то предписывали правила. В четырех, или пяти ли к востоку от вихара была сложена большая куча дров, около тридцати квадратных локтей и столько же в высоту. У вершины положили сандал, алоэ и другие виды благовонных пород деревьев. По четырем сторонам (кучи) были сделаны ступени для подъема. Чистым, белым, тонким полотном, почти шелком, они обернули (тело) еще и еще раз. Была сделана большая рама в форме погребальной повозки, но без драконов и рыб.

Во время кремации царь и народ, собравшийся большими толпами со всей округи, подошли и сделали подношения цветами и благовониями. Пока они следовали за повозкой до места погребения (т. е. до кучи), сам царь поднес благовония и цветы. Когда это было окончено, повозку подняли наверх кучи, на нее полили маслом сладкого базилика, а затем поднесли огонь. Пока горело пламя, все с почтительным сердцем, сняли с себя верхнюю одежду и бросили ее вместе с веерами и зонтиками, с расстояния в середину огня, чтобы помочь горению. Когда кремация закончилась, они собрали для сохранения кости и начали строить курган[50]».

Что касается этих курганов, то паломник видел около тысячи курганов — гробниц архатов и пратьекабудд рядом со столицей Нагара[51].

Сюань–цзан (637 г.) приводит интересную легенду о бодхисаттве Дэва, который посетил архата и попросил его разрешить его (бодхисаттвы) сомнения. Архат объяснил все, о чем тот его спрашивал, но наконец замолчал и с помощью своих сверхъестественных сил тайно поднялся на небо Тушита. Там он обратился к Майтрейя, который приказал ему быть очень почтительным к бодхисаттве, который в Бхадра*кальпа* а достигнет состояния Будды. Архат мгновенно вернулся обратно и почтительно разъяснил самые сложные предметы. Дэва же ответил, что архат никогда бы не узнал этого без помощи божественной мудрости Майтрейя. Архат признал истинность этого замечания, поднялся со своего места, нижайше поблагодарил бодхисаттву и выказал ему глубочайшее почтение и восхищение[52].

Здесь мы видим, что мудрость архата может превосходить мудрость бодхисаттвы, но первый относится ко второму, как к гораздо более возвышенному существу. Архат со своей великой мудростью представляет, так сказать, учение Хинаяны, тогда как бодхисаттва является божественным существом, которому поклоняются махаянисты.

---

50 Фа–сянь, *Nanjo* Nr. 1496, p. 32 b, перевод Легге, гл. XXXIX, с. 107 sq.

51 Там же, с. 8 a, b, перевод Легге, гл. XIII, с. 40.

52 *Да–Тан Ши–ю–цзи*. Гл. X, с. 20, перевод Жюльена, т. 2, сс. 117 и далее.

ГЛАВА II. ПЯТЬСОТ АРХАТОВ

А. В ИНДИИ

§ 1. Первое Великое собрание Махакашьяпа в Раджагриха

В части 5–й «Учебника Индийского Буддизма» (Очерк Экклезиастической истории, сс. 101 и далее) профессора Керна приводятся многочисленные интересные детали о массовых собраниях буддистов в Индии. Там же приводится и описание первого Собрания, которое мы обнаруживаем в палийском каноне. «Дабы избегнуть пагубных воздействий неподобающих высказываний (некоего Субхадда, который после смерти Учителя сказал, что теперь они могут делать все, что захотят), Великий Кашьяпа, которого учитель назначил своим преемником, предложил, чтобы все братья собрались, чтобы перечислить все заповеди Повелителя. Предложение было принято, и Кашьяпа должен был выбрать 500 архатов. После этого решили, что местом сбора станет Раджагриха. В ходе семимесячной встречи в пещере Саттапанна, или Саттапанни в горе Вебхара рядом с Раджагриха, была зафиксирована Виная при помощи Упали, и Дхамма при помощи Ананда».

Относительно этой догматической истории Керн замечает, что она сравнительно молода, и что единственным реально историческим фактом является то, что Собрание Стхавира в Раджагриха признается всеми буддистами. «О фиксировании Трипитаки, или даже собраний Виная и сутр речи не идет совершенно... Все еще невозможно отличить догматические и легендарные элементы от исторических фактов[53]».

500 архатов этого Собрания упоминаются в работах китайского канона, во второй части второго раздела, где содержится хинаянистская Виная. Эти работы были переведены в начале пятого века, и их названия следующие: 四分律藏 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1117; гл. 54); 彌沙塞部五分律 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1122; гл. 30); 十通律 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1115; гл. 60); 摩訶僧祇律 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1119; гл. 32). Предисловие к другой работе, переведенной приблизительно в то же время (402–405, гл. 1, с. 1b) также упоминает их. Это 大智度論 (Махапраджняпарамита шастра), комментарий к сутре с тем же названием, относящейся к Абхидхарме Махаяны (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1169, гл. 2).

Собрание было названо 五百集法, «Пятьсот собирателей Закона», а имя пещеры Саптапарна на северной стороне горы Вайхара, где оно проходило, было переведено, как 七葉窟, «Пещера Семи Листов».

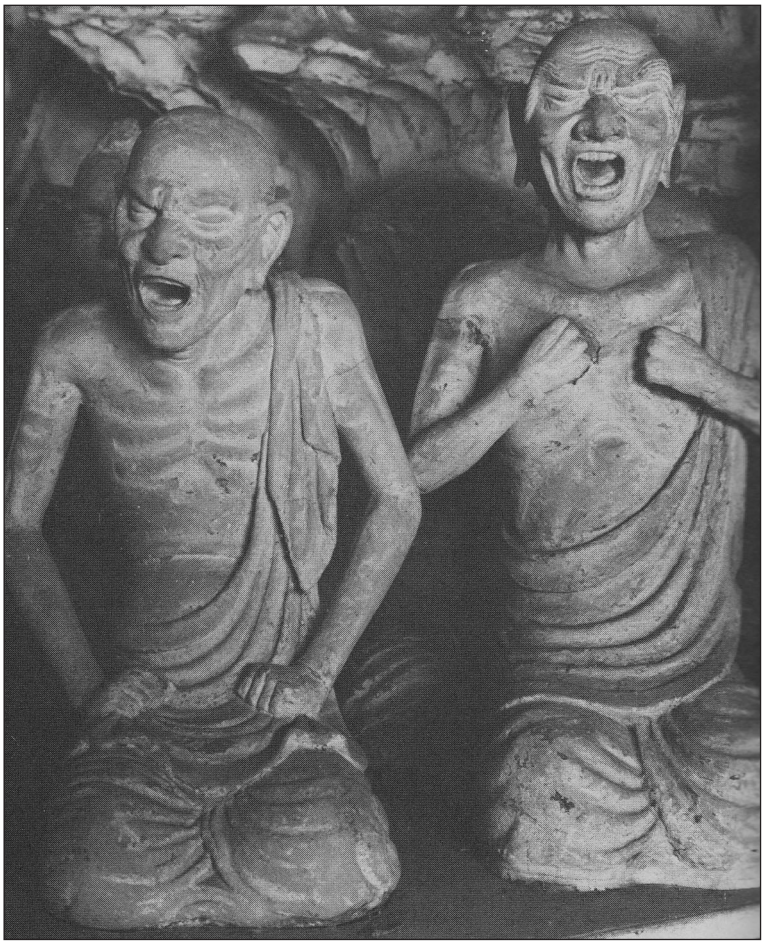
По Сюань–цзану[54], это Собрание было проведено Махакашьяпой с 999 архатами. Однако, Фа–сянь говорит, что в Пещере Саптапарна сличали сутры 500 архатов.

53 О первом Собрании см. также MINAYEFF, *Recherches sur le Bouddhisme*, Ch. II, pp. 13 sqq.

54 Да–Тан Ши–ю–цзи, гл. IX, с. 13 b, перевод Станислава Жюльена, II, с. 32.

Из трех главных мест Шарипутра занимал левое, Маудгальяяна — правое, а Махакашьяпа, как председательствующий, — центральное. «На том месте (позднее) был насыпан курган, который стоит до сих пор. По (сторонам) холма среди камней есть очень много келий, где сидели и медитировали различные архаты»[55]. Фа–сянь путешествовал по Индии и Цейлону с 399 по 414 год.

§ 2. Второе общее Собрание Ревата, прошедшее в Вайшали



Архаты, горюющие о кончине Будды
храм Дайэндзи, Япония

Через сто лет после сметри Будды, 700 архатов провели в Вайшали вторую встречу, инициированную Яша (耶舍), на которой председательствовал Ревата (薩波多). На ней Десять Позиций, объявленных позволительными монахами Вриджиян, были отвергнуты, как противоречащие правилам, и Виная была пересмотрена. Керн[56] указывает, что хронология, вероятно, указана неверно, поскольку через столетие после Парининрваны Повелителя активные Тхера (т. е. ведущие монахи) были уже слишком стары, однако «отчет об их деяниях должен

55 Nanjo's Catalogue, Nr. 1496, c. 22 b, перевод Легге, с. 85.
56 Manual of Indian Buddhism, p. 105.

был основываться на истинной традиции». Что касается даты этого собрания, то большинство северных источников дают 110–й год после смерти Будды. Сравнив различные описания, Керн приходит к выводу, что источники чрезвычайно смутны, и собрание, имеющее историческое основание, датируется неопределенным годом после смерти основателя Учения, но значительно раньше, чем был составлен первый сборник колоссального объема Писаний.

«Совет 700 архатов» упоминается в тех же работах Виная из китайского канона, которые говорят о первом[57], а также в Вибхашавиная (善見毗婆沙律, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1125, переведено в 489 г.; гл. 1). Фа–сянь видел курган рядом с Вайшали, насыпанный в память об этом Собрании «архатов и *бхикшу* , соблюдавших правила, числом в 700 монахов»; это указывает, что лишь часть из них являлась архатами[58].

§ 3. Собрание Маудгалапутра в Паталипутра при царе Ашока

По Керну[59], это не было общим собранием, но небольшой встречей, прошедшей в Паталипутра через 18 лет после Абхишека царя Ашока (умащения, случившегося в 259 г. до н. э.). Его провел Тисса Моггалипутта (т. е. Маудгалапутра) в присутствии 1000 монахов (по другому описанию — шестидесяти тысяч).

Омура Сэйгай (大村西崖), в своей книге *Ракан дзудзо ко*, 羅漢圖像考, или «Исследования изображений Архатов» (образующей дополнительный текст изданных Тадзима репродукций 16–ти архатов, приписываемых кисти Гуань–сю, из собрания барона Такахаси) цитирует 善見毗婆沙律(*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1125, упоминавшийся выше, в предыдущем параграфе)[60], где сказано, что 1000 монахов проводили это собрание, как и в первом описании, приводимом Керном. Сюань–цзан, однако, судя по тому же японскому исследователю, должен был бы назвать его Собранием 500 Архатов. Исследуя отрывок из 大唐西域記, или «Записок о западных областях, (составленных паломником) при Великой династии Тан» (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1503, написаны в 646 г.; гл. 3), мы читаем, что во времена царя Ашока в Магадха было 500 архатов и 500 обычных монахов. Царь созвал их всех, намереваясь утопить в Ганге. Тогда архаты поднялись в небо и улетели в горы Кашмира. Царь, исполненный страха и раскаяния, последовал за ними, умоляя вернуться в его царство. Когда они отказались, он воздвиг для них 500 монастырей и подарил монахам все Кашмирское царство. Однако там ни единым словом не упоминается о каком–либо собрании. Причина, безусловно, в том, что это была всего лишь ограниченная встреча Тхеравада, или Вибхад-

57 Те же главы, за исключением Nanjo's Catalogue, Nr. 1119, где второе собрание упоминается в гл. 33.
58 Nanjo's Catalogue, Nr. 1496, f. 19 a; перевод Легге, с. 75.
59 L. 1., pp. 110 sqq.
60 Гл. 1, № 3, 阿育王品.

жьявадинов, проигнорированная всеми остальными школами, как мы узнаем из «Учебника» Керна, цитированного выше. Странно, однако, что и здесь упоминаются 1000 монахов, причем 500 архатов были их руководителями[61].

В современной японской энциклопедии *Нихон хякка дайдзитэн*, 日本百科大辞典, или «Большом японском словаре ста (то есть всех видов) отраслей (знания)» сказано, что 500 архатов, которые более чем через 100 лет после смерти Будды (это ошибка; второе Великое Собрание проходило в то время и, по индийским источникам, оно случилось через 236 лет после Нирваны Будды) оставили Магадха и переместились в Кашмир, провозгласили неортодоксальные идеи Махадэва и стали называться 上座分裂五百羅漢, «500 восседающих схизматических архатов» (上座, «верхнее сидение», председатель, есть Стхавира), или 上座部, «Председательствующий Раздел». Он относится к 俱舍論頌疏 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1270), где сказано: «Поднявшись в воздух в Магадха, 500 архатов перелетели в Кашмир, и в той стране расцвели все существовавшие школы». Поскольку это было ограниченное собрание, становится ясным, отчего прочие школы называли их схизматиками. Что касается Махадэва, то Керн пишет, что у северных буддистов о нем сохранилась память как о великом скептике, разновидности Мефистофеля, который своим деструктивным критицизмом вызывал смятение у братства, сильно вредя этим истинной Вере. Его школа была особо сильна в Кашмире»[62].

§ 4. Третье Великое Собрание Васумитра, проведенное в Кашмире под патронажем царя Канишка.

Это собрание прошло около 100 года под патронажем царя Канишка. По некоторым мнениям, местом проведения был монастырь Кувана рядом с Джаландхара; по другим они встречались в Вихара у Кундалавана, в Кашмире[63]. Керн приводит тибетские источники, сообщающие, что там было 500 архатов под предводительством Паршва и 500 бодхисаттв под руководством Васумитра, и целью их было собрать канонические книги. По Сюань–цзану[64], царь построил монастырь в Кашмире (он намеревался идти в Раджагриха, но по совету Паршва (脇) и других остался в своем царстве), и 499 архатов просили Васумитра (世友) быть их председателем (Стхавира). Там они написали комментарии к Трипитаке. Таким образом, они составили *Абхидхарма махавибхаша шастра*, 阿毗達磨大毗婆沙論, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1263 (комментарий к № 1275), переведенный Сюань–цзаном в 656–659 гг. Керн делает следующее заявление: «Если этот отчет (Сюань–цзана) правилен, то дела Собрания должны были ограничиться составлением комментари-

61 *Да–Тан Ши–ю–цзи*, гл. 3, с. 15 a; перевод Станислава Жюльена, 1, сс. 170 и далее.

62 *Manual*, p. 117.

63 Там же, с. 121.

64 *Ши–ю–цзи*, гл. 3, сс. 15 b и далее; перевод Станислава Жюльена, 1, сс. 172 и далее (где Васумитра по ошибке назван Васубандху).

ев, устраивавших всех. Это маловероятно; скорее, каким–то образом было достигнуто соглашение, modus vivendi на основе базисных истин, которые не ставила под сомнение ни одна из 18–ти школ. По внешним и внутренним признакам мы можем сделать вывод, что собрание состояло лишь из Шраваков, или хинаянистов, или, по крайней мере, что мнения махаянистов, если они вообще были представлены, не нашли поддержки. Вполне вероятно, что текст священных книг претерпел пересмотр; возможно, некоторые части канона были записаны тогда впервые». Однако и махаинисты признали авторитет этого Собрания.

Что касается приблизительной даты третьего великого собрания, то Керн пишет: «Мы не располагаем ни одним указанием на вероятную дату обращения Канишка, однако вряд ли сильно ошибемся, предположив, что Собрание под его патронажем произошло около 100 года». Однако, по Эйтелю[65], Канишка правил с 15 по 45 год, но Грюнведель фиксирует дату его правления в районе 100 года[66]. Сюань–цзан говорит, что он вступил на трон через 400 лет после Нирваны Будды.

§ 5. 500 архатов у озера Анаватапта на вершине горы Кунь–лунь, упоминаемой в «Сутре поднимающихся ступеней (т. е. прежних действий Будды), изложенная Буддой» 佛說興起行經

Эта работа (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 733) относится к хинаянистским сутрам канона и была переведена при династии Восточная Хань (25–220). Ее китайское название – Фу–шо син–ци–син цзин; она состоит из десяти коротких сутр.

Предисловие начинается так: «Гора Кунь–лунь находится в центре Джамбудвипа. Вся она состоит из драгоценных камней, повсюду в ней вырыты 500 пещер из желтого золота, где постоянно живут 500 архатов (周市有五百窟、窟皆黃金、常五百羅漢居之). Великий Поток Анаватапта окружает гору снаружи. Внутри горы есть пространство, в центре которого бьет источник... Каждая сторона источника — 25 *йоджана*, в глубину он 21 милю. В его центре располагается золотая квадратная терраса (башня) со стороной в одну *йоджана*, а на ней золотые цветки лотоса, стебли которого из семи драгоценностей. На 15–й день месяца Татхагата во главе 500 архатов излагает нам заповеди»[67].

В начале первой главы той же работы[68] мы читаем о том, как Будда, окруженный этими 500 архатами, полетел к озеру Анаватапта (здесь названному источником, поскольку из него выходили четыре большие реки). А немногим далее[69] читаем: «Однажды Будда находился на Великом Источнике Анаватапта с 500 великими *бхикшу* , всеми архатами, обладавшими шестью видами сверхъестественного знания (*абхиджня*) и великими именами».

65 Sanscr.–Chin. Dict., s .v. *Kanishka*.

66 *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 17.

67 Предисловие, c. 1 a.

68 C. 2 a.

69 C. 3 a.

§ 6. Встреча 500 архатов, приведенных Буддой к озеру Анаватапта по просьбе царя–Нага этого озера, описанная в «Сутре 500 учеников, излагающих свое исходное происхождение (т. е. свои предыдущие рождения)» 五百弟子自説本起經

Эту хинаянистскую сутру (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 729) перевел Дхармаракша (法護) в 303 г. Она начинается с того, что царь–дракон озера Анаватапта, живший в прекрасном дворце на горе Кунь–лунь, во времена Будды получил статус бодхисаттвы благодаря своим божественным добродетелям. Из своего дворца (расположенного в озере) он направлял истоки пяти рек. Вода в озере имела восемь различных вкусов, и в ней росли цветы семи разных цветов. Тот, кто пил эту воду, получал знание о своих прошлых жизнях. Царь–Дракон пригласил Будду и 500 его лучших учеников (上首弟子) в свой дворец. Закончив трапезу, они воссели на лотосовые сидения и изложили свои действия в прошлых существованиях, принесшие им горе, или счастье. Затем приводятся гимны (頌), последовательно возглашавшиеся 29 архатами, и заключительный гимн самого Будды. 29 архатов рассказали о своих прошлых жизнях, а Будда — о происхождении человеческих страстей. Первым, начавшим петь, был Махакашьяпа (大迦葉), вторым — Шарипутра (舍利弗), третьим — Махамаудгальяяна (摩訶目揵連). Восьмую песню исполнил Пиндола (賓頭盧), десятую — Нанда (Ананда) (難陀). Вакула (薄拘盧) был тринадцатым, Чудапантхака (朱利槃特) — двадцать первым, Рахула (羅雲) — двадцать пятым, Нанди (難提) — двадцать шестым и Бхадрика (跋提) — двадцать седьмым. Мы опускаем прочие имена со сложной транскрипцией, которые не представляют большого интереса. Что касается Пиндола, Вакула, Чудапантхака и Рахула, то мы найдем их имена среди 16 и 18 архатов, рассматриваемых ниже; иногда Махакашьяпа упоминается, как первый из 18–ти архатов.

Здесь мы снова видим озеро Анаватапта, как место, где собрались 500 архатов во главе с Буддой.

§ 7. 500 архатов, слушавшие проповедь Будды об их просветленном состоянии, по Саддхарма пундарика сутра, гл. 4, № 8, 五百弟子受記品

Перед тем, как рассмотреть этот интересный отрывок «Махаянистской сутры Лотоса Прекрасного Закона», нам следует упомянуть 500 Великих Учеников, которые однажды сопровождали Будду, когда он находился в Каранда венувана, бамбуковой роще в Раджагриха. Об этом мы читаем в хинаянистской *Экоттарагама–сутра* (增壹阿含經) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 543, перевод Дхармананди, 384–385; гл. 42, с. 11 a); прочие детали об этих учениках не приводятся.

Раздел в Лотосовой сутре содержит следующие факты. В один из дней, когда Будду сопровождали Пурнимайтраянипутра (富樓那彌多羅尼子) (один из его личных учеников, именовавшийся бодхисаттвой) и 1200 архатов, он произнес

длинную фразу об этом ученике, которого назвал первым (т. е. самым выдающимся) среди всех, разъяснявших Закон, и предсказал, что позже он станет Буддой Дхармапрабхаса (法明, «Свет Закона»). Когда он изложил это в прозе и стихах, 1200 архатов возрадовались, и их мысли стали направленны на прочих Великих Учеников. Тогда Будда, зная их мысли, обратился к Махакашьяпа и вновь изрек проповедь в прозе и стихах с тем, чтобы его великий ученик Каундинья (憍陳如), присутствовавший на встрече, увидел и поклонился бесчисленным буддам, достиг совершенной просветленности, всегда испускал яркий свет и обладал всеми видами трансцендентального знания; он должен был стать знаменитым и повсеместно почитаемым, всегда разъяснять наипревосходнейший Закон, а имя его должно быть Самантапрабхаса (普明, «Вселенский Свет»). Также, 500 архатов в конечном счете должны были стать буддами, все с именем Самантапрабхаса. Затем 500 архатов поднялись со своих сидений и склонились перед Буддой, выражая свое восхищение его проповедью. Они сказали, что каются в своих прошлых прегрешениях, в том, что они по своему невежеству считали достаточным, если изо всех бесчисленных сокровищ Будды обретут лишь малую частичку Нирваны. Однако теперь, услыхав проповедь Будды, они преисполнились радости, так как узнали, что обретут наивысшую мудрость Будды и истинную Нирвану. Они сравнивали себя с бедняком, который получил от своего богатого друга драгоценную жемчужину, спрятанную в складки одежды. Бедняк не знал об этом и жил своей жалкой жизнью, вполне довольный, когда ему удавалось хоть как–то сводить концы с концами. Затем он встретился со своим богатым другом, и тот рассказал ему о жемчужине; и вот, бедняк, обнаружив ее в своей одежде, мгновенно разбогател и сильно возрадовался. Таким же образом они, 500 архатов, думали, что небольшой части Нирваны для них было достаточно, покуда из проповеди Будды не узнали, что их ожидает состояние Будды и полное освобождение (Пари*нирвана*).

Здесь мы имеем интересный образчик различия между махаянистскими и хинаянистскими идеями. В соответствии с последними, архаты достигают Пари*нирвана* без того, чтобы становиться бодхисаттвами, или буддами; здесь же они должны стать активными проповедниками и буддами до того, как обретут свою высшую цель: Пари*нирвана*.

Из 500 архатов, которые по словам Будды были предназначены для обретения ануттара самъяксамбодхи (непревзойденного совершенного сознания), он назвал по именам одиннадцать, а именно: Урувилвакашьяпа, Гаякашьяпа, Надикашьяпа, Калодаин, Удаи, Анируддха, Райвата, Каппхина, Вакула (薄拘盧, переведено, как 善容), Чунда и Свагата[70]. Из этих великих архатов лишь Вакула упоминается в связи с группой из 16–ти, или 18–ти архатов, которые будут рассмотрены ниже (Гл. 3).

---

70 Китайский текст, № 134, с. 5 a; № 138, с. 9 b; второй текст дает 12 имен, а именно — 4–х Кашьяпа вместо 3–х.

§ 8. Пятьсот слепых нищих пришли к Будде, который открыл их телесный и духовный взор и побудил стать архатами, в соответствии с «Сутрой о нидана мудрых и глупых» 賢愚因緣經

Эта сутра (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1322) относящаяся к различным работам Канона, была переведена в 445 году. В 28 разделе главы 6–й, сс. 9 и далее приводится история о 500 слепых нищих, пришедших из Вайшали в Шравасти, чтобы быть исцеленными Буддой, о чудесных делах которого они услышали. После многих трудностей, обманутые своим провожатым, бесполезно пройдя из Шравасти до Магадха, они, наконец, были приведены и предстали перед Буддой, вернувшимся в Шравасти. Как только свет Будды коснулся их, к неимоверному изумлению и радости глаза их открылись, и они смогли видеть Татхагату в окружении монахов. Затем, услыхав изложение Закона, они немедленно стали архатами.

Затем Будда рассказал Ананда, как в прежние времена те же нищие были 500–ми богатыми торговцами, которые в пути сбились в темноте с пути и зашли в место, кишевшее разбойниками. Они чрезвычайно боялись лишиться своих сокровищ и громко причитали, моля всех богов на земле и на небе, солнце и луну, море и горы. Затем Сарвада, бывшая инкарнация Будды, сжалился над ними. Обернув белое мягкое полотно вокруг своих рук и смочив его маслом, он использовал их, как факелы, в свете которых они проследовали в безопасное место, которого достигли через семь дней. Таким образом, даже много *кальпа* а назад Будда вывел их из тьмы на свет.

Интересно сравнить эту историю с рассказом, который мы находим в *Махапаринирвана сутра* (大般涅槃經, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 113), приводимым в *Нихон хякка дайдзитэн*, 日本百科大辞典, современной японской энциклопедии, где помещена интересная статья об архатах (т. 4, сс. 332 и далее). Там мы читаем, что эти 500 архатов были торговцами, собравшими немалые богатства, которых в пути ограбили и ослепили разбойники. Услыхав от Учителя проповедь Закона, все они немедленно стали архатами и после жили в горах и лесах, обладая всеми чудесными силами архатов, такими, как способность превращаться, летать и проч. Таким образом, здесь мы обнаруживаем две вышеизложенные истории — о слепых нищих и о торговцах — слившиеся в одну.

§ 9. 500 архатов с Буддхаванагири (гора у Раджагриха, знаменитая своими каменными пещерами), упоминаемые Сюань–цзаном в Да–Тан Ши–ю–цзи, гл. IX

Сюань–цзан (646) рассказывает нам, как Будда спустился в одну из многих каменных каверн в Буддхаванагири и оставался там некоторое время. «Там пятьсот архатов скрывали свою божественность[71]. Некоторые из тех, кто желал тронуть их

71 潛靈, что Станислав Жюльен (II, с. 10) переводит, как «вошедшие в нирвану» (sont entrés dans le Nirvana). Это следует воспринимать в смысле частичной нирваны, поскольку они не вошли в Пари-

своими молитвами, дабы встретиться с ними, имел (честь) их увидеть. Затем они принимали облик шраманера (религиозных подвижников) и ходили по деревням, прося пищи. Иногда они скрывались, иногда появлялись. Их божественные чудеса разнообразны и трудны для понимания». 五百羅漢潜靈于此。諸有感遇或得覩見。時作沙彌之形入里乞食或隠或顯。靈奇之迹差難以述[72].

Фа–сянь (путешествовавший с 399 по 414 год) видел на горе Гридхракута «пещеры архатов, в каждой из которых сидели и медитировали, всего несколько сотен»[73].

§ 10. Сто величайших учеников Будды, по *Экоттарагама сутра*, гл. III, № 4, 弟子品

В этом разделе хинаянистской сутры (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 543, упоминавшейся выше в этой главе, § 7) содержатся имена ста святых отшельников (百聖賢), восславленных Буддой, как его выдающиеся ученики. Здесь мы находим имена Аджняна–Каундинья (阿若拘隣), Удайи (優陀夷), Бхадрика, Вашпа, Маханаман (摩訶), трех братьев Кашьяпа, Ашравит (馬師), Махамаудгалъяяна (大目揵連), Шарипутра, Анируддха (阿耶律), Пиндола, Нанди, Кумбхира (金毗羅), Дхармаруччи, Вакула, Упали (優波離), Бхадра (娑陀), Нанда, Махакатъяяна, Махакаушгхила, Кумаракашьяпа, Рахула (羅云), Рантхака (槃特), Чудапантхака (朱利槃特), Ананда, Чандрапрабха (月光), Дэва (天), Субхути, Брахмадатта, Пилиндаватса, Абхая (無畏), Сунанда, Субхадра и проч.

Их них мы встретим среди 16–ти архатов: Пиндола, Вакула, Бхадра, Рахула, Пантхака и Чудапантхака. Что касается 軍頭娑漢 (Кундопадхания), то этот архат — второй в китайской группе 18–ти архатов (Махакашьяпа — первый), которая будет рассмотрена ниже (Гл. III, § 19 Н). Там его имя записывается: 君屠鉢歎, или 君徒鉢歎.

§ 11. Десять Великих Учеников (十大弟子) по *Фань–и мин–и цзи*, 翻譯名義集, и *Да–Мин Сань–цзан Фа–шу*, 大明三藏法数

Вторая работа, озаглавленная «Нумерологические термины Закона Трипитаки, (собранные) при Великой династии Мин» (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1621), гл. 41, с. 273, s. v. 十大弟子, цитирует первую, озаглавленную «Собрание значений (санскритских) имен, переведенных (на китайский)» (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1640, написана в 1151 г.). В ней Десять Великих Учеников перечислены в следующем порядке.

нирвана, но проживали в горных пещерах.

72 Гл. IX, с. 4 a.

73 Nanjo's *Catalogue*, Nr. 1496, с. 22 a; перевод Легге, с. 83.

1. Махакашьяпа, первый в исключительном поведении (上行).
2. Ананда, первый во «многом слышании» (Закона) (多聞)[74].
3. Шарипутра, первый в мудрости (智慧).
4. Субхути, первый в разъяснении пустоты (этого мира) (解空).
5. Пурна,[75] первый в проповеди Закона (説法).
6. Маудгалъяяна, первый в трансцендентном знании (神通, *риддхи*).
7. Катъяяна,[76] первый в дискуссиях (論議).
8. Анируддха, первый в практиковании «Небесного Глаза»[77] (天眼).
9. Упали, первый в исполнении обетов (持戒).
10. Рахула, первый в мистических действиях (密行).

Из этих десяти Великих Учеников лишь Рахула, сын Будды, принадлежит к группе из 16–ти архатов. См. наши листы XI и XII, илл. 24–26; гл. III, § 36.

В махаянистской *Махапраджняпарамита–шастра* (大智度論)[78] Упали назван первым из 500 архатов в соблюдении заповедей, а Ананда – первым в объяснении значений сутр.

В *Буцудзо дзуи* (IV, сс. 18 и далее) приводятся картинки этих Десяти Великих Учеников, перечисленных в следующем порядке:

1. Шарипутра, записан — 身子 (с веером).
2. Маудгалъяна, — 採菽 (с цветками лотоса в вазе).
3. Махакашьяпа — 飲光 (с *хаккхара*).
4. Анируддха — 無貧 (ладони сложены в восхищении).
5. Субхути — 空生 (со скипетром *нё–и*)
6. Пурна — 満慈 (с плошкой для воскуривания благовоний).
7. Катъяяна — 扇縄 (руки сложены).
8. Упали — 近執 (кончики двух пальцев соединены).
9. Рахула — 障蔽 (с сутрой и мухобойкой).
10. Ананда — 慶喜 (ладони сложены в восхищении[79]).

§ 12. Имена и количество архатов

Сравнивая различные группы, упомянутые выше, мы обнаруживаем, что 500 архатов с Анаватапта не жили там, но лишь собрались в том месте под предводительством Будды, как его лучшие ученики. Махакашьяпа, Шарипутра,

74 Ананда был известен своей колоссальной паматью и знаниями.

75 Т. е. *Пурна–Майтраянипутра*.

76 Т. е. *Махакатъяяна*.

77 Первый из шести видов трансцендентного знания, см.: гл. I, § 2.

78 *Nanjo*, Nr. 1169, составлена бодхисаттвой Нагарджуна и переведена Кумараджива (402–405). Гл. II, с. 12.

79 См. ниже, гл. , § 36, изображения Будды и его Десяти Великих Учеников, установленные Гику сёнин в Хоондзи, Киото, в 1221 г., изображения в Кофукудзи и «*какэмоно*» из Дзэнриндзи (наши илл. 24–26).

Махамаудгалъяяна, Ананда, Нанди были среди их предводителей, так же, как и четыре из 16–ти архатов, а именно: Пиндола, Вакула, Чудапантхака и Рахула. Мы могли бы ожидать, что главные архаты из 500, получивших извещение от Будды об их будущем становлении буддами, и есть эти самые ученики, однако это не так: имя Вакула, насколько мы видим, — единственное, упоминающееся для обеих групп. Поскольку этот архат также принадлежит к 100 Великим Ученикам (но не к Десяти Величайшим), то не стоит удивляться тому, что по одной китайской традиции Вакула (называемый там Накуна) являлся предводителем большого количества архатов (800, из которых 500 остались жить на Тянь–тай–шань, а 300 — на Янь–дан–шань) пришедших в древности в Китай из Индии[80]. Однако, сутры ясно указывают, что Махакашьяпа, Ананда и Шарипутра являлись ближайшими учениками Будды.

Что касается числа 500, то из содержания предыдущих параграфов мы можем сделать вывод, что индийская традиция любила приписывать его архатам, а также главным ученикам Будды и всем прочим, кто приходил к нему слушать изложение Закона и, таким образом, становился архатом. Очевидно, это число использовалось для указания на большое количество святых людей[81].

Это также становится очевидным из другой истории, изложенной в Сукхаватъямритавьюха сутра (佛説阿羅彌陀經, «Сутра, в которой Будда говорит об Амитабха»[82]). Там принц Удаи, сын Аджаташатру (наследовал Бимбисара, как повелитель Магадха), пришел к Будде с 500 сыновьями *шрештхин* (старейшин, выдающихся мирян), и у каждого из них в руках был золотой зонтик, которые они подарили Будде. Затем они сели и слушали, как Будда объясняет благодатную силу и ярчайший свет, испускаемый Буддой Амитабха. Они сильно возрадовались и в своих сердцах возжелали стать похожими на Амитабха, когда достигнут состояния Будды. Будда, знавший их мысли, так обратился к *бхикшу* : «После неисчислимых *кальпа* принц, сын Аджаташатру, и его 500 сынов из *шрештхин* все станут буддами, подобными Амитабха. На протяжении многих *кальпа* они уже следовали по пути бодхисаттв и почитали 400 коти будд. И теперь они делают мне подношения. В древности, во времена Будды Кашьяпа, все они были моими постоянными учениками. Теперь они пришли снова, и мы встретились вновь».

Здесь мы находим 500 бодхисаттв, являвшихся учениками Будды в прежних инкарнациях. Пятьсот бодхисаттв также упоминаются в начале Сутры о рождении Майтрейя на небе Тушита (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 204), как последователи и рожственники Маньджушри . Там же говорится, что группа из Шестнадцати Бодхисаттв образует свиту Бхадрапала. Число 500 постоянно употребляется в этом отрывке, очевидно — для указания на большое количество. Также, во многих других сутрах упоминаются 500 лиц, или предметов, или кусков золота, и это подтверждает тот

80 См. ниже, гл. II, B § 14.

81 См. *Экоттарагама сутра*, Nanjo's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 7, с. 17 b: «Шакра, Брахма, четыре Царя–Дэва и 500 небожителей.»

82 *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 200, перевод Кумараджива, 402 г.; гл. 1, № 14, 阿闍世王分, «Раздел, посвященный Аджаташатру», сс. 22 и далее.

факт, что это число служило указателем не только на большое количество святых и отшельников, но и для определения большого количества в целом.

Что касается учеников Будды, то в священных текстах, где Будда оставался и проповедовал в их обществе, к ним часто прилагается число 1250.

B. ПЯТЬСОТ *ЛОХАНЬ* В КИТАЕ

§ 13. Какой из индийских групп в 500 архатов поклонялись в Китае?

Разобравшись с различными группами в 500 архатов, известных в Индии, нам следует обсудить вопрос – которая из этих групп почиталась в Китае под названием «500 Архатов»?

Считалось, что 500 *Лохань* жили на Тань–тай–шань (天台山), знаменитой горе к юго–западу от Нинбо в провинции Чжэцзянь, от которой происходит название японской школы Тэндай.

500 архатов с Буддхаванагири, которые, по Сюань–цзану, населяли пещеры этой индийской горы и временами являлись в облике шраманера (эта глава, § 9), более всех остальных индийских групп соответствуют тем, кто населял китайскую гору Тянь–тай. Между прочим, эти 500 *Лохань* не упоминаются в древних китайских биографиях буддийских святых до конца десятого века, когда о них было рассказано в *Сун–гао–шэн–чжуань* (宋高僧傳, «Биографиях знаменитых монахов династии Сун»)[83]. *Ши–ю–цзи* Сюань–цзана, появившаяся в 646 г., была, вероятно, первой работой, в которой Китаю было рассказано об индийской традиции 500 архатов, живших в пещерах горы Буддхаванагири и являющихся время от времени. В последующих веках эта идея могла быть перенесена на гору Тянь–тай, и в десятом веке эта гора была уже известна, как место обитания 500 *Лохань*[84].

Что же касается самой Индии, то, вполне возможно, считалось, что 500 архатов Первого Собрания, прошедшего в Раджагриха, жили в пещерах близлежащей горы.

Участники Великого Собрания, проводившегося ок. 100 г. в Кашмире под патронажем царя Канишка и под председательством Васумитра (выше, эта глава, § 4), были известны в Китае, как 500 архатов, составивших Абхидхарма–махавибхаша–шастра (阿毗達大毗娑沙論) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1263, переведена в 656–659 гг. Сюань–цзаном). Однако, эти архаты явно отличались от тех, кто проживал на Тянь–тай–шань, которых считали личными учениками Будды, поскольку по некоторым преданиям их лидером был Вакула. Кроме этого, их имена неизвестны, хотя существует список, составленный в более позднее время.

---

83 *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1495, написано в 988 г.; см. ниже, гл. IV.

84 Фа–сянь (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1496, с. 26 a), путешествовавший с 399 по 414 г., слыхал, что архаты проживали на горе Кукхутапада и по ночам посещали своих преданных сторонников чтобы поговорить с ними, порассуждать и разрешить их сомнения, после чего внезапно исчезали.

Мы узнаем из биографии китайской монахини Цзин–сю, принадлежавшей к школе Дхьяна, что она часто приглашала святых монахов, которым на протяжении семи дней подносила пищу. На большую встречу она также пригласила 500 архатов с озера Анаватапта (см. выше, эта глава, §§ 5, 6), а позже из Кашмира (т. е. участников последнего Собрания)[85]. Итак, мы видим, что в Китае почитались различные группы 500 архатов.

§ 14. Имена 500 *лохань*

В 1798 г. Ху Гуаньлань (胡觀瀾) написал «Восхваление изображений 500 архатов», 五百羅漢像贊, У–бо–ло–хань–сян цзань. Это были хорошо известные 500 *Лохань* из монастыря Цзин–цзе (淨慈寺) в Хан–чжоу (杭州), т. е. Хан–чжоу–фу (杭州府), столице провинции Чжэцзян, китайском метрополисе времен династии Южная Сун, с 1127 по 1279 год.

Там мы читаем, что при династии Сун впервые были сделаны глиняные изображения 500 *Лохань* из монастыря Цзин–цзе в Хан–чжоу. Их имена не обнаруживаемы в санскритских трудах, однако после в доме Гао Няньцзы была обнаружена каменная табличка с вырезанными на ней именами 500 архатов. Это были архаты из Цянь–мин–юань (乾明院, «Монастырь Небесного Света»), а табличка называлась Цянь–мин–юань Лохан цзунь–хао бэй, 乾明院羅漢尊號碑, или «Каменная табличка достопочтенных имен Архатов из Цянь–мин–юань»[86]. Ее сохранил Гао Таосу (高道素), предок Гао Няньсу, являвшийся чиновником Департамента различных работ. Изображения тех архатов были утеряны. Чжу Ицзунь (朱彝尊), *цзянь–тао* (檢討, ревизионный корректор в Ханьлинь низкого ранга), живший 1629–1709 гг., по свидетельству Ху Гуаньланя, писал об этих архатах и заявлял, что они — те самые 500 архатов с горы Тянь–тай, и что после многих лет камень раскололся. Однако, имена были скопированы ранее и переданы Ху Гуаньланю.

Последний говорил, что в соответствии с буддийскими трудами (названия которых он не приводит) Накуна (諾俱那) (т. е. Вакула, один из 16–ти архатов) с толпой из 800 последователей (также архатов) прибыл в Китай. Пятьсот из них остались жить на Тань–тай–шань, а триста остальных — на Янь–дан–шань (雁蕩山)[87]. По этой причине древнее предание гласит, что в храме Да–чжун (大中寺) в Хуай–ань (懷安, древний район времен династии Сун, к юго–западу от Цзинь–тан в провинции Сычуань) хранились образы 800 архатов.

85 Эту биографию написал Чэнь–ё; они цитируется в *Ракан–окэндэн* (написано в 1754 г., с. 4).

86 По *Ракан окэн–дэн* (羅漢雁驗傳), написанному Мэндзаном в 1754 г., Цянь–мин–юань являлся монастырем в Цзянь–инь (江陰) (в Чан–чжоу–фу, провинции Цзянь–нань). На табличке приводились имена 18–ти архатов, проживавших в миру, и 500 архатов с Каменного Моста. В эру Шао–цзин (1131–1163) ей была написана хвалебная речь, впоследствии опубликованная.

87 Название этой горы (также в Тай–чжоу) напоминает нам о Янь–дан–шань (雁宕山) в Вэнь–чжоу (温州), где, как говорили, жил архат Вакула, и о Янь–фун (雁峯) в том же районе, где на стенах каменной пещеры были вырезаны изображения 500 *Лохань* (эта глава, § 17).

Далее Ху Гуаньлань пишет, что сам он, префект Шан–чжоу–фу (常州府), намеревался сохранить все древние памятники в своей префектуре. Он тщательно прочитал труд императора Гао Цзуна (高宗, правившего 1736–1795 в знаменитую эру Цянь–лун), озаглавленный *Вань–шоу–шань У–бо–ло–хань–тан цзи* (萬壽山五百羅漢堂記, «Записи Зала Пятисот Архатов с Вань–шоу–шань»). В этой книге император объяснял великую и благодатную силу архатов, обративших бесчисленное количество существ и побудивших их увидеть красоту небес. Затем Ху Гуаньлань собрал ремесленников и приказал им вырезать из камня 500 *Лохань* в монастыре Цзин–цзе в подражание древним глиняным образам, чтобы показать людям спасителей мира. Когда работа была завершена (1798 г.), он написал историю этих 500 архатов.

Он называет их «500 Почитаемыми с Каменного Моста», 石橋五百尊, так как по поверью они жили у Каменного Моста на горе Тянь–тай. Мы увидим ниже, что этот «Каменный Мост» часто упоминается в китайских и японских работах в связи с 500 архатами.

Список их имен, приводимый Ху Гуаньланем по скопированному им с каменной таблички, несомненно является позднейшей подделкой. Как правильно замечает Омура (1, 1, с. 3), некоторые из этих имен просто невозможны[88], другие приводятся дважды — один раз их санскритская форма (т. е. транскрипция), а второй раз их китайский перевод (например Васумитра, 世友). Это — mixtum compositum имен личных учеников Будды (таких, как Каундинъя, Анируддха, Субхадра и др.) и позднейших святых, подобных Васумитра, председателя Третьего Собрания. Таким образом, этот список не имеет вообще никакой ценности; мы не знаем имен 500 *Лохань*. Однако в настоящее время в Китае и в Японии этот фиктивный список служит основой для их определения.

Династия Сун (960–1279) называется Ху Гуаньланем временем, когда были сделаны первые глиняные изображения 500 архатов, а также, как мы видели выше (в предыдущем параграфе) — время их первых упоминаний в китайских буддийских трудах[89].

§ 15. 500 Лохань в монастыре Цзин–цзы (浄慈寺) в Хан–чжоу (杭州), провинции Чжэцзян, построенном в 954 г.

Си–ху–цзи, 西潮志, или «Записи Западного Озера» (рядом с Хан–чжоу), написанные в 1735 г., цитируются в «Трактате о 500 архатах из монастыря в Хан–чжоу» (杭州浄慈寺五百羅漢考)[90]. Мы узнаем об этом из японской работы, оза-

88 См. такие имена, как 毒龍昄依、見人飛騰、應眞 (Archat)、 住世間 и т.д., с помощью которых автор, явно собиравший индийские имена и изобретавший другие, достигает числа 500.

89 Омура (1. 1. Гл. VIII, § 21) упоминает также группу из 53 архатов, приручавших и подчинявших таинственных птиц и странных четвероногих, на картине, описанной в поэме китайского буддийского монаха Тун–юна, 通容; он ссылается на *Ракан–дзу–сансю*, гл. II.

90 См. Wylie, *Notes on Chin. Literature*, sec. ed., p. 55: начало 18–го века; Chavannes and Levi, *Les 16 Arhats*, *Journal Asiatique* 1916, p. 280 (141): 1735.

главленной *Ракан дзусан–сю*, 羅漢圖讚集, или «Коллекция восхвалений картин Архатов», написанной в 1850 году буддийским монахом Тэцудзё, 徹定[91].

В *Си–ху–цзи* говорится, что монастырь школы Дхьяна Цзин–цзы–сы был построен в первый год эры Сянь–дэ поздней династии Чжоу (954) по приказу царя Цянь Шу, 錢俶, пятого принца У и Юэ, правившего с 947 по 975 год, а затем передавшего власть первому императору династии Сун[92]. Он назвал монастырь Хуэй–жи юн–мин–юань, 惠日永明院, или «Монастырь Вечного Света милосердного Солнца», и приказал учителю школы Дхьяна Дао Цяню (道潜禅師) поселиться в нем. Когда этот монах собирался попросить царя о золоте, чтобы отлить из него статуи 18–ти архатов, царю приснился сон, что святые поддерживают эту просьбу. На следующий день просьба Дао–цяня была получена и удовлетворена. Тогда он построил часовню (зал *Лохань* 羅漢堂), однако, поскольку затем она была уничтожена огнем, буддийский монах Дао–юн (道容) за пять лет воздвиг новое святилище, приказал одному монаху вырезать (из дерева, или камня?) статуи 500 архатов и поместил их в зал Тянь–цзы (田字殿)[93].

Затем цитируется отрывок из Махапари*нирвана* сутра (рассматривалась выше, эта глава, § 8), где истории о 500 слепых нищих и 500 блуждавших торговцах смешаны с историей о 500 торговцах, ослепленных разбойниками, пришедших к Будде и немедленно ставших архатами. Затем они разошлись и стали жить в горах и лесах, обретши способности разделять свои тела, превращаться в различные существа и приносить счастье человечеству. По мнению автора Си–ху цзи, это были 500 архатов из монастыря Цзин–цзы, чьи изображения были вырезаны или слеплены из глины (塑) по приказу Дао–юна. Их лица отличались друг от друга, однако все они походили на живущих людей. Окончив работу, монах, создавший их, исчез (что может указывать на то, что и он сам был архатом).

Дао–юн воздвиг маленький храм (龕, *кан*) с открывающимися желтыми шторами, чтобы поместить там 422–го из этих 500 архатов, 阿濕毘 (Ашви?). Это — 231–й архат из списка, упомянутого в предыдущем параграфе, где 422–й — 無邊身, «Безграничное Тело», Анантакая, определение бодхисаттвы Кшитигарбха[94], однако здесь явно указывающее на способность архата превращаться и по желанию разделять свое тело. У стены храма он поместил *цзянь–тун* (籤筒), т. е. чашку с кусочками бамбука (для гаданий), какие мы видим в храмах. Бездетные женщины ходили туда и молили о ниспослании детей, возжигая благовония и натирая живот архата своими ладонями. Во времена автора (18–й век) храм пришел в упадок.

Другой писатель династии Цзин, Лу Цзыюнь (陸次雲) в своей книге, озаглавленной *Ху–чжуань цза–цзи* (潮壖雜記, «Различные записи о земле у Озера» [т. е.

91 Гл. III, с. 25.

92 См. Giles, *Chin. Biographical Dictionary*, Nr. 365, p. 144.

93 Использван иероглиф 刻, вырезать, что указывает на каменную, или деревянную фактуру изображений; однако Ху Гуаньлань (выше, эта глава, § 14) использовал иероглиф 塑, изображать в глине.

94 См. мою работу о бодхисаттве Ди–цзан (Дзидзо) в Китае и Японии, гл. III, § 3, с. 124 (Индо Дзидзо, владыка Рая).

Хан–чжоу, у Западного Озера])[95], также говорит об этом монастыре и рассказывает, как царь У–Юэ (т. е. Цянь Шу, упомянутый выше) увидел во сне 18 гигантских людей, как он приказал сделать 18 статуй этих архатов такими, какими их увидел. Он говорит также, что во времена династии Южная Сун буддийский монах Дао–юн добавил другие статуи до общего числа в 500, и у всех у них были разные лица, и всех их поместили в зал Тянь–цзы. «Те, кто жег для них благовония (и молился им), считали их в соответствии с количеством собственных лет, начиная откуда угодно; если лицо последнего архата в этом числе оказывалось грустным, это предсказывало горе для молившегося; если же оно было радостным, то ему предстояла счастливая жизнь». Так, если кто–то, будучи тридцати лет от роду, начнет считать, начиная от сотого архата, лицо 129–го предскажет ему будущее, добрую, или злую судьбу.

Бамбуковые палочки из предыдущего отрывка, а также вышеприведенное описание указывают на гадательную силу, приписывавшуюся архатам; древние легенды, рассматриваемые ниже (гл. IV) подтверждают этот факт. Автор также упоминает благословение ребенком, оказанное архатом бездетной чете, что напоминает нам описанное выше обращение женщин к архатам с просьбой о ниспослании детей.

Относительно 18–ти архатов царя У и Юэ он говорит, что на скале рядом с Янь–ся–дун (烟霞洞), или «Пещерой Туманных Испарений», были вырезаны 6 архатов. Когда они явились во сне царю и попросили, чтобы тот воссоединил их с друзьями, он добавил остальные двенадцать. Это явно другая легенда, так как в предыдущей говорилось о 18 гигантских архатах, явившихся ему во сне, и образы которых были сделаны отдельно, а не вырезаны на одной скале.

Мы обнаруживаем в зале *Лохань* монастыря Цзин–цзе, упоминаемом в *Янь–нань цзи–тань* (燕南紀譚, «Повествования Южного Янь»). Там мы читаем, что в стародавние времена настоятелю Сюй–цзю (虛谷) с Цзин–шань (徑山) приснилось, как он вошел в зал, а один из архатов указал на стихотворение. Эта поэма, состоявшая из четырех строк по семь иероглифов, была, как он понял позднее, предвестием того, что он станет настоятелем Цзин–шань и Ян–шань (仰山). Так архат предсказал его будущее[96].

§ 16. 500 Лохань с «Каменного Моста» (石橋) на Тянь–тай–шань (天台山) в провинции Чжэцянь, упоминаемые в 988 г.

Старейшая книга, в которой мы встречаем 500 архатов с горы Тянь–тай, — Сун–гао–сэн–чжуань, 宋高僧傳, «Биографии знаменитых монахов (поздней) династии Сун», написанная в 988 г., в которой рассказывается о монахах, живших в Китае между 645 и 988 годами.

Как мы увидим ниже, (гл. IV, § 4), в этой работе[97] говорится о *шрамана* Пу–

95 Т. 52 из 龍威秘書, § 13.

96 Цитируется в *Ракан–дзу сансю*, гл. III, с. 41.

97 Гл. XXVII, с. 7.

ань, весьма ревностном монахе из Фу–дянь–сы (福田寺, «Монастыря Полей Счастья», т. е. будущих благодеяний, посредством которых архаты побуждают людей совершать добродетельные поступки) на горе Тянь–тяй, который построил там «Зал 500 архатов» (五百羅漢堂) и приказал нарисовать их портреты. Каждый раз, когда заканчивали одну из картин, Пу–ань с помощью ночной церемонии вводил архата в храм, а последний в образе птицы с золотыми перьями залетал в святилище со стороны Каменного Моста. То, как царь страны почитал этих архатов, становится очевидным из факта, что он сам провел в их честь церемонию в храме. На Каменном Мосту их видели ходившими, или сидевшими в облике индийских монахов и исполявшими бесчисленные чудеса.

Другая книга, Цзин–дэ чжуань–дэн лу, 景德傳燈録, или «Записи о Передаче Лампы (Закона) до эры Цзин–дэ (1004–1007)», составленная в эту эру монахом школы Дхьяна Дао–юанем, 道源 (см. ниже, гл. IV, § 5), учит нас, что гора Тянь–тай считалась школой Дхьяна местом, где некоторые из принадлежавших к ней великих настоятелей могли встретить святых монахов. Последние давали им советы относительно постройки монастыря на этой горе[98], или творили чудеса, например ходили по воде, как по твердой поверхности[99].

По *Фу–цзу дун–цзи*, 佛祖統記, или «Общим записям о Будде и патриархах», составленным в 1269–1271 гг. (см. ниже, гл. IV, § 6), монах Тянь–тай, умерший в 1158 г., считался людьми одним из 500 архатов с Тянь–тай–шань. В той же работе говорится, что в первом году эры Юнь–си (984) император Тай–цзун (太祖) приказал изготовить 516 изображений архатов. Он преподнес их — очевидно, две группы в 500 и 16 архатов — храму Шо–чан (壽昌寺) на Тань–тай–шань[100].

Хорошо известная японская работа *Гэнко сякусё*, 元亭釋書, написанная до 1346 г. буддийским монахом Сирэном, 師錬, сообщает следующее: «В 1168 году Эйсай (栄西, знаменитый пропагандист школы Дхьяна в Японии, живший 1141–1215) пришел на Тянь–тай–шань, и прекрасный вид гор и потоков наполнил его великой радостью. Когда он прибыл на Каменный Мост, то сжег благовония и чай и (этим) восславил 500 Великих Архатов, проживающих там. Вскоре после этого он вернулся в Японию[101]». Эйсай никогда не забывал об этом оставившем в его душе глубокий след путешествии на святую гору, где он оставался долгое время во время своей второй поездки в Китай, продолжавшейся с 1187 по 1191 год. Неудивительно, поэтому, что с древности архаты особенно почитались школой Дзэн. Ниже (эта глава, § 27) мы увидим, что «Пятьсот архатов с Каменного Моста» существовали даже в Японии, а именно — каменные изображения в Исибаси («Каменный Мост») рядом с деревней Атода в провинции Бидзэн.

Связь школы Тянь–тай с культом архатов предстает очевидной в истории,

98 Гл. XXVII, с. 97.

99 Гл. IX, с. 69.

100 См. Омура, 1.1. гл. IX, с. 21.

101 *Кокуси тайкэй*, т. 14, гл. 2, биография Эйсая, сс. 655 и далее.

обнаруживаемой в *Юнь–юй ян–цю* (韻語陽秋)[102]. В Ху–чжоу (湖州) была найдена жемчужина с изображением архата, правое плечо которого было обнажено, голова поднята, смотрел он налево. Все особенности одеяния были ясно видимы. И все же это была природная жемчужина, извлеченная из раковины именно в таком виде. Монахи и миряне были поражены, радовались и преподнесли жемчужину монастырю Цзы–гань (慈感) школы Тянь–тай в Чэн–нань (城南), расположенном на реке Тяо. В эру Цзянь–янь (1127–1130) два человека играли с жемчужиной, перебрасывая ее из рук в руки, как вдруг она перелетела через перила и упала в реку. Позже, когда ее берег оголился, жемчужину стали искать и нашли, после чего для нее построили храм. Там она и хранилась, что показывает, сколь драгоценным, ценным предметом она считалась из–за проступающей на ней фигуры архата.

Эдкинс[103] описывает, как в 575 году монах Чжи–кай пришел на Каменный Мост, «где теперь стоит монастырь Фан–гуан». «Громкий рев водопада, расположенный вблизи на склонах гор лес, два горных ручья, сливающихся перед тем, как низвергнуться в расщелину, затем проходящие под природным мостом и далее к водопаду, а уже оттуда стремящиеся на север, — все это придает месту ауру грандиозности в сознании отшельника. Оно представляется местом обитания сверхъестественных существ. Именно они вызывали эти необычные природные явления. *Лохань*, продвинутые ученики Будды, чьи сила и знание столь велики, должны там проживать. Собственно, легенда вскоре превратилась в массовое верование; говорили, что музыка *Лохань* по временам слышалась бодрствующим в своих кельях монахам незадолго до рассвета. Хор из пятисот голосов в этот тихий момент гармонично звучал среди лесов. Такая колония великих учеников Будды придавала этому дикому горному району сакральный характер. В каждом монастыре региона теперь существует зал, посвященный изображениям 500 *Лохань*, а рядом с природным мостом стоит небольшое святилище, в котором располагаются 500 маленьких каменных фигурок, которым молятся те, кто осмеливается перебраться через расщелину по узкой и опасной тропе».

Величественное изображение этого известного моста представлено нам в *Кокка* (№ 118, илл. VI, с. 193): это картина Сога Сёхаку (曾我蕭白), умершего в Киото в 1781 г. Огромное количество львов бегают вокруг, вспрыгивают и скатываются с крутого моста и отвесных скал в бездонную пропасть в реве водопада и в пару белых облаков. (Наш л. I, илл. I.)

Здесь мы можем процитировать еще одно описание зала 500 *Лохань* в Би–юнь–сы, храме в двенадцати милях к западу от Пекина. Эдкинс описывает этот зал следующим образом: «Строение представляет собой большой квадрат и включает шесть галерей. Вход в него расположен с севера. Первая фигура, встречающая посетителя — Майтрейя. Он стоит лицом к дверям. За ним и рядом — центральная северная–южная галерея. По обеим ее сторонам, как и в остальных пяти галереях,

102 Цитируется в *Ракан дзусансю*, гл. III, с. 42.

103 *Chinese Buddhism*, sec. ed., Ch. VIII, pp. 177–79.

расположены сидящие фигуры *Лохань* в человеческий рост. Они сделаны из глины и восседают на каменной террасе два фута высотой. Справа и слева — параллельные галереи. Четыре маленьких дворика в центрах четырех четвертей большого квадрата освещены длинными рядами бумажных окон в галереях. На балке над головами, рядом со входом, расположена маленькая фигура, номером пятьсот первая, помещенная здесь, как дополнительное изображение. Леганда гласит, что этот *Лохань* опоздал, появившись, когда все места были уже заняты, и поэтому ему пришлось довольствоваться местом на крыше».

§ 17. 500 лохань в каменной пещере горы Янь–фун (雁峯, «Вершина Дикого Гуся») в Вэнь–чжоу (温州), провинции Чжэцзянь (XII в.)

Ло–бан и–гао, 樂邦遺稿, работа, дату написания которой мы не знаем, цитируется в *Ракан дзусансю* (гл. III, с. 44) относительно 500 *Лохань* с горы Янь–фун. Там мы читаем следующее.

Во времена императора Гао–цзуна (高宗, 1127–1162) династии Южная Сун Цинь Гуэй (奏檜) занимал высокую должность *тай–ши* (太師). Перед его рождением мать увидела во сне, как величественный буддийский монах, одетый в красивые одежды, вошел в ворота и сказал, что сейчас изложит ей Закон. Окончив церемонию, он сказал ей, что пришел с «Вершины дикого гуся», Янь–фун, в Вэнь–чжоу (район в провинции Чжэцзянь)[104].

Он добавил, что, как ему кажется, еще в прошлой жизни они имели какую–то семейную связь, и попросил позволить ему провести ночь в ее доме, что она с готовностью разрешила. После она забеременела и родила Цинь Гуэя. Когда он вырос, то стал чиновником, и однажды ему приснилось, что он вошел в горную пещеру, сел и стал медитировать. Получив последовательно несколько чиновничьих постов, он стал губернатором Тай–чжоу и Вэнь–чжоу и побывал в Пещере 500 *Лохань*. Это была горная пещера в горе Янь–фун, с вырезанными в ней изображениями 500 архатов. Увидав эти древние изображения, он немедленно вспомнил сон своей матери и свой собственный и понял, что с прошлых поколений состоит в каких–то родственных отношениях с этими архатами. Затем он записал на стене пещеры стихотворение, где выражал свои чувства относительно столь замечательной связи между своим сном и тем, что сейчас он находится в такой же пещере, которая ему приснилась. Далее в поэме он замечает, что после двадцатилетней официальной карьеры он еще не считает, что пришло время прекратить исполнение обязанностей в этом мире, но что в отправлении своего официального долга он будет строго

104 *Мун ци би дань*, 夢溪筆談, написанная приблизительно в середине 11–го века Чэнь Го, 沈括, и цитируемая в *Ракан дзусан–сю*, гл. III, с. 41, сообщает, что архат Накула (諾矩羅) жил на Янь–дан–шань (雁宕山) в Вэнь–чжоу (温州). См. выше, эта глава, § 14, где Ху Гуаньлань упоминает 300 архатов с Янь–дан–шань (雁陽山).

придерживаться высокого учения, проповедуемого архатами, и защищать его.

Значение истории ясно. Один из 500 архатов той пещеры, с прошлых рождений находясь в тесных отношениях с этим чиновником, реинкарнировал себя в нем, дабы охранять буддийское учение с помощью его официальной власти. Этот архат сперва явился его матери во сне, а после побудил Цинь Гуэя постичь его связь с архатами пещеры, поддерживая тем самым Закон Будды.

§ 18. «Зал *лохань*» (羅漢堂), храм у подножья горы в Цин–чжоу (青州) провинции Шаньдун (1163 г.)

Лу Ю (陸游), чьим псевдонимом было Фан–вэн (放翁), живший во времена династии Южная Сун с 1125 по 1209 г., в 1163 году навестил своего друга И, проживавшего у подножия Цин–шань (青山) в Цин–чжоу. Он рассказывает нам об этом визите в книге под названием Цин–чжоу Ло–хань–тан цзи, 青州羅漢堂記[105], или «История зала *Лохань* (часовни) в Цин–чжоу».

Друг показал ему свой дом, где был длинный зал и комната в центре. Там располагалась также буддийская часовня с изображением и сад с высокой горой и глубокой долиной; в этой горе были пещеры чудесной формы. Далее, там был водопад, ниспадавший в долину, а бодхисаттвы и архаты гуляли по этой прекрасной местности, так что Лу Ю почувствовал себя взирающим на Го–мэй–шань, (снежную вершину в Сычуань рядом со слиянием рек Да–ду и Минь), или на Тянь–тай–шань, населенную *Лохань*.

Этот дом был построен неким Ваном с левой стороны от могилы одного из своих друзей, дабы это стало местом молений о счастьи души последнего. По просьбе Вана, И жил там более 10 лет. Сад с изображениями бодхисаттв и архатов (так как, разумеется, это была имитация горного пейзажа с изображениями, расставленными так, как если бы они гуляли по этой местности) был сделан по приказу И и обошелся в тысячу золотых. Когда он попросил Лу описать этот храм архатов, автор исполнил его пожелание.

Эта интересная история показывает нам, как тесно династия Южная Сун связывала архатов с горными пещерами: их изображения расставлялись в окрестностях, имитировавших пещеристые горы и напоминающих гостям о горе Тянь–тай. Далее из этого отрывка мы узнаем, что бодхисаттвы и архаты объединялись как подобные существа. Очевидно, их обоих считали могучими защитниками душ усопших — отсюда храм у могилы друга Вана — и, одновременно, оба эти класса были установителями и пропагандистами Закона Будды, что приносило бесчисленные благодеяния живым существам.

Описание сада с архатами напоминает нам о залах *Лохань* современности, описанных Эдкином (*Chin. Buddhism*, p. 242). Там мы читаем следующее: «Иногда в этом промежуточном пространстве (между залом четырех Царей–Дэва и за-

105 Цитируется в *Ракан дзусансю*, гл I, с. 27.

лом Шакьямуни) помещается так называемый зал *Лохань*, где на восточной и западной стенах расположены вырезанные фигурки пятисот архатов из буддийских легенд. Они расположены на протуберанцах грубой барельефной сцены. В других случаях эта группа 500 архатов помещается над более сильной и более известной группой из 18–ти архатов в зале Шакьямуни».

§ 19. Образы 500 архатов из Цзы–фу–сы (資福寺) в Гуан–чжоу (廣州), провинции Гуандун, сделанные в XI в.

Дун–по (東坡), т. е. знаменитый поэт и эссеист Су Ши (蘇軾), живший 1036–1101, написал Гуан–чжоу Цзы–фу–сы *Лохань*–го бэй–цзи, 廣州資福寺羅漢閣碑記, «Надпись (или «История»?) на каменной пластине в зале *Лохань* (коридоре) храма (монастыря) Цзы–фу в Гуан–чжоу» (в провинции Гуандун). В 1094 году он был сослан в эту провинцию, а после — на остров Хайнань[106]; таким образом он, вероятно, написал об этом храме архатов вскоре после 1094 года. *Ракан дзусансю*, упоминающая о нем, пишет, что, по его утверждению, статуи 500 архатов были сделаны для этого храма.

Здесь мы находим изображения 500 *Лохань*, созданные в 11–м веке, т. е. во времена династии Северная Сун (960–1127).

То же относится и к другой группе 500 архатов, упомянутой в Цзянь–чин–юань у–бо Ло–хань цзи, 羅漢薦誠院五百記, «Истории 500 архатов из монастыря Цзянь–чин». Там упоминаются десятый год эры Си–нин (1077) и Цянь–тан (錢塘) в Хан–чжоу (杭州) (см. § 15, где говорится о другом храме 500 *Лохань*).

§ 20. Образы 500 архатов из Сян–гуо–сы (相國寺) в столице Сун (Кай–фун–фу в провинции Хонань) (1077 г.)

Дун–че би–лу (東車筆録) рассказывает нам, как летом десятого года эры Хи–нин (1077) случилась ужасная засуха в районе вокруг столицы. Император Шэнь–цзун (神宗) долго и с великим рвением постился, дабы положить конец этому бедствию. Одной ночью ему приснился буддийский монах, ехавший верхом по воздуху, выплевывая облака и пар. На следующее утро пошел проливной дождь. Император весьма возрадовался и приказал изготовить статую монаха по своему описанию. С помощью скульптуры он был идентифицирован, как тринадцатый из 500 архатов у храмовых врат в Сян–гуо–сы (相國寺) в столице (Кай–фун–фу, 開封府, тогда называвшийся Бянь–цзин, 汴京, в провинции Хонань). Ван Гуэй (王珪), премьер–министр, поздравил своего Высочайшего Повелителя следующей поэмой:

«Хороший премьер–министр молил об обильном дожде и возводил тщетные взгляды (к небу),

106 См. Giles, *Biogr. Dict.*, Nr. 1785.

Божественный монах создал туман и ответил на прочувствованные просьбы».
良弼為霖承空望、神僧作霧應精求。

Затем Юань Цзянь, Советник Департамента Прошений, составил другую поэму, тесно связанную с первой. Он сказал:

«Благородный скакун Сянь промчался по облакам и, пронзив их, спустился вниз;
Цветок Будды набух дождем и, обойдя небо, побудил дождь пролиться».
仙驥乘穿雲下、佛花吹雨匝天流。

Эти стихи были так популярны, что превратились в народную песню[107]. Причиной того, что император приказал искать монаха по его изображению, а его министр заговорил о «хорошем премьер–министре», ставшем «обильным дождем», заключена в знаменитом отрывке из *Шу–цзин*[108]. Там мы читаем, как царю Гао–цзуну из Инь (殷) приснилось, что Небесный Император даровал ему хорошего премьер–министра, говорившего (правившего) вместо него. «Затем он в деталях описал облик того человека и приказал объявить розыск с помощью изготовленной фигурки по всей империи. Юэ, строитель из земли Фу–янь, был признан похожим. Царь возвысил его и сделал премьер–министром, держа его постоянно при себе. Он наставлял его так: 'Утром и вечером представляй свои советы, дабы направлять мою добродетель. Если я — стальное оружие, то тебя использую, как точильный камень. Если я пересекаю бурный поток, то воспользуюсь тобой, как лодкой с веслами. Если для меня настанет засушливый год, то я использую тебя, как обильный дождь!'»

Именно этот отрывок имели в виду император Шэнь–цзун и его министр, когда архат облагодетельствовал страну, принеся обильный дождь. Изображения 500 архатов были, очевидно, установлены в отдельном строении рядом с воротами храма, чтобы они охраняли вход и оберегали святилище от злых воздействий.

Что касается архатов, как подателей дождя во время засухи, то мы можем упомянуть поэму Цян Цзи (曾幾) династии Сун, в которой выражена радость поэта по поводу небольшого дождя, приписываемого божественной помощи архатов с Хуай–ю–шань (懷玉山). Хотя моления были услышаны, и дождь прошел, его было недостаточно, так как засуха была жестокой. Однако Цан Цзи возрадовался и составил стихотворение: «Легкий дождь длился три дня. Вызывание продолжительного дождя в три дня равно 10000 золотым. Если архаты хоть немного опустят руки, этого достаточно, чтобы утешить сердца старых крестьян. (Но) если они действительно желают заполнить тысячу хранилищ (рисом), должно выпасть дождя еще на один фут. Ни один из тревожащихся людей не ложится спать; все они сидят в правильном сосредоточении (почтительно) и вслушиваются в добрые звуки (дождя)»[109]. Эти архаты были группой 16–ти, нарисованных Гуань–сю, которые, по свидетельствам некоторых писателей, пребывали в Юнь–тан–юань (雲堂院) на Хуай–ю–шань в провинции Цзяньси (см. ниже, гл. III, § 19, B).

---

107 Цитируется в *Ракан дзусансю*, гл. III, с. 41.
108 說命、上; Legge, *Chin. Classics*, vol. III, part I, pp. 250 sqq., *Шу–цзин*, часть 4, книга 8, илл. 1,4.
109 Цитируется в *Ракан дзусансю*, гл. 1, с. 27.

§ 21. Картина 500 архатов, написанная буддийским монахом Фа–нэном (法能) из У до 1080 г.

Цинь Гуань (秦觀) в своих У–бо Ло–хань ту–цзи, 五百羅漢圖記, «Записях о картинах, представляющих 500 архатов», написанных в 1080 г. (третий год эры Юань–фун), говорит об одной картине на свитке (軸), представляющей 500 архатов и написанной буддийским монахом Фа–нэном (法能), знаменитым служителем из У (世傳吳僧). Этот монах, который, как считается, написал картину с 500 архатами для У–сянь–чжи[110] (吳縣志), топографического труда, который, по Уайли[111], был создан где–то в 1529 году, жил во времена Сун и, поскольку Цинь Гуань написал свою книгу в 1080 г., мы знаем, что эта картина появилась до этой даты. Возможно, это — самое старое изображение 500 *Лохань* и, как замечает Омура, Фа–нэн мог быть первым, кто представил их в живописи. Цинь Гуань заявляет, что ее письмо было не весьма чистым, однако хвалит ее страстный тон, утонченность и элегантность стиля. Тэцудзё, автор *Ракан дзусансю*, говорит, что получил эту картину (вероятно — ее старую копию на шелке, семь сяку и один сун в высоту и четыре сяку в ширину) и перевел ее на печать.

Цинь Гуань описывает различное поведение и атрибуты архатов на этой картине (см. Омура, гл. 10, с. 22). Один из них вошел в *самадхи*, сидя в *кань* (龕, сосуд, в котором помещали умирающих монахов; также — храм). Другой сидит со скрещенными ногами и излагает собравшимся вокруг него восьми ученикам Закон. Шесть архатов разъясняют сутры, шесть других дискутируют о сутрах, пять держат драгоценные пагоды, восемь склоняют головы перед сиянием реликта. Четыре дают пищу голодным демонам (*прета*), пять других — птицам, рыбам и черепахам. Шесть поднимаются на облаках, семь получают прошения об очищении. Некоторые получают жемчужины, подносимые им девушками нага, другие получают цветы, или одеяния. Трое сидят на драконах, трое — на тиграх, трое — на лошадях, трое — на слонах, трое правят львами, один излагает Закон для носорогов, а еще один сидит на гигантском питоне, держа прямо *хаккхара* и т. д., и т. д.

Будда виден посреди их, а по его сторонам — два бодхисаттвы, сидящие на льве и на слоне (очевидно — Маньджушри и Самантабхадра). Другие фигуры этой центральной группы, всего 31, являются 10 учениками Будды (вероятно — 10 Великих Учеников, упоминавшихся выше, эта глава, § 11), 16 архатов, почтительно глядящих на Будду и выступающих перед ним (вероятно — знаменитая группа 16–ти архатов[112], которая будет рассмотрена ниже, в следующей главе) и два добрых духа, стоящих справа и слева, одетые в доспехи, сжимающие в руках мечи и боевые топоры.

Далее, представлены 16 юных прислужников, 14 демонов с израненными телами

110 Обе работы цитируются в *Ракан дзусансю* и у Омура, 1.1., гл. 9, с. 21.

111 Wylie, *Notes on Chin. Lit.*, sec. ed., p. 50.

112 Если это так, то Рахула изображен дважды, поскольку он относится также и к 10 Великим Ученикам.

и птичьими клювами, едущих на драконах, лошадях, слонах, получающих пищу, преподносящих книги и т.д., 19 различных человеческих существ (преподносящих цветы, благовония, дорогие одеяния и шапки и т.д.) и 40 больших и малых животных (птицы, драконы, тигры, носороги, слоны, львы, лошади, коровы, верблюды, большие змеи и обезьяны), все которые считают архатов своими повелителями. Омура замечает, что 500 архатов, так же, как и 16 архатов рисовались различно, в соответствии со вкусом художника. Мы не знаем, как представляли 500 *Лохань* с Каменного Моста. Описание Цинь Гуаня может служить образчиком картин такого рода; в то же самое время, картина Фа–нэна может являться из них старейшей.

§ 22. 500 *Лохань*, нарисованных знаменитым Ли Лунмянем (季龍眠), умершим в 1106 г.

Giles в его *Introduction to the History of Chinese pictorial art* (с. 109) пишет о Ван Май в следующих выражениях. «Ван Май[113], писавший в 1206 г., повествует, что вскоре после того, как Ли Лунмянь окончил изучать лошадей, он написал картину Пятисот *Лохань*, или учеников Будды Шакьямуни, что заняло у него несколько лет. По Ван Маю, который лично видел картину, эти ученики, 'толстые, худые, высокие, низкие, старые, молодые, миловидные, неприглядные, каждый имел свою особую характеристику. Некоторые ходили по морю, как если бы то была сухая земля, а драконы, черепахи и чудища пучин внимали их словам с преклоненными головами'. Другие наслаждались 'музыкой Небес'; другие просто 'стояли, каждый с вазой, или патра (чашей для подаяний), или посохом, или мухобойкой в руках'. Некоторые снимали одеяния, или омывали ноги, или сидели на камнях, поглощенные созерцанием».

Омура (1.1. гл. 9, с. 21) указывает на 畫系, или «Нить художеств» (сокращенный заголовок? время?), описывающую 500 архатов Ли Лунмяня, изображенных в ландшафтах с соснами, реками, скалами, облаками, ветром и солнечным светом, мостами и дворцами; сидящими в медитации, или пересекающими море, гуляющими бесцельно и с достоинством; подчиняющими тигров и драконов, верхом на лошадях, или в повозках; сидящими на львах, или слонах[114]; оленей, подносящих цветы, обезьян, подносящих фрукты, варваров, почтительно склоняющих головы, царей нага, молящих об очищении, журавлей, танцующих в лотовой долине, и т. д.

Автор времен династии Мин Чжан Чоу (張丑), упоминаемый в *Ракан дзусансю* Омура (сс. 21 и далее) заявляет: «С древних времен семейство Хань хранит картину [очевидно — макимоно] с изображением 500 архатов (應眞) кисти Ли Боши (季伯時). Это подлинный образчик на белой пеньковой бумаге (白麻紙眞跡) с чрез-

113 Это, вероятно, Ван Мо, 王懋, который, по Уайли (1.1. с. 161) к концу 12–го века написал *Е го цун шу*, 野客叢畫, «большое собрание отдельных описаний предметов национального антиквариата, считающееся одной из лучших работ такого типа, хотя и не вполне свободной от ошибок».

114 Это напоминает нам о Маньджушри и Самантабхадра, бодхисаттвах, упоминавшихся в предыдущем параграфе.

вычайно необычными деревьями и скалами и живо изображенными людьми; посредине — парообразные облака, драконы и вода, дворцы и утварь, все весьма изысканное... Ее следует считать главным (冠) из рисованных свитков (畫卷) Бо–ши. В конце мы читаем следующую надпись: 'Восьмой месяц шестого года Юань–фун (т. е. 1083). Лун–мянь шань–жэнь Ли Гунлинь, 龍眠山人季公麟(Ли Гунлинь, человек, живущий на горе Лун–мянь)'».

Если можно верить этой надписи, то в 1083 году Ли Гунлинь называл себя «человеком с горы Лун–мянь», хотя мы узнаем от Giles (с. 108), что в 1100 году он оставил холм Лун–мянь, откуда взял свой псевдоним и где умер в 1106–м. Имя Ли Боши, похоже, указывает на того же великого художника.

§ 23. Династия Сун (960–1279), как время, когда культ 500 *Лохань* распространился в Китае, в особенности в провинции Чжэцзянь, и когда художники стали изображать их в глине и на картинах

Из предыдущих параграфов (§§ 13–22) мы узнали, что до конца десятого века (988), насколько нам известно, в древних китайских биографиях буддийских святых нет упоминаний о 500 *Лохань*. Хорошо известными были пребывающие на Тянь–тай–шань.

Индийская история о 500 слепых нищих, которые после мгновенного превращения в архатов рассеялись и стали жить в горах и лесах, творя чудеса и принося счастье человечеству, была переведена в пятом веке.

Что касается представлений о 500 архатах, живущих в пещерах на горе и появляющихся среди людей, то они были знакомы читателям труда Сюань–цзана «*Ши–ю–цзи*» с середины седьмого века (646). Поклонение похожей группе (которая, предположительно, проживала у Каменного Моста горы Тянь–тай), однако, распространилось гораздо позже, в десятом веке. Тогда на горе был воздвигнут «Зал 500 *Лохань*», написаны их картины, а в 984 году созданы их скульптурные изображения. Приблизительно в то же время была построена часовня *Лохань* в Цзин–цы–сы, монастырь школы Дхьяна в Хан–чжоу, в котором поместили глиняные и деревянные изображения 500 архатов.

В 11 веке были созданы изображения Цзы–фу–сы в Гуан–чжоу и Цзянь–чин–юань в Хан–чжоу, а Фа–нэн написал свою картину 500 *Лохань*, описанную Цинь Гуанем (1080). Также 500 *Лохань* Ли Лунмяня датируются тем же временем.

12–й век демонстрирует нам монаха Эйсая, пропагандиста школы Дхьяна в Японии, поклоняющегося 500 архатам с Каменного Моста горы Тянь–тай.

В пещере 500 *Лохань* в горе Янь–фун, «Вершине дикого гуся» в Вэнь–чжоу помещались их изображения, высеченные на скале, а сад «Зала *Лохань*» у подножия Цин–шань в Цин–чжоу представлял собой имитацию пещеристой горы, населенной бодхисаттвами и архатами. Поскольку все основные места, где процветал этот культ, располагались в провинции Чжэцзянь (Тянь–тай, Цзин–

цы–сы и Янь–фун), мы можем быть уверены в том, что эта провинция была его исходным и главным местоположением.

Таким образом, мы видим, что культ 500 *Лохань* возник в провинции Чжэцзянь в десятом веке и развился в двух последовавших столетиях. Вероятно, он начался с горы Тянь–тай, которая осталась его основным центром, и в особенности пропагандировался школой Дхьяна. Ниже мы увидим, что то же самое происходило и в Японии.

С. ПЯТЬСОТ *РАКАН* В ЯПОНИИ

§ 24. Единственная китайская картина 500 *лохань* в Японии: сто *какэмоно*, написанных в 1178 г. Линь Тингуэйе (林庭珪) и Чжоу Цзишаном (周季常) и сохраняемых в киотоском храме Дайтокудзи (大德寺) школы Риндзай

В *Нихон хякка дайдзитэн* (т. 4, с. 333), где заявляется, что в Японии существует очень много картин 16–ти архатов, но очень мало — 500 архатов, приводятся следующие детали китайских картин 500 *Лохань*, найденных в Японии.

В настоящее время в сокровищнице Дайтокудзи в Киото выявлено 82 картины, на каждой из которых представлены по пять архатов. Этот «Храм Великой Добродетели» принадлежит ветви Риндзай школы Дзэн (Дхьяна) и был построен в 1323 году. Исходно там было 100 таких картин, однако шесть из них были вскоре утеряны, а двенадцать других находятся в Бостонском музее, так что осталось всего 82. По преданию, исходно они являлись сокровищем Дзюфукудзи в Камакура. Это также святилище школы Дзэн, основанное в начале 13–го века знаменитым монахом Эйсаем (栄西), который, как мы видели выше (эта глава, § 16), поклонялся 500 *Лохань* на Каменном Мосту горы Тянь–тай. Возможно, он привез эти картины с собой из Китая, хотя в записях нет таких упоминаний. Из Дзюфукудзи они попали в руки семейства Ходзё в Одавара, а после того, как Тоётоми Хидэёси взял этот город (1590), он поднес их Хокодзи (方廣寺), новому храму Тэндай с громадной статуей Вайрочаны, построенному Хидэёси в 1586, но разрушенному землетрясением в 1596 году. В 1612 г. его отстроили заново, но, поскольку мы читаем, что картины с изображением архатов были, наконец, помещены в сокровищницу Дайтокудзи, можно сделать вывод, что это произошло в 1596–м. Все же, возможно, что они сохранялись в Хокодзи и после 1612–го года и были переданы в Дайтокудзи позднее.

Некоторые из этих 82 картин, оставленных в храме, имеют надписи, нанесенные *киндэй* (金泥, разновидностью золоченой краски). Из этих надписей мы узнаем, что они были сделаны в период династии Южная Сун в 5–м году эры Шунь–си (1178) для поднесения монастырю Хуэй–ань (Хуэй–ань–юань, 恵安院) в Мин–чжоу (明州), т. е. Нин–бо фу, 甯波府, в провинции Чжэцзянь. Стиль у двух художников —

Чжоу Цзишана (周季常) и Линь Тингуэя (林庭珪) — разный; автор статьи в *Нихон хякка дайдзитэн* явно предпочитает последнего и восхищается им. Он замечает, что, хотя сохранилось много буддийских картин времен династии Сун, датировка которых тщательно устанавливалась, лишь очень мало произведений того периода имеют как определенно подтвержденную дату создания, так и имя художника. Желающие познакомиться с буддийским изобразительным искусством династии Сун прежде всего должны взять эти картины за основу в своих исследованиях, так как они представляют собой великолепный образец этого направления.

Странно, что 12 из этих драгоценных картин переместились из японского храма в Бостонский музей. Омура (гл. 9, с. 22) не упоминает этот факт, но пишет, что «18 из 100 картин являются позднейшими копиями (後補)» (для замещения отсутствующих). Таки Сэйити, хорошо известный эксперт по китайскому и японскому искусству, в своей статье «Картины архатов династии Сун» (*Кокка*, № 238, сс. 277 и далее) приводит репродукцию одной из них (*Кокка*, № 238, илл. 2, работы Чжоу Цзишана, наш Лист 2, илл. 2; и вторую, того же мастера, *Кокка* 274, илл. 1, с. 209). Он пишет, что несмотря на надписи на картинах, их долго ошибочно считали работой Гуань–сю. Он также сообщает, что 12 из этих картин были проданы за границу и заменены копиями современных художников, тогда как 6 представляют собой произведения художника Кано взамен утерянных оригиналов. Некоторые из оставшихся картин прекрасны, однако прочие — среднего качества. По его мнению, работа Чжоу Цзишана по технике превосходит картины Линь Тингуэя. Об этих художниках он говорит: «Мы безрезультатно искали сведения по этому предмету в китайских биографиях. Довольно странно, что гораздо более посредственные художники того времени удостаивались упоминания биографов, тогда как признанные мастера, подобные им, остались незамеченными. Вероятнее всего, это были буддийские художники, жившие в безвестности и без патронажа двора, что и послужило причиной их забвения у историков, как это случалось со многими другими представителями той же профессии в подобных обстоятельствах». Относительно картины Чжоу Цзишана, репродукцию которой он приводит, он заявляет, что она принадлежит к лучшим китайским произведениям с изображениями архатов, ныне наличествующих в Японии. «И ценность ее тем более высока, поскольку на ней есть надпись, указывающая дату и автора.Уже один этот факт ставит эту и некоторые другие картины в ряд произведений, которые можно классифицировать, как редчайшие реликты древнего искусства. Мы даже можем сказать — ‘единственные существующие примеры’ такого рода, поскольку большинство древних китайских картин на эту тему являются всего лишь копиями, а те, что считаются шедеврами, не имеют надписей». Он завершает свою интересную статью, говоря, что не согласен с теми, кто больше ценит картины из Тодайдзи и из «Школы Изящных Искусств в Токио» в противовес хранящимся в Сэйрёдзи и Дайтокудзи. По его мнению, произведения из Сэйрёдзи являются великолепными образцами картин архатов времен династии Северная Сун, а из Дайтокудзи — династии Южная Сун.

§ 25. Старейшие японские картины 500 *Ракан* (1290 и ок. 1340)

По *Тэнка Нандзэндзи ки* (天下南禅寺記)[115], написанным в 1413 г. (О–эй, 20), в эру Сё–о (1288–1292) в Нандзэндзи, 南禅寺, главном храме ветви Риндзай школы Дзэн, в Киото был построен «Драгоценный Зал Великих Архатов» (大羅漢寶閣, Дай *Ракан* хокаку). Этот Нандзэндзи сперва был дворцом, но был переделан в храм в 1290 г. В этом «Драгоценном Зале» была найдена сделанная по обету табличка с пятью золотыми иероглифами, автографным подношением императора 500–м архатам. Когда строили Зал, одновременно писали картины 500 *ракан*, что по мнению Омура является единственным случаем такого рода в Японии.

В *Токай ити–о сю* (東海一漚集), написанном дзэнским монахом Энгацу Осё, 圓月和尚, жившим 1300–1375, говорится о картинах 500 *Ракан*, написанных в начале периода Намбокутё (1336–1392) Бэссю Рэйко (別宗令公), монахом из храма Риндзай Кэнтёдзи (建長寺) в Камакура[116]. В настоящее время в святилище нет этих картин.

§ 26. Пятьдесят картин 500 *Ракан*, написанных в 1383–1386 гг. Тё Дэнсу (兆殿司) и сохраняемых в храме Тофукудзи (東福寺) в Киото

В *Нёран сясэцу*, 如蘭社話, от мая 1889 (Мэйдзи 22) содержатся детали относительно 500 архатов Тё Дэнсу. Этот знаменитый художник, настоящее имя которого было Минтё, 明兆, являлся монахом из Тофукудзи, хорошо известного храма Риндзай в Киото. Он был *дэнсу*, 殿司, «Заведующим Залом» в этом святилище, — отсюда и имя, под которым он широко известен в мире искусства. Он жил с 1352 по 1431 год, и в 1383 г. нарисовал свой автопортрет и послал его себе на родину в подарок матери; на этой картине он написал дату и свой возраст (32, по японскому счислению годов жизни). Он послал ей этот портрет вместо самого себя, поскольку не имел возможности приехать лично, так как решил приступить к большой работе, т. е. нарисовать 500 архатов. Три года спустя, в 1386–м, он написал приложение (跋, *бацу*) к «Документу о подношениях архатам» (羅漢供祭文), где мы читаем: «Перед этим я написал картины 500 *Ракан* и испросил их охранять входные ворота в храм». Таким образом, мы знаем, что он закончил свою достойную восхищения работу до 1386 года.

Эти факты, которые мы узнаем из *Нихон хякка дайдзитэн* (т. 4, с. 333), согласуются с выкладками *Нёран сясэцу*. Автор этой книги сперва хвалит красоту картин и говорит нам, что война и смуты стали причиной потери некоторых из них; три все еще отсутствовали, а остальные нашли и вернули. Затем он приводит текст на свитке, озаглавленный: «Текст поклонения архатам» (祭羅漢文), датированный седьмым годом эры О–ан (1374). Это хвала Шестнадцати *Ракан*, которые, как слышали почи-

115 *Гунсё руйдзю*, 群書類聚, № XV, гл. 431, с. 229.

116 Цитируется в *Нихон хякка дайдзитэн* II и у Омура II.

татели, жили в мире и передавали утонченный Закон Будды. Дабы отблагодарить их за благодеяния, они делали подношения этим *Ракан* благовониями, цветами и овощами. Восхваляемые добродетели описывались следующим образом: «Некоторые из них имеют брови, свисающие до земли; у других глаза испускают ярчайший свет. Некоторые пребывают на вершинах белоснежных гор, по десять тысяч локтей в высоту, другие — под деревьями во влажных долинах с испарениями, тысячу локтей в глубину. Есть такие, что живут в золотом храме, в зале из яшмы, или серебра, или жемчуга; в каменных пещерах, в дремучих лесах, в небесном дворце, или в пещере бессмертных (сянь). Все они руководят сотнями и тысячами последователей, святых людей, пребывающих в состоянии высшего плода (т. е. в состоянии архата). Их можно сравнить с сандаловыми деревьями, которые окружают опять–таки сандаловые деревья (а не деревья более низких пород). Среди них также есть те, у кого красные волосы, руки которых вздымают чаши для подаяний из яшмы, либо те, у кого белые ноги и кто носит в ушах золотые серьги. Они — *цилинь* и драконы Мира Закона; они — Шакра, Солнце и Луна!» Наконец, говорится, что Шестнадцать Архатов слышат и исполняют все мольбы своих последователей, что они спускаются со своими последователями на жертвенные места и получают приношения.

Заметка монаха указывает на то, что документ был подобран при дороге мальчиком и передан Минтё (Тё Дэнсу) в тот самый день, когда он начал писать 500 *Ракан*. Он счел это добрым знаком и спрятал его как тайное сокровище. Закончив работу и поместив картины в виде пожертвования в храм, он вынул документ из коробки, где тот хранился, и показал его дзэнскому монаху Тайко, настоятелю Нандзэндзи. Увидев документ и картины, старый монах сильно возрадовался и написал китайское стихотворение, которое подарил художнику. В первых двух строках он восхвалял святость и сверхъестественную силу 500 архатов; в двух последних объявлял, что Минтё сам являлся архатом, проявившимся в двух телах, а именно — как художник и как один из нарисованных им архатов. Поскольку он добавил дату (17–й день 10–го месяца 1386 года), мы знаем, когда картины были поднесены святилищу.

В *Нихон хякка дайдзитэн* говорится, что отсутствуют пять из пятидесяти картин. Автор любуется красотой их линий и цветом, и даже предпочитает их китайским произведениям из Дайтокудзи (выше, § 24). Их лица и глаза почти как живые. Однако, что касается их стиля, то он замечает, что, сравнивая их с другими картинами, носящими печать Минтё, невозможно не испытать сомнений — один ли мастер исполнял все эти работы. Одного взгляда достаточно, чтобы узнать стиль Мин, тогда как те, что хранятся в Дайтокудзи написаны в стиле Сун.

В том же храме (Тофукудзи) сохраняются эскизы, которые делал Минтё перед тем, как написать те картины; три из этих эскизов отсутствуют, так что в настоящее время в хранилище храма остаются 47 эскизов и 45 картин.

Ниже (гл. III, § 39) мы увидим также набор картин Шестнадцати *Ракан*, написанных Минтё, сохраняемый в том же святилище, но пропавший, когда большая

часть храма была уничтожена в 1881 году.

Таки Сэйити (*Кокка*, № 187, сс. 159 и далее, илл. 2) приводит одну из картин 500 *Ракан* и пишет о Минтё. Он заявляет, что многие древние художники восхваляли этого знаменитого мастера, и ссылается на *Хонтё гаси* (本朝畫史), «Историю Японского изобразительного искусства», написанную в 1693 году Кано Эйно (狩野永納). Там мы читаем, что Минтё удачно следовал Ли Лунмяню и Янь Хуэю (2–я половина 13–го века); что в буддийском искусстве он был непревзойден даже мастерами династий Сун и Юань. Сёгун Асикага Ёсимоти (1386–1428) высоко ценил его искусство и часто приглашал к себе во дворец. Таки заявляет, что эта хвала преувеличенна и что, хотя работа Минтё была замечательно широка по концепции и смела в линиях, ей не хватало грациозности и красоты. Однако это объяснялось тем, что он был один из привносивших стили Сун и Юань, но — не глубоко проникшим в них, подобно таким мастерам более позднего времени, как Сэссю и Мотонобу. Что же до его 500 Архатов, то со временем пять из этих картин в Тофукудзи пропали. Д–р Кюммель любезно указал мне, что две из них, пропавшие со времен войны Онин (1467–1468) были заменены картинами Кано Эйтоку (1543–1590), а три другие, исчезнувшие во 2–м году Бункю (1862), теперь принадлежат к различным коллекциям в Японии и Берлине (прежде — колледжа Якоби, теперь — Департаменту Восточного Искусства, наш лист III, илл. 3). Ср.: официальный список Национальных Сокровищ (1903), 1, с. 24; Тадзима, Гумпо Сэйган 1 (1912).

Судя по *Кокка* (№ 259, с. 139, илл. 5 и 6), виконт Фукуока из Токио обладает тремя подобными *какэмоно*, два из которых воспроизведены в том номере. На них стоит подпись Минтё, и их художественная ценность равно той, в которую ставятся произведения из Тофукудзи.

Другие репродукции картин Тофукудзи мы находим в *Кокка*, № 30 (илл. 2) и № 104 (илл. 1), из которых первая — та же, что и репродукция в цвете, приводимая Тадзима, «Избранные Реликты» XVIII, илл. 14.

Тадзима («Избр. Реликты», илл. 16 и 17), который называет художника Мётё, как иногда произносят его имя, вместо Минтё (иероглиф 明, *мин*, имеет три произношения: *мэй, мё, мин*), приводит еще одну из картин 500 Архатов Тофукудзи. Он оценивает их весьма высоко и говорит, что они выполнены столь прекрасно, что некоторые критики приписывают их кисти китайского монаха времен династии Сун, или Ян.

§ 27. Позднейшие наборы картин, представляющих 500 *Ракан*, одна из которых выполнена с помощью иероглифов Лотосовой Сутры

В той же японской энциклопедии говорится о наборе картин, представляющих 500 *Ракан*, в Гококудзи 護國寺, храме школы Сингон на севере Отова иттёмэ, Токио. Всего их 40, и написал их Хоккэй Гэммё, 北溪元明. По истории этого храма, «весной 5–го года Эмпо (1677) монах Хоккэй написал

500 *Ракан*, всего более 50 картин». В 1884 г. тринадцать из них были уничтожены огнем. По преданию, они являются копиями картин Тё Дэнсу из Тофукудзи, которые рассматривались в предыдущем параграфе.

Ракан дзусансю (1850) (гл. 3, с. 35) ссылается на «Историю картин 500 *Ракан* в Дзи–ун–сан Рюкодзи» (慈雲山龍興寺), написанную буддийским монахом Дайтэном, 大典, который в 1791 г. посетил этот храм и написал труд по просьбе настоятеля. Это был храм Кохината (小日向), Эдо.

Мы не знаем, к какой школе он относился, но другой храм с тем же названием, также в провинции Мусаси (Тагаямура, Камидзаки) является святилищем ответвления Риндзай школы Дзэн, которая в особенности почиталась Архатами.

Като Нобукиё (加藤信清), чиновник из Эдо, любил рисовать буддийские картины, поскольку это было добродетельное, достойное занятие. Поскольку в буддийских текстах говорилось, что переписывание сутр также было занятием достойным, он счел наиболее добродетельным написать буддийские картины при помощи священных текстов. Так, он составил 50 картин, на каждой по 10 *Ракан*, составленные лишь из иероглифов *Хоккэкё* (*Саддхарма пундарика сутра*). Однако, до того, как он начал этот колоссальный труд, он написал будд и бодхисаттв с помощью текстов сутр, получив на это божественное одобрение во сне. Затем, узнав, что 500 *Ракан* проявляют свою таинственную силу по всему миру, он захотел изобразить их с помощью текста Хоккэкё, однако был слишком беден, чтобы реализовать свой план без посторонней денежной помощи. Поэтому Ёкоку, настоятель Рюкодзи, обещал ему собрать необходимую сумму, продав одежду и пищу, а Нобукиё дал обет написать 500 *Ракан* за пять лет. Живя в уединении и строгой религиозной чистоте, в удалении от жены и детей, он писал непрерывно, не ощущая ни малейшей усталости. Благодаря божественной помощи, он не пропустил ни единого иероглифа из текста и не сделал ни одной ошибки. Через три года он закончил более тридцати картин. В 1791 г., когда Дайтэн посетил храм, пятьдесят картин были готовы и, поскольку в то время проходил праздник монахов, все они были выставлены. Дайтэн, никогда не видевший таких картин и не слышавший о них, был преисполнен восхищения и по просьбе нового настоятеля (Ёкоку к тому времени уже умер) решил записать эту историю, откуда мы и узнаем обо всех деталях.

Архаты (по десять на каждой картине) были окружены прислужниками, птицами и четвероногими, растениями и деревьями. Залы и беседки, горы и потоки, леса и колодцы, облака и пар, скалистые утесы и долины образовывали фон, на котором они были представлены, а рядом с ними видны были самые различные предметы.

Не только их тела, и одеяния и даже глаза состояли из иероглифов, но все, что их окружало, было составлено таким же образом. Цвета были зеленые, белые и голубые; иероглифы — маленькие, как головки мух, а на одной из картин прочесть их можно лишь через увеличительное стекло. По отзыву Дайтэна, таких картин никто никогда не видел, ни в древности, ни в современное время. Мы можем

добавить, что, если это утверждение верно, то можно лишь поздравить те века, не знавшие подобного детского и безыскусного способа показать свою преданность вере с помощью низведения изобразительного искусства до уровня головоломки.

Относительно каллиграфии, связанной с рисованием, мы можем отправить читателя к статье Таки Сэйити в *Кокка* (№ 201, сс. 584 и далее), где репродуцирована картина Эндзинсая (время написания неизвестно), составленная из иероглифов. На ней изображены Шестнадцать Архатов, спускающихся на облаке. «Все иероглифы взяты из священных текстов и расположены именно так, как в оригинальном отрывке. Иногда подобным же образом поступали с Тахо–то (大寶塔, «Прабхутаратна Ступа»), и в этом случае она изображается иероглифами из текста Хоккэкё. Этот обычай возник из случая, изложенного в тот самом священном произведении: однажды во дворце, где проповедовал Будда, появилась Тахо–то, открывшая достоинства и благословения учения, изложенного в священных писаниях. Все подобные произведения искусства, в сути своей возникавшие по религиозным мотивам, с художественной точки зрения были во многих отношениях грубыми и инфантильными, несмотря на демонстрируемое великолепное умение. В сущности, работы такого типа неизбежно заканчиваются фарсом, с какой бы искренностью и с преодолением каких бы трудностей они не выполнялись».

По Омура (1. 1. С. 22), не так давно Кано Иссин (Кадзунобу?) (狩野一信) написал 100 картин 500 Архатов, хранящихся в Дзодзёдзи, 增上寺, знаменитом храме школы Дзёдо в Сиба, Токио.

§ 28. Каменные изображения 500 *Ракан* из Ракандзи, пещерного храма рядом с деревней Атода в провинции Будзэн (XIV в.)

Монах школы Риндзай Дзэккай (絶海), живший с 1336 по 1405 год[117], написал «Запись (букв. «выгравированную надпись») о Пагоде реликтов в *Ракан*дзи, провинции Будзэн» (豊州羅漢寺舍利塔銘, *Бусю Ракандзи сяритo мэй*)[118]. Там мы читаем: «*Ракан*дзи в Бусю — великолепное место, охраняющее Запад и совмещающее красоту Тянь–тай–шань и Янь–фун (знаменитые китайские горы, населенные 500 *Лохань*, см. эту главу, §§ 16 и 17)[119]. Весной пятого года эры Эмбун (1360) буддийский монах Сёкаку (昭覺) впервые вошел в каменную пещеру (石室) (в той горе) и поселился там. Она, наконец, превратилась в 'драгоценный монашеский дом' (寶坊, т. е. прекрасный храм, вырубленный в пещере). Через четыре или пять лет буддийский монах по имени Кэндзюн (建順), увидав замечательные, вогнутые и выпуклые линии скалы (внутри

117 См. *Нихон буккэ дзиммэй дзисё*, сс. 810 и далее, s .v. Chūshin.

118 Цитируется в *Ракан дзусансю*, гл. 3, с. 27; см. Ёсида Того, *Дай Нихон тимэй дзисё*, т. 1, с. 1423, где говорится, что начало этого текста обнаружено в Сёкэнко.

119 Поскольку приведен лишь один иероглиф — 雁 (鐘台雁之秀), он может также означать Янь–дан–шань в Тай–чжоу (см. выше, эта глава, § 14).

пещеры), своими руками вырезал 500 изображений *Ракан* (из камня), чьи размеры были гигантскими, и чья чудесная, благословенная сила часто проявлялась».

Затем следует история пагоды, в которой сохранялся небольшой реликт, подаренный храму какими–то людьми из Нагато. Монахи думали, что это — обычная жемчужина хамагури и не обращали на нее внимания; однако, настоятель Сёгаку, которому они ничего не говорили об этом предмете, увидел во сне, что это реликт Будды из ступы царя Ашока. Тогда он пошел в Нагато, откуда происходили люди, подарившие реликт храму, но, так как обнаружить их не удалось, он полностью уверился, что это был подарок от некоего божества. Поэтому он решил воздвигнуть пагоду для сохранения реликта, но в 1384 году умер, не успев осуществить свой план. Его ученик Сэйтаку (省卓) пошел в Киото и в письменном виде изложил все дело сёгуну Асикага Ёсимицу, который после этого лично написал иероглифы 羅漢, *Ракан*, и подарил надпись храму. Одновременно сёгун назвал гору Гисякуцу, 耆闍窟, т. е. Гридхракута, сравшив ее, таким образом, со знаменитой Вершиной Коршунов рядом с Раджагриха, с пещерами, населенными аскетами. Вышедший в отставку губернатор Мусаси Кэйгон Кодзи (桂巖居士) построил после этого пагоду и по–царски украсил ее. За храмовым реликтом он поместил в пагоде шесть других реликтов, которые до этого хранил в своем домашнем храме. Таким образом, храм *Ракан* был почитаем людьми высокопоставленными, такими, как сам сёгун.

Ямадзаки Бисэй (山崎美成) в своих Тэйсэй кидан (提醍紀談, написаны в 1850 г., гл. 1, с. 11) пишет следующее: «Путешествуя по Западу, я пошел поклониться каменным изображениям 500 *Ракан* в деревне Атода района Симогэ провинции Бидзэн. Там есть ‘чистый дом’ (精舎, *сёдзя*, т. е. монастырь), называемый Гисякуцу–дзан *Ракан*дзи. У него поднимаешься на крутой холм, зовущийся Ои–но сака (老の坂, ‘Старческий Склон’) и там есть другое место под названием Тэ–но хира–гаэси, ‘Поворачивание вверх ладони руки’ (что очень просто). Затем пересекаешь природный каменный мост (исибаси, 石橋), который очень опасен. На скале высечены 500 *Ракан*, а также Четыре Царя Дэва, Восемь Царей Нага[120], Сурья и Чандра (Дэва Солнца и Луны), Брахма и Шакра (т. е. Индра, правитель Дэва), Самантабхадра и Маньджушри (Фугэн и Мондзю) и другие. Главный зал также высечен в скале, с потолком и полом; это прекрасно!» Затем следует тот же отрывок из работы Дзэккая, цитированной выше.

В 1706 году буддийский монах Сибан (師蠻) также упоминал каменный мост и писал, что там было более 700 фигур, вырезанных в эру Эмбун (1356–1360), странные каменные изображения Шакьямуни, Маньджушри, Самантабхадра и Десяти Великих Учеников (см. выше, эта глава, § 11), Восемь Архатов (八應眞) (это, должно быть, — Восемь Царей нага), пятьсот Шравака (聲聞), личные ученики Будды) и *дзи–эй конго* (侍衛金剛), «сопутствующие и охраняющие

120 См. мою работу Dragon in China and Japan, с. 4.

ваджра», т. е. прислужники устрашающего вида[121].

Другие писатели восемнадцатого века также упоминали этот пещерный храм и его изображения. Мы читаем у них, что это знаменитое, древнее святилище, и что размеры изображений — от трех до четырех, а малые — от одного до двух сяку. Потолок храма поддерживается колоннами; гора крутая, бледно-желтого цвета и с бедной растительностью. На западном склоне есть пещеристый холм под названием «Старый *Ракан*»[122]. В другой работе говорится о пещере, которая издалека напоминает мост, и о ручье Яба, протекающем по соседству (耶馬溪)[123].

Поскольку Сёкаку, основатель храма, был монахом школы Риндзай[124] с титулом Энкан Дзэндзи, 圓龕禪師, мы знаем, что этот пещерный храм был святилищем Риндзай. В школе Дзэн верование в 500 Архатов было самым сильным, поскольку ее основал Эйсай. Разумеется, каменный мост явился причиной тому, что Сёкаку избрал эту пещеру для основания храма Архатов. Он немедленно напомнил ему Храм Каменного Моста на Тянь-тай-шань, — китайскую обитель этих святых, и он решил воспроизвести ее в своей стране.

Мы читаем в буддийском библиографическом словаре, озаглавленном *Нихон буккэ дзиммэй дзисё* (1903)[125], что в начале эры Ряку-о (1338–1341) Сёкаку прибыл на место, написал 16 *Ракан* и повесил картины в пещере, которую назвал пещерой Гридхракута.

В 4-м году эры Эмбун (1359) пришел Кэндзюн, просидел в пещере год (в медитации), а затем отремонтировал маленький храм и вместе с Сёкаку сделал 700 каменных изображений внутри пещеры, каждое около трех сяку в высоту. Посредине стоял Шакьямуни, слева от него — Маньджушри, а справа — Самантабхадра, а перед ними — 10 Великих Учеников, 500 Архатов и их прислужники. Судя по этому описанию, мы можем подумать, что изображения не были высечены в стенах, но вырезаны снаружи и помещены отдельно друг от друга. В 15-й день 10-го месяца 1360 года (очевидно, он закончил изображения за очень короткое время) он пригласил тысячу монахов, а Гацудо Осё (月堂和尚) из Сёфукудзи (聖福寺) был главой церемонии освящения. На следующий день Кэндзюн написал *Гатха* (гимн) и объяснил его значение, после чего «вернулся на Тянь-тай-шань в Китай». Здесь мы узнаем, что Кэндзюн был китайцем, а не японским монахом, поскольку иеро-

121 В *Эмпо дэнто року*, 延寶傳燈録, или «Записях о передаче лампы (Закона) в эру Эмпо (1673–1680)», написаны в 1706 г. буддийским монахом Сибаном, который в 1702 г. составил *Хонтё косодэн*, см. ниже, гл. 4, § 7), цитируются Ёсида Того в его «Географическом словаре Японии» (*Дай Нихон тимэй дзисё*, т. 1, с. 1423, s .v. Rakanji).

122 *Сайю дзакки* (西遊雜記, «Различные записи о путешествиях на Запад»), написаны Фурукава Тацу (古川辰), жившим в эру Кансэй (1789–1800), который также составил Тою дзакки, или «Различные записи о путешествиях на Восток», также цитируемые Ёсида Того в статье об этом храме *Ракан*. Эта работа упоминает *Юкэн сёроку*, 輶軒小録, Ито Тёин (伊藤長胤, старший сын знаменитого комментатора трудов Конфуция, написавший очень много произведений и живший с 1670 по 1736 г.

123 *Дайхассю юки*, 大八洲遊記, цитируется Ёсида Того, 1. 1.

124 См. *Эмпо дэнто року*, 1. 1.; из *Нихон буккэ дзиммэй дзисё*, с. 642, s .v. *Shōkaku*, мы узнаем, что он был монахом Риндзай.

125 S .v. *Shōkaku*, p. 642.

глиф 歸, использованный в этой фразе, означает «возвращаться домой». Одновременно мы видим, что он пришел в Тянь–тай–шань, что сразу же образует тесную связь между китайской и японской группами «500 Архатов с Каменного Моста». Что касается Сёкаку, то он обратил всех людей в округе и умер в 1384 году. Этот отрывок цитируется из *Хонтё кособэн*, написанного в 1702 году монахом Сибаном[126].

§ 29. Деревянные изображения 500 *Ракан* из храма Обаку в Эдо, освященные в 1696 году монахом Сёуном (松雲)

В *Нихон хякка дайдзитэн* (т. 4, с. 334) мы читаем историю о храме в Эдо, принадлежавшем третьей ветви школы Дзэн под названием Обаку. Он расположен в деревне Мэгоро рядом с Токио и называется Тэн–он–дзан, 天恩山, «Храм Небесного Аромата»; в 1696 году его открыл Тэцуган Доко, 鐵眠道光.Сёун, 松雲 (1648–1710), бывший ученик этого монаха, в эру Тэйкё (1684–1687) дал обет вырезать деревянные изображения Шакьямуни (60 сяку в высоту) и 500 *Ракан* и, получив помощь от нескольких известных настоятелей, принялся за эту колоссальную работу. В 1695 году он закончил ее после упорного труда рядом с храмом Кинрю в Асакуса. В том же году сёгун Цунаёси подарил ему 1500 сэ земли (45000 цубо, т. е. ок. 37,5 акра) у деревни Камэйдо рядом с Эдо для постройки храма для его изображений.

Там он воздвиг временный храм, который по его просьбе открыл Тэцуган, и сделал его отраслевым храмом Обакудзан Мампукудзи (黃蘗山萬福寺), главного святилища школы Обаку в Удзи. На следующий год монах Косэн, 高泉, провел церемонию открывания глаз образов. В 1713 году другой монах прибыл в Эдо и дал обет построить главный зал для этих *Ракан*, поскольку до этого они стояли во временном храме. Собирая деньги на протяжении десяти лет, он смог воздвигнуть зал Будды и дома для монахов и в 1727–м освятил эти строения в том же комплексе, расширенный подарком в более 3000 цубо от сёгуна Ёсимунэ. Однако, в 1856 году ужасная буря, поднявшаяся в восьмом месяце (3–й год Ансэй) уничтожила главный зал со всеми образами. В 1887 году святилище было перенесено из Камэидо в район Хондзё, а в 1899–м — в Мэгоро, где была построена новая часовня[127].

Это описание показывает нам, что и третье ответвление школы Дзэн (Обаку,

126 См. ниже, гл. 4, § 7. *Никкэн року*, 日件録, цитированное в *Ракан дзусансю*, гл. 3, с. 28, говорит, что ученик Тайкан дзэнси по имени Сэйко по выпавшему жребию был назначен руководить церемонией освящения. 500 каменных *Ракан* из Гисякуцудзан *Ракан*дзи, сделанные Кэндзюном, упоминаются также в *Сиодзири*, 塩尻, гл. 55, с. 4.

127 Примечательно сообщение Омура (1.1. гл. 9, с. 22), что эти деревянные статуи 500 *Ракан*, созданные Сё–уном, находятся в *Ракан*дзи в районе Фукагава, Токио, и что с художественной точки зрения они ценности не представляют. Омура, очевидно, предполагал, что статуи все еще существовали, и что они находились в Фукагава, а не в Хондзё; он писал это в 1908 г. (работа опубликована в апреле 1909 г.), до того, как храм был перенесен в Мэгоро. Что касается изображений, то они, возможно, были серьезно повреждены, но не полностью уничтожены, и их останки все еще сохраняются.

привнесенное в Японию в 1655 году) поклонялось 500 Архатам; что два сёгуна выказывали интерес, преподнося в подарок землю для постройки храма; что люди из Эдо жертвовали деньги, на которые вырезались изображения и воздвигались строения.

Наконец, мы можем упомянуть современные каменные изображения 500 *Ракан* из Сяридзи (舎利寺, «Храм Шарира»), которые, по Омура (1.1. гл.9) не имеют ценности, как предметы искусства.

§ 30. Пропаганда культа 500 *Ракан* в Японии дзэнскими школами Риндзай и Обаку

Если в Китае монахи Дхьяна являлись основными пропагандистами культа 500 *Лохань*, то это было тем более так в стране Восходящего Солнца.

Выше мы видели (эта глава, § 16), что в 1168 году японский монах Эйсай, знаменитый основатель школы Дзэн в Японии, посетил Тянь–тай–шань и поклонялся 500 *Лохань* с Каменного Моста. Во время своей второй поездки в Китай (с 1187 по 1191 год) он провел долгое время на той же горе, а после возвращения в Японию в 1192 году начал распространять учение Риндзай. Поскольку единственные китайские картины с изображением 500 *Лохань*, находящиеся в Японии, т. е. те, что хранятся в Дайтокудзи в Киото (выше, эта глава, § 24), написанные в 1178 году, по традиции исходно являлись сокровищами Дзюфукудзи в Камакура, основанном Эйсаем в начале тринадцатого века, мы склонны предполагать, что именно он был тем человеком, который привез эти картины. Однако, даже если это и было так, в любом случае, школа Риндзай привозила их из Китая в Японию. Именно в этой школе были написаны древнейшие в Японии картины 500 *Ракан* в тринадцатом и четырнадцатом веках, как мы сообщали в §§ 25 и 26. Самые знаменитые были созданы в 1383–1386 гг. Монахом Риндзай Минтё, псевдоним Тё Дэнсу, и сохраняемы в киотосском Тофукудзи. *Ракан*дзи, пещерный храм рядом с деревней Атода в провинции Будзэн (§ 28), был основан монахом школы Риндзай Сёкаку, и запись об этом событии была сделана монахом Риндзай Дзэккаем; нет сомнений, что Кэндзюн, т. е. китайский монах Цзянь–шунь, сделавший китайские фигуры 500 Архатов в этом храме и освятивший их в 1360 году, относился к той же ветви школы Дхьяна. Таким образом, монахами Риндзай был создан японский вариант 500 *Лохань* с Каменного Моста на Тянь–тай–шань.

Хотя вторая ветвь школы Дзэн — Сото–сю, основанная Догэном в 1227 году, очевидно не играла роли в истории культа 500 Архатов в Японии, там тоже почитали Шестнадцать Архатов, как мы увидим ниже.

Третья и последняя ветвь — Обаку–сю, привнесенная в 1655 году китайским монахом Инь–юанем (Ингэн Дзэндзи, 隠元禪師), была тепло встречена дворами в Киото и Эдо. В 1659 году он получил земельный участок при Удзи в Ямасиро и там построил Обакудзан Мампукудзи, названный в честь храма Хуан–бо в китайской провинции

Фуцзянь. В предыдущем параграфе показано, как эта школа почитала 500 Архатов и как получала поддержку и помощь от сёгуна для пропагандирования этого культа.

Совершенно ясно, отчего 500 Архатов почитались школой Риндзай, тогда как в школе Сото того же направления Дхьяна на них не обращали большого внимания. Первая пришла с китайского Юга, тогда как Сото представляла северную ветвь школы Дхьяна. Эйсай привнес их культ непосредственно с Тянь–тай–шань, и позже учение Обаку, возникшее в Фуцзянь, т. е. также на юге, очевидно, продолжила отправление южных культов.

ГЛАВА III. ШЕСТНАДЦАТЬ И ВОСЕМНАДЦАТЬ АРХАТОВ

А. В ИНДИИ

§ 1. Шестнадцать Великих Архатов, которым Будда вверил Закон, по *Фа–чжу–цзи* (法住記)

Книга, на которой основывается вера в Шестнадцать Архатов, принадлежит к разделу различных трудов Канона. Она озаглавлена «Записи о пребывании Закона (в этом мире), разъясненные великим архатом Нандимитра» (大阿羅漢提無蜜多羅所説法住記); далее мы будем цитировать ее, как *Фа–чжу–цзи*.

Здесь мы отсылаем читателя к полному переводу этого интересного трактата, выполненному профессорами Леви и Шаванном в их блестящей работе Les seize Arhat protecteurs de la Loi[128].

Фа–чжу–цзи (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1466) были переведены в 654 году знаменитым паломником Сюань–цзаном. Они начинаются следующим образом. «Так я слыхал. На протяжении 800 лет после Пари*нирвана* Бхагавата, в столице Царя Прасенаджит (勝軍王) страны Симхала (Цейлон) жил архат по имени Нандимитра»[129].

Этот архат объяснил большой толпе монахов и монахинь, как «Будда, собираясь войти в Пари*нирвана*, передал Высший Закон Шестнадцати Великим Архатам и их 'родственникам' (последователям) (十六大阿羅漢弁并眷属等)[130], приказав им охранять и укреплять его и не допускать его исчезновения».

«Более того, он (Будда) приказал им произвести для себя вместе с раздающими дары 'истинное поле счастья' (眞福田) и побудить подающих к получению 'вознаграждения в виде великого плода' (大果報)».

Затем толпа спросила об именах тех Шестнадцати Великих Архатов, после чего Нандимитра ответил следующее[131]. «Их имена:

Пиндола Бхарадваджа, 賓度羅跋羅惰闍[132].

Канакаватса, 迦諾迦伐蹉.

Канака Бхарадваджа, 迦諾迦跋釐惰闍.

---

128 *Journal Asiatique*, 1916.

129 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1466, c. 16a (Great Japanese Tripitaka of Leiden).

130 Леви и Шаванн 1.1. переводят 眷属等, как "leur entourage".

131 Эти имена и прочее мы находим также в 大明三藏法数 (NANJO's *Catalogue*, Nr. 1621), гл. 45, с. 298 (новое японское издание Трипитаки) s .v. *Sixteen Great Arhats*; там приводится этот отрывок и китайский перевод имен, если таковой имеется.

132 Пиндола переведено, как 不動, «несдвигаемый», «неподвижный», а бхарадваджа как 捷疾, «быстрый, резкий»; первое — его личное имя, второе — фамилия.

Субинда (?), 蘇頻陀.
Накула[133], 諾短羅 (см. Вакула[134]).
Бхадра, 跋陀羅[135].
Калика, 迦理迦.
Ваджрапутра, 伐闍羅弗多羅[136].
Гопака[137], или Шрапака[138], 戍博迦.
Пантхака, 半託迦.
Рахула, 羅怙羅[139].
Нагасена, 那伽犀那[140].
Ингада (?) (Ангаджа?), 因揚陀.
Ванаваси, 伐那娑斯.
Аджита, 阿氏多[141].
Чудапантхака, 注荼半託迦[142].

«Эти шестнадцать Великих Архатов обладают Тремя Видья (三明), Шестью *Абхиджня* (六通, т. е. 六神通, разновидность трансцендентного знания), Восемью *Вимокша* (八解説) и т. е., неизмеримыми достоинствами и добродетелями (功德)[143]. Они освободили себя от болезней трех миров (желания, формы и бесформенности), они возглашают и утверждают Трипитаку и хорошо знают т. наз. внешние каноны (外典, правила, не относящиеся к Учению). Поскольку они получили приказ Будды (оставаться и защищать Закон) с помощью их трансцендентального знания, они продляют свои жизни. До тех пор, пока Будда Саддхарма остается (в мире), они всегда будут защищать и упрочивать его и совместно с благоверными производить истинное поле счастья и побуждать их к обретению награды великого плода».

На вопрос, где пребывают эти Шестнадцать Почитаемых, Нандимитра ответил так.

1. "Первый (Пиндола Бхарадваджа), с 1000 архатами, его собственными последователями (眷属), в основном пребывает в Апарагодани, континенте на Западе» (西瞿陀尼洲)[144].

---

133 Переведено, как 鼠狼山, «Гора Ласок» (?).
134 Переведено, как 善容, «Добродетельное лицо».
135 Переведено, как 好賢, «Хороший и мудрый».
136 См. Ваджрипутра, Grünwedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 37.
137 См. Grünwedel, 1.1., c. 38.
138 См. Леви и Шаванн, 1.1., с. 292 и далее, 2–е изд., сс. 154 и далее.
139 Переведено, как 執日, «Уловление солнца»; по Эйтелю, объясняется, как 覆障, «Тот, кто опрокидывает препятствия»; имя также записывается 羅云.
140 Также записывается, как 那先.
141 По Эйтелю, титул Аджита, данный Шакьямуни Майтрейе, объясняется, как 無能勝, т. е. «Непобедимый».
142 «Глупый Пантхака».
143 См. выше, гл. 1, § 2.
144 Переведено, как 牛貨; один из четырех континентов, на которые делится вселенная. Расположен к Западу от горы Меру, круглый по форме.

2. «Второй (Канакаватса), с 500 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в Кашмире, расположенном в северном регионе».

3. «Третий (Канака Бхарадваджа), с 600 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в восточном Пурва–Видеха (東勝身洲)[145].

4. «Четвертый (Субинда?), с 700 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в северном Уттара–Куру (Курудвипа)» (北俱盧洲)[146].

5. «Пятый (Накула), с 800 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в южном Джамбудвипа» (南贍部洲)[147].

6. «Шестой (Бхадра), с 900 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в Тамра–двипа» (牟沒羅洲).

7. «Седьмой (Калика), с 1000 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в Самгхата–двипа» (僧伽茶洲).

8. «Восьмой (Ваджрапутра, Ваджрипутра), с 1100 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в Парана–двипа (?)» (鉢剌拏洲).

9. «Девятый (Гопака, или Швапака), с 900 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в центре горы Гандхамадана» (香醉山中)[148].

10. «Десятый (Пантхака), с 1300 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает на небе Траястримшат» (三十三天).

11. «Одиннадцатый (Рахула), с 1100 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в Приянгу–двипа» (畢利颺瞿洲).

12. «Двенадцатый (Нагасена), с 1200 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает на горе Поталака (?)» (半度波山, Бань–до–бо шань).

13. «Тринадцатый (Ингада? Ангаджа?), с 1300 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в центре горы Випулапаршва» («Широкие Бока», 廣脇山中).

14. «Четырнадцатый (Ванаваси), с 1400 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в центре горы Ватса» (可住山中).

15. «Пятнадцатый (Аджита), с 1500 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в центре горы Гридхакута» (鷲峯, «Вершина Коршунов» в Магадха).

16. «Шестнадцатый (Шудапантхака), с 1600 архатами, его собственными последователями, в основном пребывает в центре горы Неминдхара» (持軸山中).

Затем Нандимитра заявляет, что все те, кто выкажет свою преданность в виде глубокого почтения к буддийскому монашеству, станет организовывать большие собрания для раздачи питья и еды (монахам), возводить храмы, делать статуи и сутры–флаги, пожертвует стулья и кровати, одежду и лекарства, еду и питье монахам в монастырях, получат великое вознаграждение через посредство Шестнадцати

145 Континент к Востоку от горы Меру.

146 Континент к Северу от горы Меру.

147 Континент к Югу от горы Меру.

148 Одна из десяти легендарных гор, на которой расположено озеро Анаватапта.

Великих Архатов, «которые со всеми своими последователями в соответствии со своими целями идут (в те места, где отправляются столь благочестивые поступки), и появляются во всевозможных формах, пряча свою святость и представая, как обычные люди из толпы, и втайне получая подношения, побуждая этим подающих обретать награду победоносного плода».

«Так шестнадцать Великих Архатов охраняют и укрепляют Саддхарма и приносят изобилие живым существам. Когда наступает время, когда человеческая жизнь в Джамбудвипа становится самой короткой, не долее 10 лет, вспыхнут войны и грабежи[149], и начнется взаимное убийство. Тогда Закон Будды немедленно исчезнет. После времени войны и воровства (или *кальпа* войны), человеческая жизнь понемногу начнет удлинняться и достигнет продолжительности в сто лет; люди этой двипа будут утомлены тяготами и ранами предыдущих войн и вновь возрадуются в практиковании добродетелей. Тогда эти Шестнадцать Великих Архатов со всеми своими последователями вернутся к человечеству, поднимут и объяснят непревзойденную Саддхарма, спасут бесчисленные толпы и побудят их оставить свои дома (чтобы стать монахами) и будут делать самое разное для блага живых существ. Так будет продолжаться, покуда человеческая жизнь в этой двипа не удлиннится до 60000 лет. Затем наипревосходнейшая Саддхарма распространится по всему миру, блистательная и непрестанная, однако после, когда человеческая жизнь достигнет 70000 лет, непревзойденная Саддхарма исчезнет навсегда. Тогда эти Шестнадцать Великих Архатов со всеми своими последователями все соберутся в этой двипа. С помощью силы своего чудесного знания, они используют семь драгоценностей (сапта ратна) и воздвигнут ступа, волшебную и прекрасную, высокую и широкую, и в ней они соберут все дхату, т. е. священные реликты тела Татхагаты[150]. Затем Шестнадцать Великих Архатов со всеми своими последователями пройдут вокруг ступа и поклонятся реликтам подношениями благовоний и цветов и почтительно восхвалят их. Сделав вокруг ступа сто, тысячу кругов, исполнив ритуалы почтения, все они поднимутся на воздух и так обратятся к ступа: 'Мы поклоняемся Почитаемому в Мире, Шакьямуни, Татхагате, Архату, Самъяксамбуддха. Мы получили его наставления и приказания, укрепили Саддхарма, а для дэва и людей произвели всякого рода изобилие. Теперь же Хранилище Закона (Трипитака) исчезло, *нидана* завершены, мы оставляем этот мир и вступаем в Нирвану'. Сказав это, они все вместе войдут в Пари*нирвана*. Силой их обета, данного ранее, вспыхнет огонь и сожжет их тела. Как исчезает пламя в задутой лампе, так и кости их исчезнут, не оставив и следа. Затем ступа провалится в землю и достигнет области Золотого Колеса; затем она остановится. В это время наипревосходнейшая Саддхарма Шакьямуни, Почитаемого в Мире, исчезнет навсегда и не появится больше в этих трех (разновидностях) тысяч, великих тысяч миров»[151].

149 刀兵劫起, что может также означать «кальпа войны». Леви и Шаванн переводят: "les violences des glaives et des armes de guerre se produisent".

150 Будда называется здесь: 如来應正等覺, Татхагата (如来), Архат (應), Самъяксамбуддха (正等覺).

151 L.1., pp. 19 sq. «Великая тысяча» — тысяча миллионов. Три вида тысяч: маленькие (1000), сред-

Наконец, мы читаем, что Нандимитра, рассказав о будущем пришествии Майтрейи в этот мир и о будущих наградах за добродетельные поступки, своей чудесной силой знания поднялся на воздух и произвел всякого рода великие чудеса. Затем, приняв алмазную позу (сидя со скрещенными ногами) в воздухе, он вошел в Пари*нирвана* и, силой своего обета, данного ранее, возжег огонь, спаливший его тело, так что на землю просыпался дождь из костей. Большая толпа воздвигла ступа для этих реликтов и сделала им подношения.

Это — единственная сутра, в которой мы находим имена и места проживания Шестнадцати Архатов, равным образом, как и их историю и цели в прошлом, настоящем и будущем. Однако идея о существовании такой группы была известна в Китае задолго до того, как была переведена эта сутра (654 г.), поскольку на это кратко указывается в другой работе из Трипитака. Это был *Жу Да–шин лунь* (入大乘論), или *Махаянаватарака–шастра* (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1243).

Эта шастра была составлена бодхисаттвой Стхирамати (堅意) и переведена Дао–таем (道泰), *шрамана* времен династии Северная Лян (357–439). Там мы читаем: «Есть Архаты (букв. 'почитаемые') Пиндола, Рахула и им подобные, всего шестнадцать, все — великие шравака (личные ученики Будды), жившие разбросанными по всем двипа. В прочих сутрах также разъясняется, что есть 99 мириад (*коти*) Великих Архатов, которые все перед Буддой замыслили охранять Закон и оставаться жить в мире[152]. Все эти святые проживают в Пурва–Видеха–двипа (弗娑提渚), в Апарагодана–двипа (麥渚), в Приянгу–двипа (粟渚), в Симха–двипа (師子渚), и Джамбу–двипа (閻浮渚), в Махаджамбу–двипа (大閻浮渚), в месте жительства Бхадрика (跋提梨伽處), в Кашмире и так далее, до великого озера Анаватапта (阿耨大池), и там они охраняют Закон Будды. Если кто–то скажет на Махаяну, что это — слово Мара, то он произнесет великую хулу на буддийский Закон, поэтому все святые должны это предотвращать[153]».

И здесь вновь Пиндола является знаковой фигурой, упоминаемой на первом месте, а легендарные континенты Востока, Запада и Юга (но не Севера) указываются, как места их пребывания, так же, как и Приянгу–двипа и Кашмир. Что касается этой страны, то Леви и Шаванн замечают, что упоминания о них в обоих текстах, но отсутствие в традиционной биографии Будды может указывать на то, что это — место происхождения культа Шестнадцати Архатов. Они также отсылают к *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 465 (Лянь хуа мянь цзин), где говорится, что «Пиндола и другие» жили в Кашмирском царстве[154].

Другая работа, *Ши–цзя–ши бу* (釋迦氏譜), или «Записи о семействе Шакья»

ние (миллион) и великая тысяча. См. *Буккё дайдзитэн* s .v. *sanzen daisen sekai*.

152 Мэндзан, автор *Ракан–окэндэн*, упоминает этот отрывок, чтобы указать, что 佛祖統紀 (NANJO's *Catalogue*, Nr. 1661, гл. 34) ошибается, заявляя, что лишь Четыре Великих Архата и Шестнадцать Архатов не вошли в Нирвану, дабы охранять Закон в этом мире.

153 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1234, c. 12b: 若言摩訶衍是魔所説者則為佛法之大患也諸覺聖等悉應遮断

154 Levi and Chavannes, 1.1., p. 204, sep. ed., p. 65.

(*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1469), одна из неклассифицированных китайских работ канона, составленная в 665 году Дао–сюанем (道宣) во времена династии Тан, цитирует отрывок из вышеупомянутой шастра и добавляет: «Постоянно все Великие Архаты и помощники каждого из них проживают в Джамбудвипа и на небесах трех прочих областей, стимулируя поля счастья и охраняя Закон». Затем следует то, что мы читали в *Фа–чжу–цзи* о том, как Нандимитра объясняет Шестнадцать Великих Архатов, но не приводятся ни их имена, ни места пребывания[155].

Из этих отрывков становится ясно, что группа Шестнадцати Великих Архатов была известна в Индии, и что Пиндола и Рахула являлись среди них выдающимися фигурами. При династии Северная Лян (397–439) китайские буддисты, вероятно, впервые узнали об этой группе из перевода Махаянаватарака–шастра, однако все их имена и места пребывания стали известны в Китае лишь более двух столетий спустя, в 654 году, из перевода *Фа–чжу–цзи*, выполненного Сюань–цзаном.

Что касается 堅意, «Твердой Мысли», т. е. Стхирамати, автора вышеупомянутой шастра (которую мы не находим в тибетском каноне), то его имя переводится также, как 堅慧, «Твердая Мудрость». *Nanjo*'s *Catalogue*, (Appendix I, Nr. 7) указывает, что он также составил *Махаяна–дхармадхату–авишестхата–шастра*, с которой были сделаны два разных китайских перевода в 691 году (№№ 1258 и 1318). Нандзё с сомнением называет его "ученым монахом из Наланда", отсылая к Эйтелю, с. 133 a, s. v. Sthiramati. Сюань–цзан в своей *Ши–ю–цзи*[156] упоминает Стхирамати (堅慧) как монаха, жившего в Виллабхи (代爛毗), — по Эйтелю, древнее царство и город на восточном побережье полуострова Гуджарат. Сюань–цзан говорит, что в этом царстве было сто монастырей и около шести тысяч монахов, большинство из которых изучало учение Самматия, относившееся к Хинаяне. Бодхисаттвы Гунамати (德慧) и Стхирамати жили в большом монастыре, расположенном рядом с городом, и составили различные известные трактаты[157]. Паломник в другом месте говорит об этих двух деятелях, «распространивших свою славу по всему миру». Автор статьи о 16–ти Архатах в *Нихон хякка дайдзитэн* (т. 5, с. 252) замечает, что, если 堅意 и 堅慧 в действительности одно и то же лицо (Стхирамати), то автор шастры жил в стране, где во времена паломника превалировала хинаянская школа Самматияс (正量部). Поэтому он предполагает, что вера в Шестнадцать Архатов, упоминающаяся в шастре, относится к учению Хинаяны и была в особенности распространена на Цейлоне. Однако, работа Стхирамати относится к Абхидхарме Махаяны, о чем свидетельствует и заглавие другой его работы, хотя он мог почерпнуть идею о Шестнадцати Архатах из хинаянистских источников.

Цейлон упоминается японским ученым, поскольку в начале *Фа–чжу–цзи* говорится, что Нандимитра был на Цейлоне и разъяснял тамошнему народу все, касающееся Шестнадцати Архатов. Казалось бы, это указывает на хинаянистскую

155 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1469, гл. 2, с. 29b.

156 Гл. 11, перевод Станислава Жюльена, 2, с. 164; кит. текст, гл. 11, с. 17b.

157 Гл. 9, Жюльен 2, с. 46.

природу этой работы, являющейся одним из неклассифицированных индийских трудов канона[158]. Эта гипотеза подкрепляется двумя фактами. Во–первых, Пиндола, первый и главный из Шестнадцати Архатов, был, как мы увидим ниже (эта глава, § 3), чисто хинаянистской фигурой; также и прочие архаты из этой группы известны в основном из хинаянистских работ. А, во–вторых, у Махаяны были бодхисаттвы, как защитники и упрочители Закона, и она не нуждалась в архатах. Эти факты могли бы указывать на хинаянистское происхождение верования в Шестнадцать Великих Архатов, однако то, что это верование распространялось в странах с превалированием Махаяны (Тибет, Китай и Япония) говорит против этого.

Уже после того, как я написал это, мне удалось прочесть научно подтвержденные и интересные аргументы, выдвигаемые профессорами Леви и Шаванном в пользу махаянистского происхождения культа. Должен сознаться, мне было жаль, когда весы явно качнулись в эту сторону, так как причина изобретения данной концепции приверженцами Хинаяны гораздо более ясна, нежели та, что могла побудить махаянистов представить архатов как разновидность ранних бодхисаттв. Для Хинаяны они могли служить конкурентами бодхисаттв другой школы; для махаянистов же они являлись ненужной добавкой к их пантеону. Однако, аргументы Леви и Шаванна столь убедительны, что нам следует признать правильность их теории.

Дав полный перевод всего текста *Фа–чжу–цзи*, они сперва говорят, что его мог перевести Сюань–цзан, хотя последний нигде о нем не упоминает. Затем они указывают, что хронология труда недостоверна и смутна. Что касается места, в котором говорил Нандимитра — Цейлон — то, пишут они, было бы ошибочным считать этот остров чисто и исключительно хинаянистским. «Впрочем, следует удерживать себя от противоположения двух Колесниц друг другу в резком контрасте, как это часто происходит. Большая и Малая Колесницы связаны многочисленными и тончайшими нитями, чему во многом является доказательством сам наш текст. Он явным образом вдохновлен Махаяной; в Каталоге Закона, том, как он составлен в тексте, в первом ряду классифицируются открытия, где Махаяна обозначается с наибольшей смелостью и чистотой; Агама и Виная идут лишь впоследствии... Он возводит Бодхисаттв на почетное место, сразу после Будд и перед Шраваками» (сс. 28 и далее). Относительно каталога приводимых текстов, авторы заявляют, что туда вставлены второстепенные работы и исключены самые известные. Этот странный факт напоминает нам о своеобразном подборе архатов, образующих группу из шестнадцати охранителей Закона, которые почти все — фигуры второго плана. Особые причины, возможно, связанные с принадлежностью автора к определенной школе, побудили его сделать такой странный выбор.

«В конечном счете, канон Махаяны, приведенный Нандимитрой, не согласуется ни с одной из известных классификаций; канон Хинаяны, на который он ссылается, похоже, принадлежит Дхармагупта. Фактически,

158 Тот факт, что ее перевел Сюань–цзан, не бросает света на ее происхождение, поскольку 18 из 75 переведенных им трудов относятся к Хинаяне (см. NANJO's *Catalogue*, Appendix II, Nr. 133).

Дхармагупта, который в наших глазах затмил престиж пали (школа Стхавира) и санскрита (Сарвастивадин и Муласарвастивадин), занял значительное место, засвидетельствованное также его ролью в жизни буддистской церкви в Китае...» «Объединение школы Дхармагупта с буддизмом Цзиянь не является феноменом совершенно неожиданным». «Цзиянь с этой эпохи [с Фа–сяня (410–412)] не был привилегированным феодальным владением Стхавира, как это часто представляют». Так же, добавим мы, как и то, что именно в Цзиянь, исходя из его биографии, Амогхаваджра[159] основал и зафиксировал определенным образом свою доктрину, которая отмечала собой последнюю эволюцию Большой Колесницы; атмосфера Цзиянь не была, таким образом, нерасполагающей к подобным попыткам. Нас не должно уже удивлять, что Нандимитра в своем отношении пытается снова привязаться к Цзиянь; скорее, именно в этой среде могло появиться такое произведение, вдохновленное многочисленными и внешне противоречивыми тенденциями, своего рода синкретическая попытка, в которой Архаты Малой Колесницы призваны играть роли Бодхисаттв Большой».

Рассмотрев эти аргументы, мы должны признать, что *Фа–чжу–цзи* должен был написать махаянист, дабы привязать архатов к своему учению и соединить две школы единым культом. Такой синкретизм изменил характер этих святых, которые, вместо того, чтобы искать кратчайшего пути к Нирване, удлинняли свои жизни, дабы оставаться в миру как охранители Закона и его приверженцы. Это согласуется с тенденцией Северной школы бесконечно расширять свой пантеон и делать всевозможных святых и божеств защитниками своего учения. Таким образом, хотя их бодхисаттвы были великими и могучими охранителями Закона, они желали большего, других земных защитников, одновременно соединяя Южную школу со своим учением.

§ 2. Четыре великих *шравака*, упоминаемых в Сутре о рождении Майтрейя на земле

Махаянистская Сутра о рождении Майтрейя (佛説觀彌勒菩薩下生經, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 208) была переведена Дхармаракша (竺曇摩羅察, переводится, как法護), который побывал в Индии и, вернувшись в Китай, пошел в Лоян, где и переводил множество сутр до 313, или 317 года[160]. Она содержит следующий отрывок.

«Обратившись к Кашьяпа, Будда сказал: Годы моей жизни сочтены, и вскоре я достигну 80–ти с лишним лет. В настоящее время Татхагата имеет четырех великих шравака (四大聲聞, личных учеников), способных выйти и обратить че-

159 Он изучал Йогу под руководством Ваджрабодхи и распространил идеи Тантризма в Китае. Туда он прибыл в 719 г., сопровождая Ваджрабодхи, который умер в 732 г. В 741 г. он побывал в Индии и на Цейлоне с целью сбора текстов. Вернувшись в китайскую столицу в 746 г., он перевел большое количество трудов и получил от императора высшие почести. Представив свои переводы ко двору в 771 г., он умер в 774–м, семидесяти лет от роду (NANJO, App. II, Nr. 155).

160 См. NANJO. Appendix II, Nr. 23.

ловечество, чья мудрость неисчерпаема, чьи добродетели многочисленны. Каковы их имена? Это *бхикшу* Махакашьяпа (大迦葉), Кундопадхания (君屠鉢歎, в южном произношении — Гунь–то–бат–тань), Пиндола (賓頭盧) и Рахула (賓頭盧). Вы, Четверо Великих Шравака, не должны входить в Пари*нирвана*, покуда мой Закон не исчерпается полностью; после этого вы можете войти в Пари*нирвана*. Что же до Махакашьяпа, (то даже тогда) он не должен входить в Пари*нирвана*, но будет ожидать появления в мире Майтрейя»[161].

Затем мы узнаем, что Махакашьяпа будет жить в центре горы в Магадха, и что там Майтрейя найдет «пещеру медитации» Махакашьяпа и покажет его людям. При виде его огромное количество народа обретет состояние архата. Затем он возьмет одеяние Махакашьяпа (*самгхати*) (т. е. то, что принадлежало прошлому Будде) и наденет его, после чего тело Махакашьяпа разлетится, как звезды. Затем Майтрейя предложит Махакашьяпа всевозможные цветы. Так Будда будущего почтит единственный реликт Закона его предшественника[162].

Мы обнаруживаем совершенно такой же отрывок в хинаянистской *Экоттара агама сутра* (增壹阿含經) (переведена в 384–385 гг. Дхармананди)[163], но там второй архат назван 君屠鉢歎, Гунь–то–бат–хань (вместо *тань*). В другой главе этой сутры (гл. 35, с. 18b) Будда говорит, что, поскольку он стар и скоро войдет в Нирвану, то вручает свой Закон Кашьяпа и Ананда. Первый останется в этом мире и войдет в Нирвану после появления Майтрейя.

Хинаянистская *Шарипутра–парипрpicча–сутра* (舍梨弗問經), или «Сутра вопросов Шарипутра, (заданных Будде)»[164], переведена при династии Восточная Цзинь (317–420), содержит следующие слова, сказанные Буддой: «После того, как я оставлю мир, Четыре Великих *Бхикшу* — Махакашьяпа, Пиндола, Кундопадхания (Кунь–то–бань–тань, 君徒般歎) и Рахула останутся (в нем) и не войдут в Нирвану, и они станут распространять мой Закон». Во времена Дхарма пратирупака, когда останется лишь образ Закона, и люди станут испытывать к нему большое отвращение, Четыре Великих Архата засвидетельствуют веру (證信). «В соответствии с важностью фактов, вы станете пробуждать к появлению образы Будды или монахов. То вы будете делать так, что из воздуха раздадутся слышимые слова, то возникнет какой–то ясный свет, и даже снам вы придадите твердость (действительности). Когда Майтрейя низойдет в эту жизнь, вам будет разрешено войти в Нирвану»[165].

В *Экоттара сутра* (гл. 3, с. 2a) мы находим Кундопадхания, упомянутого среди «100 святых отшельников», учеников Будды, о которых речь шла выше

161 汝等、囚大聲聞、要不般涅槃。須吾法沒盡然後及般涅槃。大迦葉亦不應般涅槃、須待彌勒出現世間。

162 NANJO's *Catalogue*, Nr. 208, cc. 17 (Great Jap. Trip. Of Leiden). См. ниже, эта глава, § 12.

163 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, упоминавшаяся выше; гл. 44, cc. 11b, 12. См. Lévi and Chavannes 1.1., pp. 190 sqq (sep. ed., pp. 51 sqq).

164 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1152, c. 9b: 四大比丘住不泥洹流通我法。

165 隋事厚薄為現佛像僧像。若空中言若作光明、及至夢想令其堅固。彌勒不生聽汝泥洹。

(гл. 2, § 10), вместе с Пиндола. Там его имя записывается 軍頭娑漢, Гунь–то–по–хань, и сказано, что он — «первый из шравака в исполнении своего задания и в принятии билета (на пищу в случае приглашения) и в исполнении обетов[166]». Странно, что один из Четырех Великих Архатов, Кундопадхания, являлся настолько смутной фигурой, что его имя весьма редко встречается с священных текстах. Мы займемся им ниже (эта глава, § 13).

Другой странный момент состоит в том, что лишь двое из этих Четырех Великих Шравака перешли в Шестнадцать Великих Архатов (Пиндола и Рахула), а величайший среди всех учеников — Махакашьяпа, был вообще опущен. Причина могла состоять в том, что он скрылся в горе, где ожидает прибытия Майтрейя. Некоторые китайские буддисты считали его отсутствие среди 16–ти Архатов столь странным, что добавили Махакашьяпа и второго шравака к группе шестнадцати, создав, таким образом, группу из Восемнадцати *Лохань*.

Автор статьи в *Нихон хякка дайдзитэн*, цитированной выше, правильно отбрасывает предположение, что Шестнадцать Архатов являлись самыми выдающимися из 500 Архатов, равным образом, как и их идентифицирование с 16–ю знаменитыми Архатами из собрания в парке Анатхапиндада, упоминаемого в *Амитабха сутра* (佛説阿彌陀經)[167].

Как мы говорили выше, японский ученый ищет происхождение и развитие концепции Шестнадцати Архатов, остающихся в мире для защиты и распространения Закона, в Хинаяне. Он говорит, что в этой более старой ветви буддизма, в которой не признавалось никаких иных бодхисаттв, кроме Майтрейя, идея Архатов, упрочающих буддийский Закон стала популярной, передавалась традицией и распространялась на весь мир; именно этот буддизм генерировал группу из Шестнадцати Архатов, защищающих и проповедующих Саддхарма. Махаяна же, в которой, напротив, высшую роль отводилась Бодхисаттвам, после этого изобретения более не желала, чтобы Архаты крепили Закон, поэтому в этом направлении буддизма последние не получили развития вообще. Далее он указывает, что в Махаяне этих существ, которые не входя в Нирвану охраняют Саддхарму, следует называть Бодхисаттвами. По этой причине, говорит он, церемониальный текст Сото–сю (второй ветви школы Дхьяна в Японии) восхваляет шестнадцать архатов, как шраваков в своих внешних проявлениях, но как Бодхисаттв по своим внутренним действиям[168].

Омура (1.1. гл. 4, с.3) придерживается совершенно иного мнения. Рассмотрев отрывки из *Фа–чжу–цзи*, шастры Стхирамати, Записей о семействе Шакья и Сутры о рождении Майтрейя (не тот, что мы привели выше, но похожий), он приходит к выводу, что представление об архатах, проживающих

166 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 2a: 我聲聞中第一比丘堪任受籌、不違禁法所謂軍頭婆漢比丘是。

167 NANJO's *Catalogue*, Nr. 200, «Сутра, изложенная Буддой Амитабха», т. е. *Сукхавати вьюха*, о которой мы поговорим ниже, эта глава, § 11.

168 Об этом тексте см. ниже, глава 5.

в мире для выработки поля счастья ради отдаленного будущего (конца мира), возникает одновременно с махаянистской концепцией Дхармакая. Далее он предполагает, что положение об их проживании в четырех областях мира стала причиной изобретения группы Четырех Великих Шраваков, удвоенной впоследствии и, наконец, перешедшую в верование о Шестнадцати Архатах, остающихся в мире. Поэтому он считает эту концепцию чисто махаянистской.

По причинам, указанным выше (эта глава, § 1), мы сперва были склонны согласиться с другим японским ученым и предполагать, что Хинаяна изобрела эту группу из Шестнадцати Архатов, упрочителей Закона, а Махаяна подхватила ее. Однако, тот факт, что она очень мало известна в Индии, но весьма распространена в северных странах, где превалировала Махаяна, и что из двух индийских работ, упоминающих ее, одна относится к Махаяне, а две другие — к различным неклассифицированным работам Канона, утверждать ее хинаянистическое происхождение было бы делом сомнительным. В любом случае, если бы Махаяна не восприняла ее и не придала Великим Архатам столь высокий ранг (ниже, но очень близко к их бодхисаттвам), поклонение им никогда бы не распространилось в северных странах. Мы колебались, таким образом, между двумя теориями, когда, как указали выше, ученая и оригинальная аргументация Леви и Шаванна убедила нас в махаянистском происхождении этого культа.

Что касается Четырех Великих Архатов, то оригинальная идея Омура относительно четырех сторон света как об источнике происхождения их числа, которое затем увеличилось до группы из шестнадцати, совершенно независимо была разработана в выдающемся трактате Леви и Шаванна. Гипотеза, возникшая в двух совершенно разных местах, безусловно, весьма сильна; более того, она столь логично основана на фактах, что мы убеждены в его правильности.

Два французских ученых указывают, что в списке сказочных областей Нандимитра Запад, Восток, Север и Юг определены, как места пребывания первого (Пиндола), третьего (Канака Бхарадваджа), четвертого (Субинда) и пятого (Накула) из архатов, тогда как второй (Канака Ватса) главенствует над Кашмиром, который по индийской космологии мог считаться центром, поскольку располагался поблизости от горы Меру. В Тибете по неизвестным причинам порядок имен и пребываний изменен, однако Канака Вatся остался главенствующим над Кашмиром, тогда как Восток, Запад и Север (Юг отсутствует) заняты Пиндола, Канака–Бхарадваджа и Вакула (Накула). Таким образом, центр остался неизменным, а четыре стороны просто были переставлены. Это совпадает с гипотезой, что «кардинальные точки располагались в основе Шестнадцати Архатов»[169]. Однако, мы можем наблюдать, что идея о четырех охранителях Закона в четырех областях не совпадает с концепцией пяти сторон — В., З., С., Ю. и Центра. Поэтому мы можем предположить, что, если Кашмир действительно считается здесь областью центра, то эта идея датируется более поздним периодом, когда исходная концепция четырех областей, над каждой из которых главенствовал сперва один, а затем четыре святых, была оставлена.

169 Levi and Chavannes, 1.1., p. 190 (sep. ed., p. 51).

§ 3. Пиндола–Бхарадваджа, первый из Шестнадцати Великих Архатов и третий из Четырех Великих Шравака

В «Гимнах ранних буддистов» (2, Гимны братства) г–жи Рис Дэвидс (1913) этот архат упоминается в Гл. CXXII (cc. 110 sq.). Там мы читаем: «Представляется, что Бхарадваджа — это имя клана брахманов, хотя здесь оно приведено, как личное имя. Следовательно, либо Пиндола — личное имя, либо прозвище, аналогичное нашему 'толстые ломти' и ассоциируемое со склонностью к жадности» (прим. 4). В приложении сказано, что пиндола — палийское наименование для «нищий, собирающий подаяние». «Прозвище Нищий–Бхарадваджа могло быть дадено его современниками... Представляется, что Пиндола — наименование для «Странствующего Еврея» (Вечного Жида), *бхиккху* в китайских буддийских легендах. Однако, как из перевода, так и из приводимых в Комментарии Дхармапала легенд становится ясно, что он ничего об этом не знал». Эта идея о «Странствующем Еврее» должна была являться причиной того, что он оставался в мире для защиты и утверждения Закона. «Возвышенный сказал ему: 'Главный среди моих учеников, извергающих львиное рычание, — Пиндола–Бхарадваджа'» (с. 111).

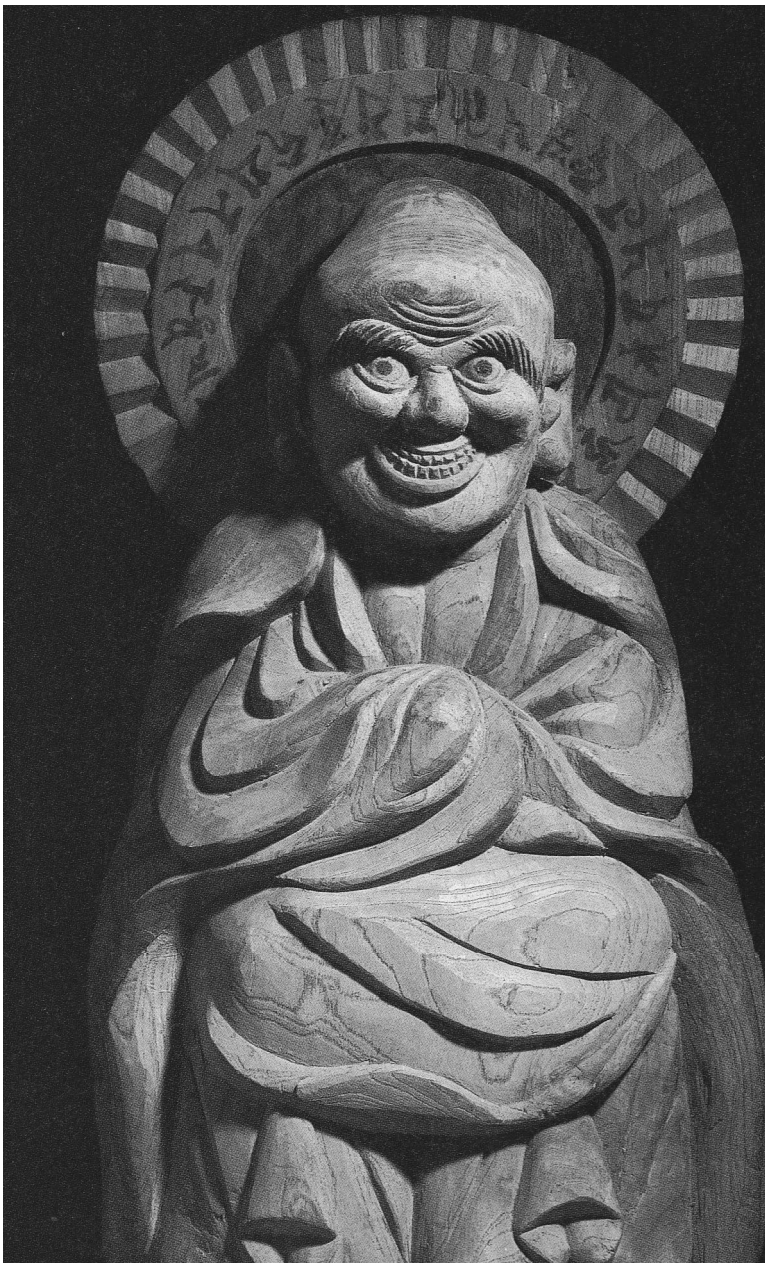
Керн в своем «Учебнике индийского буддизма»[170] приводит следующую историю, процитированную из Кулла–Ваггa (V, 8) (переведена в Sacred Books of the East, XX, 78).

«Во время пребывания Повелителя рядом с Раджагриха случилось так, что в распоряжение одного богатого торговца из тех мест попал кусок сандалового дерева. Он приказал вырезать из нее миску, затем, поместив ее в сбалансированном состоянии на кончик бамбуковой палки, а ту еще на несколько палок и сказал: 'Если у какого–то *шрамана*, или брахмана есть чудесные способности, пусть он спустит вниз эту миску'. Шесть еретиков (Пурана–Кашьяпа и пятеро других), понимающие, что у них нет чудесных способностей, по очереди ходили к торговцу и просили у него чашу, однако тот отказывался, говоря: 'если вы — те, за кого себя выдаете, то возьмите ее сами'; тогда они уходили прочь, даже не пытаясь сделать то, что для них было невозможно. В то время Маудгалъяяна и Пиндола–Бхарадваджа[171] увидели чашу и подстрекали друг друга снять ее вниз. Затем Пиндола–Бхарадваджа поднялся в небо, взял чашу и триждя облетел вокруг города к изумлению толпы. Когда Повелителю доложили о случившемся, он упрекнул Пиндола за такое демонстрирование сверхъестественной силы всего лишь ради деревянной чаши. 'Это не послужит, — сказал он, — ни для обращения необращенных, ни для пользы обращенных'. И он запретил монахам в собрании проявлять перед мирянами их сверхъестественные способности творить чудеса».

В *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, где эта история приводится в более раз-

170 Kern, *Manual Of Indian Buddhism*, p. 32 (Part II, § 7). Та же история приводится в: Kern, *Histoire du Bouddhisme dans l'Inde*, I, p. 152 (144).

171 Керн замечает в примечании, что Пиндола еще был жив в последние годы правления Ашока, судя по Дивьявадана, с. 399, собранию легендарных и полуисторических сказаний, сокращенных до их нынешнего состояния после Канишка.



Пиндола Бхарадваджа
работа Мокудзики, дерево, 1806

вернутом виде; мы читаем, что торговец, высоко ценя чудесные способности Пиндола, наполнил чашу утонченной пищей, а восторженная толпа проводила монаха к монастырю. Когда Будда услышал крики, он спросил Ананда о причинах шума и собрал монахов, чтобы упрекнуть Пиндола в их присутствии и запретить им отныне исполнять любые чудеса и пользоваться деревянными чашами.

В другом отрывке из «Учебника» Керна стхавира Яшас, который собрал монахов на Второй Совет в Вайчали, заявил, как передавали, Маурья Ашока (царю Ашока), что он — старейший из оставшихся учеников Будды, за исключением одного Пиндола Бхарадваджа. Это было через 100 лет после Нирваны Будды[172]!

Рассказ о том, как Пиндола взял чашу с помощью чудесной силы и получил упрек от Будды, мы находим в трех китайских переводах буддийских трудов.

172 *Manual*, p. 108; Histoire du Bouddhisme, II, p. 296 (271).

Однако, там мы далее читаем, что Будда сказал ему: «Теперь я изгоняю тебя (из Джамбудвипа). Даже если твое тело прийдет к концу, ты не обретешь Пари*нирвана* и не останешься в Джамбудвипа». Тогда Пиндола оставил Джамбудвипа и пошел в Апарагодана, Западный континент, где практиковал Учение[173]. По одному из этих текстов, Татхагата приказал Пиндола произвести поле плодородия для четырех классов Арьев, живущих во времена конца Дхармы[174].

Хинаянистский комментарий к первым главам *Экоттара агама сутра*, озаглавленный 分別功德論, «Шастра о разделении достоинств и добродетелей», переведенный во времена династии Восточная Хань (25–220) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1290), рассказывает, как *шрештхин* (長者), называвшийся 質多 (Джита?), проживавший в Вайшали, дабы победить еретическое учение Шести Учителей, поместиил сандаловую чашу на верхушку высокого древка знамени и предложил им посостязаться с учениками Будды, попытавшись снять эту чашу (при помощи сверхъестественных сил). Когда это удалось Пиндола, победившему еретиков, он был назван «первым в превосхождении ереси» (降伏外道第一). Так что по этому отрывку он получил восхваления, а не упреки от демонстрирования своих чудесных способностей[175].

Сама *Экоттара агама сутра* (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 543, гл. 20), также относящаяся к Хинаяне, рассказывает, как Пиндола продемонстрировал всевозможные чудеса ради старшей сестры Бхадрика (один из первых пяти учеников Шакьямуни) и побудил ее обратиться в буддизм. В третьей главе этой сутры, посвященной 100 святым отшельникам (, № 4, с. 2) мы читаем следующее: "*Бхикшу* , который среди моих учеников первый в исполнении своих обязанностей, в принятии билета (на пищу) и в ненарушении запретов и Закона, есть *бхикшу* по имени 軍頭娑漢 (Кундопадхания). Тот же, кто (первый в) подавлении еретических учений и в хождении в соотсветствии с Саддхарма, зовется Пиндола" (降伏外道履行正法所謂賓頭盧比丘是).

Интересную историю мы обнаруживаем в хинаянистской 佛說三摩竭經, или "Сутре, в которой Будда говорит о Сумагадха" (с. 7) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 616, переведена при династии У, 222–280, ранний перевод № 30 *Экоттара агама сутра*). Будда по просьбе Сумагадха, мудрой и добродетельной дочери Анатхапиндада из Шравасти, наложницы наследного принца 難國 ("царства Нан"?) пошел в эту страну, дабы обратить ее царя и народ. Будда, сопровождаемый 1250 *бхикшу*, 500 бодхисаттвами, дэва, демонами, духами и Нага, при помощи чудесных сил пролетел по воздуху в эту отдаленную страну, покрыв, таким образом, расстояние в

173 См. Омура, 1.1., гл. 4, с. 4, цитируется вместе с Виная (сокращенно от NANJO's *Catalogue*, Nr. 1118?), гл. 4. В соответствии с этим текстом, имя *шрештхин*, поместившего чашу на шест, было 樹提. См. Эйтель, s .v. *Djyōtishka*, 樹提伽, «уроженец Раджагриха (525 г. до н.э.), раздававший все свое имущество бедным».

174 請賓頭盧經, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1348 (относится к неклассифицированным индийским работам). Та же легенда изложена в 五分律, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1122, гл. 26 (относится к Виная Хинаяны). См. Омура, 1.1.

175 Омура (с. 4) упоминает четвертую главу этой работы, однако в издании *Great Jap. Trip. Of Leiden* в ней лишь три главы. Эта история помещается в гл. 2, сс. 20 и далее.

8000 миль. Татхагата испустил ярчайший свет, распространившийся на небесах и на земле, и произвел страшный гром, прокатившийся по небу; все архаты и бодхисаттвы исполнили чудесные превращения перед тем, как спуститься с небес. Разумеется, это произвело на людей того царства огромное впечатление. Однако, архат по имени Пиндола сидел на горе в Шравасти и, занятый подшиванием своей одежды, забыл последовать за Буддой в дальнюю страну. Внезапно он вспомнил о своем долге, воткнул иголку в землю и полетел по воздуху, захватив с собой одежду и нитку, однако, поскольку нитка была пронята в игольное ушко, гора последовала за ним! Так он и прибыл в чужую страну, и его увидела беременная женщина, которая столь ужаснулась, увидев летящую над ней гору, что у нее произошел выкидыш и она умерла из страха, что гора сейчас на нее упадет. Будда, восседавший во дворце, узнал о происшедшем сразу же и приказал Махамаудгалъяяна лететь к Пиндола и спросить, что у того за спиной. Тогда Пиндола обернулся и, увидев гору, швырнул ее обратно на свое место за 8000 миль! Когда он прибыл к Будде, тот сказал: «Пиндола, я наставляю людей в мире и желаю спасти их всех. Ты же, забыв о своем времени, убил человеческое существо. Человеческая жизнь имеет величайшее значение. Поскольку твое поведение не совпадает с моим учением, тебе более не будет позволено следовать за мной, ни вкушать пищу со мной, ни быть вместе с монахами. Ты должен остаться (в этом мире) и после, когда появится Будда Майтрейя, ты сможешь вступить в Пари*нирвана* и уйти». Пиндола, горюющий и исполненный раскаяния, поднялся со своего места, поклонился Будде, удалился от бодхисаттв и архатов и вступил в горы.

В *Дамамука нидана сутра* (賢愚因緣經, «Сутра *нидана* мудрых и глупых», одна из неклассифицированных индийских работ канона, переведенная в 445 г.)[176] рассказывается, как однажды, когда Будда остановился в парке Анатхаптапиндада в Шравасти, там был брахман по имени Пиндола–Дваджа (墮闍). Его уродливая жена постоянно поносила мужа, а семь дочерей со своими мужьями требовали от него помощи. Он позаимствовал буйвола для работы на своем рисовом поле, однако потерял его в болотах. Тогда он побрел в полном отчаянии куда глаза глядят и, наконец, зашел в лес, где под деревом сидел Будда. Это зрелище открыло ему путь к счастью и миру. Так Пиндола стал последователем Будды.

Мы говорили выше (гл. 2, § *6*), что в хинаянистской сутре о 500 учениках, рассказывающих о своих возвышениях (предыдущих жизнях) (五百弟子自説本起經)[177], восемь из тридцати песен посвящены Пиндола. Там мы читаем, что в одной из прошлых жизней он не давал пищи своим родителям и за это преступление попал в Ад Великой Горы, где его жестоко пытали. В позднейших рождениях он постоянно страдал от голода и жажды и даже умирал от отсутствия пищи, однако теперь, в своей последней жизни, обрел человеческое тело и, с помощью Будды, истинное внутреннее видение, успокоенное сознание, сверхъестественное знание, позволявшее

176 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1322, гл. 11, № 52, сс. 16 и далее.

177 NANJO's *Catalogue*, Nr. 729, переведена в 303 г; сс. 8b, 9.

ему летать по небу. Поэтому следует практиковать почтение и послушание своим родителям. Здесь его имя переводится, как 乞閉門, «Нищий (Пиндола), затворяющий ворота» (остающийся дома и уединяющийся) (Бхарадваджа).

Сутра о причине (*нидана*) того, что Пиндола Бхарадваджа проповедовал Закон царю Удаяна, хинаянистская сутра, упоминаемая среди неклассифицированных индийских трудов канона (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1347), была переведена в 435–443 гг. Гунабхадра. Ее названия (賓頭盧突羅闍為優陀延王説法緣經) достаточно, чтобы показать, что хинаянисты подчеркивали славу Пиндола, рассказывая, как царь Каушамби, один из современников Шакьямуни, который, как говорили, создал первую статую Будды, соизволил слушать его проповеди[178].

Махаянистская сутра, изложенная Буддой для Амитабха (佛説阿彌陀經), переведенная в 402 г. Кумараджива, т. е. *Сукхавативьюха*[179], в начальном отрывке, который мы рассмотрим ниже (эта глава, § 11), упоминает Пиндола Бхарадваджа среди шестнадцати главных и самых старых из 12500 Великих Архатов, великих *бхикшу*, находившихся вместе с Буддой в парке Анатхапиндада в Шравасти.

Таким образом, мы встречаем имя Пиндола при перечислении как больших, так и малых групп Великих Архатов. Странно, что монах, которого отверг Будда, причем отстранил его не только от своих приближенных учеников, но даже от Джамбудвипа, обрел среди архатов столь высокое положение. Его магическая сила, происходившая от его трансцендентального знания, очевидно считалась столь великой, что даже в ссылке он оставался известнейшим среди последователей. Более того, исключительный факт его пребывания в мире и распространения Закона именно и сделал его тем лицом, которое стало первым и главным в группе Шестнадцати Архатов, цель которых была той же самой.

Интересно сравнить рассказ из Кулла–Вагга, приводимый Керном, с версиями той же истории, обнаруживаемыми в китайских переводах. В первой Пиндола – обычный архат, демонстрирующий свои магические способности, причем не для обращения еретиков, но просто чтобы завладеть драгоценной чашей. Поэтому его упрекает Будда, запрещающий всем монахам демонстрировать в дальнейшем подобные чудеса. Последние, также относящиеся к Хинаяне (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1118, 1122, 1290) либо говорят о его изгнании из Джамбудвипа, запрещении входить в нирвану и задании возделывать «поле изобилия» для человечества даже в самые темные дни исчезновения Дхармы, либо превозносят его чудесную силу и называют первым в покорении еретиков.

Экоттара агама сутра (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 543), относящаяся к первому классу хинаянистских сутр (класс Агама) была, очевидно, основным источником, из которого пошла слава Пиндола. По этой причине ее комментатор (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1290) даже заменил рассказ о его порицании на историю о его славе, силе

178 См. NANJO's *Catalogue*, Nr. 544, Самъюктагама сутра, гл. 43, сс. 43 и далее, где мы читаем, как этот царь навестил Пиндола, чтобы послушать, как тот станет объяснять ему Закон.

179 NANJO's *Catalogue*, Nr. 200, в начале, с. 12a (Great Jap. Trip. Of Leiden).

и достоинствах. Примечательно, что вторая легенда, приводимая в более раннем переводе той же сутры (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 616), комбинирует идею его великой магической силы (демонстрируемой не только летанием по воздуху, но и тем, что он с помощью нитки потянул за собой целую гору, а затем отбросил ее на прежнее место на расстояние в целых 8000 миль) и его плохим поведением, изгнанием из общины и запрещением входить в Пари*нирвана* до пришествия Майтрейя.

Также в хинаянистской сутре (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 729) нам говорится, что Пиндола сидел среди 500 учеников Будды у озера Агаватапта и, в качестве одного из самых выдающихся, рассказывал историю своих прежних рождений.

Таким образом, становится ясно, что Пиндола – фигура из Хинаяны, и что его возвышение с позиции обыкновенного архата, получившего от Будды упрек за бессмысленное проявление силы, до положения одного из самых могучих среди Великих Архатов произошел не благодаря махаянистским изменениям, но из–за перемен в самой Хинаяне. Однако махаянисты переняли идею величия Пиндола, о чем нам свидетельствует тот факт, что махаянистская *Амитабха сутра* (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 200) упоминает его, как одного из шестнадцати старейших и величайших из 1250 Великих Архатов. Махаянисты также признают его первым из Шестнадцати Великих Архатов и отводят для него в своих монастырях особое место.

Омура (гл. 4, с. 5) упоминает 普通廣釋 (датировка отсутствует), где приводятся следующие слова Хуэй–юаня, 恵菀: «В махаянских монстырях (Китая) – Маньджушри, в хинаянских – Пиндола, а там, где слиты оба учения, Маньджушри вместе с Пиндола сделаны председательствующими (букв. «вверху сидящими»)». Омура добавляет, что то же встречается в 顕戒論 (автор – Дэнгё Дайси, 767–822). Очень жаль, что Омура, как и другие китайские и японские авторы, редко приводит детали относительно цитируемых работ. Это не имеет значения, когда речь идет о трудах из великого канона, которые мы можем найти при помощи бесценного Каталога Нандзё, однако очень неудобно в случае с прочими буддийскими работами. Таким образом, мы не знаем ни даты написания, ни автора книги, откуда он извлек столь интересную цитату; что касается Хуэй–юаня, то им мог быть монах седьмого века (см.: *Nanjo*, App. III, 32). Далее Омура указывает, что помещение образа Пиндола в трапезных буддийских монастырей в Японии есть пережиток китайского обычая, упоминавшегося выше. Он, очевидно, предполагает, что этот древний хинаянский обычай был заимствован из Индии, так как пишет, что в этом причина того, что Пиндола, не являясь вовсе известным учеником Будды, стал первым из Шестнадцати Архатов. Он также предполагает, что идея о пребывании архатов в мире для защиты и укрепления Дхармы могла возникнуть из предания о том, как Пиндола не обрел нирваны, но получил задание устраивать для человечества «поле счастья».

Сравнив отрывки, процитированные в этом параграфе, с утверждением, что Пиндола поклонялись, как «председательствующему» в хинаянских монастырях, мы ощущаем склонность рассматривать тенденцию к преувеличению славы Пиндола, замеченную в указынных отрывках их хинаянистских работ, как

причину того, что его стали считать первым из Шестнадцати Архатов, а также того, что он занял столь значительное положение в хинаянских монастырях. То, что в махаянских монастырях поклонялись бодхисаттве Маньджушри, как их «председательствующему», совпадает с замечаниями автора статьи в *Нихон хякка дайдзитэн*, приведенными выше, относительно того, что махаянисты предпочитали бодхисаттв архатам. Там же, где соединялись обе ветви буддизма, бодхисаттвам и архатам поклонялись равным образом, как существам одинакового ранга.

Написав это, я прочел великолепную главу о Пиндола у Леви и Шаванна, к которой и отсылаю читателей за всеми возможными деталями относительно легенд, истории и почитания этой в высшей степени интересной фигуры. Сперва они цитируют 諸經要集 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1474, «собрание (выдержек из) важных (доктринальных вопросов) из различных сутр», составленное в 656–660 гг. Дао–ши, 道世). Там мы находим пространную статью о Пиндола, «Святом Монахе» (聖僧), как его называют, которая также содержится в *Фа–юань–чжу–линь* (法苑珠林, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1482, большое собрание, составленное в 668 г. тем же Дао–ши). В конце рассказа о чаше из сандалового дерева мы читаем: ««Последователи четырех частей Джамбудвипа, которые хотели видеть Пиндола (поклонявшегося Учению в Апарагодани), сообщили об этом Будде. Будда разрешил ему вернуться на свое место (в случае приглашения). Из–за того, что он проявлял свои сверхъестественные способности, он не разрешил ему войти в Нирвану; но приказал ему быть полем счастья (пуньяк–сетра) для четырех классов последних поколений. И он (Пиндола) принял на себя со своей стороны обязательство, что каждый раз, когда с трех сторон света его пригласят, он устремится туда как можно скорее».

Далее Дао–ши цитирует *Ашокавадана* (阿育王經), где царь Ашока произносит стих, содержащий приглашение всем архатам четырех сторон, и 請賓頭盧經, «Сутру приглашения Пиндола» (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1348, переведена в 457 г. Хуэй–цзянем, т. е. 釋恵簡, упоминающаяся в *Nanjo*, Appendix II, № 84) (см. полный перевод этого интересного текста у Леви и Шаванна, 1.1., сс. 205 и далее, отд. изд., сс. 66 и далее).

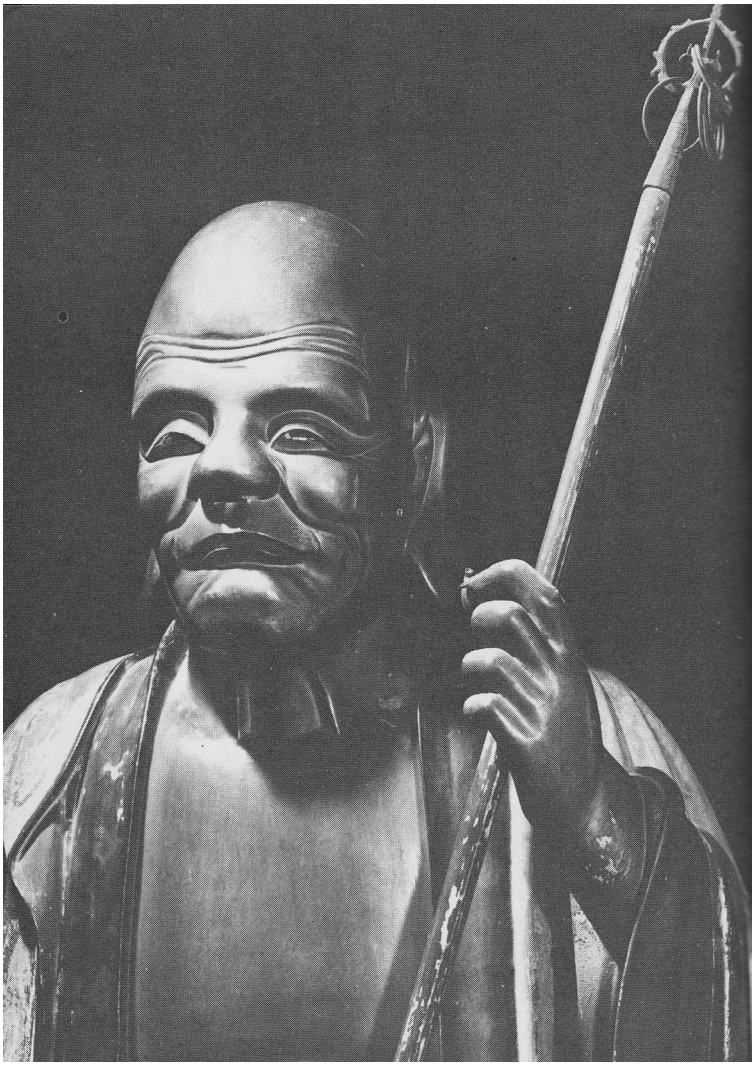
Эта "Сутра Ритуала (法) приглашения Пиндола" начинается следующим образом: «В королевствах Индии, где упасака, цари, или знать, устраивали собрания всех сортов, они всегда приглашали Архата Пиндола Бхарадваджа. Пиндола – это прозвище; Бхарадваджа – фамилия. Так как этот человек проявил свои сверхъестественные способности перед благородным Йётишка, Будда исключил его и не позволил ему войти в Нирвану; он приказал Пиндоле быть полем, производящим счастье (福田, пуньякшетра) для верных из четырех классов (*бхикшу* , *бхикшу* ни, упасака, упасика) в последние времена Закона. В тот момент, когда делается приглашение, в чистом месте сжигаются благовония и простираются лицом к горе Мо–ли (摩梨, Малая?) в Индии, от всего сердца взывает к его имени, произнося: «Человек великой добродетели, Пиндола Бхарадважа, вы получили приказ от Будды быть полем, производящим счастье для людей последних времен

Закона. Мы хотим, чтобы вы приняли наше приглашение и чтобы Вы поглотили это место». Когда строится новый дом, также следует пригласить его, говоря: «Мы хотели бы, чтобы Вы приняли наше приглашение и чтобы в этом жилище Вы провели ночь на этой постели». Когда верующих приглашают купаться, надо также его пригласить, говоря: «Мы хотели бы, чтобы вы приняли наше приглашение и чтобы Вы искупались в этом месте». Затем, еще до наступления дня, заготавливаются все ароматические настойки и чистая вода; смягчают жару, так как это обычай так делать, когда принимает человек ванну; открывают дверь и просят его зайти; после чего дверь закрывают, как это делают для принятия ванны человеком. Через мгновение после этого заходит толпа верующих. Каждый раз, когда хотят устроить собрание с трапезой или омовением, главное заключается в том, чтобы все приглашенные монахи просили от всего сердца быть избавленными, освобожденными от сомнений и темноты, обрести веру во всей ее чистоте, и тогда он может смягчиться» ..... «Если Пиндола посетит их, то цветы, положенные на его место, не увянут». ..... «Когда Пиндола приходит, на подушках становится видимым отпечаток человека, прилегшего на них; в комнате для ванны видны следы человека, использовавшего воду для принятия ванны». (pp. 216 sqq., sep. éd. pp. 77 sqq.).

Дав перевод этого текста, Леви и Шаванн указывают, что и Сангхаварман (*Nanjo*, Appendix II, № 80), индийский монах, прибывший в 433 году в Нанкин, согласно старейшему каталогу буддийского канона, в 434 году перевел "Текст приглашения святого монаха к купанию" (請聖僧浴文), но что уже к началу шестого века он был утерян. В том же каталоге приводится название "Сутры приглашения *бхикшу* Пантхака" (請般特比丘經), а также о приглашении Пиндола, указанный выше. Два монаха, Фа–юань и Фа–цзин (см. ниже, эта глава, § 16, где первый назван *Фа–шу*нем), по Фа–юань чжу–линь, были в эру Дай–ши (465–470) первыми, кто представил "Святого Монаха" в живописи. Эти монахи также жили в окрестностях Нанкина, где правили сунские императоры, и куда прибывало много кораблей из Индии. «Таким образом, мы вправе предположить, что, по всей вероятности, культ Пиндола проник в Китай из Индии морским путем в середине V века. Обряд был без промедления принят как официальный культ; во времена династии Ци, которые наследовали династиии Сун, чудесное исцеление императора У, полученное благодаря заступничеству святого в 490 году, определенно способствовало популярности Пиндола». (c. 220, 81).

Далее мы узнаем от двух выдающихся французских ученых, что Дао–ань (314, судя по его биографии в Гао сэн чжуань (高僧傳, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1490), увидел во сне монаха "с седой головой и длинными бровями". «Еще во сне он увидел одного верующего Хоу (вар. Фань), у которого была седая голова и косматые длинные брови. Он сказал Дао–аню: «Комментарий святых книг, который вы сделали, совершенно совпадает (соответствует) с доктриной. Сам я не могу войти в Нирвану и пребываю в краях Запада; я помогу вам обрести обширное проникновение, но необходимо, чтобы время от времени вы снабжали меня пищей. Позднее, когда по-

бедило (404) Учение 10–ти Возглашений (Сарвастивади Виная), Хуэй–юань, ученик Дао–аня, узнал, что это был Пиндола, которого его хо–чжан (упадхьяя) видел во сне. И тогда было установлено место, где давали бы ему пищу, и повсюду это стало правилом». В другой раз странный монах явился Дао–аню и наставлял его, как приготавливать ванну для "Святого Монаха". Он так и поступил и увидел, как прекрасный мальчик вошел в храм и воспользовался ванной (сс. 221 и далее, отд. изд., сс. 82 и далее).



Пиндола
храм Мампукудзи, Япония

Так, мы видим, что два эти ритуала (приглашение к трапезе и к ванне) стали известны в Китае еще до пятого века, и что они были особенно связаны со "Святым Монахом". В пятом веке Пиндола стал очень популярен, в особенности потому, что Виная Сарвастивадинов (представленная в 404 г.) объясняла его присутствие в мире приговором Будды, запретившего ему входить в Нирвану. «С тех пор фигура Святого Монаха, неопределенная и расплывчатая до этого времени, идентифицировалось с традиционной личностью Пиндола, гарантированной авторитетом Виная». (p. 223, sep. éd. 84.)

Во второй половине седьмого века культ Пиндола приобрел особую важность, иначе Дао–ши, составитель Фа–юань чжу–линь, не привел бы такого пространного

описания. Объясняя ритуалы, описанные в Сутре о приглашении Пиндола, он приводит все детали церемонии. «Совершающий благое дело» (данапати) должен сначала подмести и оросить Зал Будды и установить место, где будет сидеть Святой Монах» ..... Он приглашает 3 Сокровища, затем в лице Святого Монаха, также, как правило, приглашаются все Святые мира Закона 10 областей. Он принимает приглашение ученика и его святая персона снисходит до посещения дома благотворителя. ... Место сидения, которое должен получить Святой Монах с поднесенными кушаньями, не должно, впрочем, превышать высоты в 1 ступню и 6 пальцев; его устанавливают на возвышенности. .... Если удалось достать больше денег, ... то строят зал для проживания Святого Монаха. В зависимости от сезона, зимой и летом, там размещают предметы подношения. ... В течение ночи зажигают лампы и сжигают благовония. .... И нельзя ни в коем случае делать там изображения других Святых монахов. ....(pp. 209 sqq., sep. éd. pp. 70 sqq.).

Другой буддийский ученый, живший в седьмом веке, Дао–сюань (道宣), основатель школы Виная, умерший в 667 году (Nanji, Appendix III, № 21), написал работу, сохранившуюся лишь в корейском каноне. Леви и Шаванн упоминают эту работу, когда пишут о Пиндола. Автор заявляет, что культ святого есть подтверждение того факта, что сверхъестественные существа любят сходить на землю, в особенности, когда их приглашают люди. «До сих пор есть люди, которые делают изображение святого монаха Пиндола и устанавливают его в зале и делают ему подношения. И для этого тоже есть свой особый способ исполнения. Но в этом случае следует также, в другом месте, перед пустым сиденьем положить чашу и кружку. Когда подходит час трапезы монахов, приглашают нескольких глубоко верующих принять в качестве замены подношения». (p. 214, sep. éd. 75).

Что касается культа Пиндола в Индии, то Леви и Шаванн тщательно сравнивают все индийские тексты об этом архате и приходят к выводу, что все легенды и ритуалы, связанные с этой фигурой в Китае, пришли из Индии, привнесенные индийскими миссионерами. Виная Сарвастивадинов показывает, как его изгнали из Джамбудвипа в Апара Годания до тех пор, пока Закон будет существовать на земле.

В Авадана его всего лишь отстраняют от Нирваны на тот же период, но он остается в этом мире, рядом с границами Индии, поскольку, по Ашокавадана, пребывает на горе Гандхамадана, к северу от озера Анаватапта. По Виная, его наказывают за то, что он продемонстрировал свои чудесные силы для получения чаши из сандалового дерева; по Авадана он совершил преступление, взяв с собой гору, когда летел по небу[180].

Если индуистские миссионеры принесли в Китай тексты и культы, ставшие популярными именно в то время в Индии, то мы можем предположить, что 4–й век был той датой, когда важность Пиндола серьезно возросла в его стране.

180 Levi and Chavannes, 1.1., p. 266, sep. ed. P. 127.

«Мы могли бы сказать, что выдающаяся святость Пиндола сформировалась в Индии около VI века нашей эры». (p. 270 sep. éd. p. 131).

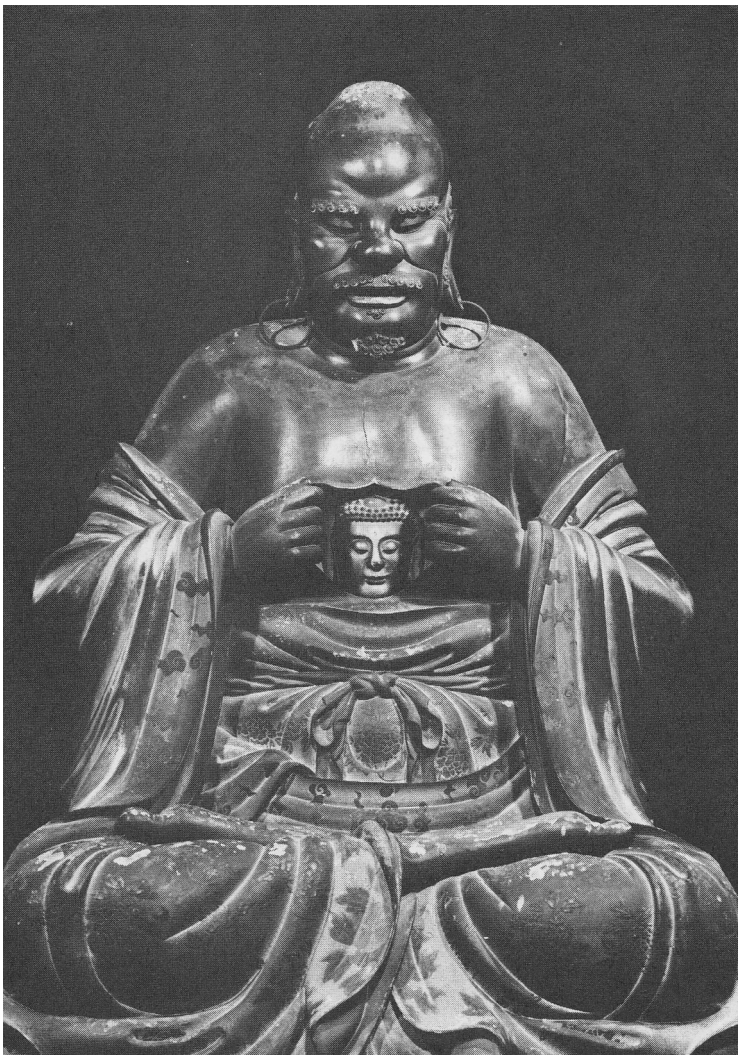
Что же касается групп из Четырех и Шестнадцати Архатов, то Леви и Шаванн правильно замечают, что Пиндола – выдающаяся, пожалуй даже основная среди них фигура. «Он очевидно представляет собой изначальный тип; остальные, какими бы они ни были, являются не более, чем его повторением. Какова была причина, которая могла определить для него эту роль? Среди всех Архатов (по нашим сведениям, по крайней мере), он был вместе с Махакашьапа единственным, кто не вошел в Нирвану, по формальному свидетельству канонических текстов». (с. 271, 132) Однако, Махакашьяпа исчез в горе; и лишь Пиндола остался, как активный распространитель Закона в мире. Хотя, когда возникает идея о четырех охранителях Закона в четырех сторонах мира, были выбраны Махакашьяпа (несмотря на то, что он жил в горе) с Рахула и Кундопадхания. После могли посчитать, что каждой стороне нужны четыре охранителя, и была сформирована группа из Шестнадцати.

§ 4. Рахула, сын Шакьямуни, последний из Десяти Великих Учеников и одиннадцатый из Шестнадцати Великих Архатов

Китайские паломники рассказывают нам о ступах, воздвигнутых в Индии над реликтами Учеников и прочих святых, гораздо более многочисленных, чем те, что воздвигались над древними буддами. Керн, основываясь на трудах этих паломников, говорит: «Рядом с Вайшали Фа–сянь видел ступу, построенную над половиной тела Ананда, а другая половина осталась, как реликт, в Магадха. В городе Матхура были ступы, воздвигнутые в честь Шарипутра, Маудгалъяяна, Пурна–Майтраянипутра, Упали, Ананда и Рахула с их реликтами. Ногти и борода патриарха Упагупта, столь же знаменитого у северных буддистов, как и неизвестного у южных, почитались в том же городе. Более того, там даже была ступа, воздвигнутая над реликтами Маньджушри и других бодхисаттв. Ступа в лесу Конкан содержала останки Шрутавимшатикоти. Все тело Великого Кашьяпа покоится в глубокой расселине горы под названием Куккутапада[181]».

В отрывке Сюань–цзана о Матхура, который цитируется Керном, мы читаем, что было около двух тысяч монахов, живших в двадцати монастырях и изучавших одновременно Махаяну и Хинаяну. Перечислив ступы шести Учеников (которые все принадлежат к Десяти Великим Ученикам, упомянутым выше, гл. 2, § 11), а также Маньджушри и других бодхисаттв, он добавляет, что ежегодно, на протяжении месяцев трех долгих постов и в шесть постных дней каждого месяца монахи соперничали в совершении ценных подношений этим архатам и бодхисаттвам. «Те, кто изучает Абхидхарма, делают подношения Шарипутра; те, кто практикует *Самадхи* – Маудгалапутра; те, кто читает и соблюдает Сутры (Саутрантики) – Пурна–

181 Kern, *Manual of Buddhism*, p. 89.



Рахула
храм Мампукудзи, Япония

Майтраянипутра; те, кто изучает Виная – Упали; *бхикшу* ни (монахини) – Ананда; те, кто еще не инициирован во все правила – Рахула (未受具戒供養羅怙羅), а те, кто изучает Махаяну – бодхисаттвам. Эти празднества были богатыми и помпезными; царь и министры считали своим долгом совершать добродетельные поступки. В том же отрывке указано место, на котором 1250 Великих Архатов, и среди них Шарипутра и Маудгалапутра, практиковали *самадхи* (習定); ступы были воздвигнуты в память об этом[182].

Здесь мы снова видим, что хинаянисты почитают архатов, а махаянисты делают подношения Маньджушри и другим бодхисаттвам.

Раздел об Учениках Будды (佛子品) (часть 4) в третьей главе Экоттарагама сутры, хинаянистской работы, о которой мы говорили уже несколько раз, приводит, как мы указывали в предыдущей главе (§ 10), имена и достоинства «ста святых отшельников» (百賢聖). Там мы читаем: «Тот, кто не нарушает запретов и обетов, кто не ленится читать и возглашать (священные тексты), есть *бхикшу* Рахула (不毀禁戒、誦讀不懈、所謂羅云比丘是)». Следом за ним восхваляются Пантхака и Чудапантхака[183]. Имя Рахула записывается 羅云, в других текстах – 羅雲,

182 *Да-Тан Ши-ю-цзи*, гл. 4, сс. 8 и далее; перевод Жюльена, т. 1 (Voyages, Vol. II), сс. 208 sqq.
183 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 4.

причем при транскрибировании имени, как 羅怙羅 средний знак представляется иероглифами 喉 и 吼. Это переводится, как 覆障, «разрушающий препятствия», или 執日, «объемлющий солнце», или 障月, «объемлющий луну». Что касается его особых добродетелей, строгого соблюдения виная и упорства в чтении священных текстов, то это, очевидно, явилось причиной того, что его почитали «еще не инициированные во все правила». Однако, среди Десяти Великих Учеников он считался «первым в таинственных деяниях» (密行第一)[184].

В Сутре, в которой 500 учеников объясняют свой изначальный подъем (предыдущие рождения)[185], также относящейся к Хинаяне, Рахула – 25–й из 29–ти знаменитых архатов среди 500 (которые сопровождали Будду ко дворцу Нагов в озере Анаватапта), изложившие свои жизни в песнях (состоящих из множества строк по пять иероглифов в каждой). Рахула говорит, что в древности он был праведным царем Магадха, который подозрительно относился к святому аскету (*риши*, 仙人) и нехорошо поступал с ним, за что попал в ад, но возродился через 60000 лет, пробыв во чреве у матери на протяжении шести годов.

Комментарий к первым главам *Экоттарагама сутра* 分別功德論, озаглавленный: «Шастра разделения достоинств и добродетелей», говорит, что Будда сделал Рахула предупреждение из–за склонности последнего ко лжи, и что после этого он говорил только правду. Там также упомянуто строгое соблюдение заповедей[186].

Только в Экоттарагама сутре три отрывка сообщают нам о том, как Будда наставлял Рахула[187], а в другой сутре, также цитируемой у Омура (гл. 4, с. 6), рассказывается, как Рахула терпеливо снес оскорбление, нанесенное одним неблагоразумным человеком, так сильно ударившим его по голове, что из образовавшейся раны брызнула кровь. Это произошло в Шравасти, когда он просил еды вместе с Шарипутра[188].

Омура заявляет, что трое других Рахула упоминаются в буддийских писаниях (один из них был учеником Шарипутра, но здесь мы имеем дело с сыном Шакьямуни).

Наконец, мы можем упомянуть «Санскритско–Китайский словарь» Эйтеля, где читаем в статье Рахула: «Объясняется, как 覆障, букв. тот, кто разрушает (все) препятствия; считается, что это определение возникло от того, что шесть лет он пребывал во чреве своей матери из–за злых козней Асура. Старший сын Шакьямуни (佛之長子) от Яшодхара. Обращенный в буддизм, он последовал за отцом в роли прислужника. Считается, что его имя – производное от имени Асура (Раху), который мешал его рождению. Однако, Бурноф выводит его имя от Гаутама Рахугана, знаменитого предка семейства Шакья. После смерти отца Рахула стал основателем философской реалистической школы (Вайбхашика)[189]; он до се-

184 См. выше, гл. 2, § 11.

185 NANJO's *Catalogue*, Nr. 729, с. 29; см. выше, гл. 2, §6 и гл. 3, § 3.

186 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1290, гл. 3, с. 19.

187 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 8, 43 и 45; NANJO's *Catalogue*, Nr. 544, гл. 17, сс. 9 и далее.

188 羅云忍辱經, «Сутра о том, как Рахула терпеливо снес унижение».

189 Керн (*Manual*, p. 126) говорит, что эта школа «клонилась к хинаянистской партии, однако полностью отрицала авторитет сутр, признавая лишь Абхидхарма. По их догматической системе, Ша-

годняшнего дня почитается, как патрон–покровитель всех новичков. Он будет перерождаться, как старший сын каждого будущего Будды (佛之長子), в особенности также Сагаравардхара буддхи викридит абхиджня, под чьим именем Ананда появится, как Будда. Это объясняет, почему Рахула иногда предварительно называется «сыном Ананда». Он упоминается в одной из надписей в Пиядаси, а Сюань–цзан видел среди руин Капилавасту статуи Яшодхара и Рахула на месте, где располагались женские покои дворца Шакьямуни»[190].

§ 5. Накула (Вакула), пятый из Шестнадцати Великих Архатов и один из 100 святых отшельников

В списке 100 святых отшельников, приводимом в третьей главе *Экоттарагама сутра*[191], мы читаем следующее. «Первый *бхикшу* среди моих шравака, а также старший (壽命極長), который никогда не встретит безвременную смерть (終不中夭) – *бхикшу* Вакула (娑拘羅). Он также – человек, любящий жить в уединении, а не среди толпы (монахов) (常樂閉居不處衆中)».

В тринадцатой главе того же труда говорится, что Вакула восседал в одиночестве на горе, починяя старое одеяние, когда Будда в сопровождении 500 Великих *Бхикшу* остановился на Вершине Коршунов рядом с Раджагриха. Тогда Шакра, повелитель Дэва, увидел его, сидящего там, и задумался, отчего Вакула, архат, отринувший все привязанности, долгота жизни которого была неизмерима, который постоянно самостоятельно подавлял все свои мысли, который не был привязан к делам мира, не объясняет другим Закон, но предпочитает одинокую личную практику, как неустроенное лицо внешнего пути? И Шакра пошел на Вершину Коршунов и, появившись перед Вакула, с помощью *Гатха* спросил его, отчего он не разъясняет Закон и живет в одиночестве. Вакула ответил, тоже в форме *Гатха*, что Шарипутра, Ананда и другие великие ученики способны хорошо разъяснить Закон, (так что для него нет необходимости делать это). Далее следует объяснение занимавших его размышлений, побудивших его не проповедовать Закон, после чего удовлетворенный Шакра поднялся со своего места и ушел прочь[192].

Когда Вакула еще не был монахом, он имел разговор со своим другом–инакомыслящим, изложенный в *Мадхьямагама сутра* (中阿含經, хинаянистская сутра, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 542, гл. 8).

Причина его долгой жизни объясняется в хинаянистской «Шастре о разделении достоинств и добродетелей» (分別功德論, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1290),

кьямуни - простое человеческое существо, который, обретши в своем состоянии будды достаточную Нирвану, а после смерти полную Нирвану, перешел в Ничто. Что может быть названо в Будде божественным, так это его интуитивное знание истины без помощи со стороны».

190 Мы находим это в *Ши–ю–цзи*, гл. 6; перевод Жюльена, т. 1, с. 314.

191 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 3b.

192 Гл. 13, сс. 10 и далее.

упоминавшейся выше. Там Будда говорит Ананда, что Вакула должен жить 160 лет по причине милосердия своего сердца в прошлых перерождениях. В стародавние времена, когда Будда Випашьи появился в мире, был один *шрештхин* (長者, старец), который дал лекарство *бхикшу* , страдавшему от головной боли, которое вылечило его. За этот добродетельный поступок он был вознагражден невосприимчивостью к болезням и болям на 91 *кальпа* и перерождением в доме *шрештхин*. В 80 лет он стал монахом и должен был прожить еще 80 лет, всего до 160–ти. Это был Вакула, всегда самый здоровый и самый старый. Когда Будда изложил это, Вакула было 100 лет, и ему оставалось прожить еще 60.

Накула
храм Нандзэндзи, Япония

Тогда Ананда спросил, отчего Вакула не излагает Закон: не от недостатка ли ума и знаний? Вакула ответил, что не поэтому, но он «не проповедует, так как идет прямо к своей собственной радости и покою, и не находит удовольствия в смешении и суматохе» (直自樂靜不喜慣鬧)[193].

В Сутре, в которой 500 учеников объясняют свой исходный подъем (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 729) Вакула – 13–й. Там его имя дано в написании 売姓, «продающий

193 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1290, гл. 3, сс. 1 и далее.

имена»[194]; другие переводы 善容— («добродетельное лицо»), 偉形 («выдающаяся, красивая форма»), 大肥盛 («великое изобилие»), 輮囊 («мешок изобилия»), 慢鄧 (?), все упоминаются у Омура (гл. 4, с. 5). Вакула сообщает, как давным–давно он продавал лекарства, которые излечили одного из учеников жившего тогда Будды. Он почитал этих монахов и давал им лекарства. За это добродетельное поведение он был награжден так, как описано выше[195].

Странно, что этот старый, здоровый эгоист, чьи заслуги в распространении Учения были достаточно спорны, был помещен среди Шестнадцати Великих Архатов, чья задача состояла в том, чтобы оставаться в мире, защищать и упрочать Закон после Пари*нирвана* Будды. Однако, и в случае с остальными фигурами выбор был достаточно странен! Неудивительно, что царь Ашока не оказал большого внимания ступа Вакула, когда поклонялся знаменитым местам, связанным с Буддой. Он посетил эту ступа, находившуюся в Магадха, но, когда Упагупта сказал ему, что Вакула никогда не разъяснял Закон и имел мало заслуг в обращении других, счел достаточным поднести этому неактивному архату всего один золотой[196]. Хотя исходная природа архатов была пассивной, а их единственной целью являлась *Нирвана*, так что Вакула являлся типичным примером подобного класса существ. Однако изобретатели группы Шестнадцати Архатов, ради того, чтобы соединить их с идеями могущественных бодхисаттв Махаяны, придали им более активный характер пропагандистов Закона, чем подняли их от эгоистичного квиетизма до альтруистической активности.

Что же касается членства в этой группе, то следует отметить, что *Фа–чжу–цзи* (法住記, эта глава, § 1), а за ней китайские и японские тексты, основываясь на отрывке с описанием Шестнадцати Великих Архатов, называли этого архата Накула, 諾短羅, а не Вакула. Су Дунпо (蘇東坡), знаменитый китайский поэт одиннадцатого века, в своей «Похвале Великим Архатам, нарисованным Шэнь–юэ» (禪月 , т. е. Гуань–сю, знаменитым танским художником, о котором речь пойдет ниже, в этой главе, § 19), также называет его Накула, 那俱羅, однако император Гао–цзун в эру Цянь–лун (1736–1796), написавший похожее восхваление тем же картинам, называет его Вакула, 拔嘎沽拉 (Ба–цзя–гу–ла).

В Тибете, где известна та же группа Шестнадцати Архатов, его имя Бакула, т. е. Вакула[197].

Самъюктагама сутра[198] (雜阿含經, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 544, переведенная

194 Это странное имя напоминает нам выражение 買闈姓, «покупать имена на экзаменах», т. е. вид азартной игры в Кантоне, где ставят на имя кандидата на выборах (см. Wells Williams, s .v. 姓 [p.810] and s .v. 闈 [p. 1049]).

195 NANJO's *Catalogue*, Nr. 729, № 13, с. 15.

196 Биография царя Ашока, 阿育王傳, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1459 (переведена 281–306), гл. 2, Сутра царя Ашока, 阿育王經, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1343 (старый перевод того же труда) (512), гл. 3. Цит. у Омура (гл. 4, с. 5).

197 См. Grünwedel, *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 38, and note 36, p. 205.

198 Гл. 5, сс. 12 и далее.

420–479) упоминает *шрештхин* Накула (那拘羅長者), который в возрасте 120–ти лет пошел к Будде и получил от него наставления. Услыхав Шарипутра, излагавшего Закон, он стал Упасака, т. е. мирянином – членом буддийской общины. Сравнив эту историю о Вакула с другими, мы видим, что в них совпадают два важных момента, а именно: ранг *шрештхин* и преклонный возраст. Однако, Вакула стал монахом, а Накула лишь Упасака. Хотя имя Накула не обнаруживается при перечислении учеников Будды в сутрах класса Агама, его упоминают в *Экоттарагама сутра*, как единственного ребенка *шрештхин*. Там этого ребенка Будда спасает из когтей злого демона, которого Татхагата затем подчиняет себе и обращает. Он обращает также ребенка и его отца, ставшего весьма преданным Упасака[199].

Автор *Фа–чжу–цзи* мог позаимствовать имя Накула из Самъюктагама сутра, однако, поскольку он говорит о знаменитых учениках Будды, то может иметь в виду монаха Вакула. Идентичность их ранга и преклонного возраста могла побудить его спутать их имена. Это могла также быть ошибка переводчика, однако плохо верится, чтобы такой человек, как Сюань–цзан, мог позволить себе такую ошибку.

§ 6. Братья Пантхака и Чудапантхака, десятый и шестнадцатый из Шестнадцати Великих Архатов, оба принадлежащие к 100 святым отшельникам

Два брата, из которых Пантхака был старшим, оба являлись учениками Будды. *Экоттарагама сутра*[200] перечисляет их среди 100 святых отшельников и восхваляет их следующим образом. «Тот, кто с помощью божественной таинственной силы может спрятать себя,это *бхикшу* Пантхака, а тот, кто может превращать свое тело и творить многочисленные чудеса (превращения) – *бхикшу* Чудапантхака».

В Шравасти жила жена брахмана, чьи сыновья немедленно умирали после рождения. Когда вновь родился сын, она положила его на большую дорогу, но, поскольку он не умирал, она вновь взяла его и назвала «Большая Дорога» (大路). Позже, когда вновь родился сын, она положила его на маленькую дорогу, но взяла его, так как он оказался таким же сильным, как и его брат; его она назвала «Маленькой Дорогой» (小路). Первый был очень умен и выросши стал монахом и достиг состояния архата. Это был Пантхака, чье имя транскрибируется 般持、般兔、般持迦、半託迦、莫訶半託迦 (Махапантхака), или 般咄, и переводится 大路 («Большая Дорога»), или 大路邊生 («Рожденный на обочине большой дороги»).

Младший брат, напротив, был очень глуп. Это был Чудапантхака, «Глупый (или Маленький) Пантхака», чье имя транскрибируется, как 周利般持、周梨

199 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 14, сс. 2 и далее.

200 Гл. 3, 弟子品第四, с. 4. Об этих двух братьях см. также Rhys Davids, *Psalms of the Early Buddhists*, II, Psalms of the Brethren, Ps. 231, pp. 242 sq. (Panthaka Maior) and Ps. 236, pp. 258 sq., Panthaka Minor, i.e. Cūda–Panthaka. Cf. Dr. Julius Dutoit, *Jātakam*, I, Nr. 4, pp. 25sqq.

般、陀迦、周利般他迦, или 祝利般咄, и переводится 小路 («Маленькая Дорога»), или 小路邊生 («Рожденный на обочине маленькой дороги») (小, маленький, *чула, чулла*), 道生 («Рожденный при дороге»), 道髻 («Дорога Пучка», т. е. ушниша, нарост на макушке Будды), 不樂 («Лишенный Радости»), 愚路 («Глупая Дорога»), или 愚闇般陀 («Глупый Пантхака»)[201].

Когда их родители умерли, а дом пришел в упадок, Пантхака сжалился над своим младшим братом и побудил его сделаться монахом. Однако тот был так глуп, что не мог заучить даже одну *Гатха*, хотя повторял ее четыре месяца, тогда как пастушок, слышавший, как тот учит, запомнил ее сразу. Тогда он захотел пойти к ученому монаху, но старший брат рассердился на него за глупость и прогнал прочь. Его, горько плачущего, увидел Будда, который снял препятствия с его ума, так что тот немедленно запомнил стихотворение. Затем, заставив его вычистить пыльные башмаки странника, Будда дал ему внутреннее видение нечистоты и ограниченности мыслей; так он стал архатом[202].

По другому тексту, их мать была дочерью очень богатого *шрештхин*, которая, после того, как имела связь с рабом, бежала за границу, однако пожелала вернуться домой и по дороге родила близнецов – Пантхака и Чудапантхака. Этих мальчиков приняли и воспитали в другой семье[203].

Пантхака был первым в умении магическими способами делать свое тело невидимым. С помощью этого он подчинил ядовитого Нага, как мы узнаем из «Шастры о разделении достоинств и добродетелей», где говорится, что он и брат были близнецами, брошенными на дороге[204].

Мы читаем в том же отрывке, что Чудапантхака был первым в умении превращаться. Брахман, которого из–за большой учености называли «Мирским Каноном» (世典), услыхал, что среди монахов низшим (т. е. наименее умным) был Чудапантхака. Поэтому он начал с ним дискуссию, однако архат, не будучи в состоянии ответить ему словами, решил ответить делами. С помощью божественной силы он поднялся в воздух и воссел там со скрещенными ногами, к изумлению брахмана. Шарипутра, который при помощи своего чудодейственного уха услыхал их разговор и забеспокоился, что *бхикшу* может уступить, а брахман не обратится, с помощью божественной силы принял облик Чудапантхака и принудил последнего исчезнуть. Затем он вступил в дискуссию с брахманом и переубедил его, так что тот прозрел к истине и обрел чистоту глаза Закона[205].

---

201 См. Омура, гл. 4, с. 6.

202 Мы находим эту легенду в 根本説一切有部毗奈耶, Муласарвастивада никая виная, переведенной в 703 г. NANJO's *Catalogue*, Nr. 1118, гл. 31, сс. 8 и далее, где он назван «Глупой Дорогой»; последняя часть также помещена в *Экоттарагама сутра*, NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 11, сс. 16 и далее.

203 Омура, гл. 4, с. 6, цитирует 四分律疏飾宗記.

204 分別功德論, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1290, гл. 下, сс. 21 и далее, где он назван , а его брат - 祝利般咄.

205 Эта история также помещена в *Экоттарагама сутра*, NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 8, сс. 15

В один из дней, когда Будда с 500–ми Великими *Бхикшу* был в Каранда венувана, что в Раджагриха, принц 滿呼 (Пурна..., «Полное дыхание, или крик») сказал ему, что слыхал, как Чудапантхака не смог ответить брахману, упомянутому в предыдущей легенде, что этот *бхикшу* был глуп и лишен какой бы то ни было мудрости. Будда ответил, что Чудапантхака обладает трансцендентальной силой и обрел учение высших людей, но неискушен в мирских спорах. Принц, однако, сказал, что не понимает, как Чудапантхака может иметь сверхъестественное знание, но не в состоянии дискутировать с еретиком. Затем он пригласил Будду со всеми *бхикшу* , за исключением Чудапантхака. Будда принял приглашение, но приказал Чудапантхака взять его чашу и следовать за ним во дворец принца. Когда все расселись, принц попросил Будду передать его чашу, чтобы он лично мог наложить ему пищи. Будда ответил, что его чаша находится у Чудапантхака, и что принцу следует пойти к этому *бхикшу* и взять у него чашу. Тогда Чудапантхака произвел 500 деревьев в цвету, под каждым из которых сидел Чудапантхака. Когда принц по указанию Будды пришел, чтобы забрать чашу, он увидел 500 *бхикшу* и не знал, который из них настоящий Чудапантхака. Он вернулся к Будде и рассказал ему о трудности, после чего Будда посоветовал ему выйти на середину сада (из 500 деревьев) и щелкнуть пальцами; тогда один Чудапантхака поднимется со своего места. Так и случилось, а 500 фантасмагорических деревьев и *бхикшу* мгновенно исчезли. После этого принц и архат пошли к Будде, и первый покаялся в том, что не поверил словам Татхагаты относительно чудеснейших способностей *бхикшу* [206].

В другом отрывке имя Пантхака использовано там, где подразумевается Чудапантхака. В стародавние времена, гласит этот текст, когда Будда пребывал в Шравасти, был один очень старый *бхикшу* , ставший монахом в преклонные лета, и очень глупый. Хотя 500 архатов по указанию Будды ежедневно наставляли его, за три года он не смог выучить ни единой *Гатха*. Его глупость была известна во всем царстве. Наконец, Будда сжалился над ним, лично наставил и побудил стать архатом. Однажды Татхагата приказал ему пойти в женский монастырь и объяснить монахиням Закон. Те, услыхав, что к ним идет глупый монах, сперва все смеялись, однако, услышав его, весьма обрадовались и многому научились[207].

По другой, отличной версии этой легенды, он разъяснил всего одну *Гатха*, ту, которую знал, но затем продемонстрировал так много чудес, что все монахини сильно возрадовались. Он разделил свое тело на бесчисленное количество тел, а затем собрал их в одно. Он перепрыгивал через каменные стены, ходил по воде, как по земле, входил в землю, как в воду, скрывал половину своего тела, или делал его золотым; иногда из него начинали идти дым, огонь и вода. Он сидел и лежал на воздухе и летал, как птица. Своими руками он касался солнца и луны, а своим телом

и далее.

206 *Экоттарагама сутра*, гл 40, сс. 10 и далее.

207 *Дхармападавадана сутра*, 法句譬喻經, NANJO, Nr. 1353, переведена в 290–306 гг.; гл. 2, сс. 17 и далее.

достигал небес Брахмы. Затем он вернулся на свое место и еще раз объяснил ту же *Гатха*. Таковы были великие чудесные силы этого архата. Здесь его также называют «старым Пантхака», однако подразумевается явно Чудапантхака[208].

В один из дней царь Прасенаджит, пребывавший в Шравасти, пригласил в свой дворец Будду и его учеников, но Пантхака (т. е. Чудапантхака) не был впущен привратником. Будда, желавший продемонстрировать двору необычные, божественные способности этого архата, приказал ему взять чашу и следовать за ним. Теперь же этому *бхикшу* пришлось остаться снаружи, однако он издалека протянул свою руку и передал чашу Татхагата, к великому изумлению царя и придворных, увидевших руку и чашу, но не самого человека. Когда они спросили у Будды, что это было, тот ответил: «Это рука *бхикшу* Пантхака. Недавно он обрел Путь (к состоянию Будды)». Тогда Пантхака был приглашен внутрь, а слава о его чудодейственной силе постоянно ширилась[209].

Чудапантхака – 21–й из 29–ти выдающихся архатов, излагавших свое «исходное поднятие» в собрании Будды с его 500 Великими Архатами у озера Анаватапта, по «Сутре, в которой 500 учеников излагают свое изначальное возвышение». Там он рассказывает, как в прежней жизни он был свинопасом, который по глупости связал рыла своим боровам а затем стал переправлять их через реку, в результате чего все животные утонули. Оттого–то он такой глупый и в этой жизни. Что касается его необычной магической силы, то она проявилась благодаря тому, что в том же прошлом существовании он улучшил свою жизнь, а некий риши обратил его, побрил (т. е. сделал монахом) и наставил, отчего он переродился на небесах. Там он провел долгое время, а затем вернулся на землю, где вновь стал монахом, но глупым, с огромными трудностями запоминающим всего один стих из четырех строк[210]. Однако, благодаря своей добродетельной жизни в прошлом, он стал одним из Великих Архатов Будды, искушенным в магических практиках.

§ 7. Бхадра и Ваджрапутра (Ваджрипутра), шестой и восьмой из Шестнадцати Великих Архатов

В Самъюктаагама сутра (雜阿含經) упоминаются оба эти ученика Будды, столь мало известных, что остается лишь удивляться, отчего их избрали в число Шестнадцати Великих Архатов.

Бхадра представлен дважды, и оба раза он говорит с Ананда; первый раз тот задает ему вопрос, а второй Бхадра неоднократно спрашивает Ананда[211]. Первый

208 *Махишасака виная*, 彌沙塞部五分律, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1122, переведено в 423–424; гл. 7, сс. 1 и далее. Та же история помещена в *Дхармагупта виная*, 四分律藏 (*чатурварга винаяпитака*), NANJO's *Catalogue*, Nr. 1117, переведено в 405 г.; гл. 12, сс. 23 и далее, где он также назван Пантхака.

209 Тот же отрывок в *Дхармападавадана сутра*, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1353, гл. 2, сс. 18 и далее.

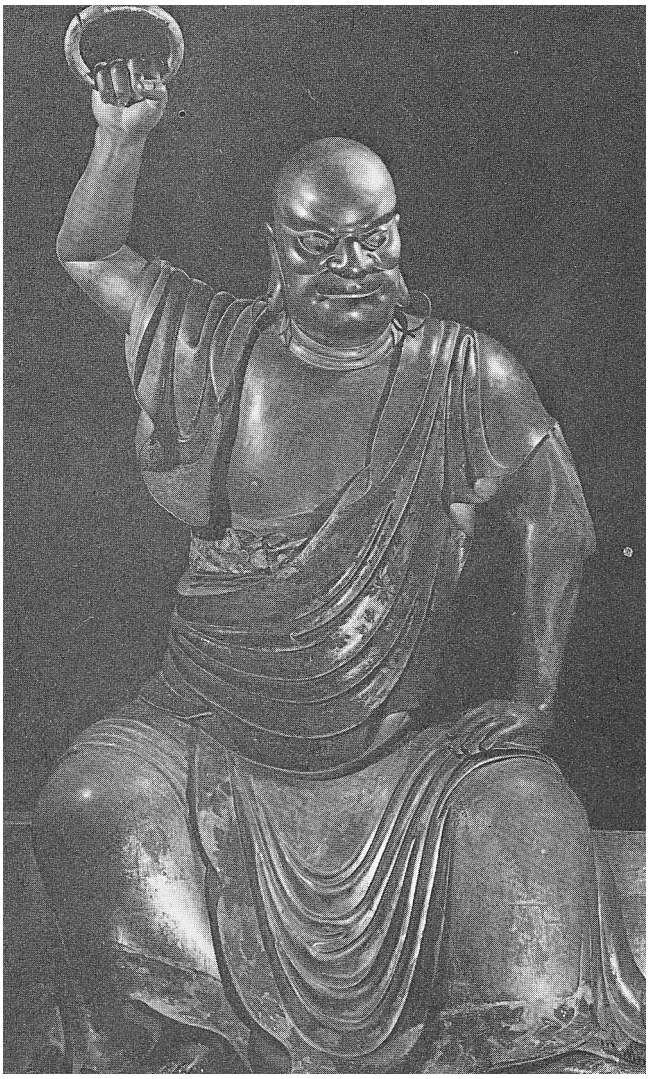
210 NANJO's *Catalogue*, Nr. 729, № 21, сс. 24 и далее.

211 NANJO's *Catalogue*, Nr. 544, гл. 17, сс. 25 и далее; гл. 24, сс. 17 и далее. См. Mrs. Rhus Davids,

разговор произошел в саду Анатхапиндика в Шравасти, а второй в Паталипутра.

Маг Бхадра упоминается в № 21 *Махаратнакута сутра* (大寶積經) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 23)[212], озаглавленном «(Сутра, изложенная в) собрании о прорицании магу Бхадра». Ранний перевод этой сутры озаглавлен «Сутра, изложенная (по просьбе) мага Бхадра» (幻士仁賢經) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 35)[213].

Мы не знаем, можно ли идентифицировать с архатом этого мага, чья гордость была побеждена, и который был обращен словами Будды; однако один из «100 святых отшельников» *Экоттарагама сутра* может быть с ним отождествлен. Там мы читаем: «Тот, чье красноречие проявляется немедленно и рассеивает препятствия сомнений человечества, есть *бхикшу* Бхадра».[214]



Бхадра
храм Мампукудзи, Япония

Имя Ваджрипутра транскрибируется иероглифами 伐闍羅弗多羅, что указывает на чтение Ваджрапутра; однако Грюнведель в своем списке Шестнадцати Архатов, которым поклоняются[215] в Тибете и Монголии, именует его Ваджрипутра и Шарана Ватсапутра. Его имя переводится, как 金剛子 «сын Ваджра», а также частично, как 跋耆子. Мы узнаем из Самъюктагама сутра[216]

Psalms of the Early Buddhists, II, Ps. 226, pp. 231 sqq.

212 NANJO's *Catalogue*, Nr. 23, 21, гл. 85, сс. 1–22.

213 NANJO's *Catalogue*, Nr. 35, сс. 1–22.

214 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 3b, объяснено в NANJO's *Catalogue*, Nr. 1290, гл. 3, с. 6.

215 *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, p. 37/ Cf/ Mrs Rhys Davids, 1.1., Ps. 62, p. 63, Vajji–putta.

216 NANJO's *Catalogue*, Nr. 544, гл. 50, с. 21; см. NANJO's *Catalogue*, Nr. 546, гл. 16.

о том, как он был увещеваем ангелами, и как обрел состояние архата. Похоже, он не упоминается в прочих текстах. Поэтому нам неизвестна причина его принадлежности к группе Шестнадцати Великих Архатов.

Имя Ватсапутра, данное ему Грюнведелем, записывается Ватсипутра Керном, упоминающим собрание священных писаний, выполненное Стхавира Ватсипутра, сделанное через 62 года после схизмы, возникшей во времена Стхавира Нагасена и Стхавира Маноратха.

§ 8. Нагасена, двенадцатый из Шестнадцати Великих Архатов

Милинда–Паньха – «догматический трактат в форме диалогов между царем Милинда (идентифицируемым с Менандром) и буддийским святым Нагасена. Дата написания и источник работы неясны, однако по различным причинам это можно отнести ко времени после начала нашей эры где–то на севере Индии».[217] *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1358, Нагасена *бхикшу* сутра (那先比丘經, переведена в 317–420 гг.) есть китайский «перевод текста, подобного Милинда–Паньха, хотя вводная часть не совсем та, что у палийского текста».[218]

Керн заявляет следующее о Милинда и Нагасена. «Самый прославленный из греческих правителей, царь Менандр, или, как его называли индусы, Милиндра (пали – Милинда), имел, похоже, симпатии к буддистам, и был, как сообщали, обращен Стхавира Нагасена. Единственное подтверждение этому предполагаемому факту мы находим в Милинда–Паньха, где времена Менандра фиксируются, как *пять веков после Паринирвана*. Эта совершенно невозможная дата не есть аргумент против реальной истины обращения Менандра. Она лишь доказывает то, что книга была составлена или переделана многое время спустя. Что касается личности *Нагасена*, то мы знаем очень мало. *В тибетской работе* он упоминается среди *шестнадцати апостолов, которые после исчезновения Кашьяпа были посланы для распространения Веры*. По другому тибетскому источнику схизма возникла во времена Стхавира Нагасена и Маноратха, за 63 года до составления священных писаний Стхавира Ватсипутра. Хронология столь перепутана, что небезопасно выводить из этих традиций какой бы то ни было исторический факт. Возможно, монах Нага, вызвавший разногласия, приведшие к разделению на четыре секты, намеренно идентифицируется с Нагасена, но, если так, то мрак, окутывающий эту личность, не только не рассеивается, но еще больше сгущается. Безусловно, Нагасена из Милинда–Паньха упоминается Васубандху».[219]

---

217 Kern, *Manual*, p. 9.

218 NANJO's *Catalogue*, sub. Nr. 1358. О двух китайских переводах этого текста см. T. Specht, *Deux traductions chinoises du Milindapanho*, Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists, (1893), Vol. I, pp. 518sqq. (with an Introduction of Prof. Sylvain Lévi).

219 *Manual*, pp. 118sq.

Омура (гл. 4, с. 7) указывает, что царь Ми–лань (彌蘭) из Нагасена *бхикшу* сутра может быть идентифицирован с царем Милинда, жившим во втором веке до н. э., и что архат Нагасена, путешествовавший по всем странам с целью проповедования Закона, обратил этого царя. Относительно этого факта он упоминает Абхидхарма коша шастра (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1267, гл. 30), Абхидхарма коша (вьякхья) шастра (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1269, гл. 22), ту же работу, составленную Васубандху, и Ратнапитака сутра (Ратнакарандака–вьюха сутра, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 168, гл. 9).

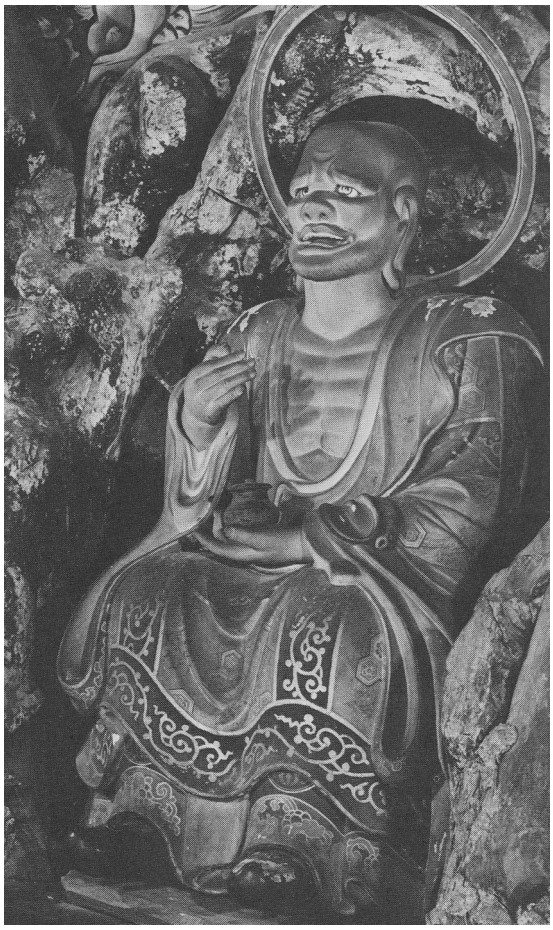
Имя Нагасена транскрибируется иероглифами 那伽犀那, или 那先, и переводится, как 龍軍, «Армия Нагов».

§ 9. Канака Ватса, Канака Бхарадваджа, Калика и Аньгаджа, – второй, третий, седьмой и тринадцатый из Шестнадцати Великих Архатов

Омура (гл. 4, с. 7), утверждающий, что Канака (金, металл) – второе личное имя архата, а Ватса (伐蹉) – его фамилия, предполагает возможность идентификации его с одним из 100 святых отшельников из третьей главы *Экоттарагама сутра* по имени 娑蹉, Ватса. Там мы читаем следующее: «Тот, кто истязает свое тело и сидит в росе, кто не бежит от ветра и дождя, это *бхикшу* Ватса».[220]

Имя Канака не переведено, но лишь транскрибировано иероглифами 迦諾迦. Что касается Канака Бхарадваджа, то он совершенно неизвестен.

Имя Калика обнаруживается среди царей Нага и среди птиц (разновидность водяной птицы), но не среди учеников Будды, как мы узнаем от Омура, пребывающего в



Канака Бхарадваджа
храм Нандзэндзи, Япония

220 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 3a; объяснено в Шастра о разделении достоинств и добродетелей, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1290, гл 2, с. 25b.

сомнении, идентичен ли этот архат 迦涙 (Ка–ли), одному из 100 святых отшельников *Экоттарагама сутра*. Этот святой восхваляется следующим образом: «Радующийся в собрании святых и при обсуждении красот Закона, это *бхикшу* Кали».[221] Однако, это имя записывается 伽渠, Цзя–цюй, в большом японском издании Трипитаки, отпечатанном со старых досок, которое хранится в библиотеке Университета Лейдена и использовано автором настоящей работы. В упоминавшемся выше Восхвалении Великих Архатов Су Дунпо имя Калика записывается 迦羅 (Кала), однако это ошибка.

Имя Аньгаджа записывается 因揭陀, Аньгада, и император Гао–цзун в эру Цянь–лун (1736–1796) в своем Восхвалении Архатов Гуань–хуэй называет его 阿迎阿機達, А–ин–а–цзи–да. Омура предполагает, что это может быть 鴦迦闍, Аньгаджа (Ян–га–ся), один из ста святых отшельников, о котором мы читаем, что «тот, чье тело благоуханно и чисто, кто распространяет аромат вокруг, это *бхикшу* Аньгаджа».[222] В тексте, использованном Омура, дается 熏, «ароматы», тогда как в Великой Трипитаке Лейдена 動 – «движение (во все стороны)». Леви и Шаванн записывают это имя Ингада (?).

Гопака
храм Сэйрёдзи, Япония

Грюнведель (1.1., с. 37) называет этого архата Аньгаджа, или Агниджа; китайская транскрипция показывает, что первое правильнее второго.

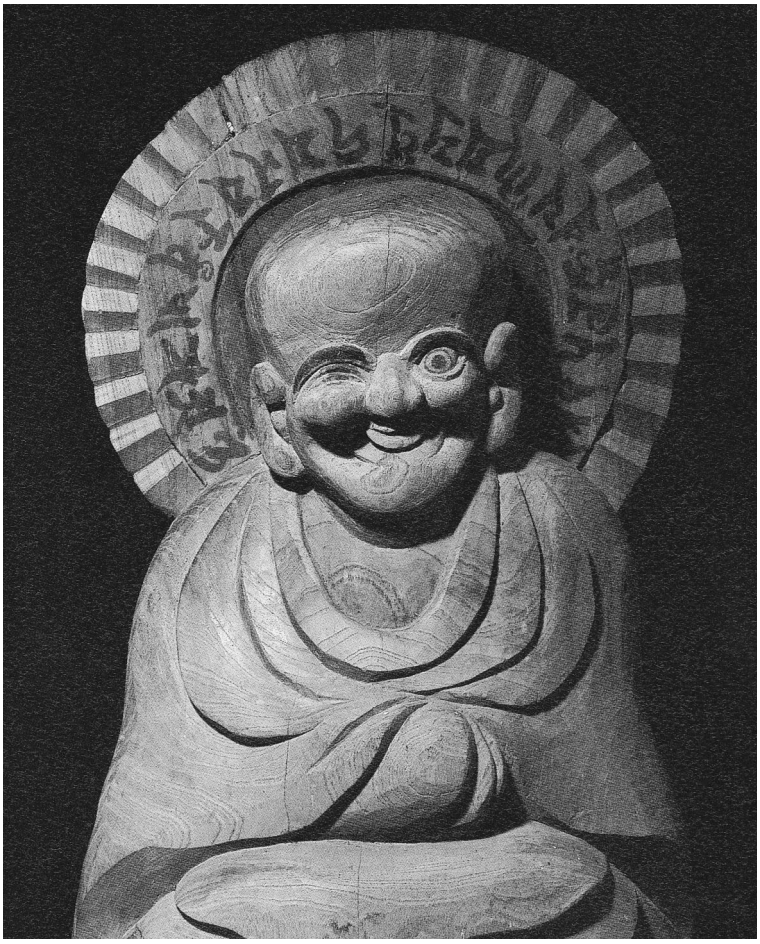
§ 10. Субинда (?), Гопака, Ванаваса и Аджита – четвертый, девятый, четырнадцатый и пятнадцатый из Шестнадцати Великих Архатов

Четвертый архат, называющийся в *Фа–чжу–цзи* 蘇頻陀 (Су–пинь–то), именуется 阿必達 (О–би–да) (Абхидхарма?) императором Гао–цзуном. Однако, в других текстах не упоминается такой архат. Су Дунпо называет его Субхадра, опуская последний иероглиф, так же, как это сделано в *Экоттарагама сутра* при транс-

221 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 2a; объяснено в NANJO's *Catalogue*, Nr. 1290, гл. 2, с. 29.
222 *Экоттарагама сутра*, NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3.

крибировании имени Бхадра.

Субхадра был монахом–еретиком, обращенным Повелителем и обретшим состояние архата в последнюю ночь жизни Будды. Он был его последним учеником и умер немедленно, до того, как Повелитель вошел в *Паринирвана*[223]. Другой монах с тем же именем, «ставший членом Ордена в преклонном возрасте», проявил радость по поводу кончины Учителя и сказал: «Теперь мы все сможем делать то, что захотим». Именно по этой причине Махакашьяпа провел первое Собрание с целью пересмотреть заповеди Будды[224]. Что касается первого Субхадра, то мы узнаем из китайских переводов, цитируемых Омура, что это был очень мудрый брахман, живший в Кушинагара, возрастом 120 лет, пошедший к умирающему Будде и по своей молитве немедленно обретший состояние архата. Поскольку он не мог перенести вид смерти Учителя, то вошел в Нирвану до него[225]. Он – один из 100 святых отшельников *Экоттарагама сутра*, где Будда говорит, что он станет последним (из его учеников), обретшим состояние архата. Там его имя записывается 須跋[226].



Субинда
работа Мокудзики, дерево, 1780

Тот факт, что Субхадра, как сообщают, умер перед Буддой, не есть категорическое

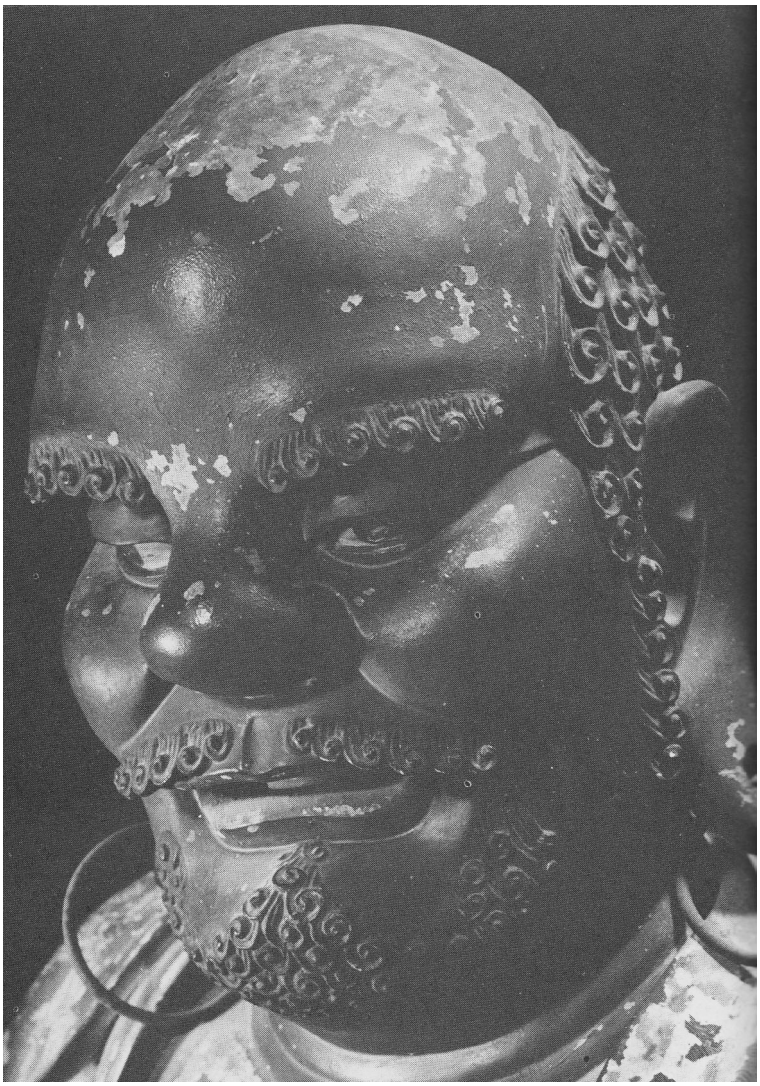
223 Kern, *Manual*, p. 44.

224 Там же, сс. 101 и далее.

225 *Экоттарагама сутра*, NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 37, сс. 2 и далее; Диргхама сутра, NANJO's *Catalogue*, Nr. 545, гл. 4, сс. 6 и далее; Винаясамъюктавасту, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1121, гл. 38, сс. 1 и далее (蘇跋陀羅). См. Фа–сянь, NANJO's *Catalogue*, Nr. 1496, с. 17b.

226 NANJO's *Catalogue*, Nr. 543, гл. 3, с. 6b, где мы читаем 後最取證 вместо 後最時證, как дает Омура.

отрицание того, что он относился к Шестнадцати Архатам, так как Керн говорит об этих противоречивых фактах следующее. «Появление Пурана–Кашьяпа, несмотря на его предшествовавшую смерть, отнюдь не должно нас поражать. Ибо то, какую историческую ценность буддийские авторитеты придавали подобным легендам, совершенно очевидно из примера, что шесть учителей–еретиков вновь появляются на сцене во времена Нагасена и царя Менандра, как всегда суетливые и злонамеренные (Милинда–Паньха, сс. 4 и далее)»[227].



Аджита
храм Мампукудзи, Япония

Второй иероглиф имени этого архата в *Фа–чжу–цзи*, 頻, *пинь*, или *бинь*, используется при транскрибировании санскритских звуков *бин, вим, винь, вин, пинь* и *ви*, как мы узнаем из Stanislas Julien's *Méthode pour déchiffrer et transcrire les noms sanscrits*. Так мы получаем имена Субинда, Сувинда, Супинда, или Сувитта. *Nanjo*, украсивший санскритские имена Шестинадцати Архатов для списка Андерсена, приводимого в *Catalogue* of Japanese and Chinese paintings in the British Museum (с. 46), неуверенно предлагает имя Сувитта. По этой причине мы называем архата этим именем; однако, поскольку архат Сувитта более нигде не упо-

227 *Manual*, p. 40, note 3.

минается, иероглиф 頻 мог быть ошибочно заменен на 跋, или 拔, и в этом случае нам придется иметь дело с архатом Субхадра[228].

Сунита упоминается г–жой Рис Дэвидс как один из учеников Будды в Psalms of the Brethren, Ps. 242, pp. 271sqq. Это был скромный подметальщик улиц, призванный Буддой стать *бхикшу* . Вскоре он достиг состояния архата. Тхера Сумитта, брат Тисса, обладал великой магической силой, как мы узнаем из Дипавамса, древнего собрания исторических буддийских записей, отредактированного и переведенного Ольденбергом, 7, 32, с. 157: «Оба сына Конти – Тхерас Тисса и Сумитта, обладавшие великими (магическими) способностями, обрели Париниббхана после восьмого года Ашока».

Грюнведель (1.1., с. 38, № 16) пишет, что тибетское имя – Ми–пъед, но индийский его эквивалент неизвестен. В прим. 36 (с. 205) он говорит, что им может быть Абхеда, или что–то схожее, ссылаясь на Wassiljew, Der Buddhismus, p. 237, где этот архат представляется Васубандху, и на Schiefner, Lebensbeschreibung des Çākyamuni, p. 92.

Гопака (или Швапака) (по Грюнведелю также – Гопа) транскрибируется 成薄迦 (в *Фа–чжу–цзи*), 瞿波迦 (Дунпо) и 鍋巴嘎 (императором Гао–цзуном); это означает «Коровья голова». По Омура (гл. 4, с. 6), он не упоминается в Виная китайского канона, хотя и встречается в южном каноне. В *Махавамса* (大史) (VIII, 24, 6) он и четверо других (Нилаваси, Бхагу и проч.) названы старейшими (長老).

Ванаваса, 伐那娑斯 (по Грюнведелю также именуемый Кхадиравана) не упоминается в китайских переводах класса Агама. Мы узнаем об этом от Омура, заявляющего, что имя означает «Живущий в лесу» (林住), и что оно обнаруживается лишь в палийском тексте *Тхерагатха* (偈上座, 13 и 113) (Ванавачча). Последний иероглиф китайской транскрипции этого имени (斯) в большинстве случаев используется для записи санскритского звука си, а не са, так что здесь возможно прочтение Ванаваси, однако он иногда представляет также и слог са[229].

Аджита, наконец, также отсутствует в сутрах класса Агама. Однако одна *Гатха* посвящена ему в палийском тексте *Тхерагатха* (20), и мы читаем в палийском тексте Чуллавамса (小史, XII, 2, 7), что за десять лет он изучил правила *Вимокша*. Омура (гл. 4, с. 6), приводящий эти детали, также ссылается на 十誦律 (гл. 61), где старый монах, Аджита (阿嗜多), объясняет Виная во времена второго Собрания 700 *бхикшу* (в Вайшали, см. выше, гл. 2, § 2). Керн пишет об этом Аджита: «Младший монах Аджита был назначен регулирующим школы» (на Собрании в Вайшали)[230]. Этот *бхикшу* мог быть тем же лицом, что и наш архат, т. е. личным учеником Будды, и в этом случае ему должно было исполниться очень много лет ко времени Собрания, произошедшего через сто лет после смерти Учителя. Это совпадает с китайским тек-

228 Имя Субхадра переводится, как 善賢, «Добродетельный Святой», и транскрибируется 蘇 (или 須) 跋陀, или 須跋 (Eitel s .v.)

229 См. Stanislas Julien, *Méthode pour déchriffrer et transcrire les noms sanscrits*, p. 189, Nr. 1657.

230 *Manual*, p. 104.

стом, где он называется очень старым монахом, в противовес палийскому тексту Виная, использованному Керном, где он описывается, как «младший монах Аджита». Он также упоминается г–жой Рис Дэвидс, Psalms of the Brethren, Pr. XX, p. 25.

§ 11. Шестнадцать старейших и величайших из 1250 учеников Будды, по начальному отрывку из Амитабха сутра (Сукхавати–вьюха)

Начальный отрывок махаянистской «Сутры, изложенной Буддой для Амитабха, упоминавшейся выше (эта глава, § 3), где говорится о Пиндола, приводит имена шестнадцати старейших и величайших из 1250 учеников Будды, знаменитых *бхикшу*, находившихся с ним в парке Анатхапиндика в Шравасти.

Эти Стхавира перечислены так; Шарипутра, Маха–Маудгалъяяна, Маха–Кашьяпа, Маха–Катъяяна, Маха–Кауштхила, Ревата (Райвата), Чудапантхака, Нандака, Нанда, Рахула, Гавампати, Пиндола Бхарадваджа, Калодайин, Маха–Каппхина, Вакула и Анируддха[231].

Примечательное совпадение, что приведены также шестнадцать имен, однако не существует связи между ними и теми, что упомянуты в *Фа–чжу–цзи*. Четыре архата из последней группы упомянуты и в первой: Чудапантхака, Рахула, Пиндола и Вакула. Поскольку те же архаты с добавлением Бхадра и Пантхака упоминаются среди 100 святых отшельников в *Экоттарагама сутра*, они, очевидно, выдающиеся личности среди Шестнадцати Великих Архатов. Числа четыре и шестнадцать особенно примечательны в связи с блестящей гипотезой Леви и Шаванна относительно четырех сторон, как базиса системы Шестнадцати Архатов.

§ 12. Маха–Кашьяпа, первый из Четырех Великих Шравака и Десяти Великих Учеников, а также первый Патриарх

Хотя этот архат не принадлежит к группе Шестнадцати Великих Архатов, упоминаемых в Фа–чжу–цзи, он – один из двух фигур, добавленных в эту группу в древнем Китае, как мы увидим ниже. Поэтому мы позволим себе привести краткое описание индийских представлений об этом выдающемся ученике.

От Керна[232] мы узнаем, что Учитель назначил Кашьяпа Великого своим наследником (в распространении Закона). Далее, выше[233] мы видели, что он председательствовал на первом Общем Совете 500 архатов в Раджагриха.

231 См. список тибетских имен в тибетском переводе этого текста, *Annales du Musée Guimet*, II, p. 245.

232 *Manual*, p. 102.

233 Гл. 2, § 1.

Относительно смерти Повелителя мы читаем, что его погребальный костер не могли зажечь, покуда Кашьяпа, находившийся в это время в пути из Пава в Кусинара, не прибыл на место. «Со своими сопровождающими монахами он трижды церемонно обошел вокруг кострища и поклонился у ног Повелителя. Как только был совершен этот акт почтения, костер вспыхнул сам по себе[234].

Он считается главой Дхутагунавадинов, или Дхутавада времен Будды. Эти монахи были «более суровы и выдержаны в строгом образе жизни», т. е. являлись отшельниками, давшими обет отшельнической жизни[235].

«Все тело Кашьяпа Великого пребывает в глубинах горы под названием Куккутапада[236],» как мы узнаем от паломника Фа–сяня. Легге, ошибочно называющий эту гору Гурупада[237], предполагает, что Кашьяпа это Будда с тем же именем, а не ученик, и переводит отрывок так. «(Путешественники), отходящие от этого места на три ли к югу, оказываются у горы под названием Гурупада, внутри которой и сейчас пребывает Махакашьяпа. Он сделал расселину и проник в нее, но через нее (теперь) не сможет проникнуть ни один человек. Углубившись довольно далеко, он достиг пещеры, в которой и сейчас пребывает целое тело Кашьяпа. Извне расселины, (через которую он вошел), находится земля, которой он умыл свои руки. Если у людей, живущих по соседству, появляются болячки на голове, они мажут ее небольшим количеством этой земли и немедленно чувствуют облегчение. На горе, теперь, как и в старину, проживают архаты. Приверженцы нашего Закона из разных стран из года в год приходят к этой горе и делают подношения Кашьяпа; к тем, сердца которых крепки в вере, по ночам приходят архаты и говорят с ними, споря и разъясняя их сомнения, после чего немедленно исчезают».[238]

Относительно того, что Маха–Кашьяпа являлся первым из Четырех Великих Архатов, которым Будда приказал оставаться в мире, и о специальном задании, данном ему Буддой, мы можем справиться в Сутре о рождении Майтрейя, упоминавшейся выше[239]. Он один должен был дожидаться появления Майтрейя, пребывая в центре горы в Магадха, а когда Майтрейя возьмет его (т. е. принадлежавшую прошлому Будде) одежду и наденет ее, тело Маха–Кашьяпа рассыплется на звезды, и Майтрейя предложит ему всевозможные цветы, почтив, таким образом, единственный реликт Закона своего предшественника.

Махакашьяпа был первым из патриархов; когда он исчез в горе, то передал Закон Ананда, который, в свою очередь, должен был передать его своим последователям. Будда дал ему свое одеяние (*самгхати*), и, покрытый этой эмблемой просветленного состояния, он ожидает появления Майтрейя, который возьмет его и покажет собравшимся. В более

234 *Manual*, p. 45, где также приводится почти идентичное Северное изложение из *Махавасту*, I, 64sqq.

235 *Manual*, p. 75.

236 *Manual*, p. 89, см. выше, гл. III, § 4.

237 В тексте она названа 雞足.

238 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1496, с. 26a; перевод Легге, гл. XXXIII, с. 92.

239 Эта глава, § 2, NANJO's *Catalogue*, Nr. 208, cc. 16b, 17.

поздней версии говорится, что архат прыгнет в воздух и восемнадцатью превращениями и громандыми размерами проявит себя к восхищению собравшихся. По Сюань–цзану, он не надевает одеяния Будды, но держит его в руках, стоя прямо в позе человека принимающего, или подносящего. «*Chargé de maintenir la Loi, chargé de remettre au futur Bouddha la tunique du Maître, Kàçyapa se trouvait tout désigné pour entrer dans le groupe des mainteneurs de la Loi*».[240]

§ 13. Архат Кундопадхания (Гунь–то–бат–тань 君屠鉢歎), второй из Четырех Великих Шравака и один из 100 святых отшельников

Выше мы видели (эта глава, § 2), что махаянская Сутра о рождении Майтрейя на земле (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 208) упоминает этого малоизвестного архата, как второго из Четырех Великих Шравака, которым Будда поручил обращать людей до тех пор, покуда Закон полностью не исчезнет. После этого трое из них войдут в Пари*нирвана*, но Махакашьяпа будет ожидать появления в мире Майтрейя.

Далее мы говорили, что эти Четыре Великих Шравака также упоминаются в хинаянских *Экоттара агама сутра* и Шарипутра паripричча сутра (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 543 и 1152). Иеорглифы, которыми записывается имя второго архата в этих трех работах, таковы:

1. 君屠鉢歎, Гунь–то–бат–тань.
2. 君屠鉢漢, Гунь–то–бат–хань.
3. 君徒般歎, Гунь–то–бань–тань.

В другом отрывке *Экоттарагама сутра*, где перечисляются 100 святых отшельников и указывается на их выдающиеся достоинства (гл. 3, с. 2a), обнаруживается тот же архат вместе с Пиндола. Здесь сказано, что он «*бхикшу*, первый в исполнении своего долга и получении билета (на принятие пищи в случае приглашения), который чтит запреты и Закон», а его имя записано, как Гунь–то–по–хань. Ее комментарий, «Шастра о разделении достоинств и добродетелей», *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1290, называет его «первым в практиковании билета», или «в принятии билета» (гл. 中, с. 20a: 行籌第一; с. 20b: 受籌第一). По Омура, сомневающемуся, может ли его имя быть Кундопадханияка, «некоторые говорят, что это имя для Пурна (富樓那)».

Мы узнаем от Леви и Шаванна, что в действительности его имя было Пурна Кундопадханияка, или Кундопадхания. Первое написание этого имени обнаруживается в Виная Мула Сарвастивадин, цитированной Леви и Шаванном. Там мы читаем, как этот архат, дабы показать свою чудесную силу, протянул неимоверно удлиннившуюся руку, ставшую похожей на хобот слона, и схватил *шалака* (籌), разновидность билета, распределяемого среди приглашенных мона-

240 Levi and Chavannes, 1.1., p. 196, sep. ed., p. 57.

хов перед тем, как они войдут в обеденный зал. Причина этого поступка была следующая. Будда и его ученики, приглашенные на трапезу в город, располагавшийся более, чем в ста *йоджана* от того места, где они собрались, решили добраться до города чудесным способом. Каждый из них взял свой билет на пищу, но, когда Пурна Кундопадханияка хотел сделать то же, Ананда сказал ему, что он должен молчать, поскольку не обладает сверхъестественной силой, необходимой для этого чудесного путешествия. Тогда архат способом, которым он взял билет, и словами, обращенными к Будде, доказал, что в действительности обладает шестью сверхъестественными способностями. «Ce n'est ni par...Пурна Кундопадханияка.[241]»

Леви и Шаванн ссылаются на китайский текст (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1290, комментарий к первым четырем главам *Экоттара агама сутра*, цитированный выше относительно Пиндола, переведенный во времена второй династии Хань, 25–220). Там рассказывается, как замужняя дочь Анатхапиндика, жившая в чужой стране, пригласила Будду. Тот приказал Ананда созвать монахов и раздать им билеты на принятие пищи, чтобы те летели по воздуху в отдаленное место, где будут вкушать пищу на следующий день. Тогда старейший член собрания, Кундопадхания, который еще не обрел шести сверхъестественных способностей, заколебался, как ему поступить, однако внезапно чудесным образом достиг той же степени святости, что и остальные ученики.

Леви и Шаванн замечают, что проглядывается поразительное сходство между историями о Пиндола и об этом архате, по крайней мере в некоторых редакциях: приглашение дочери Анатхапиндика и чудо, в особенности протягивание очень длинной руки. « L'association...». (p. 201, sep. ed., p. 62).

В Psalms of the Early Buddhists (Ps. XV, pp. 19 sq.) мы читаем, что Кунда–Дхана был архатом, «проявившим свои силы и обретения», когда великий Субхаддха пригласил Учителя и его сопровождавших на обед. Его имя было Дхана, а прозвище – Кунда, или Конда, что означало, кажется, «обходительный». Кунда–Дхана – палийское имя Кундопадхания[242]. Что касается лица, пригласившего Будду, то в упоминавшихся выше легендах им был Пурна, или Сумагадха, дочь Анатхапиндика.

В Китае некоторые буддийские монахи десятого века были сильно удивлены тем фактом, что лишь двое из Четырех Великих Шравака были включены в группу Шестнадцати Великих Архатов. Поэтому они добавили двух других к этой группе, и, таким образом, получилась группа из Восемнадцати Великих Архатов, которая во времена династии Сун понемногу стала известна по всей стране. Ниже мы увидим, что в конце одиннадцатого века Су Дунпо, описывая картины Чжана из Цзинь–шуй (гл. 3, § 20), поместил Махакашьяпа и Гунь–то–бат–хань во главе 18–ти архатов.

241 Levi and Chavannes, 1.1., p. 198, sep. ed., p. 59.
242 Там же, с. 199, sep. ed., p. 60, note.

§ 14. Группа Шестнадцати Архатов в Ламаизме

Грюнведель в своей книге *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei*, pp. 37sqq., приводит следующее описание Шестнадцати Архатов Тибета.

«Архаты (тиб. dGra–bčom–pa), количеством шестнадцать (семнадцать, или восемнадцать), под именем Стхавира (тиб. gNas–brtan), "старейшие", занимают почетное место и часто представляются на картинах, относящихся к направлению Махаяна. Они – самые знаменитые из группы 500 архатов. К настоящему времени осталось, к сожалению, мало сведений об их жизни. Архаты, представленные на рис. № 3 вокруг Будды и его любимых учеников Шарипутра и Маудгалъяяна, расположены за Дхарматрата, или Дхарматала (семнадцатым архатом, знаменитым Бхаданта из Гандхара) (часть индийских имен реконструирована Шефнером и подкреплена китайской транскрипцией) (наш лист IV, рис. № 4).

Ингада (Аньгаджа)
храм Сэйрёдзи, Япония

1. Аньгаджа, или Агниджа ? (тиб. Yan–lag–'byun, Me–skyes). Он пошел как миссионер на гору Te–се (в Тибет); его аттрибуты: кадильница и метелочка мухогонка.

2. Аджита (тиб. Ma–p'am–pa, Mi–p'am–pa). Он пошел на гору–риши Учира. Характерная поза :медитативная (держит руки на коленях).

3. Ванаваса (Хадиравана) (тиб. Nags–na–gnas, Sen–iden–nags–pa). Он работает

в Шравасти и в горной пещере Саптапарна (?). Его принадлежность: метелочка от мух (в левой руке; правая сложена в молитвенную фигуру).

4. Калика (тиб. Dus–ldan, or Nag–po). Он идет в монастырь Тамрадвипа. Легко узнаваем по двум золотым серьгам, которые держит в руках.

На рис. № 3 (наш лист IV, рис. № 4) центральную группу образуют Будда, Шарипутра (слева), Маудгалъяяна (справа), Аньгаджа (перед Шарипутра), Аджита (перед Маудгалъяяна), Ванаваса (перед Аньгаджа) и Калика (перед Аджита). Шарипутра и Маудгалъяяна, стоящие на лотосах, оба держат чаши в правой и *хаккхара* в левой руках.

5. Ваджрипутра (Шарана Ватсапутра) (тиб. rDo–rje moi–bu). Он идет в Симхаладвипа (Цейлон). Он поднимает правую руку (в молитве), а в левой держит метелочку от мух, свисающую вниз.

6. Бхадра (тиб bZan–po). Он идет, как миссионер, в Ямунадвипа. Его принадлежность: книга в левой руке, а правая поднята в молитвенной фигуре.

7. Канакаватса (или Гопала) (тиб. gSer–beu, gLan–po–skyon). Он идет на гору «Доброго Шафрана» в Кашмире. Его принадлежность: *паша* (веревочная петля).

8. Канакабхарадваджа (тиб. Bhara–dhva–dsa gser–čan). Он идет в Апарагодана. Обе руки на коленях в молитвенном положении.

9. Вакула (тиб. Ba–ku–la, or Sre–mon). Он идет в Уттаракуру. Его принадлежность: крыса, выплевывающая драгоценные камни.

10. Рахула (тиб. sGra–can'–dsin). Он идет в Прияньгудвипа. Его принадлежность: корона.

11. Чудапантхака (тиб. Lam–p'ran–bstan). Он идет на гору Гридхракута в Магадха. Сидит в медитации.

12. Пиндола Бхарадваджа (тиб. Bha–ra–dhva–dsa–bsod–snjoms–len). Он идет в Пурвавидэха. Его принадлежности :чаша и книга (сидит на стуле).

13. Пантхака (тиб. Lam–bstan). Он следует на Небо 33 дэва (Траястримшат). Объясняет Закон по книге.

14. Нагасена (тиб. –kLui–sde). Он идет на гору Урумунда рядом с Раджагриха. Его принадлежности: кувшин для воды (из которого льется струя) и *хаккхара* .

15. Гопа, Гопака (тиб. sBed–byed). Он идет на гору Би–ху. Его принадлежность: книга, которую он держит обеими руками.

16. Индийское имя неизвестно (тиб. Mi–p'yed). Он идет в Гималаи. Его атрибут: маленькая ступа бодхисаттвы, которую он держит в руках.

Под 17–м номером упоминается архат Дхарматрата (или Дхарматала из Гандхара), а под 18–м – так называемый «Будда с большим животом» Хуа–шань (т. е. китайский монах Бу–дай, 布袋, «Полотняный мешок», яп. Хотэй), монах с толстым животом, окруженный играющими детьми, который на рис. 3 опущен, вероятно по сектантским причинам».

Левая группа на этой картине образована Вакула, Канакаватса, Ваджрипутра (верхний ряд, слева направо), Гопака, Пантхака и Чудапантхака (второй ряд

слева направо); двумя из четырех царей–дэва, Охранителями Мира Вирудхака и Дхритараштра (оба сидят и играют на лирах) и Дхарматрата, над его головой круглый балдахин, с которого свисает кадильница; метелочка от мух в правой, а маленькая ваза в левой руке; на спине его связка книг; на небе виден Амитабха, сидящий на лотосе).

Правую группу составляют Бхадра, Канакабхарадваджа и Ми–пьед (второй ряд, слева направо) и двое других царей–дэва – Вирупакша и Вайшравана, в сидячем положении, первый держит пагоду, а второй – вымпел и крысу, выплевывающую драгоценные камни.

Будда, сидящий со скрещенными ногами на лотосе, с чашей в левой руке, а правой делающий бхумиспарша–мудра (свешивается вниз с ладонью внутрь); перед ним алтарь с сосудами подношений; над ним два круглых нимба (большой вокруг всего тела и маленький над головой); то же у Шарипутра и Маудгалъяяна, а также у четырех царей–дэва. У 16–ти архатов лишь нимб над головами. Поскольку у Дхарматрата нет ни одного, а лишь балдахин, становится ясно, что он не считался существом того же ранга, что и Шестнадцать Архатов. Waddel (*Lamaism*, p. 377) замечает о нем: «Поскольку он – единственный мирянин, то у него длинные волосы. Он родился в Гандхара и был, кажется, дядей Васумитра. Из семи его работ основные – Уданаварга (переведена Рокхиллом) и Самъюктабхидхарма Шастра». Керн (*Manual*, p. 128) пишет, что Бхаданта Дхарматрата, Гхошака, Буддхадэва и Васумитра представляли школу Вайбхашика. «Говорят, что первый был учеником Арья–Дэва; если это так, то он был известен в первой половине третьего века. Ему приписывается Маха–Вибхаша» (и две работы, упомянутые выше).

Эти картины также заимствованы из работы, озаглавленной «500 богов из Нар–тан» и напечатанной в монастыре Нар–тан; под фигурами приведены их тибетские и некоторые монгольские имена.

Примечание 36 в труде Грюневеделя посвящено этим Стхавира и ссылается на Pander's Pantheon des Hutuktu, pp. 84 sqq. Относительно различий между ламаистскими фигурами и японскими *Ракан*, профессор Грюневедель указывает, что принадлежности Стхавира перепутаны ламаистами, отчасти по причине неверного понимания тибетских имен, вызванного одинаковым произношением тех из них, что записываются по–разному. Он также упоминает монгольскую биографию Стхавира, находящуюся в распоряжении университетской библиотеки в Касан.

Хва–шань, «Смеющийся Будда», представляет школу Махаяна, как мы узнаем от того же ученого.

Pander's *Pantheon des Tschangtscha Hutuktu*, pp. 84 sqq., Nrs. 193–208 описывает тех же шестнадцать архатов, за которыми следуют Дхарматрата и Хва–сан (т. е. 和尚, кит. хуо–шан, Почтенный, а именно: Бу–дай хуо–шан, «Почтенный с Полотняным Мешком»). Они перечислены в том же порядке, имеют те же принадлежности и *мудра*, что и у Грюнведеля, но окружены служителями и почитателями. Монгольские цари (как изображено на некоторых китайских картинах, см. ниже) видятся

стоящими за Аджита, Ванавада, Калика и проч., а архаты получают подношения жемчужинами и цветочными вазами. На заднем фоне проглядывают крутые горные вершины. Святые восседают на стульях, или циновках, у всех у них, кроме Дхарматрата, круглые нимбы за головами.

1. Здесь мы читаем, что горы Те–се, куда, как считается, ушел Аньгаджа, это снежные вершины, окружающие озеро Манасаровара в Мнгарис, считающиеся самыми высокими и наисвятейшими. По Schiefner (Tibetische Lebensbeschreibung Çākyamuni's, p. 92), он пошел в Кайласа. В *Фа–чжу–цзи* говорится, что он пребывает в горах 廣脇, «Широкие Отроги». Там он тринадцатый из шестнадцати архатов; здесь – первый. Вадделл, приводящий такой же список, как Грюнведель и Пандер, называет этого архата Ангира–джа, «Рожденный на ветви». Количество его учеников (1300) такое же, как приводится в *Фа–чжу–цзи*, но некоторые из их числа – другие люди.

2. Имя Аджита переводится, как «Непобедимый», о его статуе говорится, что «она одна из немногих, подготовленных отдельно», т. е. установлена не вместе с прочими архатами, образуя группу 16, 18, 108, или 500. Количество учеников: 100.

3. Ванаваса, «Живущий в лесу», пошел на «Гору семи листьев» (Лома–бдун). По Шифнеру, он остался в Шравасти. 1400 учеников.

4. Калика, «Временный», пошел в Тамрадвипа. 1100 учеников.

5. Ваджрапутра, «Сын грома», пошел на Цейлон. 1000 учеников.

6. Бхадра, «Благородный», пошел в Ямунадвипа. 200 учеников.

7. Канака Ватса, «Золотой теленок», пошел на Шафрановую вершину в Кашмире. 500 учеников.

8. Канака Бхарадваджа, пошел в Апарагодана. 700 учеников.

9. Вакула, держит «фараонову мышь» (накула) (крыса, выплевывающая драгоценные камни), подобно богу богатства. «По этому поводу Пандер замечает (с. 86), что тибетцы, вероятно, знали этого святого, как 'Накула' (Waddell, p. 377; выше мы видели, что *Фа–чжу–цзи*, а после – большинство китайских и японских текстов также дают чтение Накула). Китайская транскрипция из Пантеона – 巴古拉, т. е. Вакула. Он пошел в Уттаракура. 900 учеников.

10. Рахула. По Пандеру, его принадлежность – корона с драгоценностями – может быть результатом неверного понимания тибетского имени этого архата. Он пошел в Прияньгудвипа. 1100 учеников.

11. Чудапантхака, пошел на гору Гридхракута в Магадха. 1600 учеников.

12. Бхарадваджа, т. е. Пиндола Бхарадваджа, пошел в Пурвавидеха (по Шифнеру – на гору Магна в Пурвавидеха). 1000 учеников.

13. Пантхака, пошел на небо Траястримшат. 900 учеников.

14. Нагасена, пошел на гору Урумунда, «царь гор», рядом с Раджагриха. 1200 учеников.

15. Гопа, Гопака, пошел на гору Би–ху. 1400 учеников.

16. Ми–пъед (санскритское имя неизвестно), пошел в Гималаи. 1000 уче-

ников. Картины (№№ 193–210), представляющие этих шестнадцать архатов, а также Дхарматрата и Хва–санг «Смеющегося Будду с большим животом», считающегося китайцами инкарнацией Майтрейя (пребывающего сейчас на небе Тушита), выводятся Пандером из 500 богов Нар–тъан, упоминавшихся выше. Поэтому у них те же формы и принадлежности, что и на картине Грюнведеля № 3, которая взята из той же работы.

Сопоставив порядок их имен и места, куда пошли архаты и где пребывают, а также количество их учеников, приводимое в *Фа–чжу–цзи* и в ламаистских источниках, мы видим, что они расположены по–разному, но сами имена те же. Что же касается различий в принадлежностях и мудра, то ниже мы увидим, что при изображении архатов относительно этого не существовало фиксированных правил.

Пиндола, первый из шестнадцати архатов *Фа–чжу–цзи*, является двенадцатым в ламаистской группе. По *Фа–чжу–цзи*, он пошел на западный континент (Апарагодана), тогда как ламаисты считают местом его пребывания восточный континент (Пурвавидеха). В первой сказано, что его окружают 1000 «архатов, его собственных последователей», тогда как вторые говорят о 1000 учеников. Числа здесь совпадают, но в большинстве случаев они разнятся; в обеих группах Чудапантхака имеет самое большое количество последователей, а именно: 1600. Ламаисты, очевидно, наследовали идею о Шестнадцати Архатах из тех же индийских источников, но смешали имена, места и числа; после они добавили Дхарматрата и «Смеющегося Будду», как и китайцы, увеличившие группу с шестнадцати до восемнадцати. Пандер называет шестнадцать Стхавира более старых текстов первыми миссионерами буддийской церкви, проследовавшими в чужие страны, чтобы распространять свое учение. В настоящее время, говорит он, в каждом большом ламаистском, или китайском (буддийском) храме образы 18–ти Стхавира (в большинстве случаев в натуральную величину) помещены вдоль боковых стен главного зала, по девять с каждой стороны. В маленькой книге, составляющей основу работы Пандера, они не перечисляются среди лам, но среди Дхармапала, Защитников Закона. Поскольку именно в этом и состояла их обязанность, не следует удивляться подобному к ним отношению. Более того, северные буддисты ставили их под своими бодхисаттвами, считая рангом не выше остальных Защитников Закона, Дхармапала. Это становится очевидным из их места в *Буцудзо дзуи*, хорошо известной японской работе о буддийском пантеоне.

Что касается списка тибетских имен, приводимого в *Annales du Musée Guimet* (II, p. 245, Analyse du Kandjour), то он тот же, что и приведенный выше в этой главе, § 11. Он обнаруживается в начальных абзацах короткого перевода *Сукхавати–вьюха* (*Амитабха сутра*, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 200) и содержит имена шестнадцати выдающихся учеников, начинающиеся с Шарипутра, Маха–Маудгалъяяна, Маха–Кашьяпа и Маха–Катъяяна. Порядок остальных имен несколько отличен от китайского списка, однако в обоих Чудапантхака, Рахула, Пиндола и Вакула входят в состав Шестнадцати Архатов, упоминаемых в этой группе.

В. Шестнадцать и Восемнадцать *Лохань* в Китае

§ 15. Шестнадцать и Восемнадцать *Лохань*, вылепленные из глины и позолоченные в X в.

С древних времен архатов изображали на картинах, в глине и в камне. Что касается картин, то на них они изображены окружающими молящегося или умирающего Будду, либо появляются как отдельные фигуры. Кажется, первые китайские изображения архатов были написаны в эру Да–ши (465–470) при правлении императора Мин–ди старой династии Сун (см. ниже, эта глава, § 16). Однако, группы из 16, 15 и 500 архатов датируются более поздним временем.

В *Тай–пин гуан–цзи* (太平廣記), или "Обширных записках эры Тай–пин" (976–983), где содержится несколько легенд об архатах, которые мы рассмотрим ниже (гл. 4), также упоминается глиняное изображение Пиндола, которое в эру Чан–цин (821–825) стояло в одиноком буддийском храме на вершине Чжу–Юн (названной по имени бога огня) хорошо известной горы Хэн шань (衡山) в Хэн–чжоу–фу, на западном берегу реки Сян в Хунани. Этот образ спас двух людей, взобравшихся на вершину, слуг которых по дороге убил тигр. Они уверились, что тигр принял облик старого монаха из храма, и стали молиться архату, чтобы тот спас их от неминуемой опасности быть пожранными этим животным. Тогда изображение изрекло стихотворение, тайный смысл которого они поняли следующим образом. Тигр, обернувшийся старым монахом, упадет в колодец и утонет, а они получат серебряные чаши, стоя перед Буддой, главным образом храма. Если они попросят человека (который к тому времени прибудет) пустить в тигра стрелу, тот будет убит. И, действительно, появился охотник, и они попросили его помочь им в нападении на монаха с камнями и стрелами; наконец, они бросили его в колодец, где он принял свой истинный тигриный облик и был убит. Затем они взяли серебряные чаши и вернулись домой, благодарные за божественную помощь Архата Пиндола[243].

Другая вершина той же горы, называвшаяся Ши–яй–фун (石崖峯), или "Вершина каменной скалы", была избрана местом жительства старым архатом со снежными бровями, который в 976 году (первый год эры Рай–пин син гуо) был найден монахом Хуэй–ляо (恵了) лежащим в грязи, изнуренным и больным, когда последний проживал в Юнь–цзюй–сы (雲居寺), буддийском монастыре, где изучал священные труды. Больной был покрыт струпьями, но Хуэй–ляо тщательно за ним ухаживал и вылечил. На следующий год, когда они прощались, он пригласил его в свой домик у подножия Вершины каменной скалы. Одновременно,

243 Цит. в *Ракандзу сансю*, гл. III, с. 39.

он передал ему бумажный сверток, который, как оказалось, содержал в себе грязные очистки от его струпьев, лежавших также и в комнате, где он жил. Хуэй–ляо очень рассердился, однако, брошенные в огонь, струпья внезапно превратились в ароматные благовония и распространили дивный запах. На следующий год (978) Хуэй–ляо пошел на юг и встретил того же старого монаха с белыми бровями, опиравшегося на посох. Монах, смеясь, приветствовал его, показал ему место, где он жил, а затем внезапно исчез. Тогда Хуэй–ляо понял, что его пациент был божественного происхождения. Посещая Фан–гуан–сы (方廣寺) (который ему указал тот монах), он увидел там среди шестнадцати *Лохань* в зале *Лохань* того же старого монаха с белыми, как снег бровями. Пробыв в монастыре долгое время, Хуэй–ляо пошел на Нань–тай (南台), остров на реке Минь–цзян напротив Фу–чжоу в провинции Фуцзянь. В день его прибытия глиняное изображение того самого архата внезапно появилось среди изображений других архатов в главном зале святилища Нань–тай рядом с главной статуей (Шакьямуни). С тех пор его прозвали "Прилетевший *Лохань*" (飛来羅漢). Считалось, что Хуэй–ляо, за которым следовал этот архат, после смерти сам стал архатом. Над его могилой был воздвигнут альтарь, который еще при жизни автора Ши–мэнь вэнь–цзы чань (石門文字禪, написано вскоре после 1119 г.) назывался "Алтарем *лохань*". Автор добавляет следующие замечания к этой истории. "Будда говорит: 'Как широкие равнины, так и глубины гор населены архатами. Однако глупые люди, даже придя туда, не могут их увидеть. Лишь буддийские монахи, ведущие аскетическую жизнь и достигшие высшей ступени добродетели в состоянии их разглядеть.' Истина этих слов доказывается тем, как Хуэй–ляо встретил архата." Что касается этого изображения, то он замечает: "В эру Хуан–ю (1049–1054) буддийский настоятель принес каменное изображение монаха, весившее несколько сот фунтов, из своего храма в Нань–тай. Это было столь чудесно, что позднейшие поколения прозвали эту статую "Прилетевшим архатом". Однако, это предание неверно, поскольку таково название глинянного изображения из вышеизложенной легенды. Весной Сюань–хуо (1119) мой спутник спросил меня про историю о глинянной статуе 'Прилетевшего *лохань*'. Поэтому я записал обо всем».[244]

Выше мы видели (гл. 2, § 15), что в 954 году царь У и Юэ по имени Цянь Шу, 錢俶, основал монастырь школы Дхьяна Цзин–цы–сы (淨慈寺) в Хан–чжоу (杭州), в провинции Чжэцзянь, который назвал Хуэй–жэ юн–мин–юань (恵日永明院). Учитель Дхьяна Да Цянь, назначенный царем настоятелем монастыря, намеревался просить его о выделении золота для отливки статуй 18–ти Архатов. После этого царю приснилось, что за ним следовали восемнадцать гигантских фигур. На

244 Цит. в *Ракандзу сансю*, гл. 3, с. 42. Мы также находим там отрывок из *Чань си цзы* (禪喜集), работы конца 11 века, где автор рассказывает, как старое изображение архата, представленного между драконом и тигром, было отреставрировано за его счет и посвящено Ань–гуо–сы (安國寺). Его лицо было изуродовано человеческими руками, и он явился ему во сне в облике монаха с кровоточащим лицом. На следующий день он узнал этого монаха, взглянув на старое изображение, а затем приказал его перенести в свой дом и отреставрировать.

следующий день он получил прошение Дая–цяна и удовлетворил его, после чего настоятель построил зал *Лохань* и отлил 18 образов. После, когда зал оказался разрушен пожаром, Дао–юн воздвиг новое строение и приказал вырезать (из дерева, или камня) 500 *Лохань*, или, по другому тексту, вылепить их из глины. По *Ши–ю–цзи*, это произошло пять лет спустя, тогда как Лу Цеюнь указывает гораздо более позднюю дату, а именно, времена династии Южная Сун (1127–1279). В любом случае, 18 архатов были отлиты между 954 и 975 годами (год отречения царя)[245].

Две группы из 16–ти архатов упоминаются в "Биографиях выдающихся монахов, (составленных) во времена династии Северная Сун" (宋高僧傳, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1495, написана в 988 году). Там монах школы Дхьяна Чжи–хуэй (智暉) из Тань–ю–юань (灘溶院, монастыря в Лояне), живший во времена династии Поздняя Тан (923–936) построил, как сообщали, Дом омовения архатов (應眞溶室), у западного входа в который и у зала Гуань–инь стояли 16 изображений (архатов) (西廡中十六形像). Этот Дом омовения архатов должен был, очевидно, служить местом проведения церемоний, на которых приглашали архатов, и которые могли там омыться[246].

Мы читаем во втором параграфе этой работы, что Чжи–цзян (智江), монах из Гуан–шо–юань (廣壽院, монастыря в Сун–чжоу (宋州, т. е. Гуэй–дэ–фу, в провинции Хонань), живший 885–958, в 923 году слепил из глины изображения Майтрейя, Шакьямуни и 16–ти архатов (後唐同光元年在徵子之墟住院締堂宇、輪奐可觀。復塑慈氏釋迦二尊十六羅漢像。)[247].

Примечательно, что, хотя перевод Сюань–цзана Фо–чжу–цзи (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1466) появился в 654 году, мы не находим ничего о глиняных или других изображениях этой группы до десятого века. Ранее 16 *Лохань* представлялись лишь на картинах, в восьмом и девятом веках, как мы узнаем из следующих параграфов. Ясно, что культ этой группы архатов, многие из которых представлялись весьма туманными фигурами, не распространился в Китае до времен Пяти Династий (五代, 907–960). Нет ничего невозможного в том, что знаменитые картины Гуань–хуэя сделали большой вклад в их растущую популярность в десятом и последующих веках. Что же до их количества, то, если верить *Ши–ю–цзи*, работе 18–го века, то уже во второй половине 10–го века их было 18; однако, в 988 году автор Сун гао сэн чжуань упоминает лишь две группы по 16 архатов, о которых речь шла выше. Однако, мы увидим, что, как передавали, группы из 18–ти *Лохань* изображались на картинах династии Тан, т. е. в начале десятого века.

245 См. также Levi and Shavannes, 1.1., p. 287 (sep. 148) - иная форма повествования (*Ши–ю–цзи*, гл. V, с. 13a), а также надпись 959 г. в Бо–бе (博白), провинции Гуан–си, относительно установки 500 и 18 металлических образов Архатов (*Цзинь чжэ сю бянь*, гл. XII, с. 12b).

246 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1495, гл. XXVIII, с. 2a.

247 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1495, гл. XXVIII, с. 7 a, b.

§ 16. Первые архаты, нарисованные китайскими монахами в эру Дай–ши (465–470)

Ранние картины с изображением архатов упоминаются в *Чжу–цзин яо–ши* (諸經要集, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1474, составлено Дао–ши, 道世, в 656–660)[248], где мы читаем, что в конце эры Да–ши (465–470), в правление императора Мин–ди из старшей династии Сун, два буддийских монаха: *Фа–шу*нь (法順) из Цзин–син–сы (正勝寺) и Фо–цзин (法鏡) из Цзин–цзя–сы (正嘉寺) первые нарисовали *Лохань*, представленных рядами сидящих монахов.

§ 17. Два архата, нарисованных Чжан Сэнъю времен династии Лян (502–557)

Лю Чанцин (劉長卿), живший в эру Тянь–бао (742–756), написал "Записи о монахах, составленные Чжан Сэнъю" (張僧繇畫僧記). Там мы читаем, что генерал Чжан Шэнъю[249], живший в первой половине шестого века, был первым, нарисовавшим двух архатов, по одному на каждой картине. После эти изображения переходили из рук в руки и оказались разделены на много лет. Одно из них оказалось в распоряжении чиновника по имени Лу Цзянь. Когда этот человек серьезно заболел, то увидел сон, в котором архат обращался к нему со следующими словами. «У меня есть друг, с которым я разделен вот уже более ста лет. Этот друг находится в доме некоего Ли в Лояне, и там его трогательно любят, однако никто не знает, что мы должны быть вместе. Поэтому прошу тебя выкупить его ради меня и вновь соединить нас. Если ты поступишь так, я обязательно помогу тебе силами Закона и ты будешь излечен». Тогда Лу Цзянь купил другой рисунок и соединил его со своим, после чего немедленно выздоровел. Картины, написанные знаменитыми художниками, обладают чудесной, быстродействующей силой. После смерти Лу Цзяня, однако, его дочь продала обе картины, но новый собственник, который в эру Кай–юань (713–742) ослеп от того, что выпил слишком большую дозу лекарства, тогда же утерял одну из них, а именно, ту, что изначально была в доме Ли. Наконец, другая картина оказалась в собственности Лю Чанцяна (автора произведения), который сохранял ее, как большую драгоценность, в своем доме[250].

248 Гл. V, цит. в *Ракан окэн дэн*, с. 7.

249 См. Леви и Шаванн, 1.1., с. 276:

250 Цит. в *Ракандзу сансю*, гл. III, с. 38.

§ 18. Картины Лу Лэнця с изображением Шестнадцати Лохань, написанные в середине VIII в.

Омура (гл. VI, с. 8), упоминает Хуа цзи (繼畫)[251] и Хуа–ши би–као (畫事備考) относительно Лу Лэнця (盧稜伽) (Лэнця=Ланка=Цейлон), ученика знаменитого художника У Даоцзы. В первой работы мы читаем: «В Ханьчжоу в доме Хо гэна есть маленькая картина Шестнадцати *Лохань* работы Лу Лэнця». (小本十六羅漢圖). Во второй книге упоминаются следующие картины среди принадлежащих кисти Лу Лэнця: «Шестнадцать картин Шестнадцати Архатов, 48 изображений архатов и три картины с Шестнадцатью Архатами». Эти слова указывают на то, что он нарисовал несколько рядов по шестнадцать архатов, по одному на каждой картине; три картины являлись общими изображениями всей группы[252]. Профессор Жиль считает его «Шестнадцать Архатов» одной картиной. В его Introduction to the history of Chinese pictorial art (p. 48) мы читаем: «Он (Лу Лэнця) был учеником У Даоцзы и перенял часть мастерства учителя. О нем, как о художнике, мы услыхали в 757 году. Он написал несколько очень хороших картин, изобразив на небольшой поверхности широкий пейзаж. Лучше всего, однако, ему удавались буддийские темы, и *его «16 Лохань» на небольшом холсте считалась отличной картиной»*. Очевидно, он писал коллективные изображения всей группы, а также шестнадцать портретов по одному архату. Первые явно изображались на очень небольшом пространстве. Поскольку до него ни один художник не изображал Шестнадцать *Лохань*, он считается первым писавшим эту тему. Однако, при его жизни группа еще не приобрела популярность, и его картины, похоже, не обрели достаточной славы, чтобы распространить культ этих шестнадцати святых. Его работы были отодвинуты в тень знаменитыми произведениями Гуань–хуэя, о которых пойдет речь в следующем параграфе.

§ 19. Шестнадцать или 18 Лохань, написанные между 880 и 894 гг. монахом школы Дхьяна Гуань–сю (貫休), получившим почетный титул Шэнь–Юэ Да–ши (禪月大師, «Великий Учитель, Луна в Медитации»)

§ 19, А. Жизнь Гуань–хуэя и его работы

В 832 году монах школы Дхьяна Гуань–сю (貫休) (832–912), чьи настощее имя было Дэ–инь (德隱), а семейное имя — Цзян (姜), родился в Дэн–гао, месте, расположенном у Ручья Орхидей в Цзин–хуа (金華蘭溪登高). Район Цзинь–хуа относится к Чжэ–цзянь, той самой провинции, в которой в 10 веке возник культ 500 архатов (см. выше, гл. 2, §§ 15 и далее).

---

251 «Линия передачи художеств» Дэн Чуня, 登椿, который со своим отцом Дэн Минши составил 古今姓氏書辨證, законченную в 1134 г. (см. Wylie, p. 184).

252 См. Леви и Шаванн, там же: другой отрывок, где упоминаются дополнительные комбинации.

Когда ему исполнилось десять лет, он стал мальчиком–послушником учителя Дхьяна Юань–цзина из Хуо–ань–сы (和安寺圖貞禪師), монастыря в тех местах. Ежедневно он прочитывал тысячи иероглифов «Лотосовой Сутры» и все запоминал. Он стал признанным поэтом и имел много заслуг в пропагандировании и разъяснении «Лотосовой Сутры». Он также был умелым художником, в особенности при использовании жидкой туши. (善小筆、得六法、長於水墨、形似之状可觀, «он умело пользовался маленьким карандашом, усовершенствовался в шести правилах /рисования/[253], достиг высшего мастерства в писании жидкой тушью, а на созданные им портреты стоило взглянуть»). Получив согласие на воздвижение зала *Лохань*, он построил его и сказал: «Каждый раз, когда я рисую одного архата, я молю обо сне. Так я получаю реальную форму святых и рисую их совершенно отлично от обыкновенно изображаемых фигур архатов». После третьего года эры Цянь–нин (896), по совету своих учеников он пошел в царство Шу, правитель которого высоко чтил его и даровал титул Чань–юэ да–ши (禪月大師, «Великий Учитель, Луна в Медитации»), а также назвал его Дэ–дэ–лай хуо–сян, 得得来和尚, «Почтенный, пришедший по делу». Он умер во втором году эры Цянь–хуа (912), 81 года от роду. Царь Шу очень оплакивал его смерть, похоронил его с большими почестями, даровав посмертный титул «Белый Лотос», а в 913 году приказал, чтобы его ученик Тань–ю (雲域) собрал воедино все его произведения.

Эти детали мы находим в *Сун гао сэн чжуань* (988) под заголовком «Биография Гуань–сю из Дун–шэнь–юань, что в Чин–ду–фу (в провинции Сычуань), (поздней) династии Лян (907–923)» (梁成都府東禪院貫休傳)[254]. Далее, мы отсылаем читателя к весьма пространной биографии Гуань–сю, составленной проф. Леви и Шаванном, 1.1., сс. 298 и далее, Прилож. II.

В *И–чжоу мин–хуа–лу* (益州名畫録), или "Записях о знаменитых картинах И–чжоу" (старое название Чин–ду–фу, столицы провинции Сычуань), ошибочно сказано, что прибытие Гуань–сю в царство Шу случилось в эру Тянь–фу (天福), т. е. в 901–904 гг., т. к. выше мы видели, что он пошел в Шу после 896 года, а умер в 912 году. Из этой старой работы (написанной Хуань Сюфу (黃休復) к концу десятого века) мы узнаем, что царь Шу подарил ему пурпурное одеяние и титул Шэнь–юэ да–ши. "Слава его поэм была большой и обширной, его знали все; он хорошо разбирался в каллиграфии и рисовании (善草書圖畫). Люди того времени все сравнивали его со знаменитым учителем Янь Либэнем (閻立本)[255]. Он написал портреты 16–ти архатов с широкими бровями и большими глазами, со свисающими щеками и длинными носами, прислонившихся к соснам, или камням, сидящих на фоне природы, людей с монгольской внешностью, или с индийскими лицами; песни исчерпывали их облик

253 Об этих шести правилах см. Petrucci, *Le Kie tseu yuan houa tchouan*, 芥子園畫傳, traduit et commenté (T'oung–pao, Vol. XIII), Ch. II.

254 NANJO's *Catalogue*, Nr. 1495, гл. XXX, сс. 9 и далее.

255 См. Giles, *Biogr. Dict.*, nr. 2469: «7 век... Он известен в основном как художник, будучи нанят вторым императором династии Тан нарисовать портреты восемнадцати ученых, основавших учебное заведение, известное в народе, как Прибежище Счастливых».

(описывали полностью). Когда кто–либо спрашивал его (о его стиле письма), он говорил: 'Я рисую то, что вижу в своих снах.' Далее он написал десятерых учеников Шакьямуни, которые были, как те 16 архатов, так что люди удивлялись им.[256]"

Сравнение с Янь Либэнем характерно, поскольку этот художник был, подобно Гуань–сю, портретистом, написавшим группу из 18–ти человек (число 18 Архатов, нарисованных Гуань–сю, упоминается Су Дунпо, как мы увидим ниже). Картины Гуань–сю являлись реальными портретами, как мы узнаем из его биографии, приведенной выше, и из того факта, что он писал, так сказать, портреты святых, являвшихся ему во сне.

"Десять учеников" очевидно были те же, что перечислены в *Фань–и мин–и цзи* (см. выше, гл. 2, § 11). Мы, однако, склонны считать это ошибочной традицией из–за надписи на одиннадцатой картине Шестнадцати *Лохань*, где говорится, что он изобразил десять из шестнадцати в 880 году и продолжил работу в 894 году (см. ниже, этот параграф, G, относительно резке по камню Мин–шуй по образцу Шестнадцати *Лохань* из Син–инь–сы). Однако, тот факт, что Хуа–ши–би–гао упоминает 26 архатов среди работ, оставленных Гуань–сю, указывает на две группы в 16 и 10 архатов, описанных в *И–чжоу мин–хуа–лу*.

Из последней работы (цит. в *Ракандзу сансю*, I, с. 53 b и 54 a) мы узнаем, что в начале эры Тай–пин син–гуо (976–984) император Тай–цзун искал старые картины. Тогда губернатор Шу взял 16 картин архатов кисти Гуань–сю и поднес их императору, так как счел их старыми картинами». 太平興國年初太宗皇帝搜訪古畫。時給事中裎公羽牧蜀、将貫休羅漢十六幀為古畫進呈。

Поэт династии Тан по имени Оу Янцюн (歐陽烱) написал «Песню об архатах Шэнь–юэ да–ши, отвечающих ему во снах» (禪月大師應夢羅漢歌). Он следующим образом восхвалял художника и его произведения:

«Знаменитый монах с Западной Вершины по имени Гуань–сю,
Человек высокого характера, стойкий, рвущийся ввысь и чистый, как осень.
Небо научило его, как тушью изобразить архатов,
Наипревосходнейшие, суровые, старые лица рождались с кончика его кисти»[257].

§ 19, B. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в Юн–тан–юань (雲堂院) в горах к западу от Юй–чжан (豫章), современного Нань–чан–фу (南昌府), столицы провинции Цзян–си (конец XI в.)

В *Ту–хуа цзянь–вэнь–цзи* (圖畫見聞志), или «Записях о том, что я видел и слышал о рисовании», написанных в конце 11 века Гуо Жосюем (郭若虚) о картинах, датирующихся 907–1074 годами, говорится, что настоящие картины *Лохань* кисти Гуань–сю находятся в Юнь–тан–юань, упомянутом в заглавии данного параграфа. Он пишет: «Есть подлинные картины (16–ти архатов кисти Гуань–сю) в Юнь–тан–юань, что в горах к западу от Юй–чжан. (Даже) сегодня им делаются подношения, а

256 Цит. по Омура, гл. VI, с. 8. См.: Леви и Шаванн, 1.1., с. 282 о *И–чжоу мин–хуа–лу*.
257 Цит. по Омура, гл. VI, с. 8.

когда префект отправляется к ним на встречу, чтобы молить о дожде, его просьбы всегда удовлетворяются».[258] Это был второй монастырь, в котором он жил до 894 года[259].

Здесь мы обнаруживаем Шестнадцать Архатов как подателей дождя, как и в стихотворении *цэнь–цзи* (曾幾) династии Сун, где говорится, что архаты с Хуай–ю–шань (懷玉山) услышали молитвы крестьян и вызвали дождь[260].

Мы узнаем из надписей на одной из этих картин (см. ниже, резьба на камне Мин–шуй, этот параграф, G), что эти Шестнадцать Архатов с Хуай–ю–шань в Синь–чжоу (т. е. Гуан–синь–фу в провинции Цзянси) являлись оригинальными рисунками, первые десять из которых в 880 году были отосланы как подарок монастыря Хуо–ань в Дэн–гао (родное место Гуань–сю и первый монастырь) монастырю Хуай–ю–шань.

Гуо Жосюй также цитируется в «Приложении к коллекции Чань–юэ» (禪月集補遺), где он, как сообщается, сделал следующее заявление. «Гуан–сю вошел в *самадхи*, а затем увидел истинные формы архатов, которые после скопировал. Поэтому у всех этих архатов индийские лица, а их тела старые и странные. Некоторые были написаны жидкой тушью, другие красками».

§ 19, C. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в Ин–мун Лохань–юань (應夢羅漢院), или «Храме архатов, отвечающих во сне», в Си (歙), городе и департаменте Хуэй–чжоу–фу (徽州府) на юго–востоке провинции Аньхуэй (1174–1190)

Шунь–си–чжи (淳熙志), или «Записи эры Шуньси» (1174–1190) содержат следующий отрывок. «Что касается Ин–мун *Лохань*–юань, то в конце династии Тан монах этого храма по имени Цин–лань был приятелем Гуань–сю из У–чжоу (婺州, старое название части Цзинь–хуа–фу), нарисовавшего для него изображения шестнадцати индийских монахов. Традиция гласит, что император династии (Сун) взял их и поместил во дворце. Однако, после ему приснилось, что группа из 15–ти, или 16–ти буддийских монахов из Си (歙) попросила вернуть их (в храм). Тогда он отправил их обратно». 應夢羅漢院者、唐末寺僧清瀾興婺州僧貫休游。休為畫十六梵僧象。相傳國朝嘗取入禁中、後感夢歙僧十五六輩求還。遂復以賜。Что же касается 15–ти, см. ниже § 19 F.

Этими монахами, разумеется, были сами архаты, и то, что они пришли из Си, показывает, что там располагался их храм. Что же до названия храма, то этот отрывок явно указывает на то, что оно было дадено в честь сна императора; кажется, однако, гораздо более вероятным, что его назвали так, поскольку Гуань–сю представил архатов так, как увидел их в своем вещем сне (см. выше, этот параграф, A и название цитируемой в нем старой поэмы). Более того, архаты Гуань–сю из Цзин–дэ–сы в провинции Цзян–си были изображены таким же способом (ниже, § 19 I.).

---

258 *Ракандзу сансю*, I, c. 53 a, b: 有眞本在豫章西山雲堂院。供養于今。郡将迎請祈雨無不應驗。

259 См. Levi and Chavannes, 1.1., App. II, p. 299 (sep. 161); p. 278 (sep. 139).

260 *Ракандзу сансю*, I, c. 29b. Nom de plum этой поэмы было 茶山, Ча–шань.

§ 19, D. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в зале Гуаньинь Фо–юнь–сы (法雲寺) в Хуэй–цзи (會稽), нынешнее Чжао–син–фу (紹興府) в провинции Чжэ–цзян (1200)

Автор *Ракандзу сансю* (I, сс. 17 sqq.) упоминает две работы Лу Ю (陸游) династии Сун, также называвшегося Лу Фанвэн (陸放翁): 青州羅漢堂記 и 法雲寺觀音殿記. Во втором произведении, «Истории зала Гуань–инь в Фо–юнь–сы», он упоминает пожар, который в году 庚戌 эры 建炎 (1130) уничтожил храм, расположенный у Западных Ворот в Хуэйцзи (современное Чжао–син–фу в провинции Чжэцзянь). После святилище было отстроено, а через 70 лет после пожара (1200, в год 庚申, когда он написал эту историю храма), он сам воздвиг зал Гуаньинь и «после поднес (ему) картины Шестнадцати Архатов, написанных Шэнь–юэ (Гуань–сю), которые были развешаны в нишах вдоль двух стен. Смотревшие на них исполнялись благоговения; подношения делались одно за другим». (又施以禪月所畫十六大阿羅漢像、龕於両壁。觀者起敬、施者踵至。)[261].

§ 19, E. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в Мин–инь–сы (明因寺) в Пекине (XVII в.)

Лю Тун (劉侗), автор времен династии Мин, в Ди–цзин цзин–у лю–цзи (帝京景物畧記), «Сокращенных записях странных происшествий в императорской столице» (Пекин) говорит, что в эру Вань ли (1573–1620) при династии Мин Сы–бо да–ши (紫柏大師, монах школы Дхьяна), живший в Мин–инь–сы (明因寺), увидел во сне, что шестнадцать монахов просили его повесить их портреты и чаши, т. е. принять их, как гостей храма. На следующий день появился человек с 16–ю большими портретами Шестнадцати Архатов кисти Гуань–сю и предложил их продать. Монах, помнивший обо сне, купил их за высокую цену[262].

По *Шунь–тянь–фу–чжи* (順天府志) (1886)[263], цитируемому Леви и Шаванном (1.1., с. 281), эти картины были там «ранее»: Сы–бо повесил их в храме и написал к ним восхваления. Термин «ранее» указывает, что в святилище, которое, как мы узнаем от Леви и Шаванна, расположено за воротами Чжин–ян (正陽門) в Пекине, их более нет.

§ 19, F. Два, или четыре архата, приписываемые Гуань–сю, принадлежавшие, как считают, к группе из 16–ти архатов в Гуан–сяо–сы (光孝寺) в Кантоне (XVII и XVIII вв.)

В 18 веке Чжао И (趙翼, т. е. Оу Бо, 甌北) (1727–1814) написал «Песнь Архатам, нарисованным Гуань–сю (и сохраняемым в) в Гуан–сяо–сы» (光孝寺貫休畫羅漢歌). В предисловии он пишет[264], что в этом храме была картина с изображением двух архатов, и упоминает автора 17–го века Чжу Ицзуна (朱彝尊), т. е. Чжу–чжая, 竹垞, жившем в 1629–1709 гг. Последний написал «Песнь к картине архатов, работы Гуань–сю, которую я видел в Гуан–сяо–сы» (光孝寺觀貫休畫羅漢歌)[265].

261 *Ракандзу сансю*, I, с. 19f; cf. I., с. 47b, где Чжао И, 趙異, династии Цин, считает их копиями.

262 Предисловие Чжао–и, *Ракандзу–сансю*, гл. 1, с. 47; он считает их копиями. Омура, гл. 6, с. 8.

263 *Шунь–тянь–фу–чжи*, гл. 16, с. 43a.

264 *Ракандзу сансю*, гл 1, сс. 46 и далее.

265 *Ракандзу сансю*, гл. 1, с. 50. Относительно Чжу Ицзуня см. Wylie, сс. 44 and 78; Giles, *Biogr. Dict.*,

Четыре архата, нарисованные Гуань–сю и сохнанившиеся в том самом святилище, были описаны в поэме другого автора династии Цин по имени Чжан Цзиньфан (張錦芳, 18 век)[266]. Чжу Ицзунь называет храм 南海訶子林, Хо–цзы–линь из Нань–хай; см. Леви и Шаванн (1.1., с. 280). Чжао И замечает, что эти картины отличались от тех, что видел Су Дунпо в 1101 году в Бао–линь–сы (этот параграф, H).

Другая группа из 16–ти *Лохань*, написанных Гуань–сю, была сохранена Хуэй–вэнем, 慧汶, монахом Ю–ши–юань (浴室院) в Син–гуо (興國, районе Гань–чжоу–фу в провинции Шэньси, или Син–гуо–чжоу, районе У–чан–фу в провинции Хугуан)[267].

Шестнадцать *Лохань* работы Гуань–сю также упоминаются Чэнь Вэйжуем (陳維儒) (жившим 1558–1639) в Ни–гу–лу (妮古録). Там мы читаем, что Гуань–сю во сне увидел лишь 15 архатов, и кто–то сказал ему, что лицо шестнадцатого – его собственное. Тогда он воспользовался так называемым «водяным зеркалом», т. е. написал автопортрет по своему отражению в воде, закончив, таким образом, группу шестнадцати *Лохань*. Это, очевидно, означает, что сам Гуань–сю являлся реинкарнацией шестнадцатого архата. См. ниже, гл III, § 28.

§ 19, G. Подлинные картины Гуань–сю с изображениями Шестнадцати Архатов, виденные в 1757 году в Шэн–инь–сы (聖因寺) у Западного Озера (провинция Чжэцзян) императором Гао Цзуном и восславленные им на отдельных листах бумаги, которые он поднес храму; по этим картинам в 1764 году были сделаны каменные изображения и шестнадцать картин, находящихся в коллекции Такахаси.

В 1757 году (в эру Цянь лун) император Гао Цзун, особо интересовавшийся архатами Гуань–сю и разыскивавший их по всей империи (он смог найти три набора), посетил Шэн–инь–сы (聖因寺) у Западного Озера (Ши–ху, 西潮, в провинции Хан–чжоу–фу, 杭州府, где почитали также 500 архатов, как мы видели выше, гл. II, § 15). Там он увидел подлинные картины, которые описал в своих «Восхвалениях Шестнадцати *Лохань*, написанных Гуань–сю времен Тан» (唐貫休畫十六羅漢贊), записанных на отдельных листах бумаги и преподнесенных храму[268]. В 1764 году настоятель монастыря по имени Мин–шуй (明水) «собрал средства и с почтением поручил вырезать из камня картины», как мы узнаем из его собственной надписи под картиной на камне с изображением Нандимитра (четвертый в группе); он добавляет, что «написал это в счастливый день 8–го месяца 29–го года Цянь–лун времен Великой династии Цин (1764)». Под картиной Рахула (рис. № 11) мы находим надпись, принадлежащую, оказывается, кисти самого Гуань–сю. В ней говорится: «Шестнадцать Архатов с Хуай–ю–шань (懷玉山) в Синь–чжоу (信州)[269]. В начале эры Гуан–мин (880) 10 фигур были посланы,

Nr. 453; он жил 1629–1709 и был серьезным исследователем археологии, острым эссеистом и поэтом.

266 См. Омура, гл. 6, с. 8.

267 См. Омура, там же.

268 *Ракандзу сансю*, I, cc. 37b sqq.

269 Синь–чжоу – старое название (использованное при династиях Тан и Сун) Гуан–синь–фу (廣信府) в провинции Цзянси.

как подарок (этому монастырю) от (монастыря) Хуо–ань в Дэн–гао (登高和安送十身) (родное место Гуань–сю и его первый монастырь, как мы видели выше). Их сделал монах Гуань–сю с Западной Вершины (гора Цзинь–хуа). На 23–й день первого месяца первой зимы эры Цян–мин (894) в Цзян–лин (江陵) он продолжил создание первых десяти картин. Прошло шестнадцать лет (с тех пор, как он начал писать эту группу). Тогда Цзин–чжао, монах школы Дхьяна, пришел с севера и навестил его. В этом году он вернется в Хуай–ю»[270].

Каменные картины Мин Шуя представлены в работе Омура (сс. 11 и далее); они, очевидно, выполнены с того же оригинала, что и картины Такахаси, которые мы считаем довольно плохими копиями, а вовсе не подлинными рисунками. По нашему мнению, каменные картины гораздо лучше и гораздо ближе четкой, утонченной работе мастера. Что касается картин из Син–инь–сы, то их больше нет в монастыре; лишь каменные изображения Мин–шуя сохранены в зале *Лохань*, как узнал Омура от человека, недавно побывавшего там.

Около 1800 года Дин Цзин (丁敬), археолог, написавший работу по античным находкам в Хан–чжоу[271], посетил Син–инь–сы и оценил красоту картин[272]. Леви и Шаванн (1.1., с. 280) также отсылают к Ши–ху–чжи (西潮志, «Записям Западного Озера», написанным в 1735 году и цитированным выше, гл. 2, § 15), где говорится об этом храме[273] и где в другом месте сказано, что Шестнадцать Архатов работы Гуань–сю ранее находились в храме Чан–мин (長明) к востоку от города, однако затем (в 1735 году) были помещены в Синь–инь–сы[274].

Омура (гл. 4, с. 9) заявляет, что тринадцать из каменных изображений архатов по названиям и типу изображения совпадают с хранящимися у Такахаси, а именно: 1. Пиндола, 2. Канака Ватса, 6. Бхадра, 7. Калика, 8. Ваджрапутра, 9. Швапака (Гопака), 10. Пантхака, 11. Рахула, 12. Нагасена, 13. Иньгада (?), 14. Ванаваси, 15. Аджита, 16. Чудапантхака.

№№ 3 и 4, Канака Бхарадваджа и Субинда (?) отсутствуют среди каменных изображений, а № 5 Накула (здесь названный Ванака, 拔諾迦) представлен совершенно иначе, чем Накула у Такахаси. Здесь (на камне) он сидит с четками в правой руке на циновке под старым иссохшим деревом. Его левая рука покрыта одеждой, тремя пальцами правой он указывает себе на грудь. Его сандалии стоят у основания дерева, где скорчился маленький мальчик, глядящий на него сверху вниз и слушающий его слова. Лицо архата чрезвычайно истощенно; его рот открыт, как бы в глубокой скорби.

Вместо №№ 3 и 4 на камнях приведены совершенно другие изображения, названные Нандимитра (慶友) и Пиндола (вторая картина этого архата в той же группе!). Таким образом, число шестнадцать соблюдено, однако допущена ошибка

270 См. Омура, гл. 6, с. 9.

271 Cf. Chavannes and Levi, 1.1., p. 279 (sep. 140). Vide App. I–IV (pp. 292 sqq., sep. 154 sqq.): четыре различных списка имен 16–ти и 18–ти Архатов.

272 *Ракандзу сансю*, I, с. 51b.

273 *Си–ху–чжи*, гл. 9, сс. 1–6.

274 Там же, гл. 30, с. 19b.

с двумя Пиндола, а также с введением в Шестнадцать Архатов «Великого Архата Нандимитра», который в Фо–чжу–цзи (выше, гл. 3, § 1) объясняет смысл деятельности Шестнадцати Великих Архатов.

Император Гао Цзун собрал имена в другом порядке (принятом в Тибете) и в иной транскрипции. Он перечисляет их так: Иньгада, Аджита, Ванаваси (拔納拔西), Калика, Ваджрапутра, Бхадра, Канака Ватса, Канака Бхарадваджа, Вакула (Баккула) (拔嘎沽拉), Рахула, Чудапантхака, Пиндола Бхарадваджа, Пантхака, Нагасена, Гопака и 阿必達 (Абхеда). Таким образом, он заменил сомнительное имя Субинда (?) именем Абхеда. Что касается 18–ти архатов (он написал также восхваление 18–ти архатам), то он заявляет, что два дополнительных имени не появляются ни в индийских текстах, ни в «Книгах династии Тан» (唐書), как писал другой автор. Он называет этих двух дополнительных архатов – Кашьяпа и Нандимитра, расспросив монахов с запада. Он видел их картины в 秘殿珠林, «Жемчужном лесу Зала Тайн (Тайные Книги, Архивы)» (во дворце): 8 картин по двое архатов и две по одному (побеждающих дракона и тигра)[275].

По мнению Омура, группа из Син–инь–сы исходно состояла из восемнадцати картин, две из которых были утеряны во времена Гао Цзуна. Он делает такой вывод из факта, что №№ 3 и 4 из группы Такахаси отсутствуют в этой серии, однако число шестнадцать сохранено.

Мы не согласны с этим выводом (поскольку убеждены, что сам мастер написал лишь шестнадцать, а не восемнадцать *Лохань*, см. ниже, этот параграф, L) из–за значительной разницы в стиле изображения Нандимитра и второго Пиндола и в других картинах. Вакула (последний из каменных изображений, репродуцированных у Омура, с. 18), архат, чье имя не приведено на камнях, хотя и отличается от Вакула из коллекции Такахаси, но демонстрирует тот же тип изображения, что и другие. Нандимитра (Омура, с. 17) и второй Пиндола (там же, с. 18), однако, имеют самые обычные лица, сильные и суровые, но гораздо более похожие на архатов, нарисованных, или вырезанных другими мастерами; это хорошо известные типажи, а вовсе не интенсивно уродливые лица, которые изображал Гуань–сю. По этой причине мы склонны считать эти две картины позднейшим добавлением некоего сунского художника, желавшего дополнить число 18, ставшее популярным в то время. Если это так, то две оригинальные картины (№№ 3 и 4) были потеряны в ходе времени, но остались добавочные картины, так что случайно исходное число было восстановлено, и император Гао Цзун смог назвать их (хотя и не совсем правильно) «Шестнадцатью *Лохань*, написанными Гуань–сю». Что касается дополнительных имен, то ими, вероятно, должны быть Махакашьяпа и Кундопадхания, первые два из Четырех Великих Шравака, упомянутых Су Дунпо, как первые два из Восемнадцати *Лохань*.

Шестнадцать архатов из коллекции Такахаси все сидят на камнях; некоторые из них со скрещенными ногами, другие просто подобрав их под

275 *Ракандзу сансю*, I, cc. 42 f sqq., c. 45 f. Cf. Levi and Chavannes, 1.1., pp. 283 sqq.: два интересных отрывка из произведений императора. См. ниже, § 19, L.

себя; их сандалии и обувь стоят у камня, тогда как у других одна, или две ноги поставлены на землю. Ни у одного из них нет нимба. Пиндола (№ 1) левой рукой держит закругленный посох, касающийся его левого плеча; на его правом колене лежит сутра. Канакаватса (№ 2) обеими руками держит свой бамбуковый посох; его указательные пальцы вытянуты вперед. Канака Бхарадваджа (№ 3) в правой руке держит метелочку мухогонку, обе руки у него на коленях; ноги свисают вниз. У него довольно длинные брови. Его лицо и тело очень истощенны; правое плечо и грудь обнажены. Субинда (№ 4) правой рукой делает мудра (сжав ее в кулак и поместив большой палец на указательный); его левая рука лежит на левом колене. Вакула (Накула, № 5), чрезвычайно истощенный человек с обнаженной верхней частью тела, обеими руками держит короткую узловатую палку для чесания спины. Бхадра (№ 6) держит четки в левой руке; правая спрятана под одеждой. Калика (№ 7) поднял вверх правое колено, на котором покоится его правая рука; эта рука поддерживает громадные брови, свешивающиеся вниз на камень, как веревки; на картине они почти невидимы, однако на камне проступают отчетливо. Ваджрапутра (№ 8) очень истощен, верх тела обнажен, левой рукой сжимает левое колено, правая рука перекрещивает левую и свисает вниз. Перед ним лежит сутра. Гопака (№ 9) в левой руке держит веер, правая рука лежит на колене ладонью вверх (по Су–ши, псевдоним Дунпо, сжата в кулак, что более очевидно на картине, чем на камне). Пантхака (№ 10), низкий, толстый человечек, погружен в чтение свитка сутры, который держит обеими руками. Рахула (№ 11) нарисован разноцветными красками и представлен в молитвенной позе; правая рука поднята, левая лежит на колене. Каменное изображение явно ближе к оригиналу, так как, судя по описаниям, он имеет сердитый вид, глаза как пронизывающие мечи, что гораздо более явно на камне, чем на картине. На каменном изображении указательный и средний палец его правой руки вытянуты вперед, чтобы показать интенсивность его молений. Тяжелые брови делают образ еще более экспрессивным; он выглядит, как угрожающий, предостерегающий пророк. Нагасена (№12) совершенно отличен. Этот очень худой архат громко выкрикивает свои бесконечные стенания по поводу ущербности мира; глаза его и рот широко раскрыты, а руки, сложенные вместе, он держит у подбородка. Иньгада (№ 13) держит длинный узловатый посох, четки (в правой руке) и сутру (с санскритскими литерами в левой). Ванаваси (№ 14) сидит в состоянии *самадхи*, с закрытыми глазами, в каменной пещере, обе руки спрятаны под одеждой. Эта картина разноцветная. Аджита (№ 15) сцепил руки вокруг правого колена; с открытым ртом от выкрикивает слова своей грусти. Чудапантхака (№ 16) сидит под усохшим деревом, держа в правой руке веер и делая молитвенный жест левой. Выражение его лица серьезно, но не сердито и не несет следов отчаяния, как у Рахула, Нагасена и Аджита.

Две дополнительные фигуры на каменных изображениях: Нандимитра и второй Пиндола представлены следующим образом. Нандимитра держит сутру в левой руке, а правой составляет мудра; рядом с ним стоит кадильница благовоний. Он сидит на

скале, как и Пиндола, правое плечо которого обнажено и который держит длинный прямой бамбуковый посох. У последнего очень сильное, суровое лицо.

Картины, находящиеся в настоящее время в распоряжении барона Такахаси, исходно принадлежали Сёмёдзи (稱名寺) в Канадзава, провинции Мусаси. Тэцудзё, автор *Ракандзу сансю*, считает их подлинниками и восхваляет как великие и редчайшие сокровища. «По преданию, – продолжает он, – когда в эру Сёва (1312–1316) Ходзё Санэтоки построил в Канадзава библиотеку, он получил эти картины вместе с еще одной, с изображением Нирваны Будды, написанной Ли Боши (李伯時) династии Сун. Они передавались совместно вплоть до сегодняшнего дня».

Возможно, это и так, однако мы не считаем их подлинниками. Судя по репродукциям Тадзима, мы убеждаемся, что это копии прославленных картин Гуань–сю. Более того, такие произведения были слишком известны в Китае, чтобы их отправляли за рубеж.

§ 19, Н. Восемнадцать Архатов Гуань–сю, которые прославленный поэт Су Дунпо увидел в 1101 г. в Бао–линь–сы (寶林寺) у холмов Цин–юань в Гуан–чжоу–фу провинции Гуандун рядом с Кантоном, и написал их восхваление.

Примечательный факт, что некоторые писатели времен династии Сун упоминают группу Восемнадцати Архатов, нарисованную Гуань–сю.

Су Дунпо (蘇東坡), т. е. Су–ши (蘇軾), знаменитый поэт, эссеист и государственный деятель одиннадцатого века (1036–1101), возвращаясь из ссылки в Нань–хай (南海) (в Гуан–чжоу–фу, 廣州府, провинции Гуан–дун) (1101), проезжал Бао–линь–сы (寶林寺), или «Храм Леса Сокровищ» на Цин–юань–ся (清遠峽), т. е. холмах Цин–юань, также в Гуан–чжоу–фу. Там он увидел Восемнадцать *Лохань*, вид которых наполнил его восхищением и побудил написать «Восхваление 18 *Лохань*, написанных Гуань–сю династии Тан» (唐貫休畫十八羅漢贊). Однако, перечисляя их он допустил ошибку, назвав двух дополнительных архатов Нандимитра и Пиндола (второй!) вместо Махакашьяпа и Кундопадхания. Все еще находясь в Нань–хай, тот же поэт написал другое восхваление картин архатов, озаглавленное «Хвала Восемнадцати Великим Архатам». Эти картины, которые будут рассмотрены ниже (следующий параграф), были написаны неким Чжаном (張) из Цзинь–шуй (金水) в конце династии Тан. В своем прославлении он перечисляет архатов в следующем порядке: 1. Махакашьяпа (迦達). 2. Кундопадхания (軍徒鉢歎)[276]. 3. Пиндола (賓頭盧). 4. Канака Ватса (那迦跋). 5. Канака Бхарадваджа (изменен в 羅墮, Радва). 6. Субхадра (須跋陀). 7. Накула (那俱羅). 8. Бхадра (律陀). 9. Калика (迦羅, Кара). 10. Ваджрапутра (сокращено до 跋蹉, Ваджра). 11. Гопака (瞿波迦). 12. Пантхака (半陀, Пантха). 13. Рахула (羅候羅). 14 и 15. (имена отсутствуют: Нагасена и Иньгада). 16. Ванаваси (娑那斯, измене-

276 Два первых из Четырех Великих Шравака, упоминаемых в Сутре о рождении Майтрейя на земле (см. выше, гл. 2, § 2).

но до Ванаси). 17. Аджита (阿逸多). 18. Чудапантхака (周羅槃特)[277].

Примечательно, что, опустив Нагасена и Аньгаджа, вновь перечислены шестнадцать вместо восемнадцати архатов. Однако, описаны восемнадцать. Относительно числа «восемнадцать»: оно возникло, очевидно, оттого, что лишь двое из Четырех Великих Шравака сутры Майтрейя (переведенной до 313, или 317 года), Пиндола и Рахула были включены в группу Шестнадцати Великих Архатов. Поэтом устарейшая китайская группа из 18 архатов могла быть сформирована путем добавления первых двух из Четырех Великих Шравака к исходной группе.

Другой сунский поэт, Цян–цзи (曾幾), т. е. Ча–шань (茶山), написал похожее восхваление 18 архатов Гуань–сю.

§ 19, I. Восемнадцать Архатов Гуань–сю, виденных Хуэй–хуном в Цзин–дэ–сы (景德寺) в Линь–чуань, провинции Цзяньси, в конце XI в.

Хуэй–хун (惠洪), живший в конце 11 – начале 12 века, описывает в Лэн цзай е хуа (冷斎夜話), как в молодости он посетил Цзин–дэ–сы (景德寺) в Линь–чжуань (臨川) (т. е. Фу–чжоу–фу в провинции Цзяньси) и видел там 18 архатов, написанных Гуань–сю. Они совершенно отличались от обычных картин. Пятая картина из этой редкой группы отсутствовала, что побудило молодого человека составить следующий шуточный стих: «18 архатов, проголодавшись, в беспорядке собрались у храмовых ворот. Однако, пятого не видно; куда он мог деться? Наверное, пошел просить пищи». На следующий день одна женщина рассказала ему, что ей приснилось, как буддийский монах попросил ее принести его обратно в монастырь, так как он, находясь на военной службе (!), во время учений потерял свое подразделение. На следующее утро она увидела картину, висевшую на стене в соседнем доме, на которой был изображен монах, явившийся ей во сне. Когда губернатор области услыхал об этом, то приказал доставить пятого архата обратно в монастырь, а также построить для этих картин специальный зал, где хранить их, как редкие сокровища[278]. См.: Леви и Шаванн, 1.1., с. 279: «應夢閣羅漢靈跡». Они добавляют, что, хотя зал архатов в этом храме был построен таким же образом, как и храм в провинции Нянь–хуэй (упоминавшийся в этом параграфе, C), они ни в коем случае не были одинаковымиЭтот факт ясно доказывает правильность моей точки зрения относительно названия Ин–мэн, – «Соответственно снам (Гуань–сю)» (а не императорским снам).

§ 19, J. Восемнадцать Архатов Гуань–сю, купленные в конце эры Шунь–чжи (1644–1661) Минь–чжун–сы (愍忠寺) в Пекине

По Ван Синьчэну (王新城), в его 池北偶談, написанном в 1691 году и цитированном Чжао И, в конце эры Шунь–чжи (1644–1661) человек из У прибыл в столицу (Пекин) с 18–ю свитками, на которых были изображены 18 архатов работы

277 См. Омура, гл. 4, с. 4; *Ракандзу сансю*, I, cc. 20 sqq.

278 *Ракандзу сансю*, гл. 1, с. 54 b.

Гуань–сю. Он продал их за 700 золотых в Минь–чжун–сы (愍忠寺), храм в Пекине, находившийся за воротами Сюань–у (宣武門)[279].

Чжао И заявляет, что 16 архатов работы Гуань–сю из Мин–инь–сы (выше, § 19, E), равным образом, как и его 18 архатов из Минь–чжун–сы (оба храма находились в Пекине), исчезли при его жизни (в начале 18–го века). Далее он упоминает автора, жившего в начале 13–го века, некоего Чжан Шинаня (張世南), который в своем Ю–хуань цзи–вэнь (遊宦紀聞)[280] замечает, что «помимо подлинных архатов Гуань–сю существуют два набора, представляющие их копии (臨摸, имитации)».

По мнению Чжао И, 16 архатов из Гуан–сяо–сы (в Кантоне, выше, § 19, F) были подлинными; что же касается сохраняемых в Мин–инь–сы и в Мин–чжун–сы, то он считает их копиями. После времен Сун ни один художник не смог изобразить эти индийские лица древним стилем.

§ 19, K. Что являлось подлинными картинами Гуан–сю? Вероятно, он никогда не писал серии восемнадцати Лохань

Ниже мы увидим, что Япония также гордится обладанием подлинных архатов работы этого мастера. По мнению Омура, однако, лишь те, что находятся в распоряжении барона Такахаси и репродуцированы у Тадзима, могут считаться таковыми. Мы же не колеблясь отвергаем подлинность и этих картин. Одного взгляда на каменные изображения работы Мин–шуя, приведенные у Омура, достаточно, чтобы непредвзятый наблюдатель убедился, что картины Такахаси стоят гораздо ниже каменных изображений. Они явно соотносятся с оригинальными картинами, однако в каменных изображениях проявляется след их утонченной силы, который, по нашему мнению, полностью отсутствует у так называемых подлинных образцов Такахаси.

Тогда возникает вопрос: являлись ли 16 картин, виденных и описанных императором Гао Цзуном в 1757 году в Син–инь–сы (聖因寺) у Западного Озера и репродуцированные в каменных изображениях Мин–шуем в 1764 году (этот параграф, G), оригинальными картинами, или их копиями? Мы читаем, что он, в поисках архатов Гуань–сю в империи, обнаружил три их набора. Тот факт, что он особо восхвалил и описал обнаруженные в Син–инь–сы, свидетельствует о том, что он счел этот набор подлинным. Сравнивая выбор такого ценителя, как император Цянь–лун, с заявлением Чжан Шинаня 13–го века, в соответстви с которым было два набора копий и лишь одна подлинная группа (выше, этот параграф, K), мы склоняемся к тому предположению, что после прошествия четырех столетий император нашел эти три набора в различных местах и счел тот, что был в Син–инь–сы, подлинным.

Поскольку эти картины утеряны, и сохранились лишь каменные изображения работы Мин–шуя как в том же храме, так и в Японии, мы можем судить о них лишь по репродукциям. Этого, впрочем, достаточно, чтобы показать, что восхищение Гао

279 В предисловии Чжао И к его Песни Архатам, нарисованным Гуань–сю и (хранимым в) Гуан–сяо–сы (начало 18 века, выше, этот параграф, F); Омура, гл. 6, с. 8; *Ракандзу сансю*, I, с. 47 a.

280 См. Wylie, p. 165: «Его работа считается надежным источником».

Цзуна было вполне заслуженным, хотя вполне вероятно, что те картины являлись лишь отличными копиями великих творений Гуань–сю.

Сравнивая различные описания китайских авторов, Омура пишет, что, помимо картин из Син–инь–сы, те из Бао–линь–сы, что восхвалял Су Дунпо (этот параграф, H), те, которые сохранил Хуэй–вэнь, монах из Ю–ши–юань в Син–гуо (там же, F) и те, что были куплены во времена династии Мин монахом школы Дхьяна Цзы–бо да–ши из Мин–инь–сы в Пекине (там же, E), совпадают с принадлежащими Такахаси по способу изображения святых, тогда как другие наборы совершенно от них отличаются. Омура считает невозможным поверить в то, что последние, а также те, что сохраняются в японском Кодайдзи, написаны Гуань–сю.

Рассматривая различные детали работы Гуань–сю в свете вышеизложенного, мы видим, что существует много неопределенностей относительно нарисованных им групп *Лохань*

Его биография в Сун гао сэн чжуань (988) не упоминает количества этих архатов, однако в *И–чжоу мин–хуа–лу* говорится о 16–ти и 10–ти. Надпись на одиннадцатом из каменных изображений Мин–шуя называет его картины «Шестнадцатью Архатами с Хуай–ю–шань»; однако, сунский поэт Цян–цзи восхвалял его Восемнадцать Архатов, обнаруженных в том же монастыре (Юнь–тан–юань). Су Дунпо также видел и восхвалял восемнадцать святых, написанных им, а также и Хуэй–хун.

Очень трудно решить, действительно ли он написал различные наборы в 16 и 18 *Лохань*. Должны признаться, что весьма сомневаемся в том, что он написал их оба, однако, если он лишь представил оригинал 16–ти святых из Фо–чжу–цзи, то художники периода Пяти Династий и династии Сун могли скопировать его работу и добавить двух архатов, или они могли добавить две картины к его собственным произведениям, написав их в том же стиле. Идея 18–ти архатов возникла, похоже, в 10 веке, однако не вытеснила 16 архатов до династии Сун, как мы попытаемся показать ниже (эта глава, § 28). Гуань–сю, умерший в 912 году, мог и не знать об этом в свои преклонные года. Действительно, маловероятно, чтобы знаменитый автор Шестнадцати *Лохань* изменил свое представление относительно количества своих оберегающих святых и принял новую концепцию, не основанную ни на одном священном тексте. Поэтому мы не верим в то, что он когда–либо писал набор из восемнадцати *Лохань*, и считаем такие наборы, приписываемые ему, либо позднейшими копиями, либо состоящими из шестнадцати архатов его авторства и двух фигур, добавленных каким–то художником 10–го, или 11–го века.

Вполне возможно, что он написал лишь один набор из шестнадцати *Лохань*, а именно – тех, что с Хуай–ю–шань в провинции Гуаньси, которые много веков спустя были найдены императором Гао Цзуном в Шэн–инь–сы у Западного Озера. Если это так, то его произведения утеряны, и лишь каменные изображения Мин Шуя дают нам представление об их мощной экспрессии. Что касается картин, принадлежащих барону Такахаси, то они, по нашему мнению, не что иное, как слабые копии великих

творений мастера. Относительно их числа мы убеждены, что, если эта группа когда–либо состояла из восемнадцати, а не шестнадцати архатов, то две фигуры были добавлены неким художником позднее, дабы привести их в соответствие с популярной концепцией его времени. Однако, в 18 веке, когда их увидел Гао Цзун, их было лишь шестнадцать, что и являлось их оригинальным числом.

Написав это, я прочел великолепный труд профессоров Леви и Шаванна, так часто цитированный в этой главе. Там мы находим: «*Nous serions disposes a croire que Kouan hieou avait peint d'une part la serie traditionelle des seize Arhat, d'autre part le petit groupe des deux Arhat dompteurs (du tigre et du dragon). Si ces peintures se presentaient comme dans l'exemplaire examine par K'IEN-LONG aux Archives du palais, elles formaient huit panneaux de deux Arhat chacun, et, de plus, a chacun des extremites une figure isolee, a l'Est, l'Arhat surveillant le Dragon, a l'Ouest, l'Arhat soumettant le Tigre. Suivant le procede de classement employe, on comptait donc, soit seize figures encadrees de deux autres, soit un ensemble de dix-huit figures. En tout cas. Une cin quantaine d'annees après Kouan-hieou, le groupe des dix-huit Arhat etait definitivement reconnu*» (с. 287, отд. изд., 148).

Что касается восхвалений императором Гао Цзуном архатов Гуань–сю, то они пишут: «*A une date ulterieure, K'ien-long* (т. е. Гао Цзун в эру Цянь-лун) *compose une seconde serie d'eloges des Arhat, cette fois au nombre de dix-huit, et il y ajoute un memoire explicatif: "Maintenant, dit-il, j'ai examine derechef les dix peintures d'Arhat faites par Kouan-hieou qui sont dans la Foret des Perles de la sale des Archives* (秘殿珠林). *Sur huit de ces feuilles, les images sont reunies par deux; le total concorde donc avec le chiffre precedemment fixe. Deus autres images sont isolees une a une, elles sont, pour le public, "Celui qui soumet le Dragon" et "Celui qui dompte le Tigre"* (降龍伏虎). *A mon premiere examen, j'avais eu des doutes; j'avais donc interroge les moines d'Occident; ils m'avaient dit que l'un etait le venerable Kacyapa, et l'autre le venerable Na-na-mi-ta-la (Nandamitra, sic). Or maintenant j'apprenais que, en dehors des Seize Arhat des pays d'Occident, il y avait a l'origine separement les deux Venerables, Celuik qui le Dragon et Celui qui dompte le Tigre; parce qu'ils ont au complet, eux aussi, la force religieuse des grandes penetrations surnaturelles, ils ont eux aussi obtenu le nom d'Arhat /// De la meme maniere, il y a deux Venerables qui tantot sont reunis aux Arhat et tantot en sont separes*»[281].

Затем Леви и Шаванн говорят, что император был прав, сочтя группу из 18–ти архатов комбинацией оригинальной группы из 16–ти с двумя фигурами архатов, побеждающих тигра и дракона; было бы, однако, ошибочно искать происхождение этих фигур в самом буддизме. «*Le tigre et le dragon sont les symbols favoris du Taoisme; le dragon represente l'Est et le tigre represente l'Ouest. Ils trouvaient donc tout naturellement leur place a l'interieur d'un groupement fonde sur une repartition correspondent aux points cardinaux*». «*Le tigre et le dragon sont domptes par le saint du bouddhisme, par un Arhat; c'est-a-*

281 См. выше, этот параграф, G., *Ракандзу сансю*, I, с. 45 a: 今重閲秘殿珠林貫休羅漢像十幀。其八並列二像、興前所定数悉合。其二像各一、則世所為降龍伏虎者也。如覧而疑之。機論者西像、則一為嘎沙鴉巴尊者、一為納納達密荅喇尊者。及知西域十六應眞之外原別有降龍伏虎二尊者、以具大神通法力故亦得阿羅漢。則二尊者之於阿羅漢或分或合亦如是。

dire qu'ils se sont humilies devant l'eglise nouvelle» (сс. 284 и далее, отд. изд., 145 и далее).

Мы должны признать, что это весьма остроумный способ объяснения причины расширения группы с 16–ти до 18–ти. Более того, другая даосская идея могла помочь популяризации числа восемнадцать среди китайского народа. Существовало два ряда по девять фигур, стоявших, или висевших вдоль стен храмового зала; девять являлось священным даосским числом, образующимся, когда три брали три раза. Хорошо известный факт, что даосы любили изменять индийские идеи на свой лад и что китайский буддизм часто воспринимал эти изменения, как например в случае с Десятью Царями Ада (тогда как в Индии был известен лишь один), которыми правил Ди–цзан. Что касается буддийских монахов, то мы подтверждаем свою теорию, что добавление двух архатов к группе ими приветствовалось по той причине, которую мы изложили выше, а именно – отсутствие двоих из Четырех Великих Архатов среди шестнадцати фигур, привнесенных из Индии. Если эта группа из Четырех Великих Архатов, главенствующих в четырех направлениях, являлась действительной основой системы, то вполне можно было спросить, отчего двое из них были исключены из святого собрания? Поэтому мы склонны сочетать причины даосского характера с буддийскими идеями относительно Маха–Кашьяпа и Кундопадхания, чем пытаемся объяснить большую популярность в Китае новой группы из восемнадцати архатов, столь редко встречающейся в Японии.

§ 20. Восемнадцать Великих Архатов, нарисованных Чжаном из Цзинь–шуй в конце династии Тан, по восхвалению Су Дунпо этих картин (конец XI в.)

Когда Су Дунпо был в ссылке в весьма отдаленном месте под названием Tan'rh в Нань–хай (南海), т. е. в провинции Гуан–дун (в конце 11 века), он видел там 18 картин с изображением Восемнадцати *Лохань*, приписываемых некоему Чжану (張氏) из Цзинь–шуй (金水) в Шу (蜀)[282]. Он вдруг почувствовал себя так, как если бы встретился со старым другом, и немедленно их купил, дивясь тому, как такие картины могли попасть в столь отдаленное, варварское место. Исполненный радости, он приказал реставрировать их рамы и преданно поклонялся им, возжигая благовония и делая подношения из фруктов.

Далее он написал «Восхваление Восемнадцати Великим Архатам, написанным Чжаном из Цзинь–шуй в Шу» (蜀金水張氏畫十八羅漢頌), с предисловием, в котором приводит следующие детали.

Автор этих картин (по Су Дунпо) жил в конце династии Тан и был известен своими рисунками архатов. Его потомки из поколения в поколение были способными художниками в изображении того же предмета. «В наши дни, – говорит Су Дунпо, – есть буддийский монах по имени Минь–син из

282 Ба и Шу (巴蜀) образуют современную провинцию Сы–чуань.

Чин–ду в Шу (провинции Сы–чуань), являющийся пра–пра–правнуком Чжана. Его лицо и облик сильно напоминают древних индийских монахов, а сам он необычно образованный служитель. Поэтому все люди из Шу говорят, что он – превращенный архат, т. е. что он архат, который, обратившись, родился в семье Чжана. Столь близки отношения семейства Чжана и архатов».

Далее автор рассказывает, как его собственной матери помогли Шестнадцать Архатов. Когда она была молода, в Шу произошло восстание, и из–за недостатка пищи она не могла попасть обратно в свою деревню. Тогда пришли шестнадцать буддийских монахов, которые сказали: «Поскольку все мы из твоей деревни, то поможем тебе», и каждый дал ей по 200 монет. Так она смогла в безопасности добраться до своего дома, но никто не знал, где жили те монахи. Поэтому она была убеждена, что ее долг - спасти шестнадцать архатов, и после четыре раза в год она делала им подношения. Когда она умерла в возрасте 90 лет, число ее подношений им превысило 200 раз. Так, и она оказалась в тесной связи с архатами.

Тот факт, что он (автор) сам встретил 18 *Лохань* в одиноком, варварском месте своей ссылки, было столь чудесно, что он счел, что они помогают ему перенести тяготы точно так же, как защитили его мать, а находку этих картин воспринял как счастливое предзнаменование. Поэтому он написал восхваление этим архатам, где выразил свои мысли о каждом из них[283].

Их описание, также обнаруживаемое в предисловии Су Дунпо и цитируемое Омура (гл. 7, сс. 19 и далее), показывает нам, что Махакашьяпа и 軍徒鉢歎 (Кундопадхания) были первыми двумя из серии, тогда как имена 14–го и 15–го отсутствуют. Однако, он также описывает и эти две картины, поэтому действительно видел все 18. Если они и вправду были написаны в начале десятого века, то должны были принадлежать к самым первым написанным наборам из 18–ти *Лохань*.

Что касается стиля изображения этих святых, то их сопровождали рабы–варвары (蠻奴), прислужники (侍者), монголы (тюрки) (胡), мальчики, демоны–посланники (使者), божественные мужчины и женщины, возникающие из земли или воды (первые представляли сокровища архата, вторые – книги), или святые (仙人), помогающие, или поклоняющиеся им. Обезьяна, черепаха, лев (рядом с Субхадра), дракон, выходящий из воды и выплевывающий жемчужину в руку Накула, большой змей (蟒) (вылезающий из–под пустого дерева, в котором сидит Пантхака, погруженный в *самадхи*), тигр (проходящий радом с Рахула), цю (虬, дракон с одним рогом), журавль, – все эти животные служат архатам, привлекаются и подчиняются их магической силе. В качестве принадлежностей, которые держат сами святые или их прислужники, перечислены следующие: книга, дощечка для письма, *вайдурья* (瑠璃, *лю–ли*, лазурит), утварь, в которой сохраняют *шарира* (реликты), фрукты, коробка, чаша для подаяний, мантра (咒), сутра, посох, короткий посох с колокольчиками (鈴杵), короткий *хаккхара* (который держит монгол), магический скипетр (хорошо известный *жу–и*, 如意,

283 *Ракандзу сансю*, гл. 2, сс. 1 и далее.

«все, что пожелаешь»), коробка для благовоний, бамбуковая корзинка, метелка мухогонка и гранат. Душа (神, *шэнь*) Пантхака, вошедшего в *самадхи* и сидящего в дуплистом дереве, взлетает ввысь; Чудапантхака, последний из восемнадцати архатов, представлен сидящим с открытыми глазами, держащим метелку мухогонку и подпирающего свой подбородок (см. Нагасена Гуань–сю, № 12).

§ 21. Картины Ли Лунмяня (季龍眠) с 18–ю архатами, написанные до 1106 года и описанные Сун–лянем династии Мин

Следующими по величию и славе после 16–ти *Лохань* работы Гуань–сю шли архаты, написанные Ли Лунмянем, великим художником эпохи Сун, умершим в 1106 году, о 500–х *Лохань* которого шла речь выше (гл. 2, § 22). Описание его 18–ти *Лохань* обнаруживается у Сун–ляня (宋濂) в «Восхвалении похожести 18–ти архатов, написанных ушедшим в отставку Лун–мянем» (龍眠居士畫十八應眞相贊), созданном во времена династии Мин[284]. Их имена там не приводятся; они лишь указаны числом. Первый архат стоит во весь рост у спины «морской коровы» (海牛), пересекающей волны. Второй, стоящий на чаше для подношений, летит против ветра посреди больших валов. Третий едет на листе патала, гордо глядя в небеса, а капли воды падают на лист. Четвертый вместе с предыдущим архатом плывет на банановом листе, а за ним следует шраманера (послушник), несущий мешок. Пятый сидит на многоцветном коврике (綵幌), его снежные брови свисают ему на плечи, а четыре морских демона с весьма омерзительной внешностью везут его. Шестой, с посохом, лежащим крестовидно у него на руках, уносится к западу большой морской черепахой, наполовину скрывшейся в воде. Седьмой вперил взгляд на восток; из его рта исходит дыхание, превращающееся в облако; это облако имеет форму семиуровневой пагоды. Восьмой, со слабой улыбкой на лице играет с маленькой пагодой; царственный принц (внук царя) держит фрукт и предлагает его ему. Девятый, опершись на *хаккхара*, идет по волнам с драгоценным колесом из жемчуга под ногами, испускающим яркий, как огонь, свет. Десятый едет на морской рыбе, которая бьет спинным плавником и переплывает широкий океан. Одиннадцатый, стоящий босым на посохе в форме дракона, который плывет по морю, медленно движется в западном направлении. Двенадцатый, держащий в левой руке чашу для подношений и кусающий свои губы, смотрит на малького извивающегося дракона (Нага), приближающегося с юга, высоко держит голову и являет величественный облик. Тринадцатый, сидящий на скале, в левой руке держится за свою одежду, а растопыренными пальцами правой указывает на небо, как бы провозглашая что–то. Четырнадцатый, держа в руках сутру, собирается читать ее и поворачивает голову

284 Цит. в *Ракандзу сансю*, гл. 3, с. 8, и у Омура, гл. 7, с. 20.

к человеку, сидящему рядом с ним. Пятнадцатый наклоняет голову, вслушиваясь в (чтение) сутры с божественным, чистым обликом, как у лица, вошедшего в *самадхи*. Шестнадцатый сидит на спине горного оленя и едет через лес кипарисов и артемизий, а легкий ветерок развевает его одежды. Семнадцатый садится на пятнистого тигра; в руках он держит жезл для подчинения демонов (ваджра); он проезжает у подножия крутой скалы. Восемнадцатый сидит на корточках на циновке с лицом человека в состоянии *самадхи*. Белый, сверкающий свет исходит из точки между его бровей.

Так Ли Лунмянь изображает сверхчеловеческую силу этих архатов, показывая их власть над животными и демонами моря, над драконами и горными зверями, от могучего тигра до быстрого оленя. Девять из них пересакают море чудесным образом, несомые животными, демонами, или предметами; двое держат свой путь через горы на спине оленя и тигра. Из оставшихся семерых один демонстрирует свою сверхъестественную силу чудесной формой своего дыхания, а другой – ожидая нападения демонов, убежденный в скорой победе над этим гордым и ужасным противником. Одному из остальных поклоняется царский принц, другой молится, двое держат сутры, – либо для собственного чтения, либо для возглашения вслух, а последний из них сидит, погруженный в *самадхи*. Сравнивая эти картины с 16–ю архатами Гуань–сю, мы видим, что лишь сутры, молитвенный облик и *самадхи* обнаруживаются в обеих группах.

§ 22. Восхваление Шестнадцати *Лохань* (написанных неизвестным художником), составленное Хуан Тянцзянем, знаменитым поэтом, жившим 1050–1110

Шестнадцать Архатов, описанных в предисловии к поэме Хуан Тянцзяня (黃庭堅, псевдоним Лу–чжи, 魯直, см. Giles, *Biogr. Dict.*, Nr. 873), знаменитого поэта, одного из Четырех Великих Ученых Империи, совсем другие[285]. Этот поэт, говорит Жиль, "любил буддийские рассуждения и дал себе прозвище 山谷道人, 'Буддист (Человек Пути) гор и долин'. Омура (1.1., с. 20) цитирует это описание архатов, которое мы находим в *Ракандзу сансю* (гл. 2, сс.13–17). Это стихотворение озаглавлено "Восхваление 16–ти архатов" (十六羅漢讚). Там не сказано, кто написал их; вероятно, это современник поэта и, в этом случае, – современник Ли Лунмяня. Имена и порядок расположения архатов полностью совпадают с работой Гуань–сю из коллекции Такахаси, однако способ их представления совершенно отличен. Пиндола, сидящий "правильным образом" (正坐), делает обеими руками мудра. Напротив него сидит царь и возжигает благовония. Ребенок Кунь–лунь (崑崙兒) предлагает золотую клетку, а маленький буддийский монах – *nampa*. Еще есть кувшин

285 См. Омура, с. 20.

для цветов, *вайдурья*. Канакаватса (№ 2) почитается царем Кашмира, который сидит от него по правую руку. Архат составляет мудра. Перед ним поставлен кувшин для цветов – *вайдурья*. Раб Куль–лунь подает ему коробку с сутрами, а маленький буддийский монах держит написанное сочинение (урок, задание). Субинда (№ 4) держит в левой руке сутру, маленький монах наливает воду из кувшина *вайдурья* и дает ее пить тигру. Вакула (Накула) (№ 5) щелкает пальцами в направлении запада, монгольский раб держит его "посох печати" (印杖, вероятно - ваджра), маленький монах подносит ему утварь *вайдурья*, а посредине помещены два фазаньих хвоста. Бхадра (№ 6), живший в Тамрадвипа (это совпадает с 法住記), сидит лицом к западу сложив руки; царь подносит ему *жу–и* (магический скипетр), а маленький монах (с благоговением) складывает ладони. Калика (№ 7) держит белую метелочку от мух, маленький монах подносит коробку, а монгольский раб процеживает воду. Ваджрапутра (№ 8) указывает поворотом головы, что–то говоря; маленький монах делает "иероглиф печати благовоний" (香篆, см. 香印 в описании Пиндола; образование печати–иероглифа с помощью поджигаемого благовония); монгольский раб предлагает 香篆臺 (подставка для делания иероглифов печати благовоний?), драгоценный кувшин, наполненный чистой водой, свисает с его плеча Гопака (Швапака) (№ 9), живший в горах Гандхамадана 香醉山 (это также согласуется с 法住記), держит веер из перьев, а маленький монах предлагает 来禽 (*лай цинь*, птицу). Пантхака (№ 10), пребывающий на небе Траямстримшат (как и в 法住記) имеет длинные брови и держит четки; маленький монах соединяет десять пальцев, а царь Дэва подносит "посох с колокольчиками" (鈴杵). Рахула (№ 11) держит сутру, маленький монах подносит ему футляр для сутры, а царь преклоняет колена. Нагасена (№ 12) держит "посох печати" (印杖), маленький монах (благоговейно) складывает ладони, а монгольский царь подносит архату саптаратна (семь драгоценностей). Иньгада (№ 13) потрясает золотым *хаккхара*; прирученный дракон лежит под его сидением; царь подносит архату колокольчик. Ванаваси (№ 14) получает драгоценную пагоду, подаренную ему царем; царь по–монгольски преклоняет колени, а монгольский раб подносит подставку для пагоды (или "садится и подносит пагоду"). Аджита (№ 15) держит ручную курильницу, царь поливает цветок лотоса в горшке, а маленький монах подносит цветы. Чудапантхака (№ 16), наконец, соединяет руки и получает жемчужину, подаренную ему девушкой–драконом (Наги); "короткий посох с колокольчиками" лежит на столе, а маленький монах подносит ручную курильницу.

Итак, мы видим, что эти архаты были окружены поклоняющимися царями, рабами–монголами и маленькими монахами, и что Субинда (№ 4) подчинил тигра, а Иньгада (№ 13) – дракона. Мудра, магические жезлы и посохи указывают на связь с тантрической школой. Пантхака (№ 10) – архат с длинными бровями (на каменном изображении, вырезанном по картине Гуань–сю, Калика представлен таким же образом).

§ 23. "Восхваление вышитым фигурам Шакьямуни и Восемнадцати Архатов", написанное в 1115 году монахом Дэ–хуном (德洪)

18 *Лохань* явились во сне женщине, страдавшей от серьезной болезни. Поскольку после этого она постепенно выздоровела, то приписала это защите святых. Поэтому она изобразила их на вышивке, после чего последние следы ее болезни совершенно исчезли. Это произошло в пятом году эры Цзин–хуо (1115), и по ее просьбе монах Дэ–хун написал восславление этих вышитых образов. Будучи сам болен, он назвал эту поэму "подношением кисти", адресовав его Будде и 18–ти его ученикам. Архаты восславлены 18 раз в 8–ми строках по 4 иероглифа, т. е. в двух строфах по четыре строки, каждая из которых посвящена отдельному архату. Имена и порядок №№ 1–16 совпадают с приведенным в Фо–чжу–цзи; два дополнительных архата названы Ниндимитра и Пиндола, – тот же промах, что и в случае с каменными изображениями Мин–шуй, где также упомянуты два Пиндола.

Описание этих архатов уделает больше внимания самим святым, нежели в предыдущем (предисловие Хуан Динцзяня). Создается впечатление, что эти образы были попроще, поскольку архатов не окружает так много царей, рабов и монахов[286]. Преклоненный варварский царь упомянут в отношении № 2 (Канакаватса), а бородатый царь, двумя руками держащий пагоду и подносящий ее № 3–му (Канака Бхарадваджа). На остальных вышивках отсутствуют какие бы то ни было цари, а раб–варвар служит лишь Аджита (№ 15) и Пиндола (№ 18). Что касается животных, то голубой и (猊 т. е. *шуань–и*, 狻猊, сказочный лев с красными глазами, появившийся с Тибета, чтобы пожрать тигров, который единым прыжком покрывает 500 миль) были представлены, как скромные слуги Пиндола и Иньгаджа (№№ 1 и 13), тогда как олени располагались по бокам Вакула (Накула) (№ 5) и второго Пиндола (№ 18). Ядовитый дракон был приручен Калика (№ 7); тигры не упоминаются, однако слон принес Рахула (№ 11) водяные лилии. Вакула (№ 5) был архатом с длинными бровями. Два демона, передающие книгу и говорящие с монахом, покуда Учитель (Бхадра) слушал их изложение, представлены на № 6. В качестве принадлежностей архатов упомянуты: *хаккхара* (№ 2, Канакаватса), *жу–и* скипетр (№ 4, Субинда), кувшин *вайдурья* (№ 9, Швапака), мухогонка (№ 10, Пантхака, летящий по воздуху, стоя на пятицветном облаке), четки (№ 11, Рахула), пагода и драгоценная книга (№ 12, Нагасена), чаша с цветами и веер из грубых листьев (№ 14, Ванаваси), цветочный горшок и посох (№ 15, Аджита), драгоценная пагода (№ 17, Нандимитра) и метелочка от мух (№ 18, Пиндола).

286 См. Омура, с. 20; *Ракандзу сансю*, гл. 2, сс. 18–21.

§ 24. Картины Шестнадцати Лохань, написанные различными художниками X и XI вв.

Во времена поздней династии Лян (907–923) один человек из Хуа–тай был столь искусен в изображении архатов, что его самого называли «Ли Лохань» (李羅漢)[287]. В позднюю династию Тан (923–936) жили два буддийских художника, работавших в том же стиле, Цзо Ли (左禮) и Чжан Нань (張南). В Ду–хуа цзянь–вэнь чжи (конец 11 века, см. выше, эта глава, § 19 В) они упоминаются, как авторы «24 превращений (化) Шестнадцати Архатов, Трех Чиновников (三官) и Десяти Истинных Мужей (т. е. архатов) (十眞人, Десять Великих Шравака)», и делается отсылка к Чжуань–и–ши хуа–цзянь (傳於世畫鑒, или «Зеркалу картин, передававшихся в мире»)[288], где говорится: «В конце Пяти Династий жил Цзо Ли, современник Хань Цю (韓虯). Оба они писали буддийские образы великой красоты. Я видел шестнадцать маленьких фигур архатов, сидящий среди скал, нарисованных Цзо Ли в очень хорошем стиле, не уступающем Хань Цю»[289].

В «Записях о знаменитых картинах, найденных в древних буддийских монастырях Чин–ду» (成都, т. е. И–чжоу, 益州, старое название столицы Сычуань), составленных Фань Чинда (苑成大)[290], жившим 1126–1193, упоминаются картины Ду Цзыхуаня (杜子瓌) и Ду Игуэя (杜猊亀), которые во второй половине 12–го века висели в столичных храмах. Первый из этих художников, живший в первой половине 10–го века, во времена царствования Цянь Шу, нарисовал Восемь Видьяраджа (八明王), а также Шакьямуни и Шестнадцать Архатов (в Дун–люй–юань, 東律院), а работа второго заключалась в изображении этих шестнадцати святых, а также Шакьямуни, Авалокитешвара и Махастханапрапта (в Цзе–ди–юань, 揭諦院)[291].

В У–юэ (呉越), царстве со столицей в Хан–чжоу (杭州) у Западного Озера в провинции Чжэ–цзян в 907–978 гг., Ван Даоцю (王道求) написал буддийские картины с изображением демонов и богов, людей и животных. «В наши дни, – сказано в Ту–хуа цзянь–вэнь–чжи (конец 11 века), – сохранились не многие из его работ. Это Шестнадцать *Лохань*, Чжун–гуэй (демон–убийца) хватающий демона и лев в густом лесу, которых он отдал в мир». Хуа–ши би–гао, приводя список работ, оставленных художником, упоминает две группы из Шестнадцати Архатов каждая (вероятно, по одному архату на картине) и две подобные группы кисти Тао Шоли (陶守立), также художника времен Пяти Династий.

В начале династии Сун (вторая половина десятого века) в Хан–чжоу жил художник по имени Цянь И (銭易), псевдоним Хи–бо (希白), который «напи-

287 *Supplement of the Famous Paintings of the Five Dynasties*, 五代名畫補遺, цит. у Омура, гл. 6, с. 10.

288 Не есть ли это Хуа–цзянь (畫鑒), написанное в 1328 г. Тан Хоу (Wylie, p. 136; Gile, Pict. Art, p. 147)?

289 См. Омура, там же.

290 成都古寺名筆記, написаны во второй половине 12 века. Что касается Фань Чинда, поэта и чиновника, см. Giles, *Biogr. Dict.*, Nr. 530.

291 См. Омура, там же, который цитирует *И–чжоу мин–хуа–лу* и *Ту–хуа цзянь–вэнь–чжи*.

сал Шестнадцать *Лохань*, чрезвычайно старых и чудных, как мы узнаем из «Записей Хан–чжоу» (杭州志).

Позднее, также при династии Северная Сун (960–1127) трое использовали тот же предмет, а именно: Ван Цихань, Янь Бовэнь и Ли Шицзе (王斋翰、颜博文、李時擇). Мы читаем об этом в Хуа–ши би–као, в которой среди работ этих трех художников, сохранившихся до тех времен, упоминались четвертый, шестнадцатый и десятый из Шестнадцати *Лохань*, написанных первым художником; десять – вторым; шесть – третьим.

Омура, приводящий эти отрывки[292], приходит в выводу, что после Гуань–сю картины с изображением Шестнадцати *Лохань* были весьма в моде. Мы можем добавить, что многие из этих художников, вероятно, подражали работам великого мастера и пытались представить архатов в его стиле, «очень старыми и чудными». Однако они часто окружали их прислужниками и странными почитателями, очевидно, чтобы показать величие этих святых, которых гений мастера представил просто как святых, без помощи посторонних средств. Одновременно, тот факт, что все они писали Шестнадцать *Лохань*, ясно показывает, что концепция Восемнадцати *Лохань* не превозмогла исходный культ шестнадцати святых.

§ 25. Способы изображения 16, или 18 *Лохань*

Сравнивая описания картин 16–ти и 18–ти архатов, написанных в конце династии Тан, во времена Пяти Династий (907–960) и во времена Сун (960–1279), мы видим большую разницу даже между теми из них, что создавали современники.

Первый необходимо устанавливаемый момент – безоговорочное превосходство Гуань–сю над всеми остальными. Великий танский мастер, отказавшись от всех внешних средств выражения силы архатов, написал их просто как святых; в старых, безобразных, изъеденных временем лицах сконцентрировались все страдания, мысли и переживания по поводу этого несчастного мира. Одни только лица были более выразительны, чем все принадлежности и прислужники, окружающие их на других картинах.

Второй момент, который следует отметить, это большая разница в принадлежностях, изображавшихся каждым художником вокруг того, или иного святого. Художники, кажется, чувствовали себя совершенно свободными от любых традиционных ограничений относительно того, какие эмблемы святости вложить в руки каждого отдельного архата, равно как и относительно животных, помещаемых рядом с ними. Например, первый из серии, хорошо известный Пиндола представляется следующими образами:

А. Гуань–сю: с волнистым посохом и сутрой.

Б. Чжаном из Цзинь–шуй: сидящим в «правильной позе» (со скрещенными ногами); белая обезьяна подносит ему фрукт, а слуга держит таз.

В. Художником, написавшим Шестнадцать *Лохань*, о котором говорит Хуан

292 Гл. 6, с. 10.

Тинцзянь: сидящий в «правильной позе» и делающий обеими руками мудра. Рядом с ним сидит царь и жжет благовония. Ребенок Кунь–лунь подносит золотую клетку, маленький буддийский монах предлагает патра. Рядом с ним ваза в цветами *вайдурья*.

Г. На вышивке, описанной в 1115 году Дэ–хуном: сказочный лев, почтительно глядящий на него[293]. Что касается животных, то на картинах Гуань–сю их нет. Три прочие группы изображают следующее:

Д. Дракон: Накула[294].
Тигр: Рахула.
Лев: Субхадра.
Змей: Пантхака.

Е. Дракон: Иньгада (Аньгаджа).
Тигр: Субинда (№ 4).

Ж. Дракон: Калика.
Сказочный лев: Пиндола и Аньгаджа (Иньгада).
Слон: Рахула.
Олень: Накула и второй Пиндола.

Этих примеров достаточно, чтобы показать полную произвольность, с которой художники подходили к эмблемам и символам божественной силы различных архатов. Не было никакого фиксированного правила, и каждый рисовал так, как хотел.

§ 26. Четыре стиля изображения *Лохань*

Нихон хякка дайдзитэн (т. 5, с. 253) перечисляет следующие четыре стиля изображения *Лохань*.

1. Гуань–сю (貫休) (писал 880–894), создавшего особое направление в живописи, Шэнь–юэ–пай (禪月派). По мнению японского автора статьи об архатах в этой Энциклопедии, картины, находящиеся в коллекции барона Такахаси (рассматривавшиеся выше, эта глава, § 19) представляют самый старый тип среди произведений этого рода (см. также наш лист V, рис. 7 и 8).

2. Ли Лунмяня (李龍眠) (умершего в 1106 г.). Центром распространения его стиля был Южный Китай; он был особенно моден в монастырях школы Дхьяна, и именно монахи этой школы привнесли его в Японию. Эта школа пропагандировала также культ 500 архатов, как мы видели выше. Способ, которым Ли Лунмянь изображал архатов, процветал с конца династии Южная Сун (существовавшей до 1279 года) до конца династии Юань (1279–1368) (см. наш лист IX, рис. 20; лист X, рис. 21).

---

293 На картине с тибетскими и монгольскими именами, репродуцированной Грюнведелем (см. выше, эта глава, § 14), Пиндола представлен с чашей для подаяний и книгой.

294 Дракон выходит из воды и выплевывает жемчужину в руку архата; этот дракон, очевидно, занимает место крысы, выплевывающей драгоценный камень, с которой было связано имя Накула.

Уродство и простота лиц Гуань–сю постепенно смягчались, и в стиле Ли Лунмяня главным предметом стало выражение чудесной силы архатов, а дополнительные моменты, такие как различные краски одежд и орнаменты стали считаться важными деталями. Этот стиль стал самым общим[295].

3. Чжан Сыгуна (張思恭), который был самым влиятельным в мире буддийского искусства во времена династии Южная Сун (1127–1279). Эти картины не столь наполнены жизнью, как написанные Ли Лунмянем. Красный был самым предпочтительным цветом; золото[296] использовалось для оттенков одеяний с целью представить прекрасное разнообразие цветов. Этот стиль пытается передать максимальную мягкость и грациозность.

Как образцы этого класса описываются картины архатов, представленные в Токё бидзюцу гакко (Токийской школе изящных искусств), а также восьмистворчатые ширмы из Хоккэкёдзи в японской префектуре Тиба.

4. Стль Лу Синьчжуна (陸信忠). Стиль Чжан Сыгуна становился все более и более реалистичным; наконец, *Лохань* стали изображать сидящими в своих кельях для поста в образе, ничем не отличающемся от повседневной жизни обычных мирян. Этот новый способ их изображения стал называться по имени Лу Синьчжуна.

В Сёкокудзи (相國寺) в Киото (названном в честь Сян–гуо–сы в Кай–фун–фу, где хранятся 500 *Лохань*; выше, гл. 2, § 20) сохраняются шестнадцать подлинных картин, на которых изображены 16 архатов, и подписанных "Лу Синьчжун из Ши–бань–ань (石板菴), что у Моста Повозок (車橋, Че–цяо) в Цин–юань–фу" (慶元府, т. е. Нин–бо–фу, 寧波府, названный Цин–юань при династии Сун, департамент и его столица в провинции Чжэцзянь). И вновь провинция Чжэцзян стала местом возникновения нового стиля письма; очевидно, она являлась не только центром культа 500 архатов, но и в целом занимала важное место в системе поклонения *Лохань*.

Имя Цин–юань указывает на сунское время; мы можем быть уверены, что Лу Синьчжун жил в конце династии Южная Сун (1279). Это также очевидно из стиля его работ, как мы узнаем от Тадзима, на которого ссылаемся ниже в этой главе, § 31 (наш лист V, рис. 9).

Ясно, что сунские художники уже не стремились имитировать жесткий, уродливый облик архатов Гуань–сю, и что они оставили путь старого танского мастера, пойдя своей дорогой мягкого романтизма и спокойной медитации. Таким образом, переход от сурового аскетизма архатов, с их отчаянным страданием, к спокойным и созерцательным святым был вполне логичен и гармонировал с духом тех времен. Неудивительно, что школа Дхьяна, оказавшая глубокое воздействие на художников Сун и вдохновившая их труды, превозносила новый стиль Ли Лунмяня (хотя и Гуань–сю также принадлежал к этой школе) и многое сделала для его процветания на долгие времена в южном Китае и Японии. Однако, в то

295 По мнению этого автора, нет доказательств тому, что Ли Лунмянь, которому традиция приписывает этот стиль, в действительности писал картины такого рода.

296 Золотая пыль; письмо позолотой, 金泥.

же время, художники династии Южная Сун, значительно уступавшие Ли Лунмяню по дарованию, с одной стороны преувеличивали мягкость, элегантность и яркость красок, делая этим ударение на внешнем облике в ущерб внутреннему величию, а, с другой, соскальзывали в поток натуралистического стиля, смывавший последние следы божественности и грандиозности святых (см. картины Шестнадцати *Ракан* Лу Синьчжуна, хранящиеся в Сёкокудзи, эта глава, § 31). Все же, могучее искусство Ли Лунмяня сохранило свои доминирующие позиции вплоть до конца династии Юань; а с начала Мин оно исчезло навсегда.

§ 27. Пропагандирование культа Шестнадцати Великих Архатов школой Дхьяна

Нихон хякка дайдзитэн (т. V, с. 252) сообщает нам следующие факты. С середины династии Тан и до конца Сун китайский буддизм основывался на доктрине Дхьяна, являвшейся его ведущим принципом. В те времена монахи Дхьяна использовали свои литературные таланты для повсеместного провозглашения идей и вкусов, соответствовавших их учению, и концепция Шестнадцати Архатов относилась к одному из основных его элементов. Гуань–сю, Великий Учитель Луны Дхьяна династии Тан был первым, кто написал их. Его стиль являлся вполне приемлемым для вкусов того времени, и позже многие авторы восхваляли его, например, Цэн Цзи и Су Дунпо, поэты династии Сун.

Затем некто, основывая свое изобретение на «Сутре о рождении Майтрейя в мире» (где упоминаются Четыре Великих Шравака), добавил Махакашьяпа и 君屠鉢漢 (Кундопадхания) к группе шестнадцати архатов, и, таким образом, при династии Сун поклонялись уже Восемнадцати *Лохань*. Некоторые ставили вместо последнего Нандимитра, однако это было явным заблуждением. Существует огромная разница между именами 16–ти архатов, приводимыми Су Дунпо, и теми, что мы находим в Фо–чжу–цзи (т. е. в способе их транскрибирования, так как имена те же; однако, Су Дунпо добавил Махакашьяпа и Нандимитра). Это различие можно объяснить тем фактом, что Фу–чжу–цзи являлась литературным источником, однако сама идея передавалась также и в устной традиции через индийских монахов.

Появилась книга под заголовком «Прославление знания *нидана* Шестнадцати Великих Архатов» (十六大阿羅漢因果識見頌). Хотя традиция приписывает ее перевод индийскому *шрамана* Жнянанатака (?) (闍那多迦), внутренняя ее структура свидетельствует о том, что она являлась произведением китайского монаха школы Дхьяна. В соответствии с предисловием, написанным мирянином Фань Чжунъянем (范仲淹), это была старая сутра, которую он случайно обнаружил в урне, когда путешествовал в Хо–дун (河東), и которая после этого сохранялась в Чин–тянь–сы (承天寺); когда позже ее показали известным служителям различных школ, не оказалось никого, кто бы видел ее, или слыхал о ней. В 1048 году старый буддийский монах от-

крыл некоторые подробности. В любом случае, автор написал ее после того, как Гуань–сю создал свои знаменитые картины. Такие литературные произведения пропагандировали культ Шестнадцати Архатов, и, поскольку у них были тайные связи со школой Дхьяна, то в Японию они попали именно через монахов этого направления. Указанная сутра состоит из одной главы в 112 *Гатха* по четыре строки из семи слов каждая. Каждому архату посвящено семь *Гатха*. По *Ракан* окэн дзн (с. 9), где также упоминается эта книга, о ней говорится в 佛法金湯 (разд. II, биография Чжун–яня) и в Фу–цзу тун–цзи (佛祖統紀), написанном в 1269–1271 гг. Монахом школы Тянь–тай Чжи–паном (志磐) (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1661). Больше в Буддийском Каноне она нигде не встречается, а также не цитируется ни в одной из буддийских книг.

§ 28. Идея о Восемнадцати Лохань, возникшая в X веке и имена двух добавленных святых

Концепция 18–ти, а не 16–ти *Лохань* впервые обнаруживается в стихах Су Дунпо, т. е. в конце одиннадцатого века. Если ему можно верить, то в конце династии Тан, т. е. в начале 10–го века Чжан из Цзинь–шуй написал 18 *Лохань*, которые он (Су Дунпо) описал и имена которых перечислил в своем «Восхвалении Восемнадцати Великих Архатов» (выше, гл. III, § 20).

В соответствии с работами 18–го века, цитированными выше (гл. III, § 15), золотые изображения 18–ти архатов из Цин–це–сы в Хан чжоу были отлиты между 954 и 975 гг. Если эти два заявления верны, то X век представляется временем, когда возникла идея о Восемнадцати *Лохань*. Однако, в 988 году Сун гао чан чжуань упоминает лишь группы из Шестнадцати *Лохань*, что подтверждает тот факт, что все еще доминировало это число. Таким образом, мы вполне можем считать, что династия Сун явилась именно тем временем, когда укоренилась новая концепция 18–ти *Лохань*, начавшая понемногу вытеснять число 16. Этот культ, популярность которого распространилась по всей китайском империи, никогда не процветал в Японии, куда идея почитания Шестнадцати *Ракан* была привнесена ранее. Однако, в 1211 году (Кэнряку, 1) картины с изображением 18–ти *Лохань*, (ложно) приписывавшиеся Гуань–сю, были привезены в Японию монахом школы Сингон Сюндзё (俊仍), который в 1199 году поехал в Китай, где учился в течение 12 лет, а затем вернулся на родину. С тех пор он жил и проповедовал в Сэнъюдзи (泉涌寺) в Киото. 18 картин хранятся в Кодайдзи, 高臺寺, также в Киото. Очевидно, однако, что эти 18 картин не оказали никакого влияния на культ 16–ти *Ракан* в Японии.

Кто были эти два дополнительных *Лохань*, которым поклонялись в Китае? Выше мы говорили, что самая старая традиция в лице Су Дунпо называет их Махакашьяпа и Кундопадхания (см. выше, гл. III, §§ 2, 12, 13, 20), 軍徒鉢歎 (Гунь–то–бат–хань).

Однако, тот же поэт, в своем Восхвалении 18–ти *Лохань*, написанных Гуань–сю, дает им неверные имена Нандимитра и Пиндола, включая этих двух Пиндола в

одну группу и добавляя архата, о котором в Фо–чжу–цзи говорится, что он разъяснял все, относящееся к Шестнадцати Великим Архатам. Та же ошибка была допущена в каменных изображениях, вырезанных в 1764 году Мин–шуем по образцу картин Гуань–сю из Син–инь–сы у Западного Озера (выше, гл. III, § 19б G). Здесь Су Дунпо мог следовать неверному наименованию картин, переданному ему монахами Бао–линь–сы, где эти картины хранились. Однако за несколько лет до этого он воспользовался правильными именами, когда описывал и восхвалял картины Чжана, так как вполне логично, что первые двое из Четырех Великих Шравака были приняты в группу святых и даже поставлены впереди их, в особенности оттого, что двое других уже принадлежали к этой группе[297].

В 1757 году император Гао Цзун при восхвалении архатов Гуань–сю из Син–инь–сы исправил одну ошибку, указав Кашьяпа вместо второго Пиндола, однако оставил Нандимитра, вероятно, из–за смутности образа Кундопадхания.

Интересно отметить, что японская работа 15–го века *Онрё кэннитироку* (蔭涼軒日録), дневник, в котором описываются события с 1435 по 1466 годы, в котором после большой лакуны (образовавшейся, вероятно, от потери части манускрипта) рассказывается о 1489 и 1490 годах[298], упоминает картины 18–ти архатов. Там мы читаем (29–й день второго месяца второго года эры Тёроку, т. е. 1458): «18 архатов (т. е. их картины) висят на стенах (храма). Это количество образовано добавлением Нандимитра и Шэнь–юэ даши (Гуань–сю) к 16–ти архатам». Так сам художник был поднят до ранга архата и принят в сообщество своих любимых святых! (См. выше, эта глава, § 19 F).

Выше мы видели (эта глава, § 14), что и в Ламаизме были известны 18 архатов. Это произошло, безусловно, под китайским влиянием, однако ламаисты, игнорируя два добавленных имени, вместо Махакашьяпа и второго из Четырех Великих Шравака взяли Дхарматрата, знаменитого Бхаданта из Гандхара, как семнадцатого, и «Смеющегося Будду», Бу–дай, как восемнадцатого в группе. Последний, однако, отсутвтует на картине, репродуцированной профессором Грюнведелем, а первый представлен, как поклоняющийся мирянин, без нимба, т. е. стоящим ниже Шестнадцати Архатов.

Бу–дай также обнаруживается в Китае среди 18–ти *Лохань* в более позднее время, когда оригинальные имена были уже забыты.

§ 29. Восемнадцать Лохань в наши дни.

Когда профессор де Гроот был в Амое, он распорядился сделать два набора маленьких копий деревянных изображений тамошних буддийских храмов. Один из этих наборов хранится сейчас в парижском Musét Guimet, а второй в Лейденском Этнографическом музее. Их названия приводятся следующим образом.

297 *Сань–цай ту–хуэй*, 三才圖會, составленная Ван Ци 王圻 в последней четверти шестнадцатого века, дает имена Кашьяпа и второго шравака, как первое и второе в группе *Лохань*, за которыми следуют Пиндола и прочие.

298 См. *Кокусё кайдай*, с. 298, где сказано о другом пробеле - с 1441 по 1461 год; возможно, это ошибка, так как мы располагаем отрывком, цитируемым у Омура (гл. V, с. 7), где приводится 1458 год.

Триратна (Буддха, Дхарма, Сангха), сидящий на цветке лотоса между двух охранителей Закона, а именно: Веда Дэва (韋陀天, яп. Ида Тэн) и Дхармапала (護法, «Охраняющий Закон»). Две эти фигуры представлены стоя; первый как воин с мечом, лежащим на его руках, а второй в угрожающей позе, с красным лицом, замахивающимся топором, дабы защитить Закон от демонов зла. Веда Дэва – «сказочный бодхисаттва, первый предводитель армии Чатур Махараджа (Четырех Царей–Дэва, Охранителей Мира). Доблестный защитник буддизма, чья статуя с обнаженным мечом помещается у входа в каждый монастырь» (Eitel, s.v.). Дхармапала – общий термин для «Охранителей Закона», а также имя конкретного бодхисаттвы.

Ананда и Махакашьяпа (старик) оба стоят с благоговейно соединенными руками и глядят на Триратна. Первый стоит слева, второй справа, немного впереди Триратна.

По каждую сторону вдоль стен на камнях сидят по девять архатов.

1. Ананда (второй патриарх).
2. Яшас.
3. Маудгалъяяна.
4. Аджнята Каудинья.
5. Дхитика.
6. Капимала (12–й, или 13–й индийский патриарх).
7. Рахулата (15–й, или 16–й индийский патриарх).
8. Арьясимха (23–й, или 24–й индийский патриарх).
9. Бодхидхарма (28–й индийский патриарх, 1–й китайский патриарх)
10. У Ди (武帝).
11. Чжу Танью (竺曇猷).
12. Бао–чжи (寶治).
13. Бу–дай (布袋).
14. Сан–цзя да–ши (僧伽大師).
15. Пу–хуа (普化).
16. Архат с Буддой в своем сердце.
17. Архат с длинными бровями.
18. Архат, чешущий свое ухо.

Здесь мы видим, что в позднейшие века исходные имена 16–ти и 18–ти архатов были совершенно забыты, а вместо них изобрели странную комбинацию из знаменитых учеников Будды, патриархов, ревностного китайского императора, знаменитых китайских монахов пятого, шестого и девятого веков и троих фиктивных, безымянных архатов. №№ 1–9 относятся к Индии, №№ 10–15 к Китаю, а три последних архата представляют эту категорию в целом.

Император У Ди, правивший с 502 до 549 года и основавший династию Лян, был весьма ревностным буддистом. Мы узнаем от Giles (Chin. *Biogr. Dict.*, nr. 720 s.v. Hsiao Yen), что «он жил на монашеские средства и принимал пищу лишь раз в

день; в двух случаях, в 527 и 529 годах он фактически принимал постриг. Он также написал 慈悲道場懺, буддийский ритуал в 10 свитках. Он был добр, учен, бережлив и усерден, но так и не смог предотвратить ограбления народа своими чиновниками. Воспринимая совершенно буквально буддийскую заповедь «не убивай», он заставлял делать жертвенных животных из теста». Он изображен с длинной черной бородой и держащим книгу (вероятно, написанный им ритуал) в правой руке.

Чжу Танью («Индийский монах 'Схема Закона'») был, по описанию де Гроота, которому мы здесь следуем, знаменитым буддийским монахом 4–го, или 5–го века. Ни он, ни следующий архат не упоминаются в *Nanjo*'s Appendix II. Он сидит на черном тигре и держит в правой руке кольцо.

Ши Баочжи (釋寶治), высокий монах в шапке и одеянии, безо всяких предметов, также являлся прославленным служителем и современником У Ди. Это, вероятно, Бао Чжи (寶誌), о котором мы читаем следующее в Giles's Biographical Dictionary, nr. 1622: «Умер в 514 году. Уроженец Нанкина, фамилия – 朱 Чжу, ребенком был найден в гнезде ястреба. Принадлежал к школе Бодхидхармы, в защиту которой писал и проповедовал. В 466 году начал путешествовать и явил чудесную способность появляться одновременно в двух, или трех местах. Существует много историй о его магической и пророческой силе. Основатель династии Лян (У Ди) был его ревностным последователем, позволяя ему приходить во дворец в любое время по желанию». Здесь мы обнаруживаем истинного архата, которому поклонялись, как божественному созданию из–за его магической силы. Иероглиф 治, *чжи*, вероятно, ошибочно использован вместо 誌, *чжи*.

Ци–цзы[299] (契子), т. е. Бу–тай Хуо–шан, 布袋和尚, «Почтенный с полотняным мешком», прозвище – «Смеющийся Будда» (яп. Хотэй), монах шестого века, которого после смерти почитали, как инкарнацию Майтрейя, изображен, как всегда, толстым, с обнаженной грудью и животом, держащим большой мешок.

Сан–га Да–ши (僧伽大師), «Великий Учитель Сангха», был монахом западного происхождения, жившим в Китае на протяжении шестого века[300]. Он сидит на камне, держа в правой руке метелочку от мух.

Пу–хуа Хуо–шан (普化和尚), «Почтенное Всеобщее Превращение», был монахом, жившим в 9–м веке в Чжэнь–дин–фу (鎮定府), что в провинции Бе–чжили. На нем шапка и одеяние высокопоставленного служителя, в правой руке он держит храмовый колокольчик.

«Архат с Буддой в сердце» представляет истинного архата, как он описан в «Трактате Царя Сердца» (心王銘) монахом Фу–си (傅翕) пятого века. Обеими руками он вскрывает себе грудь, в центре которой видна голова Будды. Этот архат сидит со скрещенными ногами, у него черная борода и черные брови.

299 См. Wells Williams, Syllabic Dict., s .v. K'i: k'i tszĕ, усыновленный, или посвященный ребенок, что делалось родителями, в частности, при заболевании; буддийское монашество состоит в основном из подобных детей.

300 NANJO (App. II, no. 102, p. 422) упоминает западного монаха Сангхапала, или Сангхаварман, который пришел в Китай, перевел 10, или 11 трудов и умер в 520 году.

«Архат с длинными бровями» – старик со снежно–белыми волосами и бровями. Он сидит в молитвенной позе. Выше мы видели (эта глава, §§ 19, 22, 23), что и в древности один из Шестнадцати, или Восемнадцати *Лохань* – Калика, или Пантхака, или Накула (Вакула) изображались с очень длинными бровями, являвшимися, вероятно, знаком мудрости.

«Архат, чешущий себе ухо» делает это при помощи маленькой кисточки, которую держит в правой руке. Верхняя часть его тела частично обнажена.

Подобная же комбинация архатов, также связанных в Веда дэва, обнаруживается в альбоме из двадцати миниатюр, написанных на фиговых листках, сперва хранившемся в коллекции Klaproth'a, а теперь в Musée Guimet, однако там отсутствует Ананда. Странно, что в амойской группе этот архат, помещенный вместе с Махакашьяпа перед Буддой, поскольку эти двое считаются его главными учениками, второй раз представлен как глава 18–ти архатов. Это явное подтверждение того факта, что выбор имен был весьма спорным. Древние имена и их источник, Фо–чжу–цзи, были забыты; вместо них была изобретена странная смешанная композиция.

В интересной работе Бёршмана о Пу то шань[301] приводится план Да–тянь (大殿, «Большого Зала») в Фо–юй–сы (法雨寺), где 18 Архатов установлены вдоль стен, по девять с каждой стороны. Вместо Триратна три различных формы Гуань–инь, которой посвящен храм, занимают центр зала, сопровождаемые другими фигурами Гуань–инь, Майтрейя и прочими. Ди–цзан с двумя прислужниками виден позади в левом углу, а Веда дэва стоит на переднем плане слева; второй «Охранитель Закона», Дхармапала, отсутствует.

В другом зале того же святилища[302], Фо–тан (法堂, «Зале Закона») установлена другая триада: Шакьямуни, Бхайшаджьягуру (Ё–ши, 樂師, «Учитель излечения») и Амитабха; два изображения Гуань–инь стоят перед Шакьямуни. Ананда (молодой) и Махакашьяпа (старый) поклоняются Триаде, как и в других храмах, в которых Триратна занимает главенствующее положение. По бокам у них стоят Ди–цзан, Гуань–инь (комбинация двух спасителей из ада, о которых мы писали в других работах[303]), а также Тысячерукая Гуань–инь. На переднем плане мы видим Гуань–ди, китайского бога войны (левая стена) и Веда дэва (правая стена); таким образом, Гуань–ди действует, как «Охранитель Закона». Вдоль стен укреплены картины Шестнадцати *Лохань*.

Бёршман замечает, что количество статуй архатов в храмах почти всегда восемнадцать, тогда как их рельефов и картин в большинстве случаев шестнадцать. Он предполагает, что сильно развитое у китайцев чувство ритма сыграло, возможно, важную роль в этом выборе числа восемнадцать вместо исходного числа шестнадцать при расположении статуй архатов вдоль двух боковых стен храмовых залов. Девять статуй, говорит он, более пригодны

301 Boerschemann, *Die Baukunst und religiöse Kultur der Chinesen*, Band I, P'u t'o shan, p. 85.

302 Там же, сс. 121 и далее.

303 T*he Bodhisattva Ti–tsang (Jizo) in China and Japan*, Sect. II, Ch. V, § 5, p. 63.

для расстановки вдоль стен, нежели восемь, так как в первом случае центр оказывается занят.

Выше мы видели, однако, что во времена династии Сун, когда распространилась идея 18–ти *Лохань*, было известно несколько наборов картин, представляющих этих 18 святых. Более того, тот факт, что первых двух из Четырех Великих Шраваков не было среди исходной группы 16–ти архатов, явно побудило некоторых монахов добавить эти две фигуры к остальным. Возможно, их изобретение было благосклонно принято остальными монахами из–за святости числа девять (три раза по три), хотя в буддизме число восемь играло гораздо большее значение, чем девять. Относительно изображений в двух залах Фо–юй–сы мы можем заметить, что в первом Ананда и Махакашьяпа, поклоняющиеся Триаде, стоят не в центре, как во втором. В этом может быть причина того, что вдоль стен первого зала размещены восемнадцать *Лохань*, и лишь шестнадцать представлены на картинах, висящих на стенах второго. Это может указывать на более старый обычай помещать двух из восемнадцати архатов, как самых важных из них, перед Триратна, а шестнадцать остальных — вдоль стен. Исходно двое этих выдающихся архатов могли считаться двумя первыми из Четырех Великих Шравака, Махакашьяпа и Кундопадхания, а из–за малоизвестности последнего, любимый ученик Будды Ананда вскоре занял его место. Позже то, что они относились к Восемнадцати Архатам, забылось, и по обе стороны зала было установлено по девять фигур. В этом, возможно, причина того, отчего в амойском храме, упоминавшемся выше, Ананда представлен дважды: первый раз, как одна из двух центральных фигур, поклоняющихся Триратна, а во второй — как один из Восемнадцати Архатов.

Что касается двух центральных архатов, то их также можно увидеть на интересной картине, репродуцируемой Бёршманом. На этой картине, также с Пу то шань, нам показан Шакьямуни, сидящий со скрещенными ногами на лотосовом троне с поднятой правой рукой в молитвенной позе. По обеим от него сторонам мы видим большое количество мелких фигур, у всех их ладони почтительно сложены, например Гуань–инь и десять остальных бодхисаттв (вероятно — прочие формы Гуань–инь, стоящие на цветках лотоса), восемнадцать архатов, по девять с каждой стороны. Старый Махакашьяпа (слева от Будды) и молодой Ананда (справа от Будды) стоят ближе всего к Повелителю, а восемь (не девять) других архатов стоят рядом с ними. У всех архатов за головами круглые нимбы, как и у прочих фигур; среди них есть и архат с длинными бровями. Эта картина вполне подтверждает тот факт, что Кашьяпа и Ананда, как считалось, принадлежали к восемнадцати *Лохань*, и что там, где их ставили в центре, вдоль стен должно было быть два ряда по восемь *Лохань*.

Эдкин, описывая «Великий Зал» китайских буддийских храмов, говорит, что этот зал посвящен образам Будды Шакьямуни и избранному числу его учеников. «Он представлен в созерцательной позе, сидящий на сидении из лотосовых листьев; Ананда, фигура молодого человека, и Кашьяпа, старик,

помещены справа и слева от него. На восточной и западной сторонах зала расставлены фигуры восемнадцати ‘Архан’ (Ло–хань). Они изображены с символами различного вида сверхъестественной силы, символизированными в некоторых случаях дикими животными, притаившимися рядом с ними. Они слушают Будду, некоторые — погрузившись в размышления, некоторые — с удовольствием... Этот зал, самое высокое и самое большое строение во всем монастыре, назван одним из титулов Будды, Да–сюн (大雄), или ‘Великий Герой’ (на санскрите — вира) с дополнением слова бао, ‘драгоценный’ (大雄寶殿, Бао–тянь, ‘Драгоценный Зал Великого Героя’)”[304].

В центральном зале мы находим Будду с Вэнь–шу и Пу–сянь (бодхисаттвами Маньджушри и Самантабхадра), Ананда и Кашьяпа (“один держит свернутый свиток — эмблему своего великого труда, компиляции сутр; другой опирается на посох, символ его обязанностей, как наследника Будды в патриаршей линии. Они без головных уборов и с выбритыми головами”) и восемнадцать архатов, “говорящих о себе, о своих сверхъестественных силах, знании, благодати, которую получили, внимая учению Будды, от своих побед над злом и защищая добро, путем выражения своей мудрости и удовольствия, которые художник постарался отобразить на их лицах”. Иногда представлены также Брахма и Шакра (с. 243).

В храме на западных холмах рядом с Пекином, где Шакьямуни, Авалокитешвара и Махастханапрапта образуют триаду (по Эдкинсу, однако я предполагаю что Будда там — Амитабха), «бумажные копии картин шестнадцати *Лохань* из Хан–чжоу висят на боковых стенах. Считается, что они были созданы во времена династии Тан. В позднейший период число их составило восемнадцать. Шестнадцать из них были индусами, и на пятой по порядку есть санскритские литеры». (с. 249).

«В маленьком храме под названием Хун–фо–тан, прямо за одним из двух больших монастырей на Пу–до–шань есть интересные изображения восемнадцати архатов, пересекающих море. Они сидят на различных морских животных. Имена персонажей — все индуистские и незнакомы на слух... Поэтому их часто заменяют именами хорошо известных божеств, такими как Гуаньинь, Майтрейя и Ди–цзан–ван (!). Последний сидит на большом морском четвероногом звере вместе с вышеуказанными. Пока он спит, из его головы выходит звезда, испускающая яркий свет... Бодхидхарма представлен сидящим на том, что названо ‘однорогим бессмертным быком’. На плече у него лежит жест с привязанным к нему одним башмаком... Маньджушри сидит на морском демоне. Тигр нашептывает ему что–то на ухо. Так он узнает, что делают люди, находящиеся далеко от него... Гуань–инь сидит на каком–то другом морском животном. Он извлекает из земли эликсир жизни. В своем течении он превращается в духа звезды”. (с. 263). Как ранее заметил сам Эдкинс, имена бодхисаттв заменили имена архатов, поэтому мы можем быть уверены в том, что эти фигуры с тигром и тыквой представляют собой не бодхисаттв, а архатов.

304 *Chinese Buddhism*, sec. ed., p. 241.

В двух больших монастырях на Пу–до–шань “18 *Лохань*, обычно помещаемые в центральный зал храма, обнаруживаются в боковых часовнях, а их место занимают 32 фигуры Гуань–инь” (с. 263).

В интересной книге Хакмана под названием “Буддизм, как религия”, содержатся следующие отрывки, относящиеся к архатам.

В Ламаизме Маудгалаяна и Шарипутра (любимым ученикам Будды), Кашьяпа и Ананда, и Упали поклонялись, как самым знаменитым последователям Учителя. “Далее, существует группа из шестнадцати особо важных апостолов, так называемых архатов, которые изображаются всегда вместе, как ‘шестнадцать крепких носителей учения’. В Корее и Японии их остается шестнадцать (а не восемнадцать), как это было и в ранне–китайском буддизме.”

В Китае самыми важными учениками считаются не Маудгалъяяна и Шарипутра (как мы обнаруживаем это в южном буддизме), но Ананда и Кашьяпа,– самые значительные архаты. “Эти двое представляются по обе стороны от Будды Гаутама: Ананда, как молодой человек, а Кашьяпа – как старик, оба в почтительных позах со сложенными руками. Другая группа учеников Будды – так называемые восемнадцать *Лохань*. В более старых монастырях иногда обнаруживается их исходное число – шестнадцать. Предание приписывает им историческую базу (один из них — Бу–дай хо–шань, инкарнация Майтрейи, ‘Смеющийся Будда’). Их значимость состоит в охранении учения Гаутама. Имеется еще большее собрание из 500 *Лохань*, которых мы находим лишь в нескольких храмах, где они занимают все помещение. Среди этих 500 можно заметить не только нескольких китайских императоров, поощрявших буддизм, подобно Кан–си и Цянь–луну (т. е. императоры, правившие в те эпохи), но в храмах Кантона и Ханчжоу даже знаменитый европейский путешественник тринадцатого века Марко Поло включен в число этих охранителей буддийской веры» (!) В книге Юля «Марко Поло», 3–е изд., т. 1, с. 76 Вайли в Предисловии отвергает это заявление (по крайней мере, в отношении Кантона). Однако проф. Хакман, как он добавляет в примечании, своими распросами и личными наблюдениями подтвердил правильность этого для Ханчжоу, а также и для Кантона.

Что касается того, что в некоторых храмах Шакьямуни представлен между Маньджушри и Самантабхадра (первый сидит на льве, а второй на слоне), а в некоторых храмах — между Ананда и Кашьяпа, то мы может заметить, что первый — доктринальный будда Махаяны, а второй — исторический будда Хинаяны. Лицо первого излучает милость и сострадание и лишено каких бы то ни было индийских черт, тогда как у второго оно вполне индийское. Невежественные художники или скульпторы часто ошибочно совмещали исторического Будду с двумя бодхисаттвами, или доктринального Татхагата с двумя архатами.

В школе Дхьяна архаты считаются основателями их учения. Поэтому большая часть тех, кто с древнейших времен в Китае и в Японии писал изображения архатов, или прославления им, являлись монахами Дхьяна, или сторонниками этой школы.

C. ШЕСТНАДЦАТЬ И ВОСЕМНАДЦАТЬ *РАКАН* В ЯПОНИИ

§ 30. Цветные картины 18 архатов, приписываемые Гуань–сю и привезенные в Японию монахом Дзэн Сюнсё в 1211 г., все еще сохраняемые в киотосском храме Кодайдзи школы Риндзай

Архаты, изображенные, как отшельники, живущие в глубине гор, обнаруживаются на стенных рисунках в Хорюдзи в Нара (7–й век). Далее, существуют 94 картины архатов, поднесенных Дайандзи в 8–м году эры Тэмпё (729)[305]. Однако, эти фигуры были представлены, как верховные *бхикшу*; гораздо позже появились божественные группы Шестнадцати, Восемнадцати и Пятисот Архатов.

Гэнко сякусё (元享釋書)[306], хорошо известная буддийская работа, написанная до 1346 года монахом Сирэном (師錬), упоминает картины 18 архатов, привезенных из Китая монахом Сюнсё (俊芿). Этот монах, имя которого в Избранных Реликтах и в *Кокка* ошибочно произносится, как Сюндзё (монах Сюндзё, 俊乘, чей портрет обнаруживается в Избранных Реликтах VII, рис. 18, — совершенно другое лицо), принадлежал к школе Санрон. В 1199 году он поехал в Китай, где учился 12 лет, после чего вернулся в Японию и в киотосском храме Сэнъюдзи (泉涌寺) проповедовал ученик Кайрицу, или Виная. В 1883 году ему было дарован посмертный титул Гэцурин Дайси (月輪大師). В отрывке из *Гэнко сякусё* говорится следующее: «Что касается изображений (т. е. картин) 18–ти архатов, привезенных Сюнсё в Японию (из Китая), то они были подарены ему *бхикшу*ни (монахиней) из Кай–хуа–сы (開化寺) по имени Цзин–да–ши (正大師). Та сказала ему: 'Увидев твое лицо, (я обнаружила, что) оно напоминает 17–го *Лохань* Нандимитра (慶友). Предполагаю, что ты — не обычный человек и потому дарю тебе эти картины. Я хотела бы, чтобы ты вернулся в свою страну и побуждал людей глядеть на них с почтением'. Когда Сюнсё прибыл в Мин–чжоу (明州), т. е. Нин–бо–фу в провинции Чжэцзянь, вышел Цуй Яньчжу (翠岩主) и, увидев картины, сказал: 'Это работа Шэнь–юэ да–ши (禪月大師, т. е. Гуань–сю) династии Тан. Ранее я видел одну из них, но больше — ни разу. То, что ты обрел их, можно назвать редчайшим чудом. В древности повелители тщательно сохраняли их в своих дворцах, и людям было непросто даже взглянуть на них, не говоря уже о том, чтобы подержать в руках! До сегодняшнего дня сохранился лишь второй набор копий кисти Ю–ван–шаня, и даже те считаются тайным сокровищем. Ценность этих изображений невыразима. Храни их и возвращайся к себе в страну; они станут не только божественным богатством для тебя, но послужат символом счастья для всей Японии (海東之幸).'

305 См. Омура, гл. 6, с. 8.

306 *Гэнко сякусё*, гл. 13, *Кокуси тайкэй*, т. 14, с. 860.

Омура (гл. 4, с. 9), цитирующий *Хонтё кособдэн* (本朝高僧傳, написано в 1702 году буддийским монахом Сибаном, 師蠻, гл. 58), где приводятся те же детали, замечает, что эти картины (теперь сохраняемые в храме школы Риндзай Кодайдзи в Киото) полностью отличаются от тех, что хранятся в Син–инь–сы (聖因寺) рядом с Западным Озером в провинции Чжэцзянь и описаны в 1757 году императором Гао Цзуном, которые в дальнейшем стали известны по каменным изображениям Мин–шуя (1764), и которые по большей части совпадают с картинами, находящимися в распоряжении барона Такахаси (выше, эта глава, § 19, G). Поэтому Омура не считает, что они являются работой Гуань–сю[307]. Мы полностью с ним согласны. Во времена несколько рисунков архатов появились и приписывались Гуань–сю, однако они не имели никакого отношения к его произведениям. Такой набор и был, очевидно, подарен Сюндзё, который с радостью привез его домой. *Кокка* (№ 253, рис. 1 и 4, с. 359), наш Лист V, рис. 7, приводит две из этих картин и вкратце описывает их. Говорится, что из 18–ти архатов, упоминаемых в *Гэнко сякусё*, осталось лишь 16; что стало с двумя остальными — неизвестно. Поскольку сходство с работой Гуань–сю заключается лишь в форме фигур и в композиции, но не в мазках и цветах, которые «слишком умелы для древних картин того периода, выдавая все признаки школы Южная Сун», писатель приходит к выводу, что некоторые художники того времени нарисовали их в стиле Шэнь–юэ.

Тадзима (Избранные Реликты, VI, рис. 9) придерживается того же мнения, и также хвалит расцветку, «острое и сильное использование кисти».

§ 31. Другие китайские картины 16–ти и 18–ти архатов, или некоторых из них в Японии (в Сэйрёдзи, Хоккэкёдзи, Сёкокудзи, Сёходзи, Мёсиндзи, Рюко–ин), картины, приписываемые Янь Хуэю (начало династии Юань, конец XIII в.) (в Тёдзюдзи, Рэйундзи и, ранее, в Хосякудзи), а также в частных коллекциях

По Омура (гл. 6, с. 19), старейшими китайскими картинами 16–ти *Лохань* в Японии являются хранящиеся в храме школы Дзёдо Сэйрёдзи (清凉寺) в деревне Сага (嵯峨村) района Катоно (葛早郡) киотосского департамента. В первом году эры Эйэн (987) эти шестнадцать картин были привезены из Китая в Японию монахом Тёнэном. Омура не говорит нам, где он нашел упоминание об этом факте, но его заявление подтверждает Ёсида Того в его *Дай Нихон тимэй дзисё* (т. 1, с. 3, s.v. Seiryōji). Среди сокровищ этого храма ученый упоминает деревянную статую Шакьямуни, изображения в рост Десяти Великих Учеников и шестнадцать картин с

307 Это полностью относится и к картине с изображением архата Калика (теперь — в Императорском Музее в Уэно, Токио), приписываемой Гуань–сю в Сёсанриндо сёга бумбо дзуроку, написанной в 1854 г. Итикава Бэйаном (в Эдо, 1778–1857), т. 1, рис. 1, сс. 1 и далее. См. т. 6, сс. 6 и далее, похвала 18–ти *Лохань* Лай Цзычжи династии Цин, датированная 12–м годом Кан–си, т. е. 1673.

изображениями Шестнадцати Архатов, все привезенные из Китая Тёнэном. Васи–но–о Дзюнкё (鷲尾順敬), ученый автор *Нихон буккэ дзиммэй дзисё* (日本佛家人名辞書, опубликованной в 1903 году, s.v. Chōnen, cc. 829 sq.) также говорит об изображении Шакьямуни и рисунках Шестнадцати Архатов, с которыми Тёнэн вернулся в Японию и который были поднесены Сэйрёдзи.

Нихон хякка дайдзитэн (т. 5, с. 253), однако, говорит, что эти картины приписываются Ли Лунмяню (см. выше, эта глава, §§ 21 и 26), умершему в 1106 году, но что по стилю они ближе к работам Чжан Сыгуна династии Южная Сун (1127–1279). Это заявление столь радикально отличается от мнений Омура, Ёсида и Васи–но–о, что мы не знаем, что думать по этому поводу. Однако, перед тем, как разыскивать другие сведения, мы сочли нужным придерживаться традиционных представлений о том, как Тёнэн привез эти картины. Он был монахом Санрон, а позже храм стал святилищем школы Дзёдо.

Кокка (№ 154, Лист I и II, наш Лист V, рис. 8) репродуцирует две из этих картин (Махакашьяпа и Нагасена) и замечает, что Шестнадцать Архатов из Сэйрёдзи "особо выделяются среди многих изображений на ту же тему, предполагаемо принадлежащих кисти древних китайских мастеров. На протяжении последовавших восьми веков указанные шестнадцать картин тщательно сохранялись, а время лишь добавляло им классической красоты». «По преданию, подтверждаемому многими древними писателями, эти ценные картины вместе со статуей Шакьямуни и копией буддийских писаний (5480 свитков печатной Трипитаки) были привезены из Китая известным монахом Тёнэном. Упомянутой статуе до наших дней поклоняются, как основному божеству Сэйрёдзи, однако священные книги к сожалению были уничтожены во время восстания в середине 15–го века». Что же до Тёнэна, то он поехал в Китай в 983 году вместе с шестью своими учениками и удостоился от китайского императора Тай–цзуна подарков: пурпурного одеяния священнослужителя и титула Фо–цзы да–ши (法斎大師), «Великий Учитель, Помогающий Закону». Автор статьи в *Кокка* далее пишет, что остается непроясненным — были ли эти картины действительно созданы в начале династии Сун или, как утверждают некоторые критики, — в конце этой династии, или даже во времена Юань. Если они относятся к началу Сун, то их «можно считать великолепными примерами живописи того времени».

Таки Сэйити (*Кокка*, № 238, сс. 281 и далее) упоминает четыре набора китайских картин архатов в Японии, которые можно считать действительно полезным материалом для сносок: хранящиеся в Сэйрёдзи, Дайтокудзи, Кодайдзи и в Токийской Школе Изящных Искусств. Он заявляет, что более пристальное исследование находящихся в Сэйрёдзи развеяло его сомнения и «окончательно подтвердило верность предания; экспрессия фигур и манера их изображения отделяют их от подобных изображений более позднего времени». Он объявляет их единственным неоспоримым образчиком картин архатов времен династии Северная Сун, а те, что хранятся в Дайтокудзи — единственными оставшимися от времен Южной Сун.

Тадзима (Избранные Реликты, IV, рис. 6 и 7) приводит две из этих картин (Калика и Рахула) и говорит, что «они, без сомнения, являются творением одного из способнейших художников начала династии Сун».

Имена архатов записаны в одном из верхних углов на каждой картине. Интересно, что один из них назван Махакашьяпа, хотя всего в наличии лишь шестнадцать картин. Этот факт, похоже, упущенный японскими критиками и учеными, позволяет нам предположить, что их исходным числом было восемнадцать, так как Махакашьяпа и второй из Четырех Великих Шравака являлись, как мы видели выше, двумя дополнительными архатами в группе из Восемнадцати Архатов.

Другой китайский набор из 16–ти *Лохань* (по Омура, не упоминающему свой источник информации, их было 18) был преподнесен в 1074 году храму Дайундзи (大雲寺) в Киото монахом школы Тэндай Дзёдзином (成尋, 1011–1081). Об этом мы узнаем из *Нихон буккэ дзиммэй дзисё* (s.v. Jōjin, p. 675), где говорится, что он получил эти картины в подарок от китайской императрицы и оставался в Китае с 1072 по 1074 год. В ходе времени картины исчезли.

Храм школы Нитирэн в префектуре Тиба, района Хигаси Кацусика, в деревне Накаяма, именуемый Хоккэкёдзи (法華經寺), владеет парой восьмичастных ширм, на которых изображены Шестнадцать Архатов. Это китайские картины, относящиеся к третьему из четырех стилей, пронумерованных выше (эта глава, § 26), а именно — Чжан Сыгуна (張思恭) времен династии Южная Сун. Особенности этого стиля — красный, золотой и много других прекрасных цветов, мягкие и грациозные линии, также представленные на картинах с архатами, хранящихся в Школе Изящных искусств в Токио (Токё бидзюцу гакко).

Четвертый класс, упоминавшийся в том же параграфе, реалистический стиль Лу Синьчжуна (陸信忠), мы обнаруживаем в Сёкокудзи (相國寺) в Киото, в третьем из пяти великих храмов школы Риндзай (五山). Этот художник, живший очевидно в конце династии Сун, подписал работу своим именем, как мы писали выше.

Кокка (№ 255, Лист I и VI, сс. 33 и далее, наш Лист V, рис. 9) приводит две из этих картин. Мы считаем, что на некоторых из них стоит следующая подпись: “Нарисовал Лу Синьчжун, улица Ши–бань, Че–цяо в Цин–юань–фу” (慶元府車橋石板巷陸信忠). Ни в одной из китайских работ мы не находим упоминания об этом художнике, и другие картины которого хранятся в Японии. Автор статьи в *Кокка* приписывает этот странный факт ситуации в его родном городе. Цин–юань–фу, в настоящее время — Нин–бо–фу на побережье в провинции Чжэцзянь являлся воротами для всех коммуникаций между Китаем и Японией. Этот факт объясняет присутствие лучших произведений автора в Японии. На протяжении второй половины периода Южная Сун он назывался Цин–юань–фу. Отсюда автор выводит, что Лу Синьчжун жил в Юань в то время или немного ранее. Он замечает, что эти архаты, в отличие от изображенных Гуань–сю, не являются сугубо индийскими типажами, но модифицированы под китайским влиянием. Он хвалит изящество линий и переходы цветов, хотя некоторые из черт весьма странны. На этих картинах мы видим

оригинальность вспомогательных сцен, которые на картинах архатов представлены вариативностью как жестов, так и предметов. Жаль, что эта "оригинальность" иногда приводит к странным результатам, как например, на листе VI, где архат глядит на двух драконов, пытаясь поймать сверкающую молнию (или жемчужину).

Тадзима (Избранные Реликты V, Лист 15 и 16) отсылает к Соами (宗阿彌), псевдоним Синсо (眞相), хорошо известному художнику, поэту и мастеру чайной церемонии, пребывавшему в большом почете у сёгуна Ёсимаса (1435–1490). В своей работе, озаглавленной *Кундайкан саютёки* (君臺觀左右帳記, «Детализированные записи увиденного во дворце сёгуна») художник упоминает картины Лу Синьчжуна с изображением Десяти Повелителей Ада[308], архатов и Шакьямуни. Это — единственное, что мы знаем об этом художнике. Тадзима говорит также, что его работа напоминает произведения конца Сун и начала Юань, и что архаты из Сёкокудзи — лучшие из его произведений, сохранившихся в Японии.

Тадзима (Избранные реликты III, листы 11 и 11a) (наш Лист VI, рис. 11) репродуцирует два китайских портрета архатов, сохранившихся в храме школы Дзёдо Сёходзи (正法寺) в Ямасиро. Относительно этого храма Ёсида Того (*Дай Нихон тимэй дзисё*, I, c. 60, s. v.) упоминает святилище с этим названием, расположенное к востоку от Киото и называющееся также Рёдзэндзи (嶺山寺). Этот храм был воздвигнут в 1–й год эры Канко (1004) и относится к школе Тэндай. В 3–м году Эйтоку (1383) он стал святилищем ветви Юко школы Дзи. Храм школы Дзёдо с этим названием, расположенный в Ямасиро, не нашел места в обширном лексиконе Ёсида. Тадзима заявляет, что эти картины были написаны Ши ко (石恪), чье личное имя было Цзы–чжуань (子專) и который родился в Чжэн–ду (成都) в Западном Шу (西蜀) (провинции Сы–чуань) в конце периода Пяти Династий (907–960). Относительно этого художника мы можем справиться у Giles, Introduction to the History of Chinese pictorial art, p. 90 sqq. Он был (как мы узнаем и от Тадзима) "юморист, сатирик, рисовал веселые картинки; соответственно, поскольку его талантливость невозможно было отрицать, его работы были восприняты с энтузиазмом и знатоками". "По гармонии и концепции он намного превосходил Чжан Наньбэня (張南本), своего учителя, достигшего мастерства в рисовании огня, (см. Giles, 1.1., p. 70). Он любил рисовать причудливые вещи и жуткие образы и, хотя его стиль был грубоват и архаичен, его идеи — столь новы и странны, что он не избежал классификации по разделу странное"... "Образы и лица, которые он писал, оригинальные безо всяких ограничений, являлись крайне уродливыми, или отличались какой–то необычностью, дабы проявить их многосторонность". Су Дунпо приписывает ему хорошо известную картину под названием "Смеющаяся троица". Он писал буддийских и даосских святых. "В 965 году он пошел ко двору и получил указ расписать стены храма. Он также получил назначение в Императорскую Картинную Галерею, которое так и не принял, яростно добиваясь разрешения вернуться в Сы–чуань. Его

308 Существуют три набора этих картин: В Хонэндзи (Сануки), в Сёмёдзи (Канадзава, Мусаси) и в Тион–ин (Киото), как мы узнаем от Тадзима, 1.

просьба была удовлетворена. Он не мог выносить условности столицы и утрировал их до карикатуры, причем многие из его шуток широко разошлись". Неудивительно, что его архаты также весьма странны, однако написаны четко и яростно. Тадзима предполагает, что Му Ци (см. ниже, этот параграф) получил большое воздействие от его произведений.

Из двух архатов Сёходзи один, погруженный в глубокую медитацию, опирается на тигра, тогда как голова второго, с глазами созерцательно прикрытыми, склонилась ему на руку. Печати императора Сун и надпись, сделанная высокопоставленным аристократом времен Сун, называющим картины своим сокровищем, свидетельствуют о большой ценности, приписывавшейся им в те дни. На одной из них (с тигром) мы читаем: "Написал Ши Ко из Западной Шу на 8–й день 8–го месяца первого года Цянь–дэ (963)". По храмовой традиции, они преподносились ему дамой двора Иэясу; неизвестно, однако, когда и откуда она их получила.

Тадзима (Избранные Реликты X, Лист 8) приводит картину Му Ци (牧溪), на которой изображен архат, погруженный в медитацию; он сидит на камне, а рядом с ним свернулась клубком змея (дракон?). Андерсон (*Catalogue* of Japanese and Chinese paintings in the British Museum, p. 486) называет этого художника «одним из ведущих мастеров династии Сун». «Его любимыми объектами изображения, — говорит он, — были драконы, тигры, обезьяны, аисты и дикие утки; но он писал также людей и ландшафты». А на стр. 517 он заявляет, что к Му Ци «относились с глубочайшим почтением японские художники эпохи Возрождения». Giles (Introduction, pp. 129 sq.), приводящий репродукцию тигра, написанного этим художником, с примечанием Laurence Binyon, замечает, что китайцы не любили его работы. Там мы узнаем, что он являлся буддийским монахом по имени Фо–шан (法常), и что китайские критики отвергали его картины, как «слишком сжатые и не украшенные орнаментом, грубые и отталкивающие, воистину неутонченные и не доставляющие удовольствия», «без следа архаичности в их композиции». В *Кокка* (№ 233, Лист V, рис. 12), где репродуцируется та же картина, спрашивается о причине, по которой Му Ци, по следам которого пошли многие японские художники древности, включая Сэссю и Као, и который в Японии почитался "образцом всех художников", был столь нелюбим своими согражданами. Автор *Кокка* предполагает, что ни одной его подлинной работы в Китае не сохранилось, либо — что причина лежала в жестком противостоянии между Южной и Северной школами, откуда и возникло это странное предубеждение против великого художника. В Японии есть достаточно приписываемых ему картин, так как многие японские монахи встречались с ним и возвращаясь домой брали с собой его произведения, а позже, в период Асикага, было ввезено еще больше его картин. Что же касается рассматриваемого произведения, то "мазок полон и богат, а вся композиция весьма выразительна. Наверху картины — печать с именем художника, а внизу еще одна с именем Тэндзан (天山), псевдоним сёгуна Асикага Ёсимаса (1435–1490)".

По Тадзима, однако, это был псевдоним сёгуна Ёсимицу (1358–1408); последнее верно, как мы узнаем из *Дай Нихон дзиммэй дзисё* (с. 1231, s.v. Tenzan dōji). Картина принадлежит барону Ивадзаки Яноскэ, Токио.

Другая сунская картина с изображением архата репродуцирована в *Кокка* (№ 203, Лист I, с. 667). Она относится к сокровищам Нандзэндзи, хорошо известного храма школы Риндзай в Киото. Традиция приписывает ее Ши–цзинь Цзюй–ши (西金居士), о котором мы знаем лишь то, что он был сунским художником, весьма способным в изображении архатов, жившим в Мин–чжоу (т. е. Нин–бо–фу, департаменте провинции Чжэцзянь). «По общему признанию, она считается одним из шедевров среди китайских буддийских произведений, хранящихся в нашей стране», говорит автор *Кокка*, указывающий, что по стилю она напоминает Шэнь–юань (Гуань–сю) и Ли Лунмяня». По словам автора, этот художник был современником Чжан Сыгуна (張思恭) и Лу Синьчжуна (陸信忠) (см. выше, эта глава, § 26) и потому должен был жить во времена династии Южная Сун (1127–1279). Наш лист IX, рис. 18.

Мастер эпохи Юань Цай–шань (蘗, в английском тексте Тадзима дано неверное произношение Чжи, вероятно, в результате спутывания с 祭, Цзи; как правило, японский текст Тадзима гораздо лучше, чем английский, где часто опускаются важные детали и неверно переводится японский текст) упоминается Тадзима в Избранных Реликтах (IX, лист 15) (наш лист VII, рис. 14). Об этом художнике, чье имя не обнаруживается в китайских книгах по изобразительному искусству, мы знаем лишь то, что он жил во времена династии Юань (1279–1368) и умело рисовал архатов, что мы узнаем из *Кундайкан саютёки* Соами.

Тадзима высоко оценивает эту картину, напоминающую нам архатов Гуань–сю. На ней сохранилась надпись: «Минамото Тадаёси, Командир Левой Гвардии, ученик Триратна». Таким образом, мы узнаем, что она принадлежала Асикага Тадаёси (1307–1352), брату Такаудзи, который, вероятно, преподнес ее буддийскому храму. В настоящее время она является собственностью г–на Хара Томитаро из Йокогамы.

Рисунки двух архатов, приписываемые тому же художнику, репродуцированы Тадзима в Избранных Реликтах (XIV, лист 14 и 14а) (наш лист VII, рис. 15). Эти картины хранятся в Мёсиндзи (妙心寺), киотосском храме школы Риндзай. Тадзима не считает их работой того же автора, который исполнил предыдущую картину, потому что здесь лицо и одеяния изображены гораздо мягче, чем там. Между прочим, эти картины сразу же напоминают нам Ли Лунмяня, поэтому их автор был очевидно вдохновлен резким искусством Гуань–сю. Этих архатов окружают священники и цари варваров.

В *Кокка* (№ 286, листы III и IV) (наш лист VIII, рис. 17) приводятся картины пяти из шестнадцати архатов, хранящихся в Рюко–ин (龍光院) (или Рюко–ин, 龍興院) в Киото. Это — дзэнский храм, так как автор *Кокка* начинает свою статью с заявления, что "каждый храм школы Дзэн в Японии, как правило, располагает картинами архатов, и многие из них — произведения времен династий Сун и Юань,

привезенные из Китая монахами, ездившими туда изучать учение Дзэн". Он считает те, что хранятся в Рюко–ин, лучшими в своем роде, хотя они известны и не широко. Их стиль чем–то напоминает Ли Лунмяня, "однако мазки кисти на них красивее и утонченнее; натуралистичность в изображении фигур более умелая, линии человеческих тел и складок одежды исполнены в свободной и нескованной манере". Деревья и камни, говорит он, изображены сильно, а яркие цвета помогают усилить их контраст с фигурами на первом плане. Имя каждого архата записано в одном из верхних углов, а на одной из картин сохранился автограф знаменитого служителя Итинэй (一丁寧), псевдонимом которого было имя Иссан (一山) и которого часто звали Нэй Иссан. Этот китайский монах принадлежал к школе Риндзай. Родившись в Китае (Тай–чжоу) в 1247 году, он прибыл в Японию в первом году Сёан (1299). Ходзё Садатоки, седьмой Сиккэн Камакура, пригласил его в Камакура и в том же году сделал его настоятелем Кэнтёдзи, откуда он в 1302 году переехал в Энгакудзи. После, в 1–м году Сёва (1312) император Го–Уда призвал его в Киото занять вакантное место в Нандзэндзи. В 1–м году Бумпо (1317) он умер, став настоятелем этого святилища. Он мог привезти с собой из Китая эти картины[309].

Дайсин–ин (大信院?) в Ямасиро (Киото?) располагает картиной архата, написанной красками на шелке неизвестным художником, жившим, вероятно, во времена династии Юань. Эта картина репродуцирована в *Кокка* (№ 269, лист III, с. 80), где говорится о деликатных, мягких линиях драпировки и черт и чрезвычайно декоративном фоне, образуемом сосновым деревом. Художник, как верно замечено в *Кокка*, должно быть писал портрет реального человека (наш лист IX, рис. 19).

Прекрасная картина с изображением архата, сидящего на большом стуле, со сложенными в молитве руками и почитаемого монгольским царем и рабом–варваром, помещена в *Кокка* (№ 74, лист I, с. 496). Ее цвета сильны и гармоничны, а стиль — тот же, что у Чжан Сыгуна и Лу Синьчжуна, художников Южной Сун, упоминавшихся выше (эта глава, § 26). Однако, она не датируется периодом Сун, но временами династий Юань, или Мин; в Индексе *Кокка* (с. 154) сказано, что она относится к 15–му веку (династия Мин). Она находится в частной коллекции (г–на Катано, место проживания которого не указано) (наш лист X, рисю 22).

16 архатов из Тёдзюдзи (長壽寺), также называемого Хигасидэра (東寺)[310], в деревне Исибэ (石部) района Кага, провинции Оми, префектуры Сига, приписываются китайскому художнику Янь Хуэю (顏輝) (по–японски Ганки), однако автор статьи в *Нихон хякка дайдзитэн*, писавший о четырех китайских стилях, заявляет, что они принадлежат кисти японского художника, поскольку выполнены в японском стиле. Что касается Янь Хуэя, то мы может упомянуть Андерсона (Japanese and Chinese paintings in the British Museum, p. 487), который сообщает, что он жил в 13–м веке и может быть отнесен к обеим династиям — Сун и Юань. "Он был последним из великих мастеров и полагается вместе с Ма Юанем (馬遠) и Ся Гуэем (夏珪),

309 См. Васи–но–о, *Нихон буккэ дзиммэй дзисё*, s .v. *Ichinei*, p. 14.

310 Об этом храме см. Ёсида Того, *Дай Нихон тимэй дзисё*, т. 1, с. 515.

образуя художественную тройку, которую японские живописцы называли общим титулом Ба–ка–ган. Его картины были в основном черно–белыми, на шелке". Giles (Introduction to the History of Chinese Pictorial Art, p. 141), однако, заявляет, что китайские писатели "почти единодушно отвергают его. Один говорит: 'Янь Хуэй был уроженцем Цзян–шань. Ему хорошо удавались даосские и буддийские фигуры.' Другой говорит: 'Он очень удачно изображал демонов, делая их почти живыми.' Теперь Цзян–шань располагается в Чжэцзянь, значит там же — место рождения Ся Гуэя, и именно в той провинции чаще всего бывали японцы. Отсюда, вероятно, их тесное знакомство с художниками Чжэцзян".

Шестнадцать *какэмоно* с изображением Шестнадцати *Ракан*, сохраняемые в Рэйундзи (靈雲寺), храме школы Сингон в районе Хонго, Юсима, Токио, также приписываются Янь Хуэю. Тадзима (Избранные Реликты, VI, рис. 21) приводит два из них (наш лист XIII, рис. 27) и заявляет, что они исполнены духа и вкуса, что стиль их сильный, а цвета гармоничны. Однако, надписи (их порядковые числа и названия, записанные в одном из верхних углов картин), а также несколько других моментов выдают их японское происхождение. По мнению Тадзима, они в любом случае раньше работ Тё Дэнсу (1352–1431). Ранее эти картины, являющиеся Национальными Сокровищами (см. ниже, эта глава, § 44), хранились в подхраме Дайтокудзи, святилище школы Риндзай в Киото, которое располагает картинами 500 *Лохань*, упоминавшимися выше, гл. II, § 24.

Третий набор из шестнадцати *какэмоно* с изображением того же предмета и приписываемый тому же китайскому автору, принадлежал Хосякудзи в Ямадзаки, что к юго–западу от Киото, а теперь находится в собственности г–на Мураяма Рюхэй в Осака. Два из них репродуцированы в *Кокка* (№ 279, лист I и II, сс. 35 и далее) (наш лист IX, рис. 20). Там мы читаем, что "не существует никаких доказательств аутентичности этого распространенного убеждения. Однако, судя по стилю, они, вероятно, относятся ко времени этого признанного художника". То была династия Юань (1279–1368), тогда как Андерсон говорит о конце Сун и начале Юань. Автор статьи в *Кокка* далее указывает на то, что картины с архатами в Токийской Школе Изящных Искусств представляют стиль Ли Лунмяня (лица и позы вполне естественны и человечны), а те, что в Кодайдзи должны быть отнесены к стилю Гуань–сю (более–менее гротескные, с демоническими лицами), и что традиция делит картины с архатами на относящиеся к этим двум великим китайским стилям. "Поскольку Янь Хуэй был одним из величайших художников школы Ли Лунмяня, вполне естественно, что эти картины с архатами понемногу стали приписываться ему в отсутствии какой бы то ни было конкретной даты в поддержку традиции. Огромные, довлеющие фигуры архатов в центре, некоторые — с прислужниками; использование природных сцен для фона; тот факт, что лица и члены тела изображены с мельчайшими реалистическими деталями, — вот некоторые характеристики этой школы письма". Он заключает, что, хотя картины, которыми владеет г–н Мураяма, уступают творениям великих китайских мастеров Сун и Юань, "в них есть дух утонченности, совершенно отсутствующий в работах буддийских художников декадантской династии Мин».

§ 32. Картины Шестнадцати Архатов, приписываемые Ли Лунмяню и преподнесенные в 1249 г. главному залу Киссёдзан Эйхэйдзи (吉祥山永平寺), центру подшколы Сото школы Дзэн (Дхьяна) в провинции Этидзэн

Монах школы Тэндай Догэн (道元), живший 1200–1253, изучал доктрину Тэндай на Хиэйдзан, как ученик знаменитого Эйсая, основателя школы Дзэн в Японии (подшколы Риндзай). В 1223 году Догэн поехал в Китай и, после пяти лет обучения там, вернулся в Японию, где начал пропагандировать учение подшколы Сото. Это была южная ветвь китайской школы Дхьяна, тогда как Риндзай возникла в Северном Китае. Выше (глава 2, § 30) мы видели, что ветви Риндзай и Обаку пропагандировали в Японии культ 500 архатов, следуя примеру Эйсая. Ветвь Сото, ведомая Догэном (который в 1880 году получил посмертный титул Сёё Дайси, 承陽大師), особо поклонялась Шестнадцати *Ракан*.

В 1244 году Догэн основал Эйхэйдзи (Киссёдзан Эйхэйдзи, 吉祥山永平寺, «Храм Счастья и Вечного Мира») у деревни Сиия (志比谷), района Ёсида, провинции Этидзэн, и сделал его главным храмом школы Сото.

Этот Догэн, также именовавшийся Кигэн (希元), в своем произведении *Дзюроку ракан огэнки* (十録羅漢應現記, «Запись о благотворном чуде, явленном Шестнадцатью Архатами»), упоминает следующий факт. «В день Нового года, на третьем году эры Ходзи (1249) в полдень состоялись подношения (供養) Шестнадцати Архатам в главном зале Киссёдзан Эйхэйдзи. После этого архаты произвели цветы счастья, чрезвычайно великолепные и красивые. И шестнадцать деревянных статуй, стоявшие рядом с Буддой, и шестнадцать картин — все произвели эти цветы, приносящие счастье. Ранее был лишь один случай такого чуда, а именно тот, что произошел на Тянь–тай–шань в Тай–чжоу (у Каменного Моста) во времена династии Сун; более я ничего о подобном не слыхал. То, что в этом храме (Эйхэйдзи) такое чудо часто повторялось, является весьма счастливым предзнаменованием. Обдумав это, мы понимаем, что архаты любят и охраняют монахов этого святилища и Закон; по этой причине они вызвали появление цветов».

Тэцудзё, автор *Ракандзу сансю*, цитирующий этот отрывок (гл. 3, с. 21), говорит, что в его время (середина 19–го века) работа Догэна и картины 16–ти *Ракан*, написанные Ли Лунмянем, находились в Кинрюдзи (金龍寺) в Вакасиба (若芝) в провинции Хитати; однако, он также говорит, что они совпадают с описанием сунских картин, обнаруживаемым в *Фу–дянь и–гэн лу–цзи*, которую мы рассмотрим ниже (эта глава, § 40); однако, в наши дни документ и эскизы картин хранятся в Библиотеке Уэно в Токио.

В биографии Догэна, озаглавленной Эйхэй косо гёдзё ки (永平高祖行状記), или «Запись действий выдающегося основателя Эйхэйдзи», написанной в 1808 году почтенным Тингю (珍牛和尚), описана та же церемония. Там мы читаем, что во время службы освящения деревянных образов и картин «все архаты испустили свет и получили подношения. Более того, Шестнадцать Архатов, стоявших на многоцветном

облаке, спустились на ветви сосны, на восточной стороне храма. Поэтому сегодня это старое дерево называется «Сосной Архатов». Затем они (Архаты) подарили (храму) веер, материал которого напоминал дерево *areca*, хранящийся в сокровищнице храма. Поскольку он напоминал тот веер, который держал старый монах, встреченный Догэном в Китае перед залом *Лохань* на Цзин–шань (徑山), этот служитель, вероятно, был одним из архатов. Документ, написанный по случаю этой церемонии самим Догэном, хранится в Кинкю–ин (金久院) в Мацумото, провинции Синано. Что же касается 17–ти (должно быть 16) картин архатов и описания предвещавшего счастье чуда, зафиксированного Догэном, то они были помещены в Кинрюдзи в Вакасиба в провинции Хитати». Описание картин в этом храме см. ниже, эта глава, § 40.

Что касается архатов, приписываемых Ли Лунмяню, то мы можем сослаться на *Кокка*, № 30, лист I, с. 114, и № 41, лист I, с. 86 (наш лист X, рис. 21), где приводятся две картины, оставшиеся, вероятно, из набора 16–ти. Кано Танъю (探幽, знаменитый художник, живший 1602–1674) приписывал их Чжан Сыгуну (張思恭), художнику династии Южная Сун, упоминавшемуся выше, эта глава, § 26; однако автор *Кокка* считает их работами Ли Лунмяня. По его мнению, если это не так, то ни одно произведение, приписываемое японской традицией Ли Лунмяню, не может считаться таковым.

§ 33. Японские картины 16–ти *Ракан* в тэндайском храме Райкодзи (来迎寺) у деревни Симо–Сакамото; ширмы Хорюдзи в Нара (XII в.)

Нихон хякка дайдзитэн (1.1.), после заявления, что в Японию стили Гуань–сю и Ли Лунмяня были привнесены школой Дхьяна и подверглись ее же влиянию, замечает, что картины 16–ти *Ракан*, хранящиеся в тэндайском храме Райкодзи в деревне Симо–Сакамото (下坂本) района Сига, префектуры Сига, провинции Оми, являются произведениями японского художника, совершенно отличающимися по стилю от двух указанных. У этих архатов мягкие, умиротворенные, спокойные лица, а комнаты, в которых они находятся, и сидения, на которых они сидят, богато украшены. Все же, они значительно превосходят картины Лу Синьчжуна по глубине мысли и гармонии цветов, и в них не заметно никакого воздействия Лу Синьчжуна. Вероятно, на их создание художника вдохновили работы времен династий Тан и Северная Сун.

Тадзима (Избранные Реликты, XVIII, рис. 8 и 8а, наш лист VII, рис. 16) репродуцирует две из этих картин. Он говорит, что они приписываются кисти китайского художника Чань Шуньцзюя (錢舜舉), жившего к концу династии Сун. Однако, он верно подмечает, что цвета и каллиграфия в подписи, равно как и расположение фигур и деревьев, совершенно отличны от тех, что мы видим на китайских картинах. Поэтому он предполагает, что это — первоклассная работа японского художника эпохи Фудзивара. Архатов окружают цари, демоны и служители.

Японские ширмы из Хорюдзи в Нара приблизительно того же типа, но

они не столь прекрасны и написаны в ином стиле. Это — пара восьмистворчатых ширм с изображением 16–ти *Ракан*, подобно тем, что хранятся в Хоккэкёдзи, упоминавшемся выше. Архаты из Райкодзи, как и те, что хранятся в Хорюдзи, датируются концом периода Фудзивара (12–й век).

§ 34. Изображения архатов, упоминаемые в японских хрониках XII в.

Тююки — хроника периода от первого месяца 1–го года Кандзи (1087) до двенадцатого месяца 1–го года Хоэн (1135). Ее составил Фудзивара Мунэтада (藤原宗忠,1062–1141), написавший также *Сакубун дайтай* (作文大體). Сменив последовательно ряд важных постов, он в 1132 году стал Удайдзин. Название *Тююки* возникло из его титула: 中御門右大臣. Хронику также называют *Мунэтада–ко ки* (宗忠公記) и *Тююсё* (中右抄).

В ней есть отрывок под заголовком: «Подобное Дхарме Нинноэ ста тронов из Золотого Зала Хосёдзи» (法勝寺金堂如法百座仁王會), — хорошо известный храм к востоку от Киото[311]. Эта встреча случилась на 18–й день 5–го месяца второго года эры Тэнсё (1131). «В центральной комнате главного здания (*боя*, 母屋) они почтительно развесили картины Пяти Великих Сил, шестнадцати футов в высоту (丈六五大力繪像)». Эти Пять Великих Сил (Годайрики) есть Годайрики–ку мё–о, 五大力吼明王«Пять мощных ревущих Видьяраджа» (тантрической) школы Сингон, а именно: бодхисаттвы Ваджрапани (金剛手) (на восточной стороне), Ваджраратна (金剛寶) (на южной стороне), Ваджратикшна (金剛利) (на западной стороне), Ваджраякша (金剛夜叉) (на северной стороне) и Ваджрапарамита (金剛波羅密) (в центре), основные божества Нинно–кё–хо, или «Учения Сутры Милостивых Царей»[312]. *Буцудзо дзуи* (II, с. 19b) различает этих «Пять Великих Бодхисаттв» и «Пять Великих Почитаемых Видьяраджа» (с. 20b), называя первых Мурё–рикку (无量力吼) «Рев Незмеримой Силы», Муихоку (無畏方吼) (это ошибка; в тексте *Ниннокё* дано 十力, «Десять Сил» [дашабала] вместо 方), "Рев Рев Десяти Сил Бесстаршия", Райдэнку (雷電吼), "Рев Грома и Молнии", Рюоку (龍王吼), "Рев Царя Нагов" и Конгоку (金剛吼), "Рев Ваджры". Видьяраджа там названы: Гундари (軍荼利, т. е. Кундали, стоящий на южной стороне), Конго Яся (金剛夜叉, Ваджраякша, на северной), Дайсё Фудо (大聖不動, "Великий Неподвижный Святой", Ачала, в центре), Годзандзэ Мёо ("Видьяраджа, подчиняющий Три Мира", на восточной) и Дайитоку Мёо (大威徳明王, "Видьяраджа Великой Добродетельной Силы" на западе). Эти пять Дхармапала (идентичные, но различающиеся по форме), охраняющие четыре направления и центр, шиваит-

311 *Нинно–э*, или «Встреча Милостивых Царей» — собрание, при котором читается *Ниннокё*, или «Сутра Милостивых Царей» и возносятся моления за мир в стране. NANJO's *Catalogue*, Nr. 17 и 965, гл. 5 («Защита Страны»).

312 См. *Химицу дзирин*, или «Словарь мистики», составленный Томита Кодзюн (или Гакудзюн) и опубликованный в 1911 г. «Кадзи сэйкася» в Токио, с. 323.

ский характер которых очевиден (так же, как и у Пяти Бодхисаттв Силы, и у Пяти Царей Света), напоминают нам о другой группе с теми же функциями, упоминаемой Грюнведелем (Mythol. Des Buddhismus, p. 182) и образуемой Веда Дэва (Ида Тэн) с четырьмя Локапала (Ситэнно, Четырьмя Царями–Дэва).

«По обеим сторонам этих (Великих Сил) они вывешивают в ряд будд, охраняющих различные дни месяца, и 100 бодхисаттв; архаты, охраняющие (зал), также стоят в ряд» (羅漢庇立並)[313].

Омура, цитирующий этот отрывок (гл. VI, с. 9), замечает, что даже Энгисики (927) упоминает набор изображений архатов с использованием *Нинно–э*, или «Собрания Милостивых Царей» (仁王會用羅漢像一鋪). Но он не говорит, где в Энгисики это зафиксировано.

Дзинсяки (人車記) — другая хроника, составленная Тайра Нобунори (平信範). Она называется также *Хёханки* (平範記), поскольку автор был Главой Военного Департамента, *хёбу–кё* (平部卿). В 1177 году, когда ему было 60 лет (59 — по западному счислению), он стал буддийским монахом. Эта хроника покрывает период от 5–го года Кюан (1149) до Као (1169). 26–го дня 9–го месяца третьего года Нимпё (1153) сделано следующее заявление: «В Кёё–ин (高陽院), киотосском дворце, построенном Фудзивара–но Ёримити, 賴通 (992–1074) были исполнены подношения архатам; церемония состояла в почтительном подвешивании (картин) архатов в главном здании с южной стороны синдэн (личных апартаментах принца)» (高陽院被行羅漢供、其儀寢殿南面母屋奉縣羅漢).

§ 35. Японские картины 16–ти и 18–ти *Ракан*, написанные в первой четверти 13–го века (период Камакура)

В *Адзума кагами* (吾妻鏡, хорошо известной хронике камакурского двора, описывающей события 1180–1266 годов) зафиксирован следующий факт. «Шестой день седьмого месяца второго года эры Сёдзи (1200): Ама Го–дайдо–коро (т. е. Масака, преданная наложница Ёритомо, которую мы упоминали в связи с культом Дзидзо[314]) приказала написать в столице шестнадцать *Ракан*. Сасаки Садацуна, Капитан Гвардии Левых Ворот (Саэмон–дзё) (佐々木左衛門尉定綱), сделал их, т. е. приготовил *какэмоно* и поднес ей (послал их в Камакура). Сегодня они прибыли в Камакура; Масако, увидев их, приказали подарить их храму Ёдзёбо (т. е. Эйсая) — Конгодзюфукудзи, 金剛壽福寺, 'Храму Ваджра Долголетия и Счастья'."

"Пятнадцатый день того же месяца: в Конго–дзюфукудзи прошла церемония открытия глаз новых картин Шестнадцати *Ракан* и их освящение (開眼供養). Старейший монах храма Ёдзёбо Рисси Эйсай (葉上房律師栄西) (знаменитый пропагандист ветви Риндзай школы Дзэн и основатель Дзюфу-

313 Перед словом *Ракан* пробел; вероятно, пропущено *дзюроку* (шестнадцать).

314 *The Bodhisattva Ti–tsang (Jizo) in China and Japan*, Chap. IV, § 1, p. 141.

кудзи) руководил церемонией (導師). Масако пришла в зал, чтобы слышать (происходившее).[315]"

Перед тем, как оставить *Адзума кагами*, мы должны упоминуть другой отрывок из той же работы (12–й день 5–го месяца Сёдзи, т. е. 1200), где говорится, что сёгун Ёрииэ запретил буддийским монахам читать молитвы на улицах рядом с его дворцом и приказал жечь кашая (верхнее одеяние) тех, кто нарушит это приказание. Так, его люди попытались сжечь одежду монаха Сёнэна (稱念) из Исэ, но неудачно, так как она не загоралась, и монах снова натянул ее и ушел прочь. По мнению автора *Ракан окэндэн* (下, с. 29), это было чудо, явленное божественным монахом (神僧) с помощью Закона Будды; иными словами, этот монах был архатом, обладающим магической силой, присущей этому уровню святости[316].

По *Фусо мэйгадэн* (扶桑名畫傳), или "Преданиям о знаменитых японских картинах", написанным в 1854 году Хори Наотада (?) (掘直格) и напечатанным в 1899 году в "Токё тэцугаку сё–ин" среди работ Сирё тайкан (史料大観), третий сёгун Камакура, Минамото–но Санэтомо (源実朝, 1192–1219) в 1219 году написал золотой краской (*кондэй*, 金泥) Восемнадцать *Ракан* на темно–синей бумаге (*конси*, 紺紙). Он преподнес эти картины Дзэнриндзи (禪林寺) (к востоку от Киото), как мы узнаем из надписи, сделанной самим Санэтомо. Там мы читаем: "Преподнесено Дзэнриндзи в день Будды второго месяца 2–го года Кэмпо (1214); одна карандашная черта, три поклона (т. е. почтительно написано) Минамото–но Санэтомо" (далее стоит его печать)[317]. Это показывает, что китайская концепция восемнадцати вместо шестнадцати архатов была принята некоторыми японскими поклонниками даже высшего ранга.

Среди национальных сокровищ, состоящих из картин шестнадцати архатов и хранящихся в различных храмах, упоминаются также шестнадцать *Ракан* из Дзэнриндзи. В *Нихон хякка дайдзитэн* говорится, что эти картины представляют стиль буддийских картин времен династии Южная Сун, но их происхождение неизвестно. Они называются самыми выдающимися из изображений архатов периода Камакура, однако не сказано — представляют ли они новый японский стиль (имитирующий стиль династии Южная Сун), или нет.

Такая неуверенность указывает на то, что эти шестнадцать архатов из Дзэнриндзи отличаются от восемнадцати *Ракан* Санэтомо, относительно японского происхождения которых сомнений нет вовсе. Более того, число святых в этих группах отличается: шестнадцать и восемнадцать.

Тадзима (Избранные Реликты, VII, листы 24 и 24а) приводит две из этих картин, которые раскрашены. Он заявляет, что храмовая традиция приписывает их китайскому художнику, однако стиль одеяний совершенно японский. Поскольку лица напоминают сунские фигуры, это, очевидно, работа японского художника, имитировавшего сунский стиль. Они выглядят отлично от тех, что мы обнаруживаем в других японских храмах. Некоторые приписывают их Такума Эйга (宅磨栄賀), жившему в начале 14–го века. Этот художник «сперва изучал сунское искусство, а после открыл новую эру в буддийской школе». В любом случае, стиль напоминает

315 *Адзума кагами*, гл. XVI, с. 27.

316 Там же.

317 См. Омура, гл. VI, с. 19. Относительно храма см. Ёсида Того, *Дай Нихон тимэй дзисё*, т. I, сс. 48 и далее.

произведения Такума, и они могут датироваться 14–м веком.

В эру Кэннин (1201–1203) Сюнга (俊賀), художник, получивший почетный титул Хоккё (法橋, «Мост Закона»), создал восемь картин, на каждой из которых были изображены по два архата, и представил этих шестнадцать *Ракан* в *Ракан*до (часовню архатов) в Кодзандзи (高山寺). Этот храм расположен в Тога–но–о (梅尼), района Катоно, Ямасиро. Картины упоминаются в Кодзандзи энги (高山寺縁起), написанной в 5–й год Кэнтё (1253) по приказу императора Го Фукакуса буддийским монахом Косин (高信)[318]. Сюнга написал их по китайским оригиналам династии Тан (一鋪二體、合入鋪俊賀法橋寫唐本施入之).

На 21–й день 4–го месяца 3–го года эры Дзёо (1223, т. е. третий год правления императора Го–Хорикава, второй эры Дзёо, которая длилась всего два года), Дзэммёдзи (善妙寺) в Хираока (平岡), также в районе Катоно, провинции Ямасиро, получил картины шестнадцати архатов и Ананда, написанных буддийским монахом Дзёнином (成忍) по танским оригиналам (唐本, что может означать китайские оригиналы вообще). Об этом говорится в *Ямасиро мэйсёси* (山城名勝志), написанной в 1705 году Отори Такэёси (大鳥武好), чиновником из Киото времен правления императора Хигаси–яма[319]. Относительно японского художника мы узнаем из *Нихон сёга дзиммэй дзисё* (下, с. 166), что Дзёнин был учеником Мё–э Сёнин (明恵上人), т. е. знаменитого настоятеля Кобэна (高辨, 1173–1232) с Такао–сан и Тодайдзи. Он хорошо писал буддийские картины и принадлежал к школе Такума; его псевдоним был Энити–бо (恵日坊). Он жил в эру Дзёгэн (1207–1210, т. е. в первой четверти тринадцатого века).

Любопытный пример японских картин Восемнадцать Архатов, представленных китайскому храму, обнаруживается в *Ракандзу сансю*, гл. 2. Это были 18 архатов из Фун–мин–сы (鳳鳴寺), поднесенные этому храму китайцем по имени Чань, который, в свою очередь, получил их от японского монаха школы Сингон.

Это произошло во времена династии Юань (1279–1368), и буддийский монах Бо–цзянь (北澗) написал об этих картинах стихи.

§ 36. Деревянные изображения Шакьямуни и его Десяти Великих Учеников в Хо–ондзи (報恩寺), Киото, установленные в 1221 году; лакированные изображения и цветные картины тех же святых в Кофукудзи, Нара и в Дзэнриндзи, Киото

В *Хантоко* (半陶稿), написанной буддийским монахом Сюко (周興), жившем во второй половине 15–го века, есть предисловие, датированное 5–м годом Эйсё (1509) и написанным после смерти автора монахом Сюрином (周麟). Эта работа содержит следующую историю.

В эру Сёкю (1219–1221) один убежденный буддист по имени Киситака, слуга Нэкома–но Тюнагон Мицутака, подарил некоторое количество земли на западе

318 Цит. у Омура в дополнении. Работа упоминается в *Кокусё кайдай*, с. 317.

319 См. *Кокусё кайдай*, с. 1957. Омура, дополнение, с. 22.

столицы в местечке Тимото (千本) Гику Сёнин (義空上人)[320]. Тот воздвиг там временную часовню, куда поместил (деревянные) изображения Шакьямуни и его Десяти Великих Учеников (十大弟子, см. выше, гл. II, § 116 Гл. III, § 15). Позже, в эру Дзёо (1222–1223) он пожелал выстроить для изображений Большой Зал, но не имел больших стволов деревьев для главных опор. Тогда богатый торговец древесиной по имени Нариканэ, живший в Амадзаки, провинции Сэтцу, увидел во сне, как старый монах с седыми бровями и как бы покрытый золотом явился к нему и сказал, что он (монах) купит у него десять больших стволов, хранившихся в его кладовке, для главных опор Великого Зала, который он строит к западу от столицы. Торговец был очень удивлен тем, что монах знал о деревьях, которые он втайне поместил в кладовке, и согласился, от чего монах весьма возрадовался и поставил на стволах печать Хоондзи. На следующее утро Нариканэ осмотрел стволы и, действительно, увидел печати. Он пошел в столицу и рассказал обо всем настоятелю Хоондзи. Затем они вошли в часовню, и он немедленно узнал старого монаха из сна в Кашьяпа, первом из Десяти Великих Учеников! Он поднес большие деревья храму, и вскоре Великий Зал был окончен. В 1–м году Катэй (1235) по императорскому указу он был превращен в храм, посвященный учениям трех школ (Тэндай, Сингон и Санрон).

Тадзима (Избранные Реликты X, лист 4) репродуцирует один из десяти лакированных изображений Десяти Великих Учеников (Субхути), исполненный буддийским скульптором Монтоси (問答師, «Учителем Вопросов и Ответов»), о котором мы совершенно ничего не знаем. В 1232 году Дзокэй (藏慶), Кога (幸賀) и Кокэн (幸賢) отреставрировали их. Исходно они хранились в Гакуандзи (額安寺) в провинции Ямато, о чем мы узнаем из Кофукудзи юраики и из других книг; теперь они хранятся в Кофукудзи (興福寺) — храме школы Хоссо в Нара (см. *Кокка*, № 195, наш лист XII, рис. 25 и 26). Что касается Гакуандзи, то этот храм, расположенный в районе Икома, был воздвигнут императрицей Суйко (593–628) и назван Якусидо Гакуандзи, что показывает, что первоначально он был посвящен культу Якуси Нёрай, «Излечивающему Учителю»[321]. По Тадзима (Избранные Реликты, IX, лист 3), он был построен Сётоку Тайси (572–621) и располагал также еще двумя лакированными изображениями, приписывавшимися Монтоси (репродукции IX, 3), а именно: Гандхарва и еще одно из восьми классов существ. После эти изображения, вместе с Десятью Великими Учениками, были перенесены в Кофукудзи, основанный императрицей Комё в 735 году. «Орнаментальный дизайн и его раскраска, умелая завершенность, лица и тела, указывающие на писание с натуры, — все это показывает несравненное мастерство периода Тэмпё (722–748) в японском искусстве».

320 В *Хонтё кособэн* (цит. в *Нихон буккэ дзиммэй дзисё*, с. 169, s .v. *Gikū*) сказано, что он построил свою отшельническую хижину в Тимото, к северу от столицы, в 1–м году Кэмпо (1213); в 3–м году Сёкю он выстроил там маленькую часовню, в которой поместил Шакьямуни с его Десятью Великими Учениками. Во 2–м году Дзёо (1223) он собрал хороший деревянный строительный материал и выстроил большой храм (Хоондзи). Умер он во 2–м году Ниндзи (1241), 70–ти (т. е. 69–ти) лет от роду.

321 См. Ёсида Того, *Дай Нихон тимэй дзисё*, I, с. 222, s .v. Gakuanji.

Два *какэмоно*, оба с изображением пяти из Десяти Великих Учеников, репродуцированы Тадзима, Избранные Реликты, XIX, лист 9 и 9a, а одно из них, в цвете, обнаруживается в *Кокка* (№ 124, лист I) (наш лист XI, рис. 24). Тадзима заявляет, что эти два *какэмоно* образуют цельный набор с третьим, представляющим Шакьямуни, который висит между двумя первыми. Они очевидно являются работой знаменитого сунского мастера, получившего воздействие от стиля Ли Лунмяня. Что касается имен архатов, записанных на картинах, то они были добавлены японцами позже. Они сохраняются в Эйкандо Дзэнриндзи (永観堂禪林寺), старом храме к востоку от Киото, который мы упоминали выше (эта глава, § 35). Исходно это был храм школы Санрон; также в его стенах проповедовалось учение Сингон, но в конечном счете он стал святилищем Дзёдо (ветвь Нисияма), каковым и остается до сегодняшних дней. Он был основан в 863 году, а храмом Дзёдо стал в эру Бунъэй (1264–1274)[322]. Во времена мятежа Онин (1467–1468), когда Киото и его окрестности подверглись жестоким испытаниям, все строения этого храма были разрушены, но сокровища, к счастью, удалось спасти. Мы узнаем из *Кокка* (1.1.), что центральная картина, представляющая Шакьямуни, обернутая красной тканью, не принадлежит к двум другим, хотя позднейшие поколения считали все три одним набором. Говорят, что она подписана Тан Цзысю (唐子厚); художник двух других картин являлся, должно быть, знаменитым живописцем династии Сун. В дополнительном списке иллюстраций этого номера *Кокка* говорится, что они датируются 13–м веком. Что касается имен архатов, добавленных японцами, то они следующие: Махакашьяпа (с *хаккхара*), Ананда (с благоговейно сложенными ладонями), Шарипутра (с сутрой), Маудгалъяяна (с цветком лотоса в вазе) и Анируддха (руки соединены). На других картинах, репродуцированных Тадзима: Упали (руки соединены), Субхути (с веером), Рахула (со скипетром *юй–и*), Пурна (с плошкой для благовоний) и Катъяяна (руки сложены, два указательных пальца подняты вверх).

§ 37. Распространение культа архатов в период Камакура (1192–1333)

Выше (гл. II, § 25) мы видели, что первая японская картина с изображением 500 архатов была написана, вероятно, в 1290 году и вывешена в специальном здании в Нандзэндзи, гдавном храме школы Риндзай в Киото.

В предыдущих параграфах говорилось, что период Камакура был также временем, когда китайские и японские картины и деревянные изображения Шестнадцати, или Восемнадцати Архатов преподносились храмам ветвям Риндзай и Сото школы Дзэн под влиянием хорошо известных пропагандистов учения Дхьяна, таких как Эйсай и Догэн. Хотя мы читаем о картинах и изображениях архатов, освященных в двенадцатом веке до периода Камакура, распространение культа этих святых, в особенности — 16–ти *Ракан*, очевидно произошло в период Камакура.

322 См. Ёсида Того, 1.1.I, с. 48 sq. s .v. *Eikwandō Zenrinji.*

В это время жил также Гэдацу Сёнин (解説上人) (умер в 1211), предполагаемый автор *Ракан* косики (羅漢講式), или «Ритуалов *Ракан*» (один из четырех *дзакосики*, 座講式).

§ 38. Картины Шестнадцати Ракан в храме Риндзай Кэнниндзи в Киото, написанные буддийским монахом Рёсэном около 1340 г., или немного позже

Эти цветные картины, исполненные на шелке в начале Намбокутё (1336–1392), являются старейшими японскими произведениями такого рода. Они написаны во времена Сун (наш лист X, рис. 23).

В *Кокка* (№ 161, лист I) приводится одна из них (Пиндола) и делает следующее примечание: «Насколько давно художники занялись изображением архатов — вопрос, на который никто не может дать ответ. Представляется, что в Китае, где–то между 4 и 5–м веками некие монахи с художественными задатками обратили свое внимание на эту тему. С того времени и приблизительно до 13–го века не было недостатка в художниках, пробовавших себя на этом поприще. В Японии Такума и его последователи были, так сказать, пионерами в этой особой сфере портретной живописи, и они почти безвариантно копировали китайские образцы. В позднейшие века почти каждый художник пробовал себя в этом популярном предмете, и среди самых удачливых был Рёдзэн» (вероятно, имеется в виду Рёсэн, 良詮). Далее он говорит, что архаты Рёсэна, ныне хранящиеся в Кэнниндзи, известны, как работа изысканнейшего искусства; однако, лишь 14 из них — подлинные произведения мастера, а две другие написаны Кано Эйно (狩野永納, который в 6–м году Гэнроку, т. е. в 1693–м, написал *Хонтё гайси*, 本朝畫史, «Историю японского изобразительного искусства», старейший трактат о художественных картинах Японии). Стиль последнего, разумеется, не может быть сравним с Рёсэном.

Автор *Кокка* далее сообщает нам, что Кано Эйно отождествляет Рёсэна с Нэнкао; вероятно, это — Сюнэн (宗然), чьи обычным именем было Као (可翁), живший в 14–м веке. Хотя разные критики, не приходя ни к какому позитивному выводу, отвергали это мнение, автор *Кокка* склонен принять его, поскольку существует большое сходство по стилю с картинами Као, к тому же последний некоторое время жил в Кэнниндзи, а после основал Тэндзюн–ан (天潤菴), примыкающий к этому храму. Что же касается Сюнэна, псевдоним Као, то в *Нихон буккэ дзиммэй дзисё* Васи–но–о Дзюнкё (с. 534, s.v. Shūnen) говорится, что это был монах школы Риндзай из Нандзэндзи в Киото, являвшийся замечательным художником, картины которого сохраняются, как огромная ценность; он умер в 1345 году.

Тадзима (Избранные Реликты, XII, лист 17 и 17а, Пиндола и Ваджрапутра) говорит, что было двое художников с именем Рёсэн, а именно: китайский монах времен династии Юань Лян–цюань (天潤菴), пользовавшийся псевдонимами Ко–ван (可翁, т. е. Ка–о), У–ши (無事, т. е. Будзи) и Сы–кань (思堪, т. е. Сикан), и японский

монах. В 1299 году первый прибыл в Японию; он был современником Иссан Дзэндзи, умершего в 1317 году. Он написал картину с архатом и драконом, репродуцированную у Тадзима (Избр. Рел., XIII, лист 19) и находящуюся в собственности барона Го Дзюндзо (鄉純造) в Токио. Архат стоит у водопада, подняв чашу и приказывая что–то дракону, чья яростная голова выглядывает из облаков и глядит на святого. По Тадзима, архат заставил драконы выйти из чаши, хотя кажется, что животное летит к нему, а не поднимается в небо. Работы более поздних авторов (например, Кано Таню, ниже, эта глава, § 46) показывают, что описание Тадзима верно.

Японский монах Рёсэн работал в середине 14–го века, как мы узнаем из надписи на обратной стороне картин 32–х архатов в Хонкокудзи (храм школы Нитирэн в Киото), гласящей, что он завершил их в 1352 году. Сохранившиеся картины могут датироваться тем же временем, или немного более поздней датой; надпись выполнена по–японски, стиль и способ изображения также отличаются от принятых у китайских художников. Стиль, цвета и детали немедленно напоминают Ли Лунмяня. По *Хонтё гайси*, Рёсэн имел титул Хо–ин (法印, «Печать Закона»), что говорит о его умении в изображении буддийских фигур. В написании подобных предметов в сунском стиле он следовал Такума Сёга и Эйга, предшествуя Минтё. Что касается отождествления его с Сюнэн Дзэндзи (здесь неверно названным Сонэном), также известного, как Ка–о, то это, по мнению Тадзима, ошибка, возникшая от того, что китайский Рёсэн (Лян–цюань) также носил имя Ка–о (Ко–ван); Сюнэн вообще не был художником. Таким образом, картины со словами похвалы монаха Иссан Дзэндзи (ум. 1317) и с подписью «[Исполнил] Рёсэн, человек с востока от моря" (海西人良全), были написаны китайским мастером; японский Рёсэн, как и Сюнэн Дзэнси жили немного позже и являлись, по мнению Тадзима, двумя разными людьми. Мы считаем, что он прав, так как Сюнэн умер в 1345 году, тогда как Рёсэн написал картины из Хонкокудзи в 1352 году. Однако, мы предполагаем, что Сюнэн также был способным художником, поскольку Васи–но–о заявляет об этом, цитируя *Эмпо дэнтороку* (海西人良全), написанную в 6–м году Эмпо (1678) буддийским монахом Сибаном (師蠻) и *Хонтё кособэн* (本朝高僧傳, будет рассмотрена ниже, гл. IV, § 7), работу того же автора.

§ 39. Картины Шестнадцати Ракан из храма Риндзай Эйнитидзан Тофукудзи (恵日山東福寺) в Киото, написанные в 1374 г. Минтё (明兆), т. е. Тё Дэнсу (兆殿司) (1352–1431, период Асикага)

Говоря о 500 *Ракан*, мы упоминали пятнадцать картин этих святых, написанных в 1383–1386 годах Тё Дэнсу и хранящихся в киотосском Тофукудзи, храме школы Риндзай (выше, гл. II, § 26).

В том же храме был набор из Шестнадцати *Ракан*, написанных этим знаменитым художником, служившим монахом в святилище, которому он их и

посвятил в 1374 году. Монах Гэнсэй (т. е. Ниссэй) из школы Нитирэн, написавший много буддийских работ и живший с 1623 по 1668 год, цитируемый в *Ракандзу сансю* (гл. III, с. 30 и 32), описывает их, как большие шелковые полотна, выглядевшие как новые, несмотря на то, что были исполнены давным–давно. О них рассказывали следующую легенду. Написав Нирвану Будды (также в Тофукудзи), Минтё пожелал изобразить Шестнадцать *Ракан*, однако не мог этого сделать из–за отсутствия красок, и тогда какой–то старик, в котором он узнал синтоистского бога Инари, подарил их ему. В дни мятежа эти картины были украдены, но позже возвращены в храм. Когда Гэнсэй посетил храм и увидел эти картины, кто–то спросил его, действительно ли *Ракан* пользовались драконами, как посланниками, а демонами — как слугами? Он ответил, что, подобно тому, как сила большого и здорового быка используется людьми для перемещения повозок из–за глупости быков и разумности человека, так же и драконы с демонами должны повиноваться *Ракан* из–за мудрости и сверхъестественных знаний этих святых.

В 1881 году, когда большая часть храма была уничтожена пожаром, эти картины затерялись, однако большая с изображением Нирваны, а также 45, или 50 картин с 500 *Ракан* (либо все 50) были спасены, так же, как 18 Дэва (две картины) Тё Дэнсу и три танские картины, изображавшие Шакьямуни, Маньджушри и Самантабхадра. Восемь картин из другого набора 16–ти *Ракан*, также написанных Тё Дэнсу, хранятся в Кэнтёдзи, 建長寺, хорошо известном храме Риндзай в Камакура.

По мнению Тэцудзё, автора *Ракандзу сансю* (гл. III), Тё Дэнсу часто подражал сунским картинам 16–ти Архатов, описанным в *Фу–дянь и–гэн лу–цзи*, 福陀田宣耕録記, или «Записях о правильном возделывании ‘Полей Плодородия’ (добрых дел для благословения в будущем)”. Краткое описание этого отрывка будет приведено в следующем параграфе.

§ 40. Картины Шестнадцати Ракан в Кинрюдзи (金龍寺), Вакасиба, провинция Хитати (см. § 32), и в Сёмёдзи (稱名寺), в Канадзава, провинция Мусаси

Эти картины, приписываемые Ли Лунмяню и рассматривавшиеся выше (эта глава, § 32), Тэцудзё считает совпадающими с описанием сунских картин, обнаруживаемом в *Фу–дянь и–гэн лу–цзи*, которую мы упоминали в предыдущем параграфе. Мы не знаем, когда была написана эта работа. Описание дается Омура (гл. VI, с. 21); в нем содержатся следующие детали.

Имена и порядок этих архатов идентичны картинам Гуань–сю из коллекции Такахаси. Что касается их прислужников, то это — монахи или мальчики (у каждого архата — по одному прислужнику, лишь у Пиндола и Чудапантхака по два); царь варваров, почтительно склонив голову, упоминается под № 4 (Сувитта); мальчик–

варвар, размалывающий чай, ожидает Ваджрапутра (№ 8), а рабы–варвары стоят по бокам Адзита и Чудапантхака (№№ 15 и 16). Демон, служащий посланником, стоит на коленях со сложенными когтями, поднося бамбуковую табличку Пантхака (№ 10). Животные сопровождают Бхадра (№ 6, тигр), Рахула (№ 11, лев, играющий с мальчиком–прислужником), Ванаваси (№ 14, овца) и Адзита (№ 15, дракон). Большинство архатов сидит на ложах.

Пиндола (№ 1) представлен в позе *самадхи*, Канака Ватса (№ 2) — со сложенными ладонями, Канака Бхарадваджа (№ 3) держит бамбуковый посох, Субинда (№ 4) обеими руками держит драгоценную пагоду, в которой реликт (шарира) испускает свет, а царь варваров поклоняется ему. Накула (№ 5) держит сутру и глядит в нее, Бхадра (№ 6) обеими руками сжимает узловатый бамбуковый посох. Калика (№ 7) держит метелочку от мух, а его монах–прислужник — сутру. Ваджрапутра (№ 8), представленный с очень большими бровями, держит четки; Швапака (№ 9) — кувшин, из которого поднимается пятицветный пар; левой рукой он делает мудра; его монах–прислужник почтительно взирает на него, сложив ладони. Пантхака (№ 10) получает бамбуковую дощечку от демона–посланника и двумя пальцами правой руки указывает на нее. Рахула (№ 11) в правой руке держит *хаккхара*, Нагасена (№ 12) снимает правую сандалию, его ученик почтительно держит сутру. Аньгаджа (№ 13) держит узловатый бамбуковый посох, левая рука лежит у него на колене; рядом стоит плошка для сжигания благовоний, а его монах–прислужник ставит в вазу цветы и подносит их (архату). Ванаваси (№ 14) держит руки на коленях и оглядывается через правое плечо; его монах–прислужник дает рис в чашке овце, лежащей под ложем архата. Аджита (№ 15) собирается щелкнуть пальцами правой руки дракону, лежащему у его ног, половина туловища которого скрыта в облаках. Раб–варвар наливает воду из кувшина и дает ее пить дракону. Чудапантхака (№ 16), наконец, не имеет предметов, но ему прислуживают два раба–варвара, один из которых чешет ему спину, а другой наполняет чашку рисом.

Другие картины с изображением Шестнадцати *Ракан* мы находим в Сёмёдзи (稱名寺) (основан в 1269 году) в Канадзава, провинции Мусаси. Тэцудзё описывает их, как старые, очень хорошие работы, не уступающие китайским картинам чернилами. Далее, он побывал в Тикудзэн, где заходил в Корасан Рэндай–ин (高良山蓮台院)[323], где видел три оригинальные картины архатов[324].

§ 41. Архаты, связанные со снами в школах Риндзай и Сото в XIII и XIV вв. (период Камакура)

В *Ракан окэндэн* (1754) есть два отрывка, где говорится о снах. В первом, цитируемом из *Кугэ Никко–сю* (蓮台院)[325], говорится, что один из Ходзё увидел во

323 Корасан расположена в Тикуго; см. Ёсида Того, *Дай Нихон тимэй дзисё*, т. I, с. 1533.

324 *Ракандзу сансю*, гл. I, с. 1.

325 *Ракандзу сансю*, гл. , с. 32.

сне, что из чужой земли пришел архат. Этот сон был истолкован как объявление о прибытии Мугаку Дзэндзи (無覺禪師). Этим монахом школы Риндзай, являвшимся китайским священником из Тай–чжоу (台州) (он родился в Мин–чжоу 明州) был Согэн (祖元), основатель Энгакудзи (圓覺寺) в Камакура. Он пришел с Тянь–тай–шань, где располагался знаменитый Каменный Мост, главное место пребывания Пятисот *Лохань* Китая, как мы видели в предыдущей главе. Его почетный титул Мугаку Дзэндзи, означает "Архат Учитель Дхьяна" ("Удаленный от учености", см. выше, гл. I, § 1). Он жил с 1220 по 1286 год, приехал в Камакура в 1280 году и основал Энгакудзи в 1282 году. Мусо Кокуси (夢窓國師), т. е. Сосэки (疎石, 1271–1346), знаменитый поэт и основатель риндзайских храмов Дзэн–о–дзи (в Исэ, 1326) и Тэнрюдзи (в Ямасиро, 1342), принадлежал к этой школе.

Второй отрывок взят из *Дококуки* (洞谷記), или «Истории Дококудзан», т. е. Эйкодзи (永光寺), храма школы Сото в Сакаи, провинция Ното. В 1311 году Эйдзан Сёкин (瑩山紹瑾, 1268–1325) основал этот храм, а в 1323 году он выстроил Содзидзи (總持寺) рядом с деревней Кусиби (櫛比村), провинция Ното, ставший одним из главных центров школы Сото. В Эйкодзи 8–й из 16–ти *Ракан*, Ваджрапутра, явился ему во сне и похвалил храм, как святилище, превосходящее остальные своей святостью. «Слава Сото–сю, — говорит автор, — распространившаяся по всей Японии, возникла от защиты архатов.[326]»

Так в школах Риндзай и Сото, двух ветвях Дхьяна, всегда подчеркивалась их связь с архатами.

§ 42. Деревянные изображения архатов, помещаемые у входа в храмы, как защитники, и картины Шестнадцати Ракан, вывешивавшиеся на стенах храмов (XV в., период Асикага)

В *Онрё кэннитироку* (蔭凉軒日録), хронике, охватывающей период с 1435 по 1490 год[327], сказано, что в 28–й день 4–го месяца 12–го года эры Эйкё (1440) был окончен Сётэй–ин (勝定院) и начато вырезание деревянных архатов для установки у ворот храма, при помощи «высочайшего ножа», т. е. сёгуном (當寺山門本尊 *Ракан* 御刀初)[328]. Очевидно, в Японии переняли китайский обычай помещать архатов рядом со входом в храмы, чтобы те их охраняли.

В другой хронике того времени, *Хэкисан нитироку*, или «Ежедневные записи в Хэкисан», говорится, что в 29–й день второго месяца второго года эры Тёроку (1458) «изображения Шестнадцати Архатов были вывешены в Чайном зале (茶堂), и перед каждым из них были выставлены приношения в виде вазы с

326 Там же, с. 33.

327 Автор неизвестен. См. *Кокусё кайдай*, с. 298.

328 Цит. у Омура, гл. VI, с. 19.

белыми и красными цветами»[329].

На 14–й день 7–го месяца 18–го года эры Буммэй (1486) был закончен Фуко–ин (普廣院). «В Гостевом зале (客殿) были вывешены (картины) Шестнадцати *Ракан*, написанные Синтю (Цинь–чжуном?) (奏仲筆) и представленные Кэйунин доно (慶雲院殿御奇進).[330]»

В то время (период Асикага) доминировал стиль Ли Лунмяня, за которым не последовали никакие новые, и мы можем верить автору *Нихон хякка дайдзитэн*, слова которого приводились выше. Далее он замечает, что архаты, написанные в период Токугава, не представляют собой какого бы то ни было значения, поскольку буддийские картины уже не вдохновлялись верой, но деградировали до уровня ремесла. Наконец, он заявляет, что дзэнские монахи периода Асикага привнесли в Японию Восемнадцать *Лохань*, однако их картины редки. Что же касается сокровищ из Комёдзи (光明寺) в Камакура, то они, вероятно, были созданы в конце периода Камакура.

§ 43. Ветвь Обаку школы Дзэн, почитавшая Восемнадцать Архатов (XVII и XVIII вв.)

Выше (гл. II, § 29) мы видели, что ветвь Обаку школы Дзэн, пришедшая в Японию в 1655 году, почитала Пятьсот Архатов. Из–за поздней даты своего прибытия она вполне логично предпочитала Восемнадцать *Лохань*, которые к тому времени в Китае превзошли Шестнадцать *Лохань*, этой более древней группе шестнадцати святых.

Мы выводим этот факт из двух отрывков, связывающих эту школу с Восемнадцатью Архатами. *Коккёсю* (谷響集), хорошо известная буддийская работа, написанная монахом Унсё (運敞) (1613–1693), рассматривает вопрос различия между Шестнадцатью и Восемнадцатью Архатами. Там сказано: «В наши дни мы видим, что в Обаку (т. е. в Обаку–сан Мампукудзи, 黄檗山萬福寺, в Удзи у Киото, воздвигнутом в 1661 году китайским монахом Ингэн Дзэндзи, 隱元, привнесшим учение Обаку) есть 18 образов, называемых 'Восемнадцатью Архатами'". Далее Унсё дискутирует вопрос, являются ли первый и семнадцатый из этих 18–ти архатов (оба — Пиндола) одним и тем же или различными святыми, и объявляет их отдельными лицами. Выше (эта глава, § 28) мы видели, что упоминание второго Пиндола возникло от невежества некоторых монахов времен династии Сун, чья ошибка была подхвачена даже Су Дунпо в его Восхвалении Восемнадцати *Лохань* Гуань–сю. Забавная ошибка допускается японскими авторами *Коккёсю*, Итива итигэн (一話一言, написано Ота Нампо, 太田南畝, 1748–1823) (гл. XII, с. 41 под заголовком «Восемнадцать Почтенных, пребывающих в этом мире») и Дзюроку *Ракан*ки. Там говорится о *Ратнамегха–сутре* (佛説寶雲經, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 152, переведена в 503 году Мандра и Сангхапала), гл.

329 Цит. у Омура в дополнении, с. 22.

330 Цит. там же. Титул Кэйунин принадлежал седьмому сёгуну Асикага, Ёсикацу, однако этот сёгун умер в 1443 г. в возрасте всего 10–ти лет. В 1486 г. правил Ёсихиса, 9–й сёгун Асикага.

VII, с упоминанием Шестнадцати Архатов, их последователей и мест их пребывания. В остальном тексте сутры они более не упоминаются, однако автор *Сякумон сэйто* (釋門正統), который, как оказывается, и был инициатором этой ошибки, спутал сутры с Фо–чжу–цзи (цит. выше, эта глава, § 1), так как этот небольшой текст был сшит с Ратнамегха–сутрой в один том. Он был слишком мал, чтобы выпускаться отдельным изданием, поэтому его и присоединили к сутре[331].

Что касается культа Восемнадцати Архатов, отправляемого в школе Обаку, то мы можем упомянуть далее Мэндзана, автора *Ракан окэндэн* (1754), т. е. Дзуйхо (瑞方), монаха школы Сото (1683–1769), описывавшего, как он лично посетил Дзэндзёдзи (禪定寺) в Хисю (Хидзэн, или Хиго). Там он повесил шесть картин с изображениями 18–ти архатов в зале и делал им подношения на протяжении семи дней, моля их о божественной помощи. Ночью седьмого дня ему приснилось, что величественный монах в желтом одеянии и в красной кашая прибыл, сопровождаемый более, чем двадцатью другими монахами в черных одеяниях. Монах назвался Косэном (高泉) из Обаку. Мэндзан угостил его чаем и лепешками, выказывая глубокое почтение; затем он (Мэндзан) взял карандаш с чернильным камнем и попросил уважаемого гостя написать ему одну строку большими иероглифами. Прислужник растирал тушь, стоя сбоку от монаха. Затем Мэндзан проснулся. Спустя семь дней он снял шесть картин со стен и, когда сворачивал их, узнал монаха из своего сна в одном из архатов, державшем в руке карандаш, рядом с которым стоял прислужник и растирал тушь. Он сильно возрадовался от такого открытия и счел, что его молитвы будут услышаны. Десять дней спустя прибыли двое монахов, сказавших, что они из *Ракан*дзи в Уса (宇佐), что в провинции Будзэн. Этот знак также был воспринят им с радостью, как новое проявление защиты архатов[332].

§ 44. Картины с изображением Шестнадцати *Ракан*, считающиеся национальными сокровищами

Вот список национальных сокровищниц с картинами, где изображены Архаты.

1. Кодайдзи, храм Риндзай, Киото, Кавара–мати: 16, ложно приписываемы Гуань–сю (831–912); привезены Сюндзё в 1211 году. См. выше, эта глава, § 30.

2. Сэйрёдзи, храм Дзёдо, Кёто–фу, Катоно–гори, Сага–мура: 16, считаются привезенными из Китая Тёдзэном в 987 году. См. § 31.

3. Хоккэкёдзи, храм Нитирэн в Тиба–кэн, провинции Симоса, Хигаси–Кацу-

331 См. *Ракан окэндэн*. Цитаты из сутр и Абхидхарма, с. 1.

332 *Ракан окэндэн*, гл. 下, с. 37. Относительно архатов мы находим занятное замечание в Кэйрин манроку, 桂林漫録 (*Хяку сэцурин*, т. 正上, с. 696), написанной в 1800 г. Кацурагава Тюрё, 桂川中良 (гл. I, под заголовком *Ракан*дзо). «Если кто–то рисует архата, то обязательно изобразит его с одним длинным ногтем; остальные же короткие». Он объясняет этот факт двумя цитатами из буддийских трудов; в первой сказано, что длинные ногти противоречат заповедям, а во второй — что разрешается оставлять один длинный ноготь для почесывания отдельных мест.

сика–гори, Накаяма–мура: одна пара восьмистворочных ширм (стиль Чжан Сыгуна династии Южная Сун, 1127–1279). См. § 31.

4. Сёкокудзи, третий из пяти великих храмов Риндзай (五山), Киото, Имадэгава: 16–ть, реалистический стиль Лу Синьчжуна (вероятно, вторая половина 13–го века).

5. Тёдзюдзи, также называемый Хигаси–дэра (東寺), Сига–кэн, провинция Оми, Кага–гори, Исибэ–мура: 16, приписываемы Янь Хуэю, жившему в начале 13–го века.

6. Райкодзи, храм Тэндай в Сига–кэн, провинции Оми, Сига–гори, Симо–Сакамото–мура: 16, японская работа 12–го века, вдохновленная картинами династий Тан и Северная Сун. В этом храме хранятся еще две картины с архатами. См. § 33.

7. Хорюдзи, знаменитый храм в Нара–кэн, провинции Ямато, Икома–гори, Хорюдзи–мура: пара восьмистворчатых ширм, японская работа 12–го века. См. § 33.

8. Дзэнриндзи, храм Дзёдо в Киото, Нандзэндзи–мати: 16, стиль династии Южная Сун (отличается от Восемнадцати *Ракан*, написанных и поднесенных этому храму в 1214 году сёгуном Санэтомо?). Самые знаменитые картины архатов периода Камакура. См. § 35.

9. Кэнниндзи, один из пяти главных храмов школы Риндзай, Киото, Комацу–мати: 16, написаны около 1336 года буддийским монахом Рёсэном. См. § 38.

10. Кэнтёдзи, знаменитый храм Риндзай в Камакура: 8, работы Минтё (明兆), т. е. Тё Дэнсу (1352–1431). См. § 39.

11. Таннэйдзи (天寧寺), храм Риндзай, основанный в эру Дзёдзи (1362–1367) в провинции Тамба, Амада–гори, Ками–Кавагути–мура: 16.

12. Тосёдайдзи (唐招提寺), вначале — храм Кайрицу, основан в 759 году китайским монахом Кансином (鑑眞), в Нара–кэн, провинции Ямато, Икома–гори, Миато–мура: 16.

13. Рэйундзи (靈雲寺), храм Сингон, основан в эру Гэнроку (1688–1703), в Токио, район Хонго: 16.

14. Тэнсиндзи (天眞寺), т. е. Хориндзан (寶林山) Тэнсиндзи, в Токио, район Адзабу, Хоммура–тё: 16.

15. Каннондзи (觀音寺), считается основанным Сётоку Тайси (572–621), в Сига–кэн, провинции Оми, Куримото–гори, Токива–мура: 2.

16. Хогондзи (寶嚴寺), Сига–кэн, провинция Оми, Хигаси–Асаи–гори, Тикубу–мура: 16.

17. Тайсандзи (太山寺), храм Тэндай, основан в 716 году, в Хёго–кэн, провинции Харима, Акаси–гори, Икаватани–мура: 16.

Мы обнаруживаем среди этих святилищ пять храмов Риндзай, два — Тэндай, один — Сингон, один — Нитирэн и два — Дзёдо. Пять из них расположены рядом с Киото, или в нем самом, два — по соседству от Нара, один — в Камакура, два — в Токио, четыре — в провинции Оми и три остальных — в Симоса, Тамба и Харима. Так, среди школ доминирует Риндзай (отсутствуют ветви Сото и Обаку), а среди мест — Киото и провинция Оми.

§ 45. Шестнадцать *Ракан* в *Буцудзо дзуи* (1690)

В *Буцудзо дзуи* (佛像圖彙) (1690) приводятся картины Шестнадцати *Ракан* с их именами и местами пребывания (гл. IV, сс. 16 sq.) (наш лист XIV, рис. 30). Эти имена и места, так же, как и порядок расположения святых, совпадает с изложенным в Фо–чжу–цзи и картинами Такахаси. Они также описаны Андерсоном в его превосходном *Catalogue* of Japanese paintings in the British Museum (сс. 46 sq.).

1. Пиндола, сидит на камне у берега моря, в левой руке держит сутру, а в правой метелочку от мух.

2. Канака Ватса, сидит на стуле настоятеля, держит метелочку от мух. Его подножие окутывают облака.

3. Канака Бхарадваджа в правой руке держит свиток сутры; молодой прислужник, стоящий сбоку, ударяет в гонг.

4. Субинда (?), чье одеяние оставляет обнаженной его грудь и покрывает голову (как часто представляют Бодхидхарму), сидит в медитации со скрещенными ногами на циновке у скалы, руки составляют дхьяна–мудра.

5. Накула сидит на стуле настоятеля из бамбука; в правой руке держит четки, левой опирается на подлокотник стула.

6. Бхадра сидит на камне и гладит тигра, стоящего сбоку. По Андерсону, он иногда держит хакхара.

7. Калика, сидящий на камне, читает свиток сутры, который держит обеими руками.

8. Ваджрапутра, сидящий на низком стульчике, обеими руками сжимает угловатый посох.

9. Швапака сидит на стуле, ноги поставлены на подножку, а руки спрятаны в рукавах. Рядом стоит лотосовый пьедестал. По Андерсону, его иногда сопровождает лев.

10. Пантхака сидит на камне. Его правое плечо обнажено, правая рука поднята, и в ней он держит священную жемчужину. Левая рука лежит на колене. Дракон, частично скрытый в облаках, появляется у края скалы и открытой пастью безуспешно пытается схватить жемчужину. Как замечает Андерсон, чаще всего облик Пантхака бывает яростным и угрожающим. Его часто изображают с Бхадра, отдельно от остальных, «вероятно, поскольку тигр и дракон являются соответствующими атрибутами этой пары».

11. Рахула и его молодой прислужник, оба стоят, окруженные облаками; святой сложил руки, восхищаясь *фуна–гоко* (сияние, по форме напоминающее лодку), стоящее на лотосе, который держит прислужник.

12. Нагасена сидит на стуле, обеими руками держа чашу, из которой вырывается фонтан воды; его ноги окутывают облака.

13. Иньгада сидит на камне с магическим скипетром («соответствия желанию», юй–и, яп. *нё–и*) в правой руке. У него большие брови.

14. Ванаваса сидит на камне, молитвенно сложив руки, перед маленькой вазой с «безжизненной ветвью поникшего персика» (?).

15. Аджита обеими руками сжимает узловатый посох; рядом с ним на столе с тремя ножками стоит ваза с пионами.

16. Чудапантхака, сидя на камне, смотрит в небеса, в правой руке — мухогонка, левая лежит на камне. По Андерсону, иногда они сидит на циновке, сжимая обеими руками колено.

§ 46. Японские картины архатов, упоминаемые в *Кокка* и в Избранных Реликтах помимо тех, что упоминались в предыдущих параграфах

Кокка (№ 107, лист 3, с. 211) (наш лист XV, рис. 31) репродуцирует две картины, каждая — с восемью *Ракан*, ошибочно приписываемые Сёкэю (祥啓) по той причине, что на них стоит его печать. В действительности стиль, лица и одежды совершенно отличаются от тех, что изображал этот художник. Опираясь на их стиль, автор *Кокка* не колеблясь относит их к периоду Хигаси–яма, т. е. временам Асикага Ёсимаса (вторая половина 15–го века). В 1477 году Ёсимаса построил дворец Хигаси–яма, хорошо известный киотосский Гинкакудзи, где был возведен серебряный павильон, имитировавший «Золотой Павильон» (Кинкакудзи), построенный в 1397 году. Если изложенное в *Кокка* верно, то эти картины датируются временем, немного спустя пору Сёкэя, так как художник умер в 1345 году. Он был монахом в камакурском Кэнтёдзи, умело рисовавшим на буддийские темы; свои ландшафты и фигуры он заимствовал из стиля Му Ци (художник времен Южной Сун, см. выше, эта глава, § 31). Сёкэй — псевдоним Сэккэя (雪渓). Он писал черным цветом и был, не считая школы Косэ и Такума, первым, кто пропагандировал китайский стиль. Он подписывался также: Бинракусай (貧樂斎), Кюгэцусай (休月斎), Рюкё (龍杏) и Эйфусай (栄普斎). Его еще называли Кэй Сёки (啓書記), «Секретарь Кэй» (из Кэнтёдзи)[333]. *Кокка* не упоминает собственников этих *какэмоно*.

В Рокуо–ин (鹿王院), древнем храме Риндзай в Киото, воздвигнутом Асикага Ёсимицу (1358–1408), хранятся две картины (*Кокка*, № 205, Листы IV и V, с. 720), на каждой из которых изображены по восемь *Ракан*, и которые традиция приписывает кисти Гассю (月舟) (не Гэссю, как транскрибирует это имя *Кокка*). Они относятся к группе из трех *какэмоно*; фигуры на центральном называются Сандзон (三尊, "Трое Почтенных", т. е. Триратна, или Будда, Самантабхадра и Маньджушри). Некоторые критики склонны приписывать их китайскому художнику эпохи Юань, однако автор *Кокка* считает их японскими произведениями, основывающимися на живописи Юань, но не чистыми имитациями. Он замечает, что причина того, что древние японские художники столь любили этот пред-

333 См. *Дай Нихон дзиммэй дзисё*, с. 897, s .v. *Shōkei*.

мет, состояла в допущении свободной его трактовки, не слишком ограниченной религиозными представлениями. Относительно Гассю он заявляет, что, судя по старым записям, этот монах жил в Энцудзи (圓通寺), храме школы Сото в провинции Тамба; он был искусным художником и каллиграфом и пользовался водой озера Бива для смешивания красок. Более вероятно, что он был художником раннего периода эпохи Асикага (1336–1573) и современником Сёкэнсая (松軒斎) и Сёдзэна (正善), двух других буддийских художников. Мы обнаруживаем упоминание о нем в *Нихон буккэ дзиммэй дзисё* Васи–но–о (с. 246, s.v. Gwasshū). Там мы узнаем, что он был монахом школы Риндзай из Энцудзи, однако время его жизни, очевидно, неизвестно. Автор картины, изображающей визит Су Дунпо в пещеру Фун–шуй в Хан–чжоу провинции Чжэцзян (*Кокка*, № 290, лист III, сс. 8 и далее), носивший такое же имя (монах Дзюкэй, 壽桂, ум. в 1533 г.), оказывается совершенно иным художником.

Цветная картина с изображением Шестнадцати *Ракан* работы четвертого сёгуна дома Асикага — Ёсимоти (義持) (1386–1428), хранится в Нандзэндзи (南禪寺), киотосском храме школы Риндзай, также упоминавшемся выше (эта глава, § 31). Тадзима (Избранные Реликты, V, лист 19), приводящий ее репродукцию, заявляет, что Ёсимоти научился этому искусству у Тё Дэнсу, чьи произведения ценил очень высоко. Стиль и краски напоминают те, что использовал этот мастер, однако во всех отношениях эта работа намного уступает; в ней также отсутствует гармония композиции. Однако она интересна с исторической точки зрения, так как демонстрирует большую значимость культа Шестнадцати *Ракан*, образовавшуюся в особенности от пропагандирования этого культа школой Риндзай.

Кокка (№ 202, лист III, с. 627) приводит репродукцию картины архата, написанной Байкэном (梅軒). В *Хонтё гайси* этот художник называется учеником Сэссю (雪舟), знаменитого мастера китайской школы, жившего 1420–1506, и говорится, что он в основном писал черным цветом. Сам он был мирянином, однако предпочитал ландшафтам, птицам, или цветам буддийские сюжеты. В его работе видится влияние Сэссю, однако в них недостает его вдохновленности. По автору *Кокка*, они более напоминают рисунки Сюгэцу. Владельцем является г–н Охаси Дзютаро, проживающий в Токио. Наш лист VI, рис. 13.

Монах школы Сингон Сёдзё (昭乘), псевдонимы — Сёкадо (松花堂) и Сёдзё–о (惺惺翁) (1589–1639), жил в Таки–но мото бо (瀧本坊) на Отокояма (男山), хорошо известной горе к югу от Киото, на вершине которой расположен храм Ивасимидзу Хатиман. Он достиг ранга адзяри хо–ин (法印)[334]. Будучи в религиозном плане учеником Дзицудзё (實乘), он учился рисованию у Кано Санраку (山樂) и поклонялся искусству Му Ци (см. выше, эта глава, § 31). В плане благородства духа Тадзима сравнивает его с художниками Хигасияма (вторая половина 15–го века). Он написал две картины в форме веера, слегка раскрашенных, на каждой из которых изображены восемь *Ракан*, которые сейчас находятся в собственности

334 См.: *Дай Нихон дзиммэй дзисё*, с. 982, s .v. *Shōjō*.

г–на Масуда Такаси, Токио. Они репродуцированы в Избранных реликтах (III, рис. 33 и 33а) и в *Кокка* (№ 69, листы II и III, сс. 398 sq.). Тадзима замечает, что стиль Кано почти не проявляется в мастерском использвании кисти, что является доказательством независимости художника. В Дайтокудзи, киотосском храме школы Риндзай, упоминавшемся выше (Гл. II, § 24), как владельце единственной китайской картины в Японии с изображениемм 500 *Лохань*, хранятся шестнадцать картин, представляющие собой явные копии с двух картин Сёкадо с изображением Шестнадцати *Ракан*, о которых говорится в публикуемой статье. Однако детали несколько отличаются; рядом с каждым архатом стоит прислужник, и на каждой картине изображается лишь по одному святому, а не по восемь. Эти копии исполнены столь умело, что кажутся подлинной работой мастера; на них также стоит его печать. Две из них мы обнаруживаем в Избранных Реликтах (XVI, рис. 25 и 25а) (наш лист XV, рис. 32). Что касается двух картин, находящихся сейчас в собственности г–на Масуда Такаси, то автор *Кокка* (№ 69, сс. 398 и далее) сообщает нам, что ранее они принадлежали дому Кобори (小堀, семейство *даймё*) и упоминались среди сокровищ провинции Тотоми. Относительно этого семейства мы можем сказать, что Кобори Масакадзу (1579–1647), правитель Тотоми, был признанным художником и поэтом, и что он основал школу обучения чайной церемонии, в искусстве которой его потомки весьма преуспели.

Кано Танъю (探幽), знаменитый художник, живший с 1602 по 1674 год, поднявший школу Кано из состояния упадка, создал три картины, на центральной из которых изображен Шакьямуни в момент возвращения с гор, осененный аскетизмом и покрытый лишь накидкой, подобранной на кладбище. По обеим сторонам этой картины должны были висеть две другие, на каждой из которых изображались по восемь архатов, летящих на облаках над морем, едущих на спине тигра или льва, побуждающих дракона подняться вверх из чаши, пересекающих море, стоя на плывущем посохе, или парящих в небе, подобно птице. Три эти картины, которыми владел граф Мидзогути Наомаса из Токио, прекрасно раскрашены и исполнены на шелке. Они репродуцированы в *Кокка* (№ 181, лист VI), где им дана высокая оценка, как впечатляющих и грациозных (наш лист XVI, рис. 34). Автор замечает, что Шакьямуни серьезен и сдержан, но архаты лишены религиозного сентимента. Он указывает на то, что буддийские картины времен до периода Камакура, т. е. до 13–го века, чисто религиозны; написанные же в период Камакура (1192–1333) и в особенности в период Асикага (1336–1573) — частично религиозны, а частично художественны; те же, что созданы в период Токугава (1603–1867) в большинстве случаев чисто художественны, при отсутствии глубины религиозного чувства. К последней категории принадлежат и эти архаты.

Нет необходимости спрашивать — что произошло с этим предметом в руках художников натуралистических школ Ганку и Сидзё. В 1820 году Ёкояма Кадзан (横山華山) (1784–1837), ученик Ганку и Госюна, написал цветную картину архата Пантхака, сидящего под усохшим деревом на краю пропасти и пристально глядяще-

го на двух драконов, сражающихся под его ногами за хорошо известный огненный шар (объясняемый, как драгоценный камень, исполняющий желания) (наш лист XV, рис. 33). Это может быть, как считает Тадзима (Избр. Рел. X, лист 35), новой концепцией, и мастерство достаточно высоко, но мы должны признать, что нам не нравится реализм, с которым последние следы божественности и вдохновения исчезли навсегда. Мы говорим о ней здесь ради сравнения с древними картинами. Она принадлежит г–ну Накаяма Китибэй из Токио.

Другой художник, исходно принадлежавший к школе Сидзё, — Хиронари (廣成) (1777–1839); по *Кокка*, № 122, лист IV, с. 30, умер в 1842 году. Он написал пару *какэмоно*, репродуцированных в *Кокка*. Нет необходимости говорить, что мы не восхищаемся этими шестнадцатью святыми (по восемь на каждой картине), хотя их автор был известен, как умелый изобразитель человеческих фигур, цветов и птиц, а также как подражатель У Даоцзы. Он был родом из Киото, а живописи учился у Мацумура Гэккэй (松村月溪, 1742–1811), основателя школы Сидзё; позже, однако, он изменил свой стиль и подражал упомянутому танскому мастеру. Его истинным именем было Хиронари, а псевдонимами: Сикэн Бодай (子憲菩提), Кихаку (既白) и Токи (東暉).

Наконец, упомянем изображение архата, сидящего на облаке и несомого драконом над пенящимися волнами моря (из коллекции д–ра Миямото Тю в Токио). Оно было выполнено Кано Хогай (芳崖), который в 1887 году являлся одним из директоров Токийской Школы изящных искусств. Таки Сэйити в своей статье, озаглавленной «Современные японские картины» (*Кокка*, № 206, с. 9, с небольшой иллюстрацией) верно порицает этот стиль как «незавершенное уподобление китайским канонам и их неверное последующее изображение» и говорит, что этот художник «явно пытался придать всему тот тон свободной и раскрепощенной концепции, которая облагораживает работы того же Сэссона; однако, его попытка закончилась неудачей, так как фантазия, которая в руках древних мастеров никогда не расходилась с природой, в данном случае деформировалась в обычный гротеск».

Не следует удивляться тому, что современные художники безрезультатно пытались вдохнуть новую жизнь в это направление буддийского искусства, умершее задолго до того. Так, уже с начала эпохи Токугава даже столь славный предмет потерял всю свою великую силу, полученную от Гуань–сю и великих мастеров эпохи Сун.

§ 47. Картины с изображением *Ракан*, описанные Андерсоном

Все архаты в *Буцудзо дзуй* имеют круглый нимб за головами. Андерсон замечает, что это наблюдается почти на всех японских картинах, тогда как на китайских нимб, как правило, отсутствует и, как считают, совершенно не изображался в индийских произведениях. Действительно, на китайских картинах и изображениях на камне, репродуцированных в работе Тадзима об архатах из коллекции Такахаси, а также в

описаниях различных китайских групп из 16–ти и 18–ти архатов нет ни изображений нимбов, ни их упоминаний. Поскольку Гуань–сю их не писал, прочие художники последовали его примеру. Однако на Тибете и в Монголии все было по–иному, как мы узнаем из картины, приведенной Грюнведелем в его в высшей степени интересной и познавательной работе *Mythologie des Buddhismus in Tibet und der Mongolei* (с. 7, рис. 3, Будда Гаутама, которого окружают Стхавира и четыре Локапала).

Нимб опущен на *какэмоно* японской буддийской школы (на шелке, в красках), которое Андерсон (с. 66, № 1) описывает так: «Фигура священника, держащего буддийскую *нё–и*. Мочки уха удлиненны, однако нимб, почти непременный аттрибут архатов на японских картинах, отсутствует. Перед ним — коленопреклоненный Апсара с подношением из персиков и цветущей ветви Персикового дерева долголетия».

Относительно второго архата (№ 2) дано следующее описание: «Почтенный человек с чрезвычайно увеличенными бровями, окруженный бесцветным, прозрачным нимбом. Он сидит под деревом Сала, рядом с ним клубком свернулся тигр. Здесь изображен архат Бхадра, однако сопровождающую фигуру идентифицировать не удалось (т. е. предшествующего архата, поскольку *какэмоно* парные). Приписываются (т. е. обе картины) Тё Дэнсу (Минтё). Подпись, или печать отсутствует. Первая половина 15–го века». Далее он замечает, что в Японии скипетр *нё–и* используется в основном в школе Дзэн (которая, как мы писали выше, явилась главным пропагандистом культа архатов).

Третье *какэмоно* на шелке (№ 3), написанное красками и представляющее архата со львом (Андерсон сомневается, действительно ли это Субхака, т. е. Швапака), оно также приписывается Тё Дэнсу. Возможно, это копии с произведений мастера, который, как мы видели выше, действительно писал архатов.

Шестнадцать архатов, изображенных вместе на *какэмоно* (на шелке, в цвете) Кано Тисином, или Томонобу (知信), художником девятнадцатого века, подписывавшегося Хогэн Нагахидэ (法眠永秀) Тисин Томокусай, упоминаются Андерсоном под № 1516, с. 318.

ГЛАВА IV. ЛЕГЕНДЫ ОБ АРХАТАХ ИЗ *Тай–пин гуан–цзи* И ИЗ КИТАЙСКИХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О БУДДИЙСКИХ СВЯЩЕННИКАХ, НАПИСАННЫХ ВО ВРЕМЕНА ДИНАСТИЙ ЛЯН, ТАН И СУН

§ 1. *Тай–пин гуан–цзи*, 太平廣記

Название этой работы значит «Обширные записки эры Тай–пин» (976–983). В 977 году император Тай–цзун (太宗) династии Сун повелел группе из тринадцати ученых под руководством Ли Фана (季昉) составить большую энциклопедию с выдержками из сотен произведений. В 983 году, когда труд был окончен, император просмотрел манускрипт, и то, что он одобрил для напечатания, известно, как Тай–пин юй–лань, 太平御覽, «Труд эпохи Тай–пин с императорского благословления», а части, вычеркнутые им, составили *Тай–пин гуан–цзи*. Эта вторая работа, согласно де Грооту, который рассматривает ее в четвертом томе своей Religious System in China (Introduction, p. X), является «богатейшим источником для изучения китайских мифов и легенд». Она была малоизвестна до 1566 года, когда ее переиздали. В ней содержатся несколько легенд об архатах, которые мы вкратце приведем, дабы показать общие представления, превалировавшие в древнем Китае.

Они описываются являющимися в облике святых, странных монгольских или индийских монахов, 聖僧異僧胡僧梵僧, летающих по воздуху и оставляющих благоухание в тех домах, где побывали. В одной из этих легенд такое существо предупреждает человека, чтобы тот не убивал свинью, поскольку она является реинкарнацией его умершего сына[335]. В другой раз монгольский монах объявляет женщине, молящейся Гуаньинь о ниспослании ребенка, что он сам родится, как ее сын. Вскоре после этого она, действительно, родила сына, который в возрасте не более шестнадцати лет уже объяснял санскритские тексты и стал отшельником[336]. Монах, проведший ночь в доме чиновника, предрекает ему счастье, если он будет довольствоваться второстепенным рангом, и несчастье — если он станет стремиться к более высоким чинам. Тот, однако, предпочел блестящую карьеру счастью и был в конце концов казнен. Что касается священника, то ночью, когда он остановился в

335 Гл. 439, с. 4.
336 Гл. 110, с. 2.

доме чиновника, его видели взлетающим на крышу в образе большой птицы, однако к утру он принял свой прежний человечий облик[337].

Однажды ночью человек, глубоко верующий в буддийское учение, готовя место для поклонения Триратна, внезапно услышал отчетливые голоса, читающие сутру, и увидел пятерых величественных *шрамана*, стоящий перед образом Будды и читающих священный текст. Когда он почтительно им поклонился, те взлетели в воздух и исчезли[338].

Священник, бродя по горам был застигнут темнотой. Внезапно он услыхал храмовый колокол и, пойдя в направлении звука, он вышел к прекрасному буддийскому монастырю под названием Лин–инь–сы, 靈隱寺, или «Монастырь божественного уединения». Его охраняли пять или шесть громадных собак, позволивших ему подойти к воротам. Все двери были заперты за исключением той, что вела в Зал молитв. Там он был один, но внезапно пятьдесят, или шестьдесят *бхикшу* прилетели по воздуху и спустились вниз через дыру в крыше зала. Он услышал как они рассказывают друг другу, откуда кто из них прибыл. Затем прибыл еще один *бхикшу* и объяснил свое опоздание тем, что заслушался очень интересной проповедью одного настоятеля буддийского монастыря. Услыхав имя настоятеля, слышавший монах, до того невидимый волшебными *бхикшу*, воскликнул: «Это же мой учитель!» Как только он это произнес, всё — *бхикшу* и монастырь, исчезло, и в пустом лесу не осталось больше ничего[339]. В буддийских работах существует много подобных историй об архатах, живущих или собирающихся в таинственных, величественных монастырях на крутых склонах гор или в лесных чащобах. Обычный человеческий глаз не в состоянии их увидеть, а продвинутые монахи могут смотреть на них лишь непродолжительное время. Оставив их, они оглядываются, и вот! — не остается ни следа от прекрасных святилищ.

Преданные читатели *Ваджра–сутры* (金剛經, Цзинь–ган–цзин, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 10–12: 金剛般若波羅經, три перевода одной и той же знаменитой махаянской работы о Праджняпарамита) были спасены или излечены архатами[340]. Так, монгольский священник спас одного человека, явившись ему во сне и посоветовав бежать, поскольку к месту, где он прятался, приближались враги. В другой раз странный монах дал сутру человеку, который ослеп за несколько лет до этого, так как поел собачатины. «Эта сутра, — сказал он, — спасает всех людей от страданий». Затем он явился ему во сне и, взрезав, открыл ему глаза. Когда тот проснулся, то мог немного видеть, а через несколько месяцев излечился полностью. После этого он стал преданным почитателем Ваджра–сутры[341].

Странный индийский монах с кадильницей благовоний в руке, попросил

337 Гл. 89, с. 7.

338 Гл. 113, с. 2.

339 Гл. 99, с. 3.

340 См. 般若經持驗記, написанные 周克復, жившим в середине 17–го в. (Прил. К Трипитаке, 工, 2, 乙, 7, т. 2), гл. 下, сс. 119, 123, 124, гл. , сс. 129, 131, 132, 135, 137.

341 Гл. 107, с. 1; относительно архата, излечившего слепую женщину, см. гл. 162, с. 5.

у человека поесть, а тот с великой сыновней почтительностью ухаживал за своей матерью. Получив еды, архат излечил женщину, поскольку сердце ее сына было благородно, и сказал, что он (архат) был двадцать седьмым святым (聖賢). Затем он внезапно исчез, оставив главу *Махапраджняпарамита–сутры* (般若經). На протяжении десяти дней благоухание от его присутствия наполняло дом[342].

Глубоко веровавший буддист потерпел кораблекрушение, однако, повинуясь голосу невидимого архата, который трижды призывал его молиться Будде, счастливо достиг берега. После он собрал монахов, чтобы накормить их, и туда прибыл странный монах (вероятно, тот самый, кто спас его, когда он был в опасности) и предсказал, что неизбежно восстание, но он спасется и станет богатым человеком высокого ранга. После того, как архат исчез, в его рисовой чашке нашли два маленьких реликта, размером с пилюлю; вскоре его предсказание исполнилось[343].

Умелый прорицатель, угадывавший судьбу людей по их лицам (相人), был убежден, что у него самого лицо человека, чья смерть неизбежна. Затем ему во сне явился святой монах, и он спросил этого архата, как ему продлить свою жизнь. «Организуй большое собрание монахов, (чтобы накормить их и раздать одежду), принеси жертвы Триратне, отпусти на свободу животных и соблюдай посты», — был ответ; последовав этому совету, он и вправду достиг весьма преклонного возраста[344].

В возрасте пятидесяти лет умер высокопоставленный чиновник. Незадолго до его смерти привратнику приснился сон, в котором к воротам прибыло великое множество монахов и юных послушников, говоря, что чиновник является архатом, жившим отшельником на восточном склоне горы Сумеру. Спор с ангелом (天人) послужил причиной его изгнания в мир людей на пятьдесят лет. Теперь этот период окончился, и они пришли, чтобы отвести его обратно в небесные покои[345].

Эти истории показывают нам, что архаты проявляли свою чудесную силу не только в полетах по воздуху, покрывая в кратчайшее время огромные расстояния, но также помогая и спасая преданных буддистов, объявляя о перерождениях и предсказывая счастье или несчастье, излечивая больных и пропагандируя Закон.

§ 2. *Гао–сэн– чжуань*, 高僧傳, или «Биографии выдающихся буддийских монахов»

Эта работа (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1490) была составлена буддийским монахом Хуэй–цзяо, 慧皎, в 519 году. В ней говорится об индийских, или китайских монахах (или мирянах), живших в Китае между 67 и 519 годами. В ней мы находим следующие легенды.

342 Гл. 162, с. 1.
343 Гл. 162, с. 2.
344 Гл. 162, с. 3.
345 Гл. 279, с. 4.

Шрамана был известен исполнением всяческих добродетельных чудес. Он входил в дом сквозь замочную скважину, развлекал как гостя, невидимого святого служителя, а, когда его кремировали после смерти, из его плеч вырвался столб воды и поднялся к небу[346].

Странный старый монах, седовласый и с очень большими бровями, явился во сне монаху, сомневавшемуся — правильно ли он разъясняет сутры и молившемуся о знамении. «Твои объяснения, — сказал он, — соответствуют принципам Закона. Я — буддийский монах, живущий в западной стране, не входя в нирвану. Я буду направлять тебя в проповеднической работе; потому время от времени ты должен будешь подносить мне пищу». Позже, когда Дашадхьяна–виная («Виная десяти возглашений», 十誦律, т. е. Сарвастивада–виная, *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1115, переведена в 404 году) была принесена в Китай монахом, которому приснился тот сон, другой монах, прочитав этот текст, немедленно понял, что странный монах из этого сна был Пиндола (первый из 16–ти архатов). В другой раз святой монах показал прекрасное небо Тушита тому же монаху, когда тот спросил, как достичь спасения. Это был знак, что он переродится именно там, и, через тринадцать дней, когда пост подошел к концу, он умер, не страдая никакой болезнью[347].

Бесконечно вытекавшая из кувшина вода, вхождение и выхождение из храма через маленькую трещину в стене при закрытой двери, — вот чудеса, демонстрировавшиеся среди прочих божественным монахом. После смерти из его тела вырвалось пламя[348].

Другому святому монаху также приписывались многочисленные божественные, чудесные деяния (神異). Когда он входил в дом больного в раздраженном состоянии духа, тот непременно должен был умереть, но, когда он был радостен, обязательно выздоравливал. Он пересекал реку без парома, находился в двух разных местах, разговаривая с разными людьми. Он явно был способен разделять свое тело на несколько частей. И в 50, и в 60 лет он выглядел молодо. Этот святой жил в пятом веке.

§ 3. *Сюй Гао–сэн–чжуань*, 続高僧傳, или «Продолжение биографий выдающихся монахов»

В этой работе (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1493) рассказывается о людях, живших в Китае между 519 и 645 годами. Ее составил Дао–сюань, 道宣, *Nanjo*, App. III, № 21), основатель школы Люй, или Виная, живший 596–667 гг. Нандзё считает время ее составления промежуток между 645 и 667 годами. Следующие легенды относятся к архатам.

346 Гл. X, с. 14.
347 Гл. V, с. 1.
348 Гл. X, с. 16.

Архат Пиндола был настоятелем таинственного монастыря в горах, как мы писали в § 1 этой главы. Один из живших там архатов получил весьма почтительное обхождение от монаха, в монастырь которого он пришел, страдая от весьма грязной болезни, в результате которой вокруг него распространялся омерзительных запах. В таком виде архаты часто появлялись среди земных монахов, очевидно, чтобы проверить силу их сострадания и приверженность учению. Выздоровев, он оставил его, сказав свое имя и место расположение своего монастыря. Однако позже, когда монах захотел навестить своего гостя, никто в округе не знал монастыря с таким названием. Тогда он попытался найти его сам, взобрался на крутой горный пик и, действительно, достиг величественного святилища, где его встретил бывший пациент и представил настоятелю, оказавшемуся Пиндола, знаменитым архатом. Великая мудрость монаха еще раньше привлекала его внимание, так как он объяснял ему много трудных кусков из *Нирвана* сутры. Выйдя из монастыря и направившись домой он оглянулся, и вот! — не было видно ничего, кроме самих гор[349].

Другие архаты жили отшельниками в небольших горных хижинах. В пятом веке один монах, бродивший по лесам, провел ночь в такой хижине. На вопрос, с каких времен в ней проживает хозяин, тот ответил: «С конца династии Хань», к великому изумлению гостя, знавшего, что это было три или более века назад. Другим признаком святости отшельника был тот примечательный факт, что он знал наизусть много сутр. По словам самого архата, этой способностью он обладал из–за «бездейственного сердца» (無作心), тогда как у гостя было «сердце, которым овладело действие» (有作心). Он не мог позволить ему остаться в своем доме, так как гость распространял неприятный запах от того, что гордился своим знанием сутр (отшельник знал их и так, безо всяких усилий). Поэтому на следующее утро монах оставил дом своего божественного хозяина[350].

Другой монах посетил пещеру, в которой проживал такой же святой монах, называвшийся святой *сянь* (仙聖). У этого отшельника были очень длинные брови, свисавшие на уши, и на протяжении всей ночи он читал сутры. На следующий день монах вернулся домой, однако, когда после захотел навестить отшельника вновь, на этот раз — с другом, то больше не мог найти пещеру[351].

Архат Рахула был увиден глубоко веровавшим настоятелем монастыря, когда он летел по воздуху встречать его душу. Странный аромат заполнил святилище, и через небольшой промежуток времени настоятель умер[352].

Другой архат предсказал благочестивому монаху его близящуюся смерть, точно назвав дату и час.

349 Гл. 33, с. 17.
350 Гл. 33, с. 22.
351 Гл. 33, с. 15.
352 Гл. 18, с. 14.

§ 4. *Сун–гао–шэнь–чжуань*, 宋高僧傳, или «Биографии выдающихся монахов, написанные (в конце) династии Сун»

Эта работа (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1495), составленная в 988 году монахом Цзань–нином, 贊寧, рассказывает о служителях, живших в Китае между 645 и 988 годами.

В ней содержатся легенды об архатах, похожие на те, что помещены в предыдущих работах. Они летают по воздуху, и не обязательно в одиночку[353] как те, что описывались в более старых книгах, но также и группами. Так, более трехсот монахов, державших фонари, были видны ходящими по воздуху над горами в темноте ночи. Их даже называли бодхисаттвами и поклонялись им; на том месте был воздвигнут монастырь[354]. 500 архатов появились, прилетев по воздуху в облике странных монахов и, получив подношения, вернулись на свою гору (太白山, «Великая Белая Гора»)[355].

В 833 году *шрамана* Пу–ань (普安), монах из Фу–дянь–сы (福田寺) с Тянь–тай–шань (которые бесстрашно ударил тигра своим посохом, когда тот кормил своего тигренка, и прогнал его с горы), построил «Зал 500 архатов» на Тянь–тай–шань и приказал написать их картины. Каждый раз, когда одну из них заканчивали, он проводил церемонию, приглашая архата в храм с Каменного Моста; в полночь он жег благовония и проводил его в Зал со знаменами и с музыкой. Затем внезапно птица золотого цвета (архат) прилетала в святилище. Он также видел много индийских монахов, ходящих вокруг, или сидящих на тропинках, разделявших рисовые поля у Каменного Моста и являвших бесчисленные прекрасные превращения. Каждый год царь той страны отправлял официальную церемонию в этом Зале Архатов[356].

В 740 году один буддийский монах умер, а затем воскрес. Он рассказал, что *шрамана* Цзы–юй (умерший за двенадцать лет до того в 752 г.) провел его к Царю Яма и просил того умерить свой гнев и отослать его (монаха) обратно в мир людей, поскольку он являлся истовым возгласителем *Нирвана*–сутры. Царь согласился, и монах ожил. Здесь мы видим, что архат действует, как спаситель из ада, подобно Ди–цзану и Гуань–инь.

В Главе I, § 1 мы видели, что архаты обладают шестью видами трансцендентного знания (*абхиджня*), по китайски называемого 六通, или 六神通. Первое из этих шести, «Небесный Глаз» (天眼), делает их способными видеть все, что происходит в мире. Эта сила упоминается в одной из легенд, приводимых в данной работе[357]. Знание мыслей других мы находим во многих предшествовавших и последующих

353 Гл. II, с. 1; гл. XX, с. 12. См. также *Фо–юань шу–линь* (668), гл. 67, с. 13; гл. 55, с. 11 (где подобный монах, сперва раздав достаточно пищи всем монахам из своей чашки, бросает ее в воздух и улетает); гл. 27, с. 12; гл. 45, с. 8 (странные монахи в воздухе; храмовый колокол звучит сам по себе, когда настоятель собирается созвать монахов; колодец начинает бурлить, когда в нем не хватает воды).

354 Гл. XV, с. 8.

355 Гл. XXIV, с. 2.

356 Гл. XXVII, с. 7.

357 Гл. XIII, с. 7.

историях, равным образом, как и знание своих и чужих прежних жизней. Что же касается многочисленных предсказаний приближающейся смерти, или будущего, то это, вероятно, лишь вариант «Небесного Глаза», которым видят, как существа умирают и перерождаются, а также все, происходящее в мире. Это явно должно было включать в себя будущее. «Превосходство духа над телом» (身如意) демонстрируется полетами по воздуху, принятием различных обликов, исчезновениями и появляниями, покрытием неимоверных расстояний за кратчайшее время. Невидимость их тел распространяется и на их жилища, как мы узнаем из многочисленных рассказов об их таинственных монастырях и горных селениях, которые видимы лишь тогда, когда они готовы принять особых гостей[358]. Шестая разновидность знания, «прекращение истечения», т. е. уничтожение загрязняющих страстей, также упоминается в одной из легенд этой работы[359].

Их замечательное знание сутр, о чем мы читаем в некоторых историях, упоминавшихся в предыдущих параграфах, было также продемонстрировано странным монахом, ночь напролет читавшим сутры, а из его рта при этом исходило золотое сияние. На следующее утро он исчез[360]. Этот человек вел себя очень странно, поскольку ел мясо и пил вино, — ужасное преступление для благочестивого монаха! Подобные же факты приводится и в некоторых других легендах, что, кажется, показывает, что истинная святость иногда прячется под отрицанием общепринятых правил монашеской жизни. Иногда они разговаривают, как сумасшедшие, однако позже становится ясен глубокий смысл их слов. Так произошло со странным монахом, называвшимся «Архат Ван», или «Царственный Архат» (Ван–Ло–хань). В 968 году он умер, находясь в сидячем положении. Через три дня ученики спеленали его тело, но вдруг из его рта раздался какой–то звук. В ту ночь он явился во сне нескольким монахам и пожаловался, что не может открыть глаз из–за того, что бинты покрыты лаком; тогда они сняли их и увидели, что тело как живое. Они собрали маленькие круглые реликты, выпавшие из него, и поклонялись им. Его тело оставалось нетленным; он доказал, что является архатом и соответствует своему имени[361].

Мы также узнаем из этой работы, как Гуань–сю (貫体) (832–912), знаменитый художник, писавший архатов, понемногу написал их всех, в порядке, в котором они являлись ему во снах. За великую добродетельность правитель Шу назвал его «Великим Учителем Луны Дхьяна» (禪月大師)[362].

Здесь мы находим использованным термин Архат и упоминание о 500 архатах с Каменного Моста на Тянь–тай–шань, тогда как в более старых работах говорилось лишь о «святых, странных монгольских или индийских монахах».

358 См. Гл. XIX, с. 8; Гл. XXI, с. 19.
359 Гл. XXI, с. 19.
360 Гл. XXIV, с. 12.
361 Гл. XXII, с. 10.
362 Гл. XXX, с. 9.

§ 5. *Цзин–дэ чжуань–дэн–лу*, 景德傳燈録, или «Записки о передаче лампы (Закона) вплоть до эры Цзин–дэ (1004–1007)»

Работа была написана монахом школы Дхьяна Дао–юанем, 道源, во время конца династии Сун. Это история индийских и китайских патриархов школы Дхьяна; в Каталоге Нандзё она упоминается под № 1524.

Гора Тянь–тай была местом, где некоторые из этих великих школы Дхьяна встречали божественных монахов. Так, Тань–тай да–ши (天台大師), сидя там в медитации и намереваясь построить храм рядом с Каменным Мостом на этой горе, был навещен тремя божественными мужчинами и старым монахом. Последний сказал, что еще не пришло время строить святилище, поскольку мир лежит в хаосе; однако, после окончания мятежа великий даритель построит там монастырь и назовет его Гуо цин сы (國清寺), или «Монастырь Очищения Страны». В 598 году император (династии Сун) приказал своему сы–ма–гуань (инспектору кавалерии) Ван Хуну построить святилище с этим названием на том самом месте[363].

Другой монах Дхьяна встретил на этой горе монаха, который заговорил с ним, как со старым другом (из прошлого перерождения) и ходил по воде, как по твердой поверхности[364].

Как правило, эти святые монахи были очень высокими и имели величественный облик. Они пропагандировали Закон, призывая молодых, ученых людей становиться монахами, являясь им во снах[365], или рассказывая об их монашеской жизни в предыдущих существованиях[366]. Они испытывали монахов Дхьяна, появляясь в их монастырях в очень грязном виде, страдая от каких–либо хронических болезней кожи, похожих на проказу, или псориаз. Тогда действительно преданные учению монахи, предназначением которых было сыграть великую роль в истории их школы, омывали и лечили больного, которого все прочие презирали и сторонились. Через какое–то время он уходил, испустив божественное сияние и распространив вокруг себя ароматный запах. Оставленные им ошметки язв превращались в нежные благовония. Монах Дхьяна Чжи–хуэй (智暉), который ухаживал за таким таинственным гостем, собрал эти благовония и сделал изображение Гуань–инь в память о божественном визите; на протяжении жизни он принес спасение 1500 ученикам[367]. Другой монах этой школы находился под особым покровительством такого святого, так как последний дважды являлся ему во сне, излечил его от тяжелой болезни и помог ему достичь спасения с помощью наставлений знаменитого монаха Дхьяна[368].

---

363 Гл. XXVII, с. 97.
364 Гл. IX, с. 69.
365 Гл. XXVII, с. 96.
366 Гл. IV, с. 33.
367 Гл. XX, с. 32.
368 Гл. XVIII, с. 16.

§ 6. *Фо–цзы тун–цзи*, 佛祖統記, или «Общие записи о буддах и патриархах»

Эта история китайского буддизма (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1661) была написана в 1269–1271 годах монахом школы Тянь–тай Чжи–панем, 志磐. Здесь мы находим упоминание о Пиндола, первом из 16–ти архатов, который был явно самым популярным как в Китае, так и в Японии (где его называли Биндзуру). В 871 году он появился на религиозном собрании тысячи монахов во дворце в облике буддийского служителя с очень большими бровями; получив подношения, он улетел по воздуху[369].

Он также навещал монаха Тянь–тай, который, по убеждению людей, являлся одним из 500 архатов с Тянь–тай–шань, умершего в 1158 году[370].

Один из 16–ти архатов из Лун–синь–сы (龍興寺) в 960 году просил императора не наказывать бунтовщиков из Ян–чжоу путем закапывания живыми в землю, как тот намеревался. Поэтому император простил их, и так архат спас людей от жестокой смерти, а императора — от смертного греха[371].

§ 7. Японский труд того же рода

В связи с этими китайскими работами мы можем упомянуть японскую книгу, написанную в 1702 году по подобию Гао–сэн–чжуань буддийским монахом Сибаном, 師蠻. Это *Хонтё кособэн*, 本朝高僧傳, или «Биографии знаменитых японских монахов». Здесь мы находим легенды, похожие на те, что помещены в древних китайских биографиях, о которых говорилось в предыдущих параграфах. Святые служители являлись во снах, объявляя о воскресении умерших[372], излечивая глубоко верующих больных[373], приказывая спящему украсить лицо нового изображения Дзидзо[374], или хваля строгого аскета и обещая помощь после его смерти[375], или перерождение в земле умиротворения[376]. Как и в Китае, в Японии школа Дхьяна особенно почитала архатов. Иногда дзэнские священники сами считались архатами. Так, один старый монах с большими бровями, призывавший Хосё на гору Коя стать дзэнским монахом, был позже встречен им в монастыре провинции Ава и вновь получил от него наставления[377]. Учитель Дхьяна Мугаку (無覺, «Отстраненный от учения», термин, прилагавшийся к архатам, см. выше, гл. I, § 1) увидел во сне, что

369 Гл. XLII, с. 90.
370 Гл. XVI, с. 98.
371 Гл. XLIII, с. 95.
372 Гл. LII, с. 7.
373 Гл. LXVI, с. 5.
374 Гл. LXI, с. 9.
375 Гл. LXVIII, с. 7.
376 Гл. LXIII, с. 1.
377 Гл. XXXIX, с. 6.

к нему явился буддийский монах и дал ему 15 *какэмоно* с изображением 15–ти из 16–ти архатов. На вопрос — где шестнадцатый, монах ответил, что он прибудет на следующий день. На следующее утро пришел *шрамана* Рёсин (良眞), монах школы Риндзай, основавший в Киото Рё (или Рэй) *сюдзи* (靈鷲寺). Позже, когда Рёсин умер, он приказал ученикам вскрыть свою могилу через двенадцать лет (вероятно — чтобы те увидели нетронутое тлением тело), однако те не посмели это сделать[378]. В момент смерти другого святого монаха яркий свет осветил его комнату, и в тот же миг он очутился в другой провинции и продолжал жить[379].

В эру Кангэн (1243–1246) Шакра, величественное божество, окруженное золотым сиянием и наполнявшее храм тонким благоуханием, прибыло как посланник архатов на встречу шарира, устроенную Риси (учителем Виная) Какудзё (覺盛) школы Кайрицу, чтобы восславить от их имени его добродетельность[380].

Столетие спустя в эру Тэйва (1345–1349) Хосю (寶洲), монах киотосского храма Тофукудзи на пути в Китай потерпел кораблекрушение, и его прибило к берегу прекрасной страны. Там он увидел старого монаха с большими бровями, закутанного в величественные одежды и читавшего сутру. Когда же он приблизился, тот немедленно исчез[381].

Мы видим, как китайские легенды имитировались японскими служителями с целью еще большего прославления своего учения.

---

378 Гл. XXIV, с. 19.
379 Гл. LXXV, с. 1.
380 Гл. LIX, с. 2.
381 Гл. XXXIII, с. 24.

ГЛАВА V. ЦЕРЕМОНИЯ, ИСПОЛНЯВШАЯСЯ ВЕТВЬЮ *СОТО* ШКОЛЫ ДЗЭН В ЧЕСТЬ ШЕСТНАДЦАТИ АРХАТОВ

§ 1. Книга школы *Сото*

Интересная небольшая книга, озаглавленная *Ракан* куё–сики, 羅漢供養式, «Церемония подношения архатам», написанная монахом Сото Мэндзаном (面山) (т. е. Дзуйхо, 瑞方, жившим 1683–1769), который сочинил также *Ракан окэндэн*, 羅漢應驗傳, «Предания об эффективности молений архатам»[382], дает нам поминутное описание такого ритуала, отправлявшегося монахами школы Сото в Японии. Эта ветвь школы Дхьяна или Дзэн была привнесена в 1228 году монахом Догэном, т. е. Сёё (承陽) Дайси. В 1223 году Догэн поехал в Китай и оставался там на протяжении пяти лет. После возвращения он принялся проповедовать учение Сото в Кэнниндзи, 建仁寺, в Киото, — первом святилище Риндзай. Оно также относилось к школе Дзэн и было привнесено в Японию в 1191 году Эйсаем, который в 1202 году стал настоятелем Кэнниндзи, нового храма, построенного сёгуном Ёриие. Догэн, который на Хиэйдзан учился в школе Тэндай у Эйсая, последовал его примеру и, представив школу Сото, после основал Эйхэйдзи в провинции Этидзэн и сделал его своим главным святилищем. Как мы замечали выше, Дзэн в особенности почитал архатов.

§ 2. Порядок ритуалов

Порядок этих ритуалов следующий.

1. Место, где проводится церемония (道場, *додзё*) очищается, читается «Текст разбрасывания цветов» (散華文, *сангэ–мон*).

2. Возглашается «Восхваление Четырем видам знания» (四智讃, *сити–сан*), присущих архатам, см. выше, Гл. I, § 2.

3. Читается «Текст Призывания» (勤請文, *кандзё–мон*, букв. «текст призывов и приглашений»).

4. Читается «Жертвенный текст» (祭文, *сай–мон*).

5. Поется «*Гатха* (стихотворение) общих ритуалов» (總禮偈, *сорай–гэ*).

6. Поется «Индийский гимн восхвалений» (梵唄, *бомбай*).

7. Поется «*Гатха* разбрасывания цветов» (散華偈, *сангэ–гэ*).

8. Поется «*Гатха* голоса Будды» (букв. «индийские звуки», 梵音偈, *бонон–гэ*).

9. Читается «*Хаккхара Гатха*» (錫杖偈, *сякудзё–гэ*).

382 О Дзуйхо, псевдоним Мэндзан, см. *Нихон буккэ дзиммэй дзисё*, с. 685.

10. Поется «Текст церемоний» (式文, *сики–мон*).

11. Поется «Всеобщая служба» (普回向, *фу–эко*, специальный гимн школы Дзэн; см. *Буккё дайдзитэн*, с. 1546).

12. Исполняется «Возглашение молитвы к архатам» (應供諷經, *огу фугин*).

§ 3. Подготовительные манипуляции

Поутру «Управляющий Залом» (知殿人, *тидэндзин*), также называемый *дэнсу* (殿司, «Старший Зала», т. е. главного здания храма, Буцудэн), съев завтрак из рисовой каши, идет в Буцудэн, чтобы украсить это место для церемонии и приготовить необходимую утварь.

План, приводимый в конце книги, показывает нам, как он расставляет столы и жертвенные объекты. Перед архатами ставится длинный стол (алтарь), концами ко входу и к архатам, которых помещают в конце зала, т. е. вдоль стены напротив двери. С правой стороны, рядом с архатами и с алтарем, находится место «Мастера Церемонии» (式師, *сики–си*). Посредине алтаря помещается курильница, составляющая с двумя цветочными вазами (на левой стороне стола) и двумя подсвечниками (справа) обычное убранство стола. Перед архатами на алтарь кладутся четыре вида подношений, а также «Текст Возглашений» (читаемый под № 3) и «Жерственный текст» (читаемый под № 4). Перед ними, посредине передней части алтаря мы видим сосуды с водой для разбрызгивания, далее — экоку (т. е. разновидность коробки с одной ножкой, заполненной искусственными цветами, которые предлагаются буддам и бодхисаттвам) и ручная курильница. Гораздо меньший стол ставится перед алтарем, и на него кладутся цветы, свечи, маленькие колокольчики (鈴子) и курильница. Перед этим столом находится место поклонов, т. е. поклонения архатам, между двумя маленькими зеркалами. Третий стол, еще длиннее алтаря, стоит ближе всего ко входу, и на нем полагаются «деревянные рыбы» (木魚, *мокугё*, пустые деревянные ящики в форме рыбы, в которые буддийские монахи ударяют во время молений), *кэйси* (*цин цзы*, «звучащие камни, или пластины, которые подвешивают, как колокольчики на раме и ударяют в них молотками» Wells Williams, s.v., см. картину на с. 12 в *Буцудзо дзуй*, т. 5), кимвалы (*бассу*) и *экоку*. По обеим сторонам есть восемь мест для основных руководителей монастыря (справа 都寺、監寺、副寺、直歳、化主、典座, и два 上座; слева 西堂、主座、書記、知藏、浴主、侍眞 и 侍聖). Некоторые из этих титулов вполне понятны; три первых, очевидно, самые высокие; 化主 — должно быть глава монахов, который должен обращать людей молитвами и возглашениями; третий и четвертый из второго ряда — секретарь и канзачей, тогда как два следующих монаха занимаются соответственно приемом гостей и омыванием.

Установив все, как полагается, «Глава Зала» приказывает *андзя* (行者, молодому монаху–прислужнику в храме, или монастыре) сообщить настоятелю (住持,

дзюдзи) и старшим монахам (用僧, *ёсо*), что к церемонии все готово. Одновременно трижды ударяют в храмовый колокол (三會, *санъэ*, каждый тяжелый удар сопровождается несколькими все более и более слабыми).

По этому сигналу «большая толпа» (大衆, т. е. все монахи–участники) собираются в месте проведения церемонии, т. е. приходят к Буцудэн и выстраиваются рядами перед зданием (в так наз. *ро–ти–и*, 露地位, «месте земляной росы»). План показывает нам, что за «Мастером церемонии» их по шестнадцать (16 архатов, 16 сидений для участников и 16 старших монахов) и что у каждого из них — фиксированное место, как перед входом, так и в зале. В середине, перед входом, стоит «Мастер Церемонии» (сикиси). Слева от него — два «Мастера Возглашений» (*байси*) и *сюдза* (首座, «Главное Сидение» одного из руководителей, чье место — второе у левой стены). Справа — ино, монах, который должен разбрасывать цветы и разбрызгивать воду. Далее, мы видим справа монаха, чья обязанность — жечь благовония; рядом с ним, во втором ряду, стоит «Главный по воспеванию хвалы» (讃頭, *санто*) и другой монах с таким же титулом, занимает место слева. Далее, слева направо, во втором ряду видны два монаха, которые должны читать «Текст Возглашений» (勤請文, *кандзё–мон*), задача другого — читать «Священный текст» (祭文, *сай–мон*), «Глава Зала Собраний» (堂司, *досу*), второй разбрасыватель цветов (т. е. певец «*Гатха* разбрасывания цветов»), певец «*Гатха* индийских звуков» (梵音, *бон–он*, т. е. голоса Будды) и певец *хаккхара Гатха* (вероятно, держащий *хаккхара*, 錫杖, *сякудзё*, магический посох с металлическими кольцами).

Затем на место церемонии прибывает настоятель, а *ино* (維那, по Eitel, Sanscr. Chin. dict., s.v. *karmadana*, второй ранг, или заместитель настоятеля монастыря, кармадана, объясняемый, как 知事, «тот, кто знает дело»; он — главный в церемонии, но не «Мастер Церемонии», специально назначаемый для каждого случая) бьет в маленький гонг, который держит в руке, давая сигнал начинать.

Старшие монахи и настоятель по очереди заходят в церемониальный зал (Буцудэн), и каждый из них, прийдя на свое место, трижды кланяется. Затем ино выступает вперед и делает знак (問訊, *монсин*) трем монахам, которые должны один за другим разбрызгать воду, разбросать цветы и внести кадильницу благовоний. Эти три монаха стоят справа от входа, а слева — два «Мастера Песен» и сюдза на своих местах. После них, у левой и правой стены располагаются два «Главы песенных восхвалений» и восемь прочих монахов, стоящих у длинного стола напротив входа посредине зала (первый стол от входа, третий из упоминавшихся выше). Ино занимает место посредине; справа досу, читатель «Священного текста» и два читающих «Текст Возглашений», слева стоят трое певцов *Гатха* Разбрасывания Цветов, «*Гатха* Индийских Звуков» и «*хаккхара Гатха*».

§ 4. Очищение места церемонии и чтение «Текста разбрасывания цветов»

Три монаха, которые должны разбрызгивать воду, разбрасывать цветы и держат кадильницу благовоний вместе идут к столу (алтарю) и берут свои принадлежности. Когда они, синхронно кланяясь, доходят до своих назначенных мест и останавливаются там, *ино* трижды бьет в большой гонг и читает «Текест Разбрасывания Цветов» (*сангэ–мон*). Это — стихотворение из четырех строк, в каждой их которых по семь иероглифов. Все монахи повторяют его одновременно, и, когда прочитана вторая строка, трое вышеупомянутых начинают идти вокруг стола, разбрызгивая воду, разбрасывают цветы, кадят благовониями и возглашают текст по три раза за один круг. Цветы сделаны их металла и уложены в чашу; цель этого действия — очистить место церемонии. В стихотворении говорится:

«Разбрасывая цветы мы освящаем зал,
«Мы разбросали драгоценные цветы, чтобы образовать цветочный занавес,
«Мы разбросали повсюду много драгоценных цветов,
«Как подношения всем Татхагатам».

После того, как место церемонии, таким образом, освящено, трое монахов возвращаются на свои места.

§ 5. Восхваление Четырех видов знания (四智讃, *сити–сан*)

После этого *ино* выступает вперед и делает знак двум *санто* (讃頭, «Главам песенных восхвалений»). Каждый раз, когда он просит других монахов–помощников исполнять свои обязанности, он делает тот же знак. *Санто* вместе идут к (самому первому) столу и берут кимвалы, после чего занимают место слева и справа и читают «Хвалу Четырем видам знания». Первый читает, а остальные монахи подхватывают хором; когда возглашение заканчивается, он один раз ударяет в кимвалы. Это называется первой частью (前分, *дзэмбун*), тогда как вторая (中分, *тюбун*) и последняя (後分, *кобун*) состоят из такого же возглашения, исполняемого монахом справа и обоими вместе, и каждый раз им вторит хор и удар в кимвалы. Так называемая «Похвала» представляет собой мистическую формулу, состоящую их чистой абракадабры и заканчивающеся на сваха, финальное благословление. Музыкальные тона возглашения указываются черточками и другими знаками, рисуемыми сбоку иероглифов. На следующей странице мы находим таблицу ударов в кимвалы, сопровождающих три раздела этой части церемонии: длинные и короткие линии с точками.

§ 6. Чтение «Текста Возглашений»

Два *санто* возвращаются на свои места, *ино* подает знак двум монахам, чтобы те начинали читать *кандзё–мон*, текст очищения и приглашения. Они подходят к алтарному столу, раскладывают перед ним низкое квадратное сидение (坐具, *дза-*

гу), кланяются три раза, берут со стола текст и держат его над кадильницей, чтобы обкурить. Затем они садятся со скрещенными ногами и читают текст. Закончив, они поднимаются, вновь зажигают благовония и предлагают текст, положив его на алтарный стол. Затем они вновь садятся и трижды кланяются, после чего все монахи делают то же (то есть кланяются три раза).

Содержание текста следующее. «Мы все поклоняемся реликтам Татхагаты (Шакьямуни), а также 16–ти Великим Архатам и 500 Великим Архатам. Мы вручаем вам свои жизни и склоняем голову перед тобой, Пиндолабхарадваджа, первый архат, пребывающий на Западном континенте, Апарагодана и тысячью Великих Архатов, твоих последователей. Прими наши скромные подношения и почитание тремя деяниями (三業, *сангё*, тривидхадвара: тела, речи и мысли)».

Таким же образом говорится о 15–ти прочих архатах, их именах, порядке, пребывании и числе соответствующих архатов,– все в точности так, как сказано в 法住記 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1466), 大明三藏法数 (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1621) и в *Буцудзо дзуй*, цитированной выше. Все возглашения начинаются со слов 歸命頂禮, *кимё тёрай*, «мы вручаем свои жизни (ищем пристанища) и склоняем головы», начальная фраза, часто используемая в буддийских молитвах. После того, как упоминается число последователей, *ино* бьет один раз в большой гонг, а все монахи складывают ладони и произносят молитву хором. Затем два монаха читают заключительные слова: «Прими наши скромные подношения... и т. д.», тогда как *ино*, единожды ударив в небольшой гонг, который держит в руках, повторяет ту же фразу и кланяется. Это повторяется при возглашении других архатов, а также при обращении к «500 Великим Архатам из монастыря при Каменном Мосте на горе Тянь–тай» (天台山中石橋瑞應香刹), букв. «Счастливого и Благоухающего Монастыря на Каменном Мосту на Горе Тянь–тай» (см. выше, Гл. II, § 16); архат Махакашьяпа, «пребывающий на горе Куккутапада, 雞足, архат Ананда, архат Кундопадхания («один из Четырех Великих Архатов»), упоминаемый в Сутре о рождении Майтрейя, 彌勒下生經, вместе с Махакашьяпа, Пиндола и Рахула, см. выше, Гл. III, § 2) и «чудесные, прекрасные реликты (тела Шакьямуни) в лесу Сала» (где Шакьямуни умер). Наконец, 16 Великих Архатов провозглашаются совместно, дабы помнить их исходную клятву (принести спасение всем живым существам), дабы они пришли и проявили себя (還念本誓来影向).

Дочитав этот текст, два монаха кладут его на алтарный стол и, трижды поклонившись со всеми остальными, возвращаются на свои места.

§ 7. Чтение «Священного текста»

Сперва *ино* идет к *сикиси*, или «Мастеру церемоний» и почтительно склоняется перед ним. Затем он подходит к служителю, который должен читать священный текст, и подает ему знак. После этого Мастер Церемоний (являющийся одним из главных священников и чья обязанность — читать текст церемонии)

подходит к алтарю, подносит горячую воду и пищу, вновь трижды кланяется, подносит фрукты и чай и, трижды поклонившись в третий раз, берет свое *дзагу* (низкое сидение) и возвращается на место. Когда он кланяется в последний раз, то ударяет в гонг и начинает петь «*Гатха* общих ритуалов». Священный текст есть восхваление 16–ти архатов, перечисление их особенностей (三明、六通、八解脱, объяснено в Гл. I, § 2) и молитва о том, чтобы те приняли подношения.

§ 8. Пение «*Гатха* общих ритуалов»

Ино дважды бьет в большой гонг и поет эту *Гатха*, поддерживаемый хором всех монахов. Она состоит из четырехстрочного стихотворения, по семь иероглифов в строке, и содержит следующее:

«Это место церемоний, освещено, как жемчужинами Индры, присутствием всех святых. Наши тела — перед этими святыми, наши лица лежат у их ног, мы ищем прибежища у них (мы вручаем им свои жизни) и поклоняемся им».

Закончив петь, монахи трижды кланяются.

§ 9. Пение «Индийского гимна восхвалений»

Все монахи, поклонившись трижды после окончания пения *Гатха* общих ритуалов, становятся на колени. *Ино* дает знак двум байси («Мастерам возглашений») и трем монахам, которые должны петь «*Гатха* разбрасывания цветов», «*Гатха* индийских звуков» и «*Гатха хаккхара*». Затем он возвращается на свое место и перклоняет колени. Двое «Мастеров возглашений» выходят вперед, зажигают благовония, трижды кланяются, садятся со скрещенными ногами на низкие сидения (*дзагу*), бью трижды в ручной гонг и поют свои гимны восхвалений. Все остальные, услышав звук ручных гонгов, одновременно садятся скрестив ноги. При каждой паузе в песне байси один раз ударяют в ручной гонг, а в четвертый интервал — дважды, после чего возвращаются на свои места, расстилают подстилки и преклоняют колени, а их примеру следуют остальные (т. е. становятся на колени из положения сидя со скрещенными ногами).

Хотя их песня называется «индийским» гимном (*бомбай*, 梵唄), слова в книге указаны китайскими иероглифами 如来妙色身世, *Нёрай–мё–сикисин–сэ*, «Прекрасный мир формы тела Татхагаты, *сурупа–кая–лока*», *Мёсикисин*, 妙色身, *сурупа–кая*, — материальное тело, *самбхога–кая*, или видимое, земное тело будд. Эйтель (Sanscr.–Chin. Dict., s.v. *Sapta tathāgata*) пишет, что один из семи Татхагат называется 妙色身. Большое количество черт и прочих знаков указывают на музыкальные ноты.

§ 10. Пение «*Гатха* разбрасывания цветов»

Увидев, что два байси вернулись на свои места, три монаха, которые должны были по очереди петь «*Гатха* разбрасывания цветов», «*Гатха* индийских звуков» (голоса Будды) и «*Гатха хаккхара*», подходят к столу и берут *экоку* (衣裓, ящик с одной ножкой, наполненный искусственными цветами) и *хаккхара* (посох с металлическими кольцами). Затем они останавливаются прямо перед алтарем и поют песни стоя следующим образом. Сперва разбрасыватель цветов поет *Гатха* разбрасывания цветов, и ему вторят двое других; так же исполняются и две другие *Гатха*.

Гатха разбрасывания цветов состоит из двух строк по пять иероглифов в каждой, четырех строк по семь иероглифов и шести снова по пять. В ней говорится:

«Находясь в этом месте церемоний мы желаем предложить благоухающие цветы Будде». [Разбрасываются цветы.] "Этот мир, состоящий из неба и земли, есть дом Будды. Небесные места, где стоят дворцы ушедших, безграничные пространства (— все это его пределы). Будда, Великий *Шрамана*, несравнен и всеприсущен в горах и лесах на земле. Мы предлагаем благоуханные цветы Будде". [Разбрасываются цветы.] "Мы желаем, чтобы он распространил свою благодать на всех существ, и чтобы мы вместе со всеми достигли состояния Будды". [Разбрасываются цветы.] "Мы предлагаем благоуханные цветы Будде".

§ 11. Пение "*Гатха* индийских звуков"

Эта *Гатха*, хоть и поющаяся в честь чистого голоса Будды, не упоминает самого этого голоса, но лишь махаянские сутры, приписываемые ему, т. е. его слова. В ней говорится:

"Утонченные, прекрасные цветы (лотоса), которые повсюду, разбросаны по всем странам. Мы подносим их Шакьямуни, мы предлагаем их всем Татхагатам. Бесчисленные драгоценные растущие лотосовые цветы, их оттенки чрезвычайно красивы. Мы подносим их махаянским сутрам, мы предлагаем их всем бодхисаттвам".

§ 12. Пение "*Гатха хаккхара*"

Хаккхара, которому посвящена эта *Гатха*, есть хорошо известный посох с металлическими кольцами. Его обычно называют 錫杖, *сякудзё*, или "жестяной посох", или, в сокращенной форме, 錫, *сяку*, "олово"; другие названия — 智杖, *тидзё*, или "посох знания", 徳杖, *токудзё*, или "посох благословенной силы", поскольку он символизирует две эти особенности будд, бодхисаттв и святых. По *Хаккхара* сутре, Будда сказал, обращаясь к *бхикшу* : "Причина того, что вам следует принять и носить *хаккхара*, состоит в том, что все будды прошлого, настоящего и будущего

держали и будут держать его в руках". Говорится также, что некоторые из 500 архатов носят *хаккхара*, дабы подчинать злых насекомых и язовитых зверей. По Эйтелю (Sanscr.–Chin. Dict., s.v.), это «металлический посох религиозного назначения, исходно использовавшийся для стучания в ворота». На санскрите его также называют хиккала, а в китайской транскрипции — 隙葉羅. Ваддэль (*Lamaism*, p. 311) говорит о ламах: «У некоторых есть чаша для подаяний и посох нищего, однако они предназначены прежде всего для ритуальных целей, поскольку Лама более не является нищенствующим монахом, живущим на подаяния, подобно индийским *бхикшу* древности». В примечании он добавляет: «*Кхар сил*, санскр., ономатопея *хи–ки–ле*, или *кха кка реан*, тревожный посох со звенящими колечками, носимый странствующим монахом, дабы звук от колец отвлекал его от шумов этого мира, а также предупреждал о его приближении небольших животных, которых он мог бы ненамеренно задавить... Тибетский вариант обычно завершается трезубцем вместо петли в форме листа». Что касается Дзидзо (Ди–цзан, Кшитигарбха), то мы находим в «Учении о покаянии, (практикуемом при поклонении) Десяти Милостивым Царям Отдела Тьма»[383], что «его *хаккхара* сотрясает и открывает врата ада».

Хаккхара Гатха, исполняемая монахом, назначенным для этого и сопровождаемым хором всех прочих монахов, содержит следующее:

«Взяв *хаккхара* в руку, я должным образом желаю, чтобы живые существа собрали большое собрание для раздачи (пищи) (大施會, *дай сэ–э*), провозгласили Чистое Учение и принесли жертву Триратне. (Вы, живые существа,) устройте большое собрание для раздачи (еды), провозгласите Чистое Учение и принесите жертву Триратне!» [Разбрасываются цветы, трижды потрясают *хаккхара*.]

"Жертвуйте Триратне с чистыми сердцами" [повторяется дважды] [разбрасываются цветы, трижды потрясают *хаккхара*]. "Все будды трех миров (прошлого, настоящего и будущего) берут и будут брать и держать *хаккхара*; жертвовали и будут жертвовать Триратне. Потому, склонив голову, я беру и держу *хаккхара* и приношу жертву Триратне" [повторяется один раз] [цветы разбрасываются, трижды потрясают *хаккхара*].

Эти слова произносятся в 23–х строках по четыре иероглифа в каждой. Затем следуют три заключительные строки из шести, семи и восьми иероглифов, в которых возглашаются 16 Великих Архатов следующим образом: "Слава вам (наму), Шестнадцать Великих Архатов! Мы почтительно жертвуем вам. Сжальтесь над нами и примите наши подношения, и защитите большое собрание (монахов)".

Затем трижды потрясают *хаккхара*, и три монаха возвращаются на свои исходные места. *Ино* выходит перед Мастером Церемоний, кланяется ему и возвращается на свое место.

383 См. мою работу *Bodhisattva Ti–tsang (Jizo) in China and Japan*, Sect. II, Ch. I, § 2.

§ 13. Чтение "Текста церемонии"

Мастер Церемонии подходит к алтарю, зажигает благовония, трижды кланяется, преклоняет колени на *дзагу*, трижды звонит колокольчиком и читает текст. Затем *ино* поет *Гатха*, а после все монахи кланяются трижды.

Этот текст, являющийся главной и самой продолжительной частью церемонии, представляет собой возглашение и хвалу Шестнадцати Великим Архатам. Он начинается так:

"Слава Шестнадцати Великим Архатам, охраняющим и упрочающим Закон, пребывая слева (от Шакьямуни)! От рождения к рождению, от поколения к поколению мы должны почитать их".

Произнося эти слова Мастер Церемонии кланяется трижды, а затем читает первую часть текста.

"Мы почтительно обращаемся к Шакьямуни, Мастеру Учения, Великому Благу (для живых существ) (大恩教主), Почитаемому в мире (世尊), и к 80000 святым учениям Кэгон и Хоккё (Аватамсака и Саддхарма Пундарика) сутрам, и к Шестнадцати Архатам, охраняющим и упрочающим Закон, пребывая слева от Будды, и к 99 мириадам святых с отсутствием учености (с совершенным знанием), и к пределам Триратны, мельчайшим, как пылинки и кончики волосков, но, одновременно, необъятным, как океан, невыразимым, невыразимым! И мы говорим, что, хотя смерть Будды должно оплакивать (даже) последним поколением в этом нечистом мире, (для нас), учеников Закона, оставленных им, великое счастье, что Шестнадцать Архатов остаются в этом мире. Разве не признавая их защиту Матанга[384] и Чжу Фолань (竺法蘭)[385] прибыли в Китай, а Дэнгё (Дайси) и Кобо (Дайси) передали Учение в Японию[386]?

Затем в тексте говорится, что громадная благостная и милостивая сила Будды, а также добродетельные сердца архатов (охраняющих Закон), являлись причиной этих благодеяний. Так защита Закона Шестнадцатью Архатами становится основным моментом этой части текста. «По причине этих благословений, даруемых нам Шакьямуни и архатами, сегодня мы предлагаем благовония реликтам первого и чай последним, которые все еще живут в нашем мире; среди различных подношений мы поместили редкие сокровища. Поскольку мы поклоняемся им нашими телами, речью и мыслями, то почтительно желаем, чтобы Триратна осветила наше сознание».

«Специальная цель данной церемонии состоит в том, чтобы, путем превознесения единой капли из моря благословенной силы (архатов), пересечь крутые волны океана страданий. Шестнадцать Архатов, таящие внутри деяния

384 В 67 г. Кашьяпа Матанга сопровождал посланников императора Мин–ди в Китай и представил изображение Шакьямуни и так называемую Сутру 42–х разделов.

385 Гобхарана (?), индийский монах, последовавший за Матанга и в том же году прибывший в Китай, где они вместе перевели Сутру 42–х разделов. См. Nanjo, *Catalogue* of the Tripitaka, Appendix II, 1 and 2.

386 В 805 и 806 гг., школы Тэндай и Сингон.

бодхисаттв, а вовне проявляющие облики шраваков, единым шагом завершают обращение мира Дхармы, единой мыслью даруют поля счастья тому, кто посвятил им всего лишь одну мысль. Они понимают глубочайший мистический смысл двенадцати разделов Трипитаки (т. е. учения Махаяны), «Пяти Светлых Сокровищ» (五明, пять *видья шастра*) и Четырех Веда (四韋). Поток их рассуждений не может быть остановлен; невозможно также в достаточной степени выразить им похвалу. Потому мы приводим лишь главные положений (об их благословенной силе), разделив их на пять частей. На первом месте мы объясняем (и восхваляем) их места пребывания и имена; во–вторых, — их старания, направленные на процветание Закона; в–третьих, — дарование ими полей счастья (живым существам); в–четвертых, — воспрепятствование бедствиям; в–пятых, — принесение жертв реликтам Будды».

Остальной текст действительно делится на пять частей. Места пребывания и имена заимствованы из 法住記, т. е. «Записей о пребывании Закона, (исполненные великим архатом Нандимитра» (*Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 1466), которые мы цитировали выше (Гл. III, § 1). За каждым разделом следует *Гатха* из четырех строк, в каждой по пять, или, как в последнем разделе, — по семь иероглифов, а также следующее заключительное предложение: «Слава Шестнадцати Архатам! Мы вручаем им свои жизни и склоняем перед ними, несущими благо всем живым существам, свои головы». Затем все монахи трижды кланяются. *Ино* поет *Гатха*.

В конце первого раздела, после перечисления имен и мест пребывания, мы читаем следующее. «Каждый из этих Шестнадцати Архатов правит сотнями, тысячами Великих Архатов, которых считает своими родственниками. Они бродят по всем направлениям; у них нет назначенного (времени) сбора, или расхождения. Иногда они сидят со скрещенными ногами, погруженные в *самадхи*, в яшмовых башнях и золотых коридорах; либо — излагают Закон птицам и четвероногим, проживая на морском берегу, либо в пещерах *сянь* (仙, бессмертных). Иногда они уходят в Небесные Залы (天堂) и отправляют Виная (буддийские заповеди), либо бродят среди людей и разъясняют совершенную Абхидхарма (рассуждения о Законе, 成論). Если кто–либо пожелает 'очистить и пригласить' их (勤請, *кандзё*, т. е. возгласить их имена), то он должен обратиться к месту их пребывания и поклоняться им, возжигая благовония, разбрасывая цветы и почтительно кланяясь. Если призвать их один раз, они явятся один раз; если сто раз, тысячу раз — они всегда (услышат молитву и) прийдут. Подобно лунному (свету,) плывущему по воде, они появляются всегда. Так, все монахи должны принять (и исполнять) это соглашение и петь следующую *Гатха*:

'Мы склоняем головы перед Великими Архатами.
Их Природа Дхармы (法性) чиста и прохладна, как луна.
Сердца живых существ чисты, как вода,
И в них проявляется отражение архатов.'

Слава Шестнадцати Архатам! Мы вручаем им свои жизни и склоняем

свои головы перед ними, которые приносят благо живым существам" (все монахи трижды кланяются).

Второй раздел, посвещенный деяниям архатов для процветания Закона, рассказывает, как Будда, перед тем, как войти в Нирвану, призвал Пиндола и 15 других архатов и приказал им оставаться в мире, покуда не родится Майтрейя. А до тех пор они должны содействовать процветанию Закона и охранению его. Услыхав эти слова Будды, Шестнадцать Архатов заплакали как дети, отбросили свои чаши и пали на землю. Однако, он успокоил их и наставил, после чего они поднялись и пообещали исполнить его завет, легший на их плечи. Поэтому, когда Кашьяпа скрылся в горе Куккутапада (雞足山) (где он ожидает рождения Майтрейя, погруженный в *самадхи*), а Ананда умер и превратился в дух Ганга, даже бодхисаттвы уступали этим Шестнадцати Архатам в деле распространения Учения. Эти архаты при помощи своей божественной магической силы удлинили свои жизни и ожидают прибытие в мир Майтрейя, охраняя Закон Будды. Когда возраст людей в Джамбудвипа был всего десять лет, разразилась война и учение Будды стало понемногу приходить в упадок. Затем человеческая жизнь вновь возрасла до ста лет, а архаты защищали и распространяли Закон и спасли бесчисленное количество людей. "Когда злобный царь по имени Ватса–раджа (弗沙王) уничтожил ступа Царя Ашока, сжег сутры и ранил монахов и монахинь, а имя Триратна исчезло повсюду, после смерти этого царя архаты вознеслись на небеса, затем вернулись на землю с сутрами Будды и заставили его солнце засиять вновь. Это произошло по великому благоволению архатов, и, если бы они не поступили так, мы бы перешли из темноты во тьму и от страдания к страданию и не увидели бы Триратну, не услышали бы звуков мира и радости. Поэтому все монахи возносили много похвал архатам и должны петь эту *Гатха*, провозглашая благодеяние, (которое архаты принесли миру), распростряняя Закон:

'У Будды есть два Саддхарма,
Именуемые телами Наставления и Просветленности (教證).
Архаты, обладающие ими и использующие их,
Такие архаты проживают в этом мире.'

Слава Шестнадцати Архатам! Мы предаем и т.д." (все монахи трижды кланяются).

Третий раздел посвящен дарению "полей счастья" (福田, *фукудэн*), т. е. добрых дел, производящий счастье, подобно рисовым полям, производящим рис. "Все архаты есть великие поля счастья для живых существ" (*пуньякшетра*), т. е. они побуждают их обретать счастье добрыми делами. Уже в этой жизни вознаграждение и наказание приходит к добрым и злым, подобно обильному дождю. "Те, кто видит (и поклоняется) изображениям архатов, будут свободны от бедности и несчастий всегда, а те, кто называет их имена, вскоре будут заключены ими в объятия и охраняемы ими".

Затем вновь цитируется 法住記, а именно отрывок, который мы приводили выше (Гл. III, § 1), где говорится: «Если царь, великий министр, человек высокого положения, человек отошедший от дел, мужчина, или женщина организует большое

религиозное собрание и захочет раздать (пищу) толпе монахов, то Шестнадцать Архатов и все великие архаты, их последователи, скрывающие свою священную природу и появляющиеся во всех обличьях, втайне примут его, (или ее) подношения и побудят всех, кто раздает пищу, к обретению прекрасных даров».

Затем приводятся три индийских примера их помощи, заимствованные из какого–то текста, но не из Фо чжу цзи, где мы не находим этих рассказов. Человек, организовавший большое религиозное собрание и моливший архатов дать воды высокорасположенной равнине, увидел шестнадцать нищих, которые сказали ему: «Мы, помня наказ Будды, пришли по твоей просьбе. Не пренебрегай нами и нашей помощью». Затем они ударили оземь своими *хаккхара*, после чего из нее забил фонтан свежей воды. Эти нищие были Шестнадцатью Архатами. В том же облике они пришли, чтобы получить небольшое подношение рисом от бедной женщины, и немедленно превратили ее в прекрасную красавицу, котортую встретил царь и сделал своей женой. Отошедший от дел человек, сделавший подношение их изображениями, стал богат, как Судатта (Анатхапиндика). Наконец, упоминается дерево в Ян–чжоу (揚州, в Китае), под которым висели картины (или картина) с изображением Шестнадцати Архатов; по праздничным (букв. постным) дням они испускали свет. Большие толпы молящихся приходили к нему, и никогда их просьбы не оставались без ответа.

«Хотя эти разновидности счастья, испрашиваемые нами у архатов, являются всего лишь 'текучими' (有漏, т. е. мирскими и нереальными), а не счастьем в исходном, реальном смысле (т. е. 無漏, "не текучими", см. наименования архатов, указанные выше, Гл. I, § 1: 漏盡, «истощение протекания», асравакшая, «уничтожение грехов»), все же они являются необходимым условием для (т. е. истоком) добрых дел, (которые в конце концов ведут к истинному счастью), и также весьма важны. Поэтому все монахи ищут пристанища у Шестнадцати Архатов и должны молить о даровании 'полей счастья', распевая следующую *Гатха*:

'Шестнадцать Великих Архатов
Есть непревзойденные, великолепные поля счастья.
Те, кто почтительно жертвуют им,
Непременно обретут великое благословление.'
Слава Шестнадцати Архатам и т.д." (все монахи кланяются трижды).

В червертом разделе, где говорится о благодеянии предотвращения бедствий, цитируются две сутры: , т. е. , "Сутра божественных магических формул (дхарани) Великого Посвящения, изложенная Буддой" (*Буддхабхашита–махабхишекариддхи–дхарани–сутра*), *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 167, собрание сутр, переведенное По Шримитра (317–322), и "Праджняпарамита–сутра о защите страны добродетельными царями", *Nanjo*'s *Catalogue*, Nr. 17, переведенная Кумараджива в 402–412 годах. Из первой сутры цитированы следующие слова: "Если четыре вида учеников (Будды, а именно *бхикшу* , *бхикшуни*, упасака и упасика, т. е. монахи, монахини, миряне обоих полов) найдет пристанище и станут полагаться на архатов и поклоняться им, тогда мириады добродетельных божеств, бесчисленные, как песчинки

в Ганге, будут по очереди охранять их, пряча свои облики".

Автор Церемониального текста добавляет: "Будда восхваляет благословенную силу Шестнадцати Великих Учеников следующими словами: 'Если возникнут различные бедствия, то следует назвать их имена. Тогда каждый из них, проявив великую благословенную силу, снимет грусть и все опасности и дарует ему много удачи. Более того, Шестнадцать Архатов получили особую честь этим распоряжением Будды; как же может быть их защита недостаточной? Например, Рахула — один из таких (великий защитник)"'.

Затем следует цитата из второй сутры, где объясняется тайное искусство защиты страны: «Следует молиться изображениям пятисот архатов». Далее мы узнаем как четыре царя–дэва использовали свои щиты, а Шакра Индра размахивал своим знаменем, когда асуры поднялись на небо Индры (Траястримшат). Впрочем, асуры мгновенно разбежались и исчезли, стоило ему только поднять одеяние архата.

Заявив, что эти примеры являются подтверждением того, что устранение бедствий у людей и дэва исполняется единственно божественной силой архатов, автор говорит о монахах, путешествовавших в Японию и Китай для распространения Закона, обращения людей и исправления их поступков. «Даже неискреннее соблюдение этих заповедей (相似布薩) не снижает их добродетельного воздействия на протяжении полумесяца; подношение имеет силу в течение одного дня. Все те, кто думает о Законе Будды, должны укреплять свою ревностность; все те, кто получают оставленный Буддой Закон, обладают знанием (добра и зла). Все это благодаря защитительной силе архатов. Не есть ли это также величайшая сила, побуждающая Закон оставаться в этом мире столь долгое время? Потому все монахи должны почтительно кланяться и почитать архатов, так как те устраняют бедствия, даруют радость и побуждают Закон оставаться в этом мире долго. В *Гатха* говорится:

Шестнадцать великих архатов
Подобны жемчужинам, защищающим страну.
Одно возглашение, один церемониальный поклон
Может устранить все опасности.

Почтение всем архатам! Мы вручаем им свои жизни». (Здесь все монахи трижды кланяются.)

Пятый раздел, посвященный почитанию реликтов Будды, начинается с указания на то, что пребывание архатов в этом мире и охранение ими Закона до конца существования этого мира происходит благодаря серьезнейшему наставлению Будды, который из сострадания к нам даровал человечеству такое великое благо. Да что там, оставив свои «алмазные реликты» (金剛舍利 *конго сяри*), он облагодетельствовал заблуждающуюся толпу, что само по себе уже есть величайшая причина быть ему благодарным. Перед тем, как войти в нирвану, он плакал и поручил наши судьбы бодхисаттвам и шравакам (архатам); после смерти он оставил свои действенные реликты, чудесное благословение, побуждающие учение к распространению. Его сострадание втечение присутствия в мире и после

вхождения в нирвану, благодать его жизни и смерти невыразимы. «Поэтому мы должны почитать его, исполняя *Гатха* во славу его невыразимых благодеяний. В *Гатха* говорится:

Нерожденный (в действительности), он проявил свое рождение в Капилавасту;

Не исчезнувший (в действительности), он проявил свою смерть в Кушинагара.

Он всегда проживает на священной Вершине Коршунов и спасает живые существа;

Поэтому мы преклоняем головы и почитаем Шакьямуни.

Поклонение реликтам Будды! Мы вручаем им свои жизни и с почтительностью кланяемся перед ними, поскольку они есть благословение всем живым существам» (здесь все монахи трижды кланяются).

§ 14. Чтение «Общей молитвы» (*фу–эко*, 普回向)

Ино читает эту молитву, состоящую из *Гатха* в четыре строки по пять иероглифов и завершает ее словами «Поклонение...» (наму) и т. д.

«Мы молимся, чтобы (Будда и архаты) использовали эту благословенную силу

И донесли ее до всех живых существ,

Дабы мы и все живые существа

Завершили Путь Будды.

Поклонение благословлению, нераздельно дарованному (Буддой и архатами) мирам Дхармы, — как их, так и всех прочих!»

Когда *ино* завершает это возглашение, все монахи трижды кланяются и встают.

§ 15. Возглашение молитвы архатам (應供諷経, *огу фугин*)

Служба, *эко*, 回向, букв. «поворачивание в направлении», т. е. Молитва о том, чтобы архаты повернули ритуальные действия к будущему благу исполняющих их и всех остальных, — текст, написанный на другой бумаге (помимо предыдущего текста), читается как обычно (*фугин* — специальный термин школы Дзэн; см.: *Буккё дайдзитэн*, с. 1510 и далее). Когда это завершается, все монахи кланяются трижды и покидают зал.

ГЛАВА VI. ВЫВОДЫ

§ 1. В Индии

В первой главе мы увидели, что китайское слово *ин* (應) соотнесено со значением слова Архат («заслуживающий»), тогда как *кун* (供), «приношения», добавляется для объяснения того, чего они заслуживают. Термины 殺賊, «убивать врагов (сознания)» и 不生, «не перерождаться», основаны на этих ложных этимологиях. Термин 應真, «соответствовать истине» является очевидным эквивалентом 真人, «истинного человека», что, подобно 不学 и 無学 «лишенный учености», есть эпитеты Архата, а не перевод его имени.

Вторая глава разбирает различные отрывки о 500 архатах, обнаруживаемые в индийских текстах, переведенных на китайский язык, а также в отчетах китайских паломников, также обнаруживаемых в Китайском Каноне. В ней упоминаются следующие группы 500 архатов:

Из Первого Великого Собрания, прошедшего в Раджагриха срузу же после Паринирваны Повелителя, на котором председательствовал Махакашьяпа (§ 1).

500 архатов и 500 обычных монахов, собранных царем Ашокой (встреча школ в Паталипутра около 241 г. до н. э.) (§ 3). Второе Великое Собрание, прошедшее в Вайшали через сто лет после смерти Будды, в котором участвовали 700 архатов (§ 2).

500 архатов Третьего Великого Собрания, созванного около 100 г. н. э. в Кашмире под патронажем царя Канишки (§ 4).

500 архатов на озере Анаватапта, основные ученики Будды (§§ 5 и 6).

500 архатов, которым Будда пророчествовал об их становлении просветленными (§ 7).

500 слепых нищих, излеченных и возведенных в ранг архатов Буддой (§ 8).

500 архатов, живших в пещерах Буддхаванагири, рядом с Раджагриха во времена Сюань–цзана (7 век н. э.) (§ 9).

После упоминания о группе из ста величайших последователей Будды, а также о знаменитых Десяти Великих Учеников (§§ 10 и 11), мы отметили одного из них (Рахула). Что касается 500 архатов, то лишь 29 имен приводятся в одной сутре (хинаянистской, § 6), и не более четырех из них принадлежат Шестнадцати Архатам (Пиндола, Вакула, Чудапантхака и Рахула). Одиннадцать из 500 упоминались Буддой, когда он проповедовал о просветлении (в махаянистской «Лотосовой сутре»), однако лишь одного из этих выдающихся святых (Вакула, предполагая, что «Вакула» и «Накула» идентичны) мы находим среди Шестнадцати Архатов.

Что же до числа 500, то оно часто использовалось в священных текстах для указания на большое количество, причем не только святых и отшельников, но также и предметов. В случае с архатами мы, очевидно, сталкиваемся с тем же.

В третьей главе рассматривается тема Шестнадцати Великих Архатов,

основываясь на *Фа–чжу–цзи*, Нандзё № 1466 (перевод Сюань–цзана в 654 г.). Там упоминаются их имена, число их последователей (также архатов) и места проживания. Будда, перед тем, как войти в *паринирвана*, поручил им хранить Закон и приказал оставаться в этом мире, защищать и укреплять Саддхарма. Они должны выполнять этот долг, принимая всевозможные облики и охраняя преданных сторонников буддийского Закона до тех пор, пока он окончательно не исчезнет. Затем им следует собрать все его реликты и поклоняться им, после чего они войдут в пари*нирвана* и будут поглощены божественным огнем. Тогда ступа с реликтами будет поглощена землей.

Та же группа из 16 архатов упоминается в Махаянаватарака–шастра (Нандзё № 1243, переведена во время династии Северная Лян, 357–439), однако там приведены лишь имена Пиндола и Рахула. В *Фа–чжу–цзи* (одна из работ Канона) говорится, что Нандимитра разъяснял ее на Цейлоне. Более того, Пиндола, первая и основная фигура в группе, относится к Хинаяне; остальные пятнадцать также известны, в основном, из хинаянистских трудов. Поэтому мы склонны предполагать, что в Хинаяне их использовали в качестве противовеса бодхисаттвам Махаяны, а в этой последней их восприняли и стали им поклоняться как святым, однако более низшего порядка, чем бодхисаттвам. Однако, узнав из четкой аргументации профессоров Леви и Шаванна, что *Фа–чжу–цзи* была написана махаянистом, мы следовали их интерпретации в стремлении соединить хинаянистские идеи с махаянистскими и придать архатам махаянистский характер.

Далее, мы приняли их оригинальную гипотезу относительно четырех особенностей, являющихся основой группы архатов, остающихся в мире как охранители Закона в четырех сторонах; позже эта группа могла расшириться до 16–ти, по четыре для каждой стороны.

Что касается Пиндола, безусловно — наиболее выдающегося из 16–ти архатов, то мы узнаем о нем много подробностей как из китайских текстов, так и из прекрасной работы профессоров Леви и Шаванна. Особенно интересна церемония приглашения его на обед или к омыванию; она индийского происхождения и широко распространилась в Китае. Рахула, последний из Десяти Великих Учеников, — также хорошо известная фигура. Однако тот факт, что его реликты сохранялись в ступа и им поклонялись в Индии во времена Фа–сяня, указывает на не очень широкое распространение представления о продолжении существования в мире как его самого, так и 16–ти архатов. В действительности, эта группа была достаточно неопределенной, в большинстве состоя из малоизвестных архатов, чьи имена были почти неизвестны, за тем исключением, что стояли в списке этих шестнадцати святых. Другая группа 16–ти стхавира упомянута в начале махаянистской Амитабха–сутра. В ней перечислены гораздо более значимые имена, такие как Ширипутра, Маудгалъяяна, Махакашьяпа и др., однако также четверо из другой группы: Пиндола, Рахула, Вакула (если Накула — это тот же самый архат) и Чудапантхака (§ 11). Группа из Амитабха–сутра, однако, никогда не удостаивалась

активного почитания, несмотря на величие входивших в нее фигур, тогда как те, что упоминались в *Фа–чжу–цзи* неожиданно прославились за рубежом.Что касается ламаизма, то его сторонники на Тибете, в Монголии и Китае почитали тех же 16 архатов, однако их переставили по–новому, в порядке их нового перечисления, мест обитания и числа их последователей.Тем не менее, очевидно, что это — та же группа, что и в *Фа–чжу–цзи*. В подражание китайскому буддизму были добавлены две фигуры: Дхарматрата и «Будда с большим животом», из которых лишь последний иногда появляется в числе 18–ти архатов в Южном Китае (§ 14).

§ 2. В Китае

Во второй главе §§ 13–23 рассказывают о 500–х *лохань* в Китае. Главная группа из этих 500 святых, с горы Тань–тай не упоминалась в древних китайских биографиях буддийских святых до конца 10 века (Сун *Гао–шэн–чжуань*). Считалось, что они живут на горе, точно так же, как 500 архатов в Индии на Буддхаванагири, которые, как предполагалось, во времена Сюань–цзана проживали в горных пещерах и появлялись среди людей в облике служителей.

Другая группа из 500 архатов, известная в Китае, представляла собой участников Третьего Великого Собрания, прошедшего в Кашмире около 100 г., причем одновременно упоминаются и последователи Будды с озера Анаватапта, и 500 слепых бродяг, которые разом достигли просветления, прослушав проповедь Будды. Однако гораздо более значительная группа с Тянь–тай–шань явно почиталась в подражание 500 святым из Буддхаванагири (§ 13).

Что касается их имен, то они неизвестны; список, высеченный на камне, упоминающийся в 18 веке Ху Гуаньланем, был составлен в более поздний период и включает много фиктивных имен (§ 14).

Культ 500 *лохань* очевидно начался с Тань–тай–шань; другие важные места их почитания (Цин–цзе–сы в Ханчжоу и гора Янь–фун в Вэньчжоу) располагались в провинции Чжэцзян. Во второй половине 10 века был построен «Зал 500 *лохань*» неподалеку от природного Каменного Моста на горе Тянь–тай, создавались их картины и скульптурные изображения, равным образом как и 500 *лохань* из Цин–цзе–сы (§§ 15 и 16). На протяжении двух последующих веков их культ процветал, пропагандировавшийся в особенности школой Дхьяна. Такие знаменитые художники как Ли Лунмянь представляли их в живописи; скульпторы вырезали их из дерева и камня и посвящали залам *лохань* в храмах и монастырях, а прославленные поэты ранга Дун По воодушевлялись ими в стихосложении. В пещере 500 *лохань* на горе Янь–фун их изображения были вырублены в скале. Их помещали в отдельные строения у ворот храмов и поклонялись как хранителям святилищ, а во времена засух некоторые из них, как считалось, могли призвать дождь (§ 17–23).

В третьей главе (§ 15–29) рассматриваются 16 и 18 *лохань* в Китае, в частости так, как

они представлены на картинах. В *Тай–пин гуан–цзи* (976–983) упоминается глиняное изображение Пиндола, «Святого монаха», особо почитавшееся его сторонниками (с помощью индийской церемонии приглашения к обеду или к омовению), которое в 821–835 годах стояло в отдельной часовне на Хэн–шань, а также глиняные фигурки 16 *лохань*, стоявшие в зале *лохань* Фан–хуан–сы и в главном зале святилища Нань–тай. Между 954 и 974 годами уситель Дхьяна Тао–цянь распорядился отлить золотые изображения 18–ти *лохань* и поместить их в недавно построенный зал *лохань* в Цзин–цзе–сы в Ханчжоу. Согласно Сун гао–сэн–чжуань (988), во времена поздней династии Тан (923–936) один монах из лоянского монастыря построил «Дом омовения архатов», поместив туда 16 их изображений, а в 923 году другой монах слепил из глины образы Майтрейи, Шакьямуни и 16–ти архатов. Очевидно, культ 16–ти *лохань* возник в конце Тан и распространился во времена Пяти Династий (907–960), расцвета же своего он достиг при династии Сун (§§ 15–16).

Первые китайские картины с изображениями архатов были нарисованы в пятом–шестом веках (§ 17), однако 16 *лохань* не изображали до середины восьмого века (Лю Лэнце) (§ 18). В 880–894 годах монах школы Дхьяна Гуань–сю (почтенным титулом которого был Шэнь–юэ Да–ши, «Великий Учитель, Луна Сосредоточения») посредством своих знаменитых картин 16–ти *лохань*, чьи старый, причудливые, уродливые образы являлись ему во снах, открыл новую эру в этом направлении буддийского искусства. Он нарисовал также Десять Учеников, однако его Шестнадцать Великих Архатов славились особо. Поэты династии Сун видели и восхваляли 18 архатов, приписывавшихся кисти этого мастера, однако, скорее всего, это были имитации работы других художников, либо же – его собственные 16 святых, к которым добавили еще две фигуры, написанные им или более поздним художником (с драконом и тигром). Дело в том, что идея о 18–ти вместо 16–ти архатов не появилась до времен Пяти Династий, а также не вытеснила представлений о 16–ти архатах до времен Сун. Если серия из 16–ти *лохань*, увиденная и восхваленная императором Гао–цзуном в 1757 году, действительно являлась работой Гуань–сю, то к настоящему времени она утеряна и остается известной лишь по высеченным по ним из камня в 1764 году изображениям Мин–шуя. Что же до картин, находящихся в собственности барона Такахаси, которые, как заявляет Тадзима, принадлежат кисти Гуань–сю, то, по нашему мнению, это всего лишь второсортные копии картин Шестнадцати Архатов, написанных великим мастером (§ 19, A–L).

Описания наборов из 16 и 18–ти картин или вышивок, представляющих *лохань*, давались поэтами династии Сун, такими как Су Дунпо, Хуан Тинцзянь и монахом Дэн–хуном, тогда как произведения Ли Лунмяня были восславлены Сун Лянем династии Мин. Многие художники эпохи Пяти Династий и Сун работали над этой темой, ставшей, после Гуань–сю, популярным объектом приложения талантов буддийских художников. Способы, которыми они представляли архатов, были, впрочем, весьма различные; не существовало никаких традиционных правил относительно их поз и атрибутов. Мы можем быть

уверены, что созданный Гуань–сю, несмотря на всю их старость и безобразность, превосходили остальных, поскольку не требовали никаких внешних признаков святости типа предметов, поклоняющихся им царей и демонов, драконов и тигров, странных почитателей и прислужников–служителей (§§ 20–25).

Четыре стиля в живописи, обнаруживаемых на китайских картинах с изображениями архатов, принадлежат Гуань–сю, Ли Луньмяню, Чжан Сыгуну и Лу Синьчжуну. Влияние Ли Луньмяня (ум. 1106), особенно сильное в школе Дхьяна в Южном Китае, смягчило лица Гуань–сю, переместив ударение на чудесные способности святых, а также на цвета и орнаменты их одеяний. В произведениях Чжан Сыгуна (династия Южная Сун, 12–13 века) доминировала красота красного и золотого, грациозность мягких и элегантных фигур, за счет их «жизненности». Наконец, Лу Синьчжун (13 век) окончательно соскользнул к реализму повседневной жизни. Однако, вплоть до конца династии Юань экзальтированный стиль Ли Лунмяня сохранял свое влияние на многих художников, однако к началу эпохи Мин его слава исчезла (§ 26).

С середины эпохи Тан и до конца Сун (8–13 века) в китайской школе Дхьяна культивировалось почитание 16–ти Великих Архатов (§ 27). Что же до представления о 18–ти *лохань*, то оно возникло в 10 веке и в последующие времена вытеснило исходную концепцию. Это добавление двух фигур могло отчасти произойти (как оригинально предположили Леви и Шаванн) по причине добавления даосизмом «архата, подчинившего дракона» и «архата, подчинившего тигра» (представлявших Запад и Восток и в этом статусе уже изображавшихся Гуань–сю). Даосизм, далее, мог предпочесть священное число девять для картин, висевших по стенам в залах архатов. Однако и буддизм мог приветствовать появление двух дополнительных фигур, поскольку лишь двое из Четырех Великих Шравака (Пиндола и Рахула) принадлежали к группе 16–ти архатов, тогда как Кашьяпа и Кундопадхания там отсутствовали. В позднейшие века эти имена были ошибочно заменены на Нандимитра (который в *Фа–чжу–цзи* объяснял сущность 16–ти Великих Архатов) и второго Пиндола, что привело к появлению в одной группе двух святых с одинаковыми именами. В других работах сохранялся Кашьяпа, а на месте неопределенной второй персоны из Четырех Великих Шравака ставился Нандимитра (§ 28).

В современном Китае почитается Триратна, помещаемая между двумя Дхармапала (Веда–дэва и Дхармапала), тогда как Ананда и Махакашьяпа (молодой человек и старик) — два любимых ученика Будды — стоят перед ней, а с обеих сторон вдоль стен восседают по девять архатов. На юге, на пример в Амое, оригинальные имена уже забыты и появилась странная смесь из индийских учеников (первым из которых опять значится Ананда), благочинного императора У Ди, знаменитых китайских служителей и трех выдуманных архатов, именованных по способу их представления. Иногда, когда их картины развешиваются на стенах, отмечается исходное число «шестнадцать», однако,

как мы видели выше, даже в старые времена (при династии Сун) существовали многочисленные наборы из 18–ти картин или скульптур.

Будда в сопровождении Ананда и Кашьяпа очевидно представляет исторического Гаутаму Хинаяны, тогда как Татхагата других храмов, помещенный между Маньджушри и Самантабхадра, есть доктринальный Будда Махаяны. Китайский буддизм, вобравший в свой канон так много хинаянистских текстов, не колеблясь принял обе концепции и почитает архатов вместе с бодхисаттвами, хотя и помещает первых ниже последних. Священники школы Дхьяна (считая архатов основателями собственной доктрины) пропагандировали их культ по всей стране и перенесли его за рубеж, в Японию (§ 29).

В четвертой главе приводятся легенды об архатах, обнаруживаемые в китайских работах 6,7, 10, 11 и 13 веков, а также в похожем японском труде, написанном в 1702 году.

В *Гао–шэн–чжуань* (6 век) упомянут лишь Пиндола, являющийся во сне в облике старого священника; творятся чудеса, исполняемые святыми *шрамана* (§ 2).

В *Суй Гао–шэн–чжуань* (7 век) вновь говорится о Пиндола как о настоятеле загадочного монастыря в горах и о Рахула, летящем по воздуху, чтобы встретить душу глубоко верующего служителя. Другие архаты жили в виде отшельников в горных хижинах или пещерах (§ 3). В *Фа–юань шу–линь* (668) рассказывается о чудесах, посредством которых эти странные монахи демонстрировали свою святость и магическую силу (§ 4).

В *Сун Гао–шэн–чжуань* (988) используется термин архат, не встречавшийся в двух предыдущих трудах, где их называли лишь «святыми, странными, монгольскими или индийскими монахами». Здесь мы встречаем также 500 архатов с Каменного Моста на Тянь–тай–шань, упоминание об их храме и картинах с их изображениями, а также о знаменитых *лохань* Гуань–сю, которых он увидел во сне. Шесть видов трансцендентального знания, приписываемые архатам, иллюстрируются многочисленными легендами. Они видят все происходящее в мире, знают мысли других и их прежние существования, предсказывают их судьбу и время смерти. Они летают по воздуху, принимают различные облики, появляются и внезапно исчезают, короче говоря — полностью владеют своими телами. Из знание священных текстов замечательно, а за их странными словами и действиями скрывается глубокий смысл (§ 4).

В *Тай–пин гуан–цзи* (983) приводятся похожие рассказы о том, как эти святые за очень короткое время пересекали огромные расстояния и спасали преданных верующих, исцеляли больных и пропагандировали Закон (§ 1).

Наконец, их тесные отношения со школой Дхьяна становятся вполне очевидными из легенд Цзин–дэ чуань–дэн–лу (1004–1007), Фу–цзы тун–цзи (1269–1271) и японской работы *Хонтё кособэн* (1702) (§§ 5–7).

§ 3. В Японии

Во второй главе (§§ 24–30) рассматривается культ 500 *ракан* в Японии. Дайтокудзи, храм школы Риндзай в Киото, все еще располагает 82–мя из 100 картин, написанных в 1178 году Тин–гуэем и Сю Цзишаном для монастыря Хуэй–ань в Минчжоу провинции Чжэцзянь. Двенадцать из этих драгоценных произведений, на каждом из которых изображены по 5 архатов, находятся в Бостонском музее. Это — единственный набор китайских картин с образами 500 архатов, имеющийся в Японии (§ 24).

Старейшие японские картины, посвященные данному предмету, находятся киотосском храме Нандзэндзи и датируются 1200 годом. Другой набор, написанный около 1340 года Бэссю Рэйко, монахом камакурского храма Кэнтёдзи, относящегося к школе Риндзай, похоже, утерян (§ 25).

В киотосском святилище Тофукудзи (школа Риндзай) есть 50 (или 45) картин с изображениями по 10 *ракан* на каждой, принадлежащих кисти известного художника Тё Дэнсу (псевдоним Минтё), созданные в 1383–1386 годах. В том же святилище хранятся 47 его набросков (§ 26).

В 1677 году монах Хоккэй нарисовал 500 *ракан*, всего более 50 картин, 40 из которых до сих пор сохраняются в токийском храме Гококудзи (школа Сингон). В 1791 году в Дзиунсан Рюкодзи, вероятно — храме школы Риндзай в Кохината, Эдо, находился набор таких же картин. Незадолго до этого благочестивый чиновник Като Нобукиё нарисовал около 50 картин с использованием иероглифов *Хоккэкё* (*Саддхарма–пундарика сутра*)! Современные картины художника Кано (Кано Иссин или Кадзунобу, 100 картин с 5 архатами на каждой) принадлежат знаменитому токийскому святилищу Дзодзёдзи, относящемуся к школе Дзёдо (§ 27).

Около 1360 года китайский монах Цзянь–шунь (Кэндзюн) вырезал изображения 500 *лохань* на каменной стене пещерного храма *Ракан*дзи школы Риндзай в провинции Будзэн на границе с провинцией Атода. Этот монах прибыл с Тянь–тай–шань, и природный каменный мост на этой пещеристой горе напомнил ему священное место пребывания 500 *лохань*. И вот, с помощью японского монаха Сёкаку из школы Риндзай, жившего в пещере и превратившего ее в храм архатов, он вырезал более 700 фигур: Шакьямуни между Маньджушри и Самантабхадра (мы могли бы ожидать от него, скорее, представления исторического Будды вместе с Кашьяпа и Ананда), Десять Великих Учеников, 500 архатов и их спутников. С тех пор в Японии есть собственная Тянь–тай–шань, названная сёгуном Асикага Ёсимицу Гисякуцу–дзан (Гхридракута, «Вершина Коршунов») в честь знаменитых пещер неподалеку от Раджагриха, в которых проживают аскеты (§ 28).

В 1696 году монах Сёун из школы Обаку поместил деревянные изображения Шакьямуни и 500 архатов, которые вырезал собственноручно, во временное святилище, построенное им на участке земли в Камэидо рядом с Эдо, дарованным для этой цели сёгуном Цунаёси. Позднее он превратил его в храм, относившийся

к монастырскому комплексу Обакудзан Мампукудзи, — главному храму школы Обаку в Удзи. В 1727 году на пожертвования сёгуна Ёсимунэ и простых людей были возведены главный зал и другие строения, однако в 1856 году буря разрушила зал и изображения пропали (§ 29).

Из вышеприведенных фактов становится ясно, что подшколы Риндзай и Обаку школы Дхьяна пропагандировали в Японии культ 500 архатов, тогда как третья подшкола Сото ограничилась поклонением 16–ти *ракан* (§ 30).

Третья глава (§§ 30–6) в основном описывает картины и скульптурные изображения 16–ти и 18–ти *ракан* в Японии.

В 1211 году дзэнский монах Синдзё вернулся в Японию из Китая, где он достал цветные картины 18–ти архатов, ложно приписывавшихся кисти Гуань–сю. Эти картины, до сих пор сохраняющиеся в киотосском храме Кодайдзи (школа Риндзай), сильно отличаются от каменных изображений Мин–шуя и картин Такахаси (§ 30).

В 987 году монах Тёдзэн (школа Санрон) по возвращении из Китая преподнес храму Сэйрёдзи в деревне Сага (департамент Киото) изображение Шакьямуни и картины 16–ти архатов. Позже храм стал святилищем школы Дзёдо, и там эти драгоценные произведения сохраняются до сих пор. Они являются самыми старыми китайскими картинами 16–ти *лохань*, имеющимися в Японии.

В 1074 году монах Дзёдзин (школа Тэндай), проживший в Китае два года, представил другой китайский набор 16–ти *лохань* в киотосский храм Дайундзи, однако эти картины были утеряны.

Две восьмичастных ширмы с изображением этих святых обнаруживаются в храме Хоккэкёдзи (школа Нитирэн) в деревне Накаяма. Это — китайские работы времен династии Южная Сун, также как и картины, хранящиеся в Школе изящных искусств в Токио, написанных в стиле Чжан Сыгуна.

Третий из пяти великих храмов школы Риндзай — Сёкокудзи обладает реалистичными картинами 16–ти *лохань* кисти Лу Синьчжуна, датируемыми концом династии Сун. Что касается тех, что хранятся в храме Тёдзюдзи в деревне Исибэ провинции Оми, то их приписывают Ень Хуэю, китайскому художнику начала 13 века (§ 31, где рассматриваются и другие китайские картины).

В 1249 году основатель подшколы Сото Догэн, который особо почтительно относился к Шестнадцати Архатам, посвятил набор китайских картин этих святых храму Киссёдзан Эйхэйдзи в провинции Этидзэн, основанному им за пять лет до этого и превращенному в главный храм школы. Это произошло в первый день нового года, и, по описанию церемонии, сделанному самим Догэном, из ниоткуда появились многочисленные цветы, как чудесный знак одобрения со стороны архатов. Шестнадцать деревянных изображений, стоящих перед Буддой, а также 16 картин, висящие вдоль стен, немедленно покрылись этими чудесными цветами. Авторство картин приписывалось Ли Лунмяню; в настоящее время они находятся в храме Кинрюдзи в Вакасиба префектуры Хитати (§ 40), тогда как бумаги Догэна

и набросочные копии этих картин хранятся в токийской библиотеке Уэно (§ 32).

В конце периода Фудзивара, в 12 веке были написаны 16 *ракан* для Райкодзи в деревне Сима–Сакамото, а также две из ширм, принадлежавших Хорюдзи в Нара (§ 33). Хроники того же времени упоминают изображения и картины архатом, помещавшихся и развешивавшихся в киотосских Хосёдзи и Коё–ин (§ 34).

В 1200 году наложница Ёритомо Масако повелела написать картины 16 *ракан* и поднесла их храму Конго–дзюфукудзи (школа Риндзай), основанному Эйсаем. В 1214 году Минамото–но Санэтомо, третий сёгун Камакура, лично написал 18–ть архатов и поднес их Дзэнриндзи. В наши дни набор картин 16–ти архатов, хранящийся в том же самом храме, считается национальным сокровищем. В эру Кэннин (1201–1203) Сюнга написал 8 картин, на каждой из которых были представлены по два архата, и посвятил их святилищу *ракан* в храме Кодзандзи в Тога–но о, провинции Ямасиро. В 1223 году храм Дзэемёдзи в Хираока также получил картины 16–ти святых, написанные монахом Дзёнином по китайским оригиналам. Во времена династии Юань набор японских картин 18–ти архатов был даже поднесен китайскому монастырю Фун–мин–сы (§ 35).

В 1221 году деревянные изображения Шакьямуни и его Десяти Великих Учеников были помещены в часовню в Киото, построенную для этого, а через пару лет для них воздвигли соответствующее строение (§ 36). Из этого ясно, что в период Камакура культ архатов, в особенности — 16–ти святых, уже распространился в Японии (§ 37). Школы Риндзай и Сото поклонялись им особенно, что также очевидно из возникших легенд об архатах, являвшихся монахам во снах (§ 41).

В период Асикага этот культ достиг своего расцвета. Около 1336 года монах Рёсэн написал 16 *ракан*, до сих пор сохранившихся в киотосском храме Кэнниндзи (в стиле Сун, § 38). В 1374 году Минтё (т. е. Т1 Дэнсу), чьи 500 архатов из столичного храма Тофукудзи (школа Риндзай) упоминались выше, сделал набор из 16–ти святых для того же святилища; эти картины были уничтожены пожаром в 1881 году. Знаменитый храм Кэнтёдзи (школа Риндзай) в Камакура обладает восемью картинами, составляющими похожий набор и приписываемый тому же великому художнику, имитировавшему сунский стиль (§ 39). Мы узнаем из хроник 15 века, что в то время в Японии упрочился китайский обычай помещать деревянных архатов рядом со входами в храмы в качестве охранителей святилищ, и что картины 16–ти *ракан* висели на стенах храмов. В период Асикага доминировал стиль Ли Лунмяня, а дзэнские служители пропагандировали также культ 18–ти *лохань*, однако их художественные изображения редки (§ 42).

В период Токугава буддийские картины потеряли силу вдохновения; больше не создавалось значительных наборов изображений архатов. В 17 и 18 веках дзэнская ветвь Обаку, основанная в 1655 году, поклонялась 18–ти архатам (§ 43).

В наши дни многие старые картины *ракан*, большинство из которых упоминалось выше, сохраняемые в буддийских храмах, считаются национальными сокровищами и находятся под охраной японского правительства (§ 44).

Наконец, в главе 5 приводится описание ритуала, исполняемого в храме школы Сото в честь 16–ти *ракан* (чьи изображения были дарованы храму), детально расписанного служителем Мэндзаном, автором *Ракан окэндэн*, в его *Ракан куё–сики*, написанной в 18 веке. Таким образом, школа Дхьяна, с помощью церемоний и текстов, а также картин и скульптурных изображений, продолжает пропагандировать культ архатов точно так же, как делала это в древности.

Оглавление

ГЛАВА I. ИМЯ И ХАРАКТЕРИСТИКИ АРХАТА....3
§ 1. Имя архат....3
§ 2. Ранг, добродетели и силы Архата....5
ГЛАВА II. ПЯТЬСОТ АРХАТОВ....17
А. В ИНДИИ....17
§ 1. Первое Великое собрание Махакашьяпа в Раджагриха....17
§ 2. Второе общее Собрание Ревата, прошедшее в Вайшали....18
§ 3. Собрание Маудгалапутра в Паталипутра при царе Ашока....19
§ 4. Третье Великое Собрание Васумитра, проведенное в Кашмире под патронажем царя Канишка....20
§ 5. 500 архатов у озера Анаватапта на вершине горы Кунь–лунь, упоминаемой в «Сутре поднимающихся ступеней (т. е. прежних действий Будды), изложенная Буддой»....21
§ 6. Встреча 500 архатов, приведенных Буддой к озеру Анаватапта по просьбе царя–Нага этого озера, описанная в «Сутре 500 учеников, излагающих свое исходное происхождение (т. е. свои предыдущие рождения)»....22
§ 7. 500 архатов, слушавшие проповедь Будды об их просветленном состоянии, по Саддхарма пундарика сутра, гл. 4, № 8....22
§ 8. Пятьсот слепых нищих пришли к Будде, который открыл их телесный и духовный взор и побудил стать архатами, в соответствии с «Сутрой о нидана мудрых и глупых»....24
§ 9. 500 архатов с Буддхаванагири (гора у Раджагриха, знаменитая своими каменными пещерами), упоминаемые Сюань–цзаном в Да–Тан Ши–ю–цзи, гл. IX....24
§ 10. Сто величайших учеников Будды, по Экоттарагама сутра, гл. III, № 4....25
§ 11. Десять Великих Учеников по *Фань–и мин–и цзи* и *Да–Мин Сань–цзан Фа–шу*....25
§ 12. Имена и количество архатов....26
В. ПЯТЬСОТ ЛОХАНЬ В КИТАЕ....28
§ 13. Какой из индийских групп в 500 архатов поклонялись в Китае?..28
§ 14. Имена 500 лохань....29
§ 15. 500 Лохань в монастыре Цзин–цзы в Хан–чжоу, провинции Чжэцзян, построенном в 954 г....30
§ 16. 500 Лохань с «Каменного Моста» на Тянь–тай–шань в провинции Чжэцянь, упоминаемые в 988 г....32
§ 17. 500 лохань в каменной пещере горы Янь–фун «Вершина Дикого Гуся») в Вэнь–чжоу, провинции Чжэцзянь (XII в.)....35

§ 18. «Зал лохань», храм у подножья горы в Цин–чжоу провинции Шаньдун (1163 г.) 36
§ 19. Образы 500 архатов из Цзы–фу–сы в Гуан–чжоу, провинции Гуандун, сделанные в XI в. 37
§ 20. Образы 500 архатов из Сян–гуо–сы в столице Сун (Кай–фун–фу в провинции Хонань) (1077 г.) 37
§ 21. Картина 500 архатов, написанная буддийским монахом Фа–нэном из У до 1080 г. 39
§ 22. 500 Лохань, нарисованных знаменитым Ли Лунмянем, умершим в 1106 г. 40
§ 23. Династия Сун (960–1279), как время, когда культ 500 Лохань распространился в Китае, в особенности в провинции Чжэцзянь, и когда художники стали изображать их в глине и на картинах 41
С. ПЯТЬСОТ РАКАН В ЯПОНИИ 42
§ 24. Единственная китайская картина 500 Лохань в Японии: сто какэмоно, написанных в 1178 г. Линь Тингуэйе и Чжоу Цзишаном и сохраняемых в киотосском храме Дайтокудзи школы Риндзай 42
§ 25. Старейшие японские картины 500 Ракан (1290 и ок. 1340) 44
§ 26. Пятьдесят картин 500 Ракан, написанных в 1383–1386 гг. Тё Дэнсу и сохраняемых в храме Тофукудзи в Киото 44
§ 27. Позднейшие наборы картин, представляющих 500 Ракан, одна из которых выполнена с помощью иероглифов Лотосовой Сутры 46
§ 28. Каменные изображения 500 Ракан из Ракандзи, пещерного храма рядом с деревней Атода в провинции Будзэн (XIV в.) 48
§ 29. Деревянные изображения 500 Ракан из храма Обаку в Эдо, освященные в 1696 году монахом Сёуном 51
§ 30. Пропаганда культа 500 Ракан в Японии дзэнскими школами Риндзай и Обаку 52
ГЛАВА III. ШЕСТНАДЦАТЬ И ВОСЕМНАДЦАТЬ АРХАТОВ 54
А. В ИНДИИ 54
§ 1. Шестнадцать Великих Архатов, которым Будда вверил Закон, по Фа–чжу–цзи 54
§ 2. Четыре великих шравака, упоминаемых в Сутре о рождении Майтрейя на земле 61
§ 3. Пиндола–Бхарадваджа, первый из Шестнадцати Великих Архатов и третий из Четырех Великих Шравака 65
§ 4. Рахула, сын Шакьямуни, последний из Десяти Великих Учеников и одиннадцатый из Шестнадцати Великих Архатов 75
§ 5. Накула (Вакула), пятый из Шестнадцати Великих Архатов и один из 100 святых отшельников 78
§ 6. Братья Пантхака и Чудапантхака, десятый и шестнадцатый из Шестнад-

цати Великих Архатов, оба принадлежащие к 100 святым отшельникам.. 81
§ 7. Бхадра и Ваджрапутра (Ваджрипутра), шестой и восьмой из Шестнадцати Великих Архатов 84
§ 8. Нагасена, двенадцатый из Шестнадцати Великих Архатов 86
§ 9. Канака Ватса, Канака Бхарадваджа, Калика и Аньгаджа, – второй, третий, седьмой и тринадцатый из Шестнадцати Великих Архатов 87
§ 10. Субинда (?), Гопака, Ванаваса и Аджита – четвертый, девятый, четырнадцатый и пятнадцатый из Шестнадцати Великих Архатов 88
§ 11. Шестнадцать старейших и величайших из 1250 учеников Будды, по начальному отрывку из Амитабха сутра (Сукхавати–вьюха) 92
§ 12. Маха–Кашьяпа, первый из Четырех Великих Шравака и Десяти Великих Учеников, а также первый Патриарх 92
§ 13. Архат Кундопадхания (Гунь–то–бат–тань), второй из Четырех Великих Шравака и один из 100 святых отшельников 94
§ 14. Группа Шестнадцати Архатов в Ламаизме 96
B. Шестнадцать и Восемнадцать Лохань в Китае 101
§ 15. Шестнадцать и Восемнадцать Лохань, вылепленные из глины и позолоченные в X в. 101
§ 16. Первые архаты, нарисованные китайскими монахами в эру Дай–ши (465–470) 104
§ 17. Два архата, нарисованных Чжан Сэнъю времен династии Лян (502–557) 104
§ 18. Картины Лу Лэнця с изображением Шестнадцати Лохань, написанные в середине VIII в. 105
§ 19. Шестнадцать или 18 Лохань, написанные между 880 и 894 гг. монахом школы Дхьяна Гуань–сю, получившим почетный титул Шэнь–Юэ Да–ши, «Великий Учитель, Луна в Медитации») 105
§ 19, A. Жизнь Гуань–хуэя и его работы 105
§ 19, B. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в Юн–тан–юань в горах к западу от Юй–чжан, современного Нань–чан–фу, столицы провинции Цзян–си (конец XI в.) 107
§ 19, C. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в Ин–мун Лохань–юань, или «Храме архатов, отвечающих во сне», в Си, городе и департаменте Хуэй–чжоу–фу на юго–востоке провинции Аньхуэй (1174–1190) 108
§ 19, D. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в зале Гуаньинь Фо–юнь–сы в Хуэй–цзи, нынешнее Чжао–син–фу в провинции Чжэ–цзян (1200) 109
§ 19, E. Шестнадцать Архатов Гуань–сю в Мин–инь–сы в Пекине (XVII в.) 109
§ 19, F. Два, или четыре архата, приписываемые Гуань–сю, принад-

лежавшие, как считают, к группе из 16–ти архатов в Гуан–сяо–сы в Кантоне (XVII и XVIII вв.) 109
§ 19, G. Подлинные картины Гуань–сю с изображениями Шестнадцати Архатов, виденные в 1757 году в Шэн–инь–сы у Западного Озера (провинция Чжэцзян) императором Гао Цзуном и восславленные им на отдельных листах бумаги, которые он поднес храму; по этим картинам в 1764 году были сделаны каменные изображения и шестнадцать картин, находящихся в коллекции Такахаси 110
§ 19, H. Восемнадцать Архатов Гуань–сю, которые прославленный поэт Су Дунпо увидел в 1101 г. в Бао–линь–сы у холмов Цин–юань в Гуан–чжоу–фу провинции Гуандун рядом с Кантоном, и написал их восхваление 114
§ 19, I. Восемнадцать Архатов Гуань–сю, виденных Хуэй–хуном в Цзин–дэ–сы в Линь–чуань, провинции Цзяньси, в конце XI в. 115
§ 19, J. Восемнадцать Архатов Гуань–сю, купленные в конце эры Шунь–чжи (1644–1661) Минь–чжун–сы в Пекине 115
§ 19, K. Что являлось подлинными картинами Гуан–сю? Вероятно, он никогда не писал серии восемнадцати Лохань 116
§ 20. Восемнадцать Великих Архатов, нарисованных Чжаном из Цзинь–шуй в конце династии Тан, по восхвалению Су Дунпо этих картин (конец XI в.) 119
§ 21. Картины Ли Лунмяня с 18–ю архатами, написанные до 1106 года и описанные Сун–лянем династии Мин 121
§ 22. Восхваление Шестнадцати Лохань (написанных неизвестным художником), составленное Хуан Тянцзянем, знаменитым поэтом, жившим 1050–1110 122
§ 23. "Восхваление вышитым фигурам Шакьямуни и Восемнадцати Архатов", написанное в 1115 году монахом Дэ–хуном 124
§ 24. Картины Шестнадцати Лохань, написанные различными художниками X и XI вв. 125
§ 25. Способы изображения 16, или 18 Лохань 126
§ 26. Четыре стиля изображения Лохань 127
§ 27. Пропагандирование культа Шестнадцати Великих Архатов школой Дхьяна 129
§ 28. Идея о Восемнадцати Лохань, возникшая в X веке и имена двух добавленных святых 130
§ 29. Восемнадцать Лохань в наши дни 131
C. ШЕСТНАДЦАТЬ И ВОСЕМНАДЦАТЬ РАКАН В ЯПОНИИ 138
§ 30. Цветные картины 18 архатов, приписываемые Гуань–сю и привезенные в Японию монахом Дзэн Сюнсё в 1211 г., все еще сохраняемые в

киотосском храме Кодайдзи школы Риндзай 138
§ 31. Другие китайские картины 16–ти и 18–ти архатов, или некоторых из них в Японии (в Сэйрёдзи, Хоккэкёдзи, Сёкокудзи, Сёходзи, Мёсиндзи, Рюко–ин), картины, приписываемые Янь Хуэю (начало династии Юань, конец XIII в.) (в Тёдзюдзи, Рэйундзи и, ранее, в Хосякудзи), а также в частных коллекциях 139
§ 32. Картины Шестнадцати Архатов, приписываемые Ли Лунмяню и преподнесенные в 1249 г. главному залу Киссёдзан Эйхэйдзи, центру подшколы Сото школы Дзэн (Дхьяна) в провинции Этидзэн 147
§ 33. Японские картины 16–ти Ракан в тэндайском храме Райкодзи у деревни Симо–Сакамото; ширмы Хорюдзи в Нара (XII в.) 148
§ 34. Изображения архатов, упоминаемые в японских хрониках XII в ... 149
§ 35. Японские картины 16–ти и 18–ти Ракан, написанные в первой четверти 13–го века (период Камакура) 150
§ 36. Деревянные изображения Шакьямуни и его Десяти Великих Учеников в Хо–ондзи, Киото, установленные в 1221 году; лакированные изображения и цветные картины тех же святых в Кофукудзи, Нара и в Дзэнриндзи, Киото 152
§ 37. Распространение культа архатов в период Камакура (1192–1333) 154
§ 38. Картины Шестнадцати Ракан в храме Риндзай Кэнниндзи в Киото, написанные буддийским монахом Рёсэном около 1340 г., или немного позже 155
§ 39. Картины Шестнадцати Ракан из храма Риндзай Эйнитидзан Тофукудзи в Киото, написанные в 1374 г. Минтё, т. е. Тё Дэнсу (1352–1431, период Асикага) 156
§ 40. Картины Шестнадцати Ракан в Кинрюдзи, Вакасиба, провинция Хитати (см. § 32), и в Сёмёдзи, в Канадзава, провинция Мусаси 157
§ 41. Архаты, связанные со снами в школах Риндзай и Сото в XIII и XIV вв. (период Камакура) 158
§ 42. Деревянные изображения архатов, помещаемые у входа в храмы, как защитники, и картины Шестнадцати Ракан, вывешивавшиеся на стенах храмов (XV в., период Асикага) 159
§ 43. Ветвь Обаку школы Дзэн, почитавшая Восемнадцать Архатов (XVII и XVIII вв.) 160
§ 44. Картины с изображением Шестнадцати Ракан, считающиеся национальными сокровищами 161
§ 45. Шестнадцать *Ракан* в *Буцудзо дзуи* (1690) 163
§ 46. Японские картины архатов, упоминаемые в *Кокка* и в Избранных Реликтах помимо тех, что упоминались в предыдущих параграфах ... 164
§ 47. Картины с изображением Ракан, описанные Андерсоном 167
ГЛАВА IV. ЛЕГЕНДЫ ОБ АРХАТАХ ИЗ *Тай–пин гуан–цзи* И ИЗ КИТАЙ-

СКИХ БИОГРАФИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О БУДДИЙСКИХ СВЯЩЕННИКАХ, НАПИСАННЫХ ВО ВРЕМЕНА ДИНАСТИЙ ЛЯН, ТАН И СУН 169
§ 1. *Тай–пин гуан–цзи* 169
§ 2. *Гао–сэн– чжуань*, или «Биографии выдающихся буддийских монахов» 171
§ 3. *Сюй Гао–сэн–чжуань*, или «Продолжение биографий выдающихся монахов» 172
§ 4. *Сун–гао–шэнь–чжуань*, или «Биографии выдающихся монахов, написанные (в конце) династии Сун» 174
§ 5. Цзин–дэ чжуань–дэн–лу, или «Записки о передаче лампы (Закона) вплоть до эры Цзин–дэ (1004–1007)» 176
§ 6. Фо–цзы тун–цзи, или «Общие записи о буддах и патриархах» 177
§ 7. Японский труд того же рода 177
ГЛАВА V. ЦЕРЕМОНИЯ, ИСПОЛНЯВШАЯСЯ ВЕТВЬЮ СОТО ШКОЛЫ ДЗЭН В ЧЕСТЬ ШЕСТНАДЦАТИ АРХАТОВ 179
§ 1. Книга школы Сото 179
§ 2. Порядок ритуалов 179
§ 3. Подготовительные манипуляции 180
§ 4. Очищение места церемонии и чтение «Текста разбрасывания цветов» 182
§ 5. Восхваление Четырех видов знания 182
§ 6. Чтение «Текста Возглашений» 182
§ 7. Чтение «Священного текста» 183
§ 8. Пение «Гатха общих ритуалов» 184
§ 9. Пение «Индийского гимна восхвалений» 184
§ 10. Пение «Гатха разбрасывания цветов» 185
§ 11. Пение “Гатха индийских звуков” 185
§ 12. Пение “Гатха хаккхара” 185
§ 13. Чтение “Текста церемонии” 187
§ 14. Чтение «Общей молитвы» 192
§ 15. Возглашение молитвы архатам 192
ГЛАВА VI. ВЫВОДЫ 193
§ 1. В Индии 193
§ 2. В Китае 195
§ 3. В Японии 199
Оглавление 203